

А. ШАХОВЪ.

# ВОЛЬТЕРЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

ЛЕКЦІИ

по

ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВѢКА,

ЧИТАННЫЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Съ портретомъ и факсимиле автора.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Тренке и Фюоно, Максимилиановскій пер., д. № 13.

1907.



*Ch. Marsh.*

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вслѣдъ за изданіемъ лекцій покойнаго Александра Александровича Шахова, читанныхъ имъ въ 1873—1874 <sup>1)</sup> и въ 1874—1875 гг. <sup>2)</sup> на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Москвѣ, предполагалось напечатать лекціи, которыя онъ прочелъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1876—1877 году; послѣднія, — такъ какъ онъ скончался 5 декабря 1877 года. Различныя причины задерживали до сихъ поръ исполненіе этого намѣренія; изъ нихъ для читателей имѣетъ значеніе — неполнота рукописи, найденной послѣ смерти автора.

Рукопись эта, написанная такъ же четко и ясно, какъ и оригиналъ первыхъ двухъ его курсовъ, кончается указаніемъ на дальнѣйшія лекціи, въ которыхъ авторъ думалъ рассмотреть „общественное значеніе“ ученія Руссо „о пагубѣ цивилизаціи“ <sup>3)</sup>. Изъ другаго мѣста предлагаемой книги <sup>4)</sup> видно, что въ лекціяхъ о Руссо Шаховъ предполагалъ „сопоставить историческое значеніе“ Вольтера и Руссо и „провести между ними психологическую параллель“. Сопоставленіе это, вѣроятно, завершило бы читанный имъ въ Университетѣ курсъ о „просвѣтительномъ движеніи“ XVIII вѣка во Франціи, подобно тому, какъ послѣдняя глава лекцій „Гёте и его время“, а именно: „Естественно-научные труды Гёте“, завершаетъ его курсъ по нѣмецкой литературѣ.

<sup>1)</sup> „Гёте и его время“. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка. 1-е изданіе 1891 г.; 3-е—1903 г.

<sup>2)</sup> „Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка“. Лекціи по исторіи французской литературы. 1-е изданіе—1893 г.; 3-е—1907 г.

<sup>3)</sup> См. ниже, стр. 319.

<sup>4)</sup> Стр. 247.

Не только этого сопоставленія нѣтъ въ оставшейся послѣ автора рукописи, но и то, что читатели найдутъ о Руссо въ главѣ XXI настоящей книги, представляетъ собою только начало ряда лекцій объ этомъ писателѣ, а именно—общую характеристику его личности и разборъ самыхъ первыхъ его произведеній. Несмотря на разныя справки у слушателей и слушательницъ Шахова, у товарищей его—профессоровъ, у близкихъ къ нему лицъ, намъ до сихъ поръ не удалось выяснить—дѣйствительно ли имъ, по болѣзни, прочтено было въ Университетѣ о Руссо *только* то, что нашлось въ упомянутой рукописи, или же продолженіе рукописи затеряно. Вотъ почему глава о Руссо въ настоящемъ изданіи помѣщена, какъ „*Приложеніе*“ къ разработанной и почти законченной части курса—о „Вольтерѣ и его времени“.

Параллельно съ университетскимъ курсомъ, Шаховъ читалъ въ томъ же учебномъ году эти лекціи и на Женскихъ Курсахъ В. И. Герье, но читалъ ихъ короче и, кажется, популярнѣе. На Курсахъ прочелъ онъ и то, что нами напечатано, по другой его рукописи, также въ „*Приложеніи*“ (главы XXII и XXIII), а именно: лекцію о масонахъ и двѣ лекціи о Бомарше и о Сіесѣ. Такимъ образомъ въ послѣдней лекціи онъ дошелъ вплоть до момента собранія Генеральныхъ Штатовъ въ 1789 году.

На Женскихъ Курсахъ Шаховъ говорилъ и о Руссо, но рукописей его по этимъ именно лекціямъ не нашлось, а рядъ попытокъ—отыскать записки слушательницъ, по которымъ можно было бы возстановить его чтенія,—тоже пока не привелъ ни къ чему. Поэтому издатели курсовъ А. А. Шахова обращаются ко всѣмъ слушавшимъ и знавшимъ его съ убѣдительною просьбой сообщить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія объ этихъ чтеніяхъ (о Руссо). Если бы нашлись записи этихъ именно лекцій, издатели просятъ прислать ихъ въ Типографію Тренке и Фюсно (С.-Петербургъ, Максимилиановскій пер., 13) съ надписью: „*По изданію лекцій А. А. Шахова*“.

Если удастся возстановить такимъ путемъ недостающую часть печатаемаго курса, то онъ и будетъ пополненъ при слѣдующемъ изданіи.—Все присланное будетъ аккуратно возвращено

Подобно прежнимъ изданіямъ, и настоящая книга напечатана съ оставшихся посмертныхъ рукописей—почти безъ всякихъ измѣненій или пропусковъ. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ напечатаны замѣтки, сдѣланныя Шаховымъ на поляхъ. Печатаемый курсъ не раздѣленъ самимъ авторомъ на отдѣльныя лекціи съ перечнемъ ихъ содержанія, какъ то сдѣлано имъ въ рукописяхъ первыхъ двухъ курсовъ. Поэтому, для удобства читателей, пришлось разбить его на главы, заголовки которыхъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взяты изъ подлинной рукописи.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ выразить нашу признательность профессору Н. А. Котляревскому за оказанное имъ содѣйствіе. Сопоставивъ чтенія Шахова о „Вольтерѣ и его времени“ съ главнѣйшими изслѣдованіями по этому вопросу, вышедшими за истекшее со смерти Шахова время, онъ пришелъ къ заключенію, что предлагаемыя лекціи не потеряли своего научнаго значенія. За литературныя же ихъ достоинства говорятъ имя ихъ автора.



## I.

### Просвѣтительная литература XVIII столѣтія.

Предметомъ моихъ чтеній будутъ произведенія французской литературы XVIII столѣтія. Я постараюсь рассмотреть происхожденіе, теоретическое развитіе и распространеніе въ обществѣ такъ называемаго просвѣтительнаго движенія, которое въ прошломъ вѣкѣ <sup>1)</sup> охватило Францію и разлилось оттуда съ большей или меньшей стремительностью по всѣмъ странамъ образованнаго міра.

На эту тему я попалъ не случайно, но избралъ ее, руководствуясь слѣдующими соображеніями. Для современнаго человѣка нѣтъ литературы, которая имѣла бы большій интересъ и большее значеніе, чѣмъ просвѣтительная литература XVIII столѣтія. Писатели XVIII вѣка опредѣлили общій характеръ нашихъ основныхъ воззрѣній, вывели фундаментъ нашего міросозерцанія, намѣтили тѣ главные пункты, на которыхъ сосредоточивается наше современное мышленіе. Знакомство съ ихъ произведеніями раскроетъ передъ нами генезисъ ново-европейскихъ понятій и освѣтитъ множество вопросовъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, постановленныхъ въ прошломъ вѣкѣ и доселѣ еще не сданныхъ въ архивъ исторіи. Не безъ основанія одинъ изъ историковъ назвалъ современную цивилизацію дочерью XVIII столѣтія. Съ прошедшимъ вѣкомъ мы тѣсно связаны нашими умственными интересами, дѣятельность великихъ писателей-вольнодумцевъ оставила глубокіе слѣды на воззрѣніяхъ человѣчества и завѣщала намъ общія правила и приемы для успѣшной работы надъ задачами просвѣщенія. Опираясь на массу новыхъ фактовъ, доставленныхъ позднѣйшей наукой и позднѣйшимъ историческимъ опытомъ, мы во многомъ можемъ не соглашаться съ ученіями прошлаго вѣка,

<sup>1)</sup> То-есть въ XVIII вѣкѣ. Напоминаемъ разъ навсегда, что предлагаемыя лекціи были читаны въ 1876—1877 году.

во многомъ мы отступаемъ отъ программы просвѣтителей: находимъ нѣкоторыя изъ ихъ гипотезъ ошибочными, усматриваемъ несостоятельность того или другого частнаго воззрѣнія, замѣчаемъ нерѣдко опрометчивость въ выводахъ. Но общій ихъ критическій методъ остается въ полной силѣ и продолжаетъ служить путеводной нитью для каждаго серьезнаго изслѣдователя.

Но, не только потому, что это время такъ родственно и близко намъ по своимъ задачамъ и стремленіямъ, что оно такъ полно вопросовъ, не утратившихъ для насъ значенія, не только поэтому оно привлекаетъ особенное вниманіе и внушаетъ особенный интересъ образованному человѣку. Въ прошедшемъ человѣчества есть періоды, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ замѣчательными произведеніями въ области отвлеченнаго умствованія; въ другіе моменты мы застаемъ особенное влеченіе къ вопросамъ морали; мы знаемъ также эпохи, когда общество преимущественно занимается задачами государственнаго быта и создаетъ литературу политическую; наконецъ бываетъ и такъ, что среди литературнаго и общественнаго затишья появляются два-три поучительныхъ трактата на какую-нибудь философскую, моральную, политическую или экономическую тему, — и больше ничего. Напротивъ, въ XVIII ст. интересъ охватываетъ всѣ области вѣдѣнія, вопросы поднимаются самые разнообразныя, надъ ними работаетъ цѣлая фаланга талантовъ, и въ литературѣ отражается разносторонняя, всеобъемлющая пытливость. Это время генеральной провѣрки всѣхъ итоговъ, критическаго разбора всего того, что было унаслѣдовано отъ старины. Сама эпоха требовала отъ писателей универсальности, энциклопедизма. Всѣ традиціи — философскія, церковныя, политическія, моральныя — были призваны къ суду разума и расцѣнены по новому критерию. Потому-то изученіе литературы XVIII столѣтія имѣетъ глубокое образовательное значеніе. Раскрывая богатое содержаніе просвѣтительныхъ сочиненій, оно сближаетъ насъ не съ какой-нибудь одной, отдѣльной областью, а съ совокупностью человѣческихъ интересовъ и такимъ образомъ расширяетъ наше міросозерпаніе. Въ произведеніяхъ, которыя мы будемъ разсматривать, дѣло идетъ не о какомъ-либо специальномъ вопросѣ, не о какой-нибудь частной проблемѣ, а объ существенныхъ задачахъ мысли, о дѣйствительно цѣнныхъ приобрѣтеніяхъ человѣчества во всѣхъ областяхъ знанія.

Въ продолженіе текущаго <sup>1)</sup> столѣтія французская литература XVIII вѣка была предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій, многихъ публицистическихъ сочиненій, многихъ споровъ и толкованій. Значеніе литературныхъ памятниковъ прошлаго столѣтія, ихъ достоинства и недостатки, степень теоретической состоятельности и практической приложимости началъ, выработанныхъ вольнодумцами, — всѣ эти вопросы занимали не однихъ людей науки: само общество увлекалось ими и принимало живое участіе въ преніяхъ, происходившихъ по поводу того или другого просвѣтителя. Этотъ общественный интересъ немало содѣйствовалъ успѣшной разработкѣ исторіи и литературы XVIII столѣтія. Среди оживленныхъ дебатовъ напечатаны груды сырого матеріала, собрано громадное количество мемуаровъ и писемъ, издано множество руководствъ и отдѣльныхъ монографій для изученія великой эпохи. Общій обзоръ этихъ работъ можетъ быть поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ познакомитъ васъ съ главными трудами по періоду, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію и поможетъ вамъ ориентироваться среди массы матеріаловъ, относящихся къ XVIII столѣтію. Во вторыхъ, онъ покажетъ вамъ, что разработка историческихъ вопросовъ стоитъ всегда въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ самихъ общественныхъ стремленій, что историческая наука, при выборѣ и даже при освѣщеніи своихъ задачъ, всегда болѣе или менѣе руководствуется интересами и потребностями современнаго ей общества. Въ каждый данный историческій моментъ жизнь ставитъ ту или другую задачу, общество увлечено тѣмъ или другимъ интересомъ, преслѣдуетъ ту или другую цѣль, бьется надъ рѣшеніемъ того или другого вопроса. Исслѣдователь испытываетъ на себѣ это вліяніе обстановки, подчиняется запросу общества и сообразуется, верѣдко помимо собственной воли, съ его потребностями. Смотри по тому, на какой темѣ сосредоточено общественное вниманіе, какіе вопросы занимаютъ общественную мысль, какія задачи указаны дѣйствительностью, историкъ выбираетъ изъ прошедшаго тотъ или другой рядъ фактовъ общественной жизни, выясняетъ ту или другую сторону минувшихъ событій.

Эпоха реставраціи особенно богата библиографическими и критическими трудами по литературной исторіи XVIII столѣтія. Мы знаемъ,

---

<sup>1)</sup> Разумѣется—XIX.



что господствующій общественный слой того времени былъ раздѣленъ на двѣ партіи, находившіяся въ постоянной взаимной борьбѣ. Съ одной стороны, родовая аристократія и духовенство отстаивали интересы стараго режима, міра феодально-католическаго, съ другой— буржуазія защищала свои новыя права, завоеванныя ею во время революціи. Въ одномъ лагерѣ толковали о возстановленіи сословныхъ привилегій, объ учрежденіи маіоратовъ, о возвращеніи церковныхъ и аристократическихъ имѣній ихъ прежнимъ владѣльцамъ, въ другомъ— твердили о благахъ всеобщаго равенства передъ закономъ, о пользѣ дробленія повемельной собственности, о великомъ значеніи промышленности и условіяхъ ея преуспѣянія. Феодалы и клерикалы нападали на революцію и распространяли свою неприязнь на всю литературу XVIII вѣка. Буржуазія, отражая нападки враждебной партіи, обращалась за оружіемъ къ той же литературѣ XVIII столѣтія, перечитывала Вольтера и энциклопедистовъ, и полемизировала съ противниками, опираясь на доводы вольнодумцевъ. Такимъ образомъ, литература XVIII вѣка привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе и становилась предметомъ ожесточенныхъ препирательствъ. Въ средѣ крупной и мелкой буржуазіи писатели XVIII вѣка день ото дня получали все большую и большую популярность; имъ воздавалось восторженное поклоненіе, и чѣмъ упорнѣе феодально-клерикальная партія отстаивала свои требованія, тѣмъ болѣе буржуазія укрѣплялась въ волтерьянствѣ, тѣмъ ревностнѣе защищала принципы XVIII вѣка. Духовенство начало въ посланіяхъ, проповѣдяхъ и своихъ газетахъ обличеніе вольнодумцевъ. Буржуазія съ своей стороны повела усердную пропаганду понятій XVIII столѣтія. Сочиненія писателей прошлаго вѣка постоянно перепечатывались въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Книгопродавцы, одинъ за другимъ, наперерывъ выпускали новыя изданія Вольтера, Руссо и другихъ просвѣтителей. Въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ громкую извѣстность своей издательской дѣятельностью нѣкто Туке, который далъ своему предпріятію самыя широкіе размѣры. Въ 1820 г. Туке объявилъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ пѣлыхъ четырехъ изданій Вольтера заразъ. Одно изданіе (на простой бумагѣ) предназначалось для чтенія низшихъ классовъ и называлось *Вольтеромъ хижинъ*; другое, болѣе опрятное и стоявшее дороже, значилось какъ *Вольтеръ мелкихъ собственниковъ*; третье стояло еще дороже и носило названіе: *Вольтеръ торговцевъ*; нако-

онецъ четвертое—*Вольтеръ крупныхъ собственниковъ*—отличалось особеннымъ изяществомъ и стоило около 300 франковъ. Изданія, заготовленные Туке, имѣли громадный успѣхъ и быстро раскупались публикой. Либеральные журналы постоянно расхваливали ихъ и рекомендовали своимъ читателямъ, а газеты консервативной партіи съ яростью нападали на издателя, изображали его развратителемъ нравовъ, вызвали къ правительству съ мольбами о запрещеніи зловердныхъ перепечатокъ, и своими горячими выходками только работали на руку Туке и помогали сбыту его книжнаго товара. Туке, какъ справедливо замѣчалъ одинъ изъ журналовъ, сталъ знаменитостью. Нападки противниковъ еще болѣе усиливали его рвеніе; онъ былъ неутомимъ въ перепечаткѣ и выпускалъ аккуратно каждое воскресенье по новому выпуску сочиненій Вольтера, каждый вторникъ—по книжкѣ Руссо. Одновременно съ нимъ множество другихъ книгопродавцовъ занялись изданіемъ писателей XVIII вѣка. Архіепископы и епископы писали громвыя посланія противъ книжной заразы, а общество съ жадностью бросалось на вновь оттиснутые томы Вольтера, Монтескье и Руссо. Наконецъ въ 1825 г. одинъ клерикальный журналъ составилъ статистическую таблицу пагубнымъ «философическимъ» книгамъ, выпущеннымъ въ свѣтъ съ 1817 по 1824 годъ. Изъ этой таблицы оказывалось, что въ означенный промежутокъ времени было напечатано болѣе полутора милліона томовъ Вольтера и около полумилліона томовъ Руссо... Этотъ интересъ общества къ писателямъ прошлаго вѣка выражался не только въ чтеніи ихъ произведеній. Печатались монографіи о томъ или о другомъ литераторѣ, поднимались спорные вопросы о томъ или другомъ сочиненіи, издавались воспоминанія, любопытные документы и корреспонденціи, касавшіяся XVIII вѣка. Публика привѣтствовала появленіе каждой біографіи, каждаго новыхъ мемуаровъ и зачитывалась книгой даже въ томъ случаѣ, если она не представляла особенно интересныхъ историческихъ данныхъ: довольно было уже того, что она касалась Вольтера или Руссо, что въ ней говорилось о философскомъ вѣкѣ,—успѣхъ ея былъ этимъ самымъ обезпеченъ.

Но рядомъ съ подобнымъ матеріаломъ печатались и другія, весьма цѣнныя данныя для литературной исторіи XVIII вѣка. Сверхъ книжекъ Туке, въ теченіе двадцатыхъ годовъ выходили въ свѣтъ тщательно просмотрѣнныя изданія французскихъ писателей прошлаго сто-

дѣтѣ, съ біографическими статьями, критическими примѣчаніями и вариантами. Во-первыхъ, я укажу на превосходное изданіе сочиненій Вольтера, предпринятое въ 1828 г. подъ редакцію *Бешо*, который ко всѣмъ многочисленнымъ твореніямъ Вольтера приобщилъ самый разносторонній комментарий. Изъ газетъ, журналовъ, брошюръ, сборниковъ, мемуаровъ и корреспонденцій XVIII и XIX вѣка онъ собралъ цѣлую массу историко-литературныхъ данныхъ, поясняющихъ дѣятельность Вольтера, его обстановку, его отношенія къ энциклопедистамъ, его связи съ другими современниками. Потому-то Бешо до сихъ поръ занимаетъ важное мѣсто въ ряду пособій по литературной исторіи XVIII столѣтія. Затѣмъ слѣдуетъ указать на труды *Мюссе-Пате*, подъ редакціей котораго были изданы сочиненія Руссо съ историческими примѣчаніями и объясненіями; тотъ же Мюссе-Пате написалъ въ 1821 г. біографію Руссо, доселѣ не утратившую значенія. Сочиненія Дидро были также прекрасно изданы съ примѣчаніями и указателемъ—*Бріеромъ* въ 1821 г.; къ нимъ присоединена была подробная біографическая статья о Дидро. Къ 1826 г. относится критическое изданіе трудовъ *Монтескье* подъ редакціей *Парреля*. Я указываю вамъ только на изданія главныхъ писателей XVIII вѣка, но должно замѣтить, что и сочиненія второстепенныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія были также въ теченіе двадцатыхъ годовъ старательно разобраны и объяснены. Къ этимъ изданіямъ, въ которыхъ были собраны не только всѣ извѣстныя и подлинныя сочиненія писателей, но и обширная ихъ переписка, слѣдуетъ присоединить воспоминанія и записки современниковъ о литературныхъ нравахъ XVIII столѣтія, о бытѣ философическихъ кружковъ, о той общественной средѣ, въ которой дѣйствовали вольнодумцы. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны воспоминанія аббата *Морелле*, изданныя въ 1821 г. и сообщающія интересныя подробности о парижской жизни во вторую половину XVIII вѣка, и получившіе большую извѣстность мемуары г-жи *д'Этинэ*, которые при всѣхъ своихъ недостаткахъ и ошибкахъ, представляютъ очень характерную картину французскаго общества. Но гораздо назидательнѣе для литературной исторіи XVIII вѣка другой памятникъ. Во вторую половину XVIII столѣтія, по порученію нѣсколькихъ нѣмецкихъ дворовъ, литераторъ Гриммъ велъ въ Парижѣ постоянную лѣтопись событіямъ, происходившимъ въ мірѣ литературномъ, художественномъ и даже политическомъ, и затѣмъ рассылалъ

листки этой хроники своимъ патронамъ. Не онъ одинъ составлялъ корреспонденцію: нѣкоторые отдѣлы въ ней вышли изъ-подъ пера Рэнала, другіе написаны Дидро; она представляетъ въ высшей степени интересные литературные анналы той эпохи, по ней можно слѣдить за перемѣнами въ самомъ общественномъ настроеніи, за ростомъ и направлениемъ философской пропаганды. Вотъ эта *Корреспонденція Гримма* и была издана въ 1829 г. въ первый разъ безъ пропусковъ и сокращеній. Теперь я не имѣю времени останавливаться на отдѣльныхъ монографіяхъ, относящихся къ XVIII вѣву и изданныхъ въ эпоху реставраціи; нѣкоторые изъ нихъ будутъ отмѣчены мною впоследствии, при изложеніи самой литературной исторіи, въ соответствующихъ имъ отдѣлахъ. Но я долженъ еще указать вамъ на одно общее сочиненіе, касающееся всей эпохи, именно на *Обзоръ французской литературы XVIII вѣка, Вилльмена*. Книга эта вышла изъ лекцій, читанныхъ Вилльменомъ въ Сорбоннѣ и привлекавшихъ въ то время, наравнѣ съ лекціями Гизо и Кузена, многочисленную публику. При всѣхъ слабыхъ своихъ сторонахъ, оно удобно, какъ общее обзорнѣе литературныхъ памятниковъ эпохи; кромѣ того, Вилльменъ, одинъ изъ первыхъ, обозначилъ вліяніе французскихъ просвѣтительныхъ ученій на литературу и учрежденія другихъ европейскихъ народовъ. Нѣкоторыя любопытныя сближенія к удачныя характеристики, набросанныя въ этомъ сочиненіи, до сихъ поръ не утратили интереса (напр. главы объ исторіографіи XVIII столѣтія).

Такимъ образомъ, въ эпоху реставраціи собранъ былъ и приведенъ въ порядокъ громадный матеріалъ для изученія XVIII вѣка и рассмотрѣно множество отдѣльныхъ вопросовъ, касавшихся литературной исторіи этой эпохи. Разработка частныхъ продолжалась и во время іюльской монархіи, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ и не съ тѣмъ рвеніемъ, какъ въ двадцатыхъ годахъ. Дѣло въ томъ, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ общественный интересъ къ великому столѣтію разума нѣсколько остылъ. Господствующіе классы успокоились, буржуазія была вообще довольна своимъ положеніемъ, наслаждалась пріобрѣтенными выгодами и стремилась ихъ за собой упрочить. Поворотъ въ этомъ настроеніи замѣтенъ послѣ 1848 г., и вотъ съ начала пятидесятихъ годовъ литература XVIII вѣка снова становится предметомъ общественныхъ препирательствъ. Но въ это время отношеніе господствующихъ классовъ (буржуазіи) къ прояв-

веденіямъ вольнодумцевъ отмѣчено инымъ характеромъ, чѣмъ въ двадцатыхъ годахъ. Прежніе поклонники XVIII вѣка, прежніе волтерьянцы и либералы обратились въ завзятыхъ консерваторовъ, въ ярыхъ противниковъ вольномыслія. Обстоятельства измѣнились. Буржуазія не могла бояться ни феодаловъ, ни церкви. Послѣдніе феодалы частью вымерли, частью разбрелись, частью втянуты были въ жизнь новоевропейскаго общества и подчинились ея требованіямъ. Притязанія церкви въ данную минуту не представляли опасности: ея организація была сильно потрясена іюльскимъ режимомъ. Между тѣмъ, въ революцію 1848 г. буржуазія возобновила знакомство съ пролетаріатомъ, услышала грозные голоса снизу и затрепетала. Когда возстаніе было, что называется, усмирено, началась жестокая реакція. Господствующіе классы, преисполненные страха передъ социализмомъ, каіялись теперь въ своемъ прежнемъ вольнодумствѣ, отрекались отъ волтерьянства, мирились съ католичествомъ, призывали на помощь церковь, видѣли въ религіи необходимую гарантію порядка... И вотъ, среди самой буржуазіи, начались нападки на литературу XVIII вѣка: эту литературу обвиняли въ развращеніи нравовъ, въ распространеніи невѣрія, въ подготовленіи анархіи. Появилось нѣсколько монографій, проникнутыхъ страшной ненавистью къ дѣламъ и понятіямъ XVIII вѣка. Такъ, въ 1854 г. вышла пресловутая книга *Николардо*, который поставилъ себѣ цѣлью изобразить Вольтера первостатейнымъ мошенникомъ и весь XVIII вѣкъ самой печальной эпохой въ исторіи человѣчества. Другой писатель— *Буненеръ* также написалъ тенденціозную исторію Вольтера, а въ одномъ романѣ («Конецъ столѣтія») представилъ XVIII вѣкъ, какъ вѣкое темное царство, куда не проникало ни одного свѣтлаго луча. Противъ такого рода фанатическихъ выходокъ и въ защиту философовъ XVIII вѣка выступили люди науки, нѣкоторые историки и публицисты, которые не могли же отречься отъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ прошлаго вѣка. Въ 1855 г. вышла въ свѣтъ блестящая, бойкая книга *Ланфре*: «Церковь и философы», которая до сихъ поръ имѣетъ значеніе, какъ весьма удачное изображеніе церковныхъ дѣлъ XVIII вѣка и какъ живописный очеркъ просвѣтительной литературы. Ея появленіе вызвало множество толковъ. Въ обществѣ завязывались горячіе споры по поводу какого-нибудь эпизода изъ XVIII столѣтія: дѣло Каласа или Лабарра, отмѣна

Нантскаго эдикта и ея послѣдствія—таковы были между прочимъ вопросы, сильно занимавшіе парижское общество въ 1855 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, господствующіе классы отдыхали понемногу отъ страха, страна успокоивалась, «дѣла» (т. е. промышленныя дѣла, коммерческія предпріятія) принимали благопріятный оборотъ,—и либеральныя замашки усилились. Духовенство, быстро окрѣпшее послѣ 1848 г., стало опять внушать опасенія. Такимъ образомъ мало по малу, съ конца пятидесятихъ годовъ писатели XVIII вѣка снова приобретаютъ популярность, привлекаютъ къ себѣ симпатіи, подвергаются серіозному изученію. *Берсо, С. Маркъ-Жирарденъ, Сентъ-Бѣвъ* пишутъ интересныя статьи о Вольтерѣ и другихъ вольнодумцахъ. Выходятъ въ свѣтъ новыя собранія писемъ, новыя монографіи и трактаты о дѣятеляхъ философскаго вѣка. Въ теченіе шестидесятихъ годовъ литературная исторія великаго столѣтія изучается весьма прилежно; разрабатывается множество отдѣльныхъ вопросовъ, составляются прекрасныя общіе обзоры эпохи. Между этими новѣйшими сочиненіями я обращаю ваше вниманіе на обстоятельную монографію *Денуареттера* о Вольтерѣ и французскомъ обществѣ XVIII в., въ которой критически разслѣдованъ и сгруппированъ весь обширный матеріалъ, касающійся жизни Вольтера, — и на труды *Штрекейзена-Мульту* по изданію новыхъ документовъ для характеристики Руссо. Какъ руководство при изученіи общественной и литературной исторіи Франціи въ прошломъ вѣкѣ, я рекомендую вамъ превосходное сочиненіе Тэна: *L'ancien régime*, появившееся въ концѣ 1875 г. Въ этой книгѣ Тэнъ, извѣстный своими прежними трудами по культурѣ и философіи, воспользовался всѣми данными, выработанными новѣйшей наукой и воспроизвелъ превосходную картину общественныхъ нравовъ и просвѣтительнаго движенія; по книгѣ Тэна вы познакомитесь съ почвой, со средой, въ которой развивалась литература прошлаго вѣка. Собственно для знакомства съ фактами литературы и съ жизнью писателей XVIII столѣтія я считаю нужнымъ указать вамъ на извѣстную исторію литературы XVIII столѣтія *Геттнера*, которая была переведена на русскій языкъ Пычковымъ; эта книга представляетъ очень хорошую компіляцію историко-литературныхъ данныхъ, добытыхъ французскими изслѣдователями и критиками...

Этотъ общій обзоръ работъ по литературной исторіи XVIII вѣка

далеко не полонъ, при изложеніи я буду дополнять его указаніями на отдѣльныя изслѣдованія и монографіи. Сегодня мнѣ хотѣлось обозначить только общее развитіе этихъ работъ въ связи съ новѣйшей исторіей самого французскаго общества. Вы видѣли, съ какимъ увлеченіемъ относилось само общество XIX вѣка къ твореніямъ прошедшаго столѣтія, съ какимъ участіемъ слѣдило оно за вопросами, касавшимися вѣка просвѣщенія. Этотъ интересъ общества къ литературѣ XVIII столѣтія свидѣтельствуетъ объ ея глубокомъ жизненномъ значеніи для современнаго человѣчества и вызываетъ самихъ изслѣдователей къ ея тщательному разсмотрѣнію.

Люди прошлаго вѣка называли свое время столѣтіемъ разума и просвѣщенія (*le siècle des lumières, de la raison; das Zeitalter der Aufklärung*), столѣтіемъ критики. Никогда до этихъ поръ не было столько увѣренности въ силахъ человѣческаго разума; никогда не было столько ненависти ко всему, что могло бы стѣснить его свободную дѣятельность. Въ средніе вѣка постоянно твердили о немощи человѣческаго мышленія, постоянно указывали на недостаточность и шаткость нашихъ сужденій. При рѣшеніи всѣхъ верховныхъ вопросовъ, успокаивались на традиціи, на постановленіяхъ церкви, на освященныхъ временемъ авторитетахъ. Булла папы, приговоръ епископа, свидѣтельства вульгаты, ссылка на какого-нибудь Отца церкви,—таковы доводы, на которые опирались, доказывая то или другое положеніе; эти доводы признавались вполне убѣдительными: только отчаянный еретикъ дерзалъ переступить за черту преданія и подвергался за это анаемѣ и лютой казни... Въ разгаръ XVIII столѣтія господствуютъ совершенно противоположныя возрѣнія. Не существуетъ вопроса, который былъ бы признанъ неподлежащимъ рациональному объясненію; нѣтъ такого положенія, которое было бы изъято отъ провѣрки разума. Нѣкогда всесильныя традиціи, ссылки на старинныя авторитеты теряютъ всякое значеніе. Прошедшее и настоящее,—то, что въ теченіе вѣковъ принималось безъ всякихъ сомнѣній и не допускало никакого обсужденія,—подвергнуто неумолимой критикѣ. Обо всемъ на свѣтѣ судятъ и рядятъ, обо всемъ «философствуютъ». «И въ другіе вѣка, говоритъ Токвилль, мы встрѣчаемъ мощныхъ и независимыхъ мыслителей, которые сбросили иго общепринятыхъ мнѣній, установленныхъ доктринъ, и въ

сторонѣ отъ міра стремятся къ истинѣ. Но это люди одинокіе, или же критика касается только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ чело-вѣческаго познанія: XVIII вѣкъ отличается въ исторіи чело-вѣчества именно тѣмъ, что эта смѣлая любознательность овладѣваетъ цѣлымъ поколѣніемъ и что одновременно она направлена на всѣ предметы чело-вѣческихъ вѣрованій: въ одно и то же время разрушаются осно-ванія, на которыхъ дотолѣ покоились науки, искусства, философія и политика»<sup>1)</sup>. Сознаніе, что все подлежитъ обсужденію, что все должно быть выяснено средствами одного разума, и составляетъ отличительную черту людей XVIII столѣтія.

Рамки моего курса не позволяютъ мнѣ слѣдить за постояннымъ развитіемъ этого критическаго отношенія въ окружающему (раціо-нализма), начиная съ его первыхъ зародышей еще въ средневѣковую эпоху. Средневѣковое міросозерцаніе постепенно расшатывалось и ослабѣвало. Медленно совершалось это распаденіе, по мѣрѣ того, какъ накоплялись знанія; по мѣрѣ того, какъ происходили открытія и изобрѣтенія и чело-вѣчество все болѣе и болѣе овладѣвало при-родой. Исторія этого движенія обнимаетъ цѣлые вѣка; вы найдете интересный очеркъ его въ книгѣ Лекки (*Исторія раціонализма*). Я начну изложеніе исторіи французской просвѣтительной литературы съ ближайшихъ, такъ сказать непосредственныхъ ея прецедентовъ, — съ тѣхъ явленій, которыя окончательно подготовили общество къ просвѣтительнымъ ученіямъ и отъ которыхъ ведутъ свою генеа-логію сами просвѣтители. Изучая эти прецеденты французской про-свѣтительной литературы, нужно имѣть въ виду два порядка фак-товъ, съ которыми связано литературное движеніе XVIII вѣка: во-первыхъ, французскую литературу конца XVII и начала XVIII столѣтія и во-вторыхъ вліяніе англійскихъ вольнодумцевъ.

## II.

Пьеръ Бэйль.

Конецъ XVII и начало XVIII вѣка во Франціи, т. е. царство-ваніе Людовика XIV, далеко не такая печальная и бесплодная въ интеллектуальномъ отношеніи эпоха, какъ принято ее изобра-

<sup>1)</sup> Tocqueville, IX. p. 2.



жать въ нѣкоторыхъ учебникахъ и даже въ нѣкоторыхъ капитальныхъ изслѣдованіяхъ. Въ очень многихъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ и англійскихъ историковъ послѣдняго времени эпоха Людовика XIV представляется періодомъ какого-то тяжкаго сна, какой-то умственной апатіи и полнаго общественнаго застоя. Повсюду они усматриваютъ пагубные слѣды деспотизма и мертвящіе результаты правительственной опеки, которая будто бы затоптала всѣ молодые всходы, придавила дѣятельность мыслителей, ученыхъ, литераторовъ и обратила Францію въ безотрадную пустыню. Затѣмъ, по мнѣнію этихъ самыхъ историковъ (во главѣ которыхъ стоитъ Бокль), въ 1715 г., со смертью Людовика XIV, Франція вдругъ оживаетъ, французскіе мыслители ѣдутъ въ Англію, привозятъ оттуда просвѣтительныя идеи и пересаживаютъ ихъ на свою родину, гдѣ онѣ тотчасъ же принимаются и растутъ съ неимоверной быстротой. Но подобное возрѣніе не можетъ выдержать строгой критики. Во-первыхъ оно противорѣчитъ основнымъ правиламъ исторической науки. Если-бъ время Людовика XIV было на самомъ дѣлѣ такъ бѣдно умственными интересами, если-бъ на самомъ дѣлѣ прекратились всякіе успѣхи въ знаніяхъ и даже серіозныя научныя занятія, то могла ли бы Франція вдругъ въ XVIII вѣкѣ, весьма скоро по смерти короля, ожить, расцвѣсть, сразу удариться въ философію, осѣдлать науку и занять въ умственномъ отношеніи первое мѣсто въ Европѣ? Возможно ли даже, чтобъ просвѣтительныя идеи, пересаженныя якобы изъ Англіи, внезапно были поняты, усвоены, развиты изнеможенной, одурманенной французской націей, возможно ли было бы французамъ заинтересоваться этими идеями? Такихъ рѣзкихъ перерывовъ и возрожденій исторія не знаетъ: всякое новое направленіе въ наукѣ подготавливается исподволь, связано съ прошедшимъ и въ свою очередь опредѣляетъ будущее. Безспорно, что степень цивилизаціи можетъ понижаться, что можетъ уменьшаться количество познаній въ обществѣ, что научная мысль можетъ глохнуть и уходить съ поверхности общества, но это дѣлается постепенно, вслѣдствіе продолжительнаго, постояннаго вліянія какихъ-нибудь неблагоприятныхъ условій, какъ было въ періодъ паденія античнаго міра. Внезапное уничтоженіе умственной дѣятельности и чудесное ея воскресеніе — факты, не подтверждаемые историческимъ опытомъ. Такимъ образомъ нельзя признать и факта интеллектуальнаго безплодія времени Людовика XIV.

сопоставивъ его съ умственнымъ оживленіемъ непосредственно слѣдовавшей за нимъ эпохи. Сверхъ того, картина, представленная Боклемъ, приводитъ къ выводу о непомѣрномъ значеніи, которое имѣлъ Людовикъ XIV съ своими личными свойствами на все теченіе умственной жизни во Франціи: вся цивилизація точно застыла моментально подъ его холодной деспотической рукой. Опять-таки въ исторіи мы не находимъ примѣровъ, чтобъ одно лицо по своему капризу создавало или разрушало цивилизацію: вся исторія создается обществами, а не отдѣльными лицами, взятыми врознь.

Во-вторыхъ воззрѣнія Бокля опровергаются фактами. Научныя занятія продолжались и въ царствованіе Людовика XIV и даже привлекали къ себѣ нѣкоторый интересъ со стороны общества <sup>1)</sup>. Не только разрабатывались отдѣльные вопросы знанія, но можно замѣтить успѣхи и въ самомъ философствованіи, въ самомъ методѣ изслѣдованія. Въ это время во Франціи приобрѣло громадную популярность картезіанство, которое при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣло большое образовательное значеніе и немало способствовало освобожденію мышленія изъ-подъ теологической опеки. Но сверхъ того стоятъ только вспомнить цѣлый рядъ независимыхъ и остроумныхъ писателей, находившихся въ большей или меньшей оппозиціи къ существовавшимъ порядкамъ и подготавливавшихъ общество къ просвѣтителному періоду. Первое мѣсто между этими писателями занимаетъ Бэйль. Къ той же переходной эпохѣ, къ тому же порубежному періоду, обнимающему послѣдніе годы XVII и первые годы XVIII вѣка, относятся аббатъ Сень-Пьеръ и Фонтенелль. Сначала остановимся на Бэйлѣ, котораго можно назвать прямымъ и непосредственнымъ предшественникомъ французскихъ свободныхъ мыслителей XVIII столѣтія. «Бэйль», пишетъ Фридрихъ Великій въ одномъ письмѣ къ Вольтеру, «началъ борьбу съ предрасудкомъ, за нимъ послѣдовало много англичанъ; ваше приваніе—окончить эту борьбу». Фридрихъ Великій совершенно вѣрно опредѣлилъ эти моменты исторической преемственности.

Пьеръ Бэйль родился въ 1647 году въ благочестивой семьѣ кальвинистовъ. Съ дѣтства почувствовалъ онъ сильную склонность къ умственнымъ занятіямъ, а въ девятнадцать лѣтъ вынесъ тяжкую

---

<sup>1)</sup> Littré, La science, p. 512.

болѣзнь, причиненную непомѣрнымъ чтеніемъ самыхъ разнообразныхъ книгъ. Съ особеннымъ интересомъ относился онъ къ религиознымъ преніямъ, которыя въ то время были сильно распространены во Франціи. Господствующая церковь во вторую половину XVII столѣтія принуждена была бороться съ враждебными ей могущественными ученіями, которыя день ото дня подрывали ея нравственное владычество надъ умами, ея кредитъ въ глазахъ населенія. Съ одной стороны, ей приходилось защищаться отъ возрастающаго вліянія протестантовъ, съ другой—предупреждать развитіе янсенизма. Для поддержанія своего авторитета она постоянно прибѣгала къ государственной власти: пускались въ ходъ насильственные мѣры, преслѣдовали янсенистовъ, обращали протестантовъ при посредствѣ пресловутыхъ военныхъ постоевъ (драгонады); но уже не то было время, чтобъ можно было искоренить распространявшіяся ереси и возвратить католической церкви ея прежнюю мощь и единство. Духъ непокорства господствовавшимъ традиціямъ и стремленіе къ независимому изслѣдованію, развивавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, настолько окрѣпли, что на зло всѣмъ преслѣдованіямъ, продолжали подтачивать старинныя вѣрованія и приобретали все болѣе и болѣе новыхъ послѣдователей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и религиозныя преслѣдованія стали вызывать въ обществѣ недовольство и протестаціи. Прошла та блаженная пора, когда можно было спокойно стирать съ лица земли злостныхъ еретиковъ; невозможно было вернуться къ вѣку Альбгойцевъ и Иннокентія III... Бэйль выросъ среди этой атмосферы религиозныхъ споровъ, преслѣдованій, протестацій. Въ Тулузѣ, гдѣ онъ оканчивалъ свое образованіе, онъ столкнулся съ нѣсколькими іезуитами, которые загоняли Бэйля діалектикой и убѣдили въ превосходствѣ католицизма. Бэйль, слѣдуя внушенію своихъ измѣнившихся убѣжденій, перешелъ въ католическую вѣру. Его обращеніе было глубоко искреннее, онъ сдѣлался ревностнымъ католикомъ и сталъ даже склонять своего брата къ принятію католицизма. До насъ сохранилось его письмо къ брату, въ которомъ онъ говоритъ о пагубныхъ религиозныхъ новшествахъ, о невозможности для отдѣльнаго лица, помимо католической церкви, достигнуть истиннаго религиознаго познанія, о гордости, упрямствѣ и непокорствѣ отклонившихся отъ единаго истиннаго ученія. Эта ревность въ Бэйлѣ вскорѣ остыла. Въ очень скоромъ времени къ нему вернулись со-

мнѣнія, и уже черезъ полтора года мы застаемъ его отрехшимся отъ католичества и возвратившимся къ кальвинизму. Послѣ этой внутренней борьбы религиозное одушевленіе Бэйля въ значительной степени ослабѣло. Онъ изучалъ сильныя и слабыя стороны обоихъ вѣроисповѣданій, освоился съ доводами какъ протестантскаго, такъ и католическаго вѣроученія и мало по малу вовсе пересталъ интересоваться хитростями догматики. Онъ все болѣе и болѣе становился на точку зрѣнія мыслителя, который одинаково свободно, спокойно и равнодушно относится ко всѣмъ положительнымъ религиознымъ системамъ и не признаетъ ни одного догмата изъятымъ отъ критическаго обсужденія. Бэйль усердно предается изученію философовъ, сближается со многими учеными того времени и запасается громадной эрудиціей. Съ 1675 года онъ занялъ кафедру философіи въ Седанѣ, а затѣмъ перешелъ на такую же кафедру въ Роттердамъ. Съ тѣхъ поръ Бэйль жилъ преимущественно въ Голландіи, гдѣ онъ и печаталъ свои ученые и литературные труды.

Первое его сочиненіе было написано по поводу кометы, напугавшей въ 1680 году жителей Франціи. На нее смотрѣли, какъ на предзнаменованіе великихъ бѣдствій, которое каждый толковалъ по своему: одни видѣли въ ней пророчество близкаго паденія Людовика XIV, другіе считали ее предвѣстницей новыхъ войнъ, протестанты усматривали въ ея появленіи угрозу Провидѣнія преслѣдователямъ-католикамъ, католики толковали ее, какъ предостереженіе еретикамъ-протестантамъ. По поводу этой кометы Бэйль и написалъ свои *Размысленія* <sup>1)</sup>. Онъ указывалъ на ложь и праздность всевозможныхъ символическихъ толкованій кометы и взявши суевѣріе исходнымъ пунктомъ своего трактата, перешелъ ко множеству другихъ вопросовъ, касавшихся значенія и общественной роли религиозныхъ мнѣній. Здѣсь между прочимъ, онъ доказывалъ гипотезу о возможности *государства атеистовъ*, гипотезу, которая вызвала въ то время и вызывала въ теченіе всего XVIII столѣтія множество препирательствъ. Бэйль утверждалъ, что атеисты въ моральномъ отношеніи никакъ не хуже людей вѣрующихъ, что государство атеистовъ можетъ спокойно существовать и совмѣщать въ себѣ множество добродѣтельныхъ членовъ. Въ такомъ государствѣ будутъ сохранены всѣ

<sup>1)</sup> Pensées diverses sur les comètes.

пружины и всё условія общежитія: будутъ точно также наказывать преступленія, будутъ существовать чувства чести и стыда, стимулы одобренія и порицанія; члены его могутъ быть вполне честны во взаимныхъ отношеніяхъ, строги въ соблюденіи взаимныхъ обязательствъ, великодушны, сострадательны и проч. Потому что поступки человѣка, говоритъ Бэйль, опредѣляются не какой-нибудь положительной религіозной системой, а съ одной стороны естественными влеченіями и страстями, съ другой—разумомъ, который всегда и останется верховнымъ регуляторомъ морали. Бэйль указываетъ на многихъ философовъ древности, на Эпикура, Диагора, Ксенократа, которые были свободны отъ всякихъ положительныхъ религіозныхъ вѣрованій и тѣмъ не менѣе, въ поведеніи своемъ, являлись образцами морали. Атеисты, говоритъ Бэйль, необходимо *должны* сообразоваться съ требованіями разума, съ законами логики, а потому они могутъ быть такъ же нравственны, какъ и вѣрующіе... Я привожу только мнѣніе Бэйля и не вхожу въ расцѣнку того, насколько оно истинно или ложно. Это не входитъ въ мою задачу. Историкъ указываетъ на появляющуюся доктрину и объясняетъ условія ея появленія. Въ данномъ случаѣ, гипотеза о нѣкоемъ возможномъ государствѣ безъ всякой положительной религіи характеристична для насъ, какъ признакъ времени. Появленіе такой теоріи предполагаетъ непременно равнодушіе къ положительнымъ религіознымъ ученіямъ: ихъ перестали считать необходимымъ условіемъ для существованія обществъ; мало того: поставили мораль независимо отъ положительныхъ вѣроученій, ее выводили изъ требованій нашего разума, а не изъ постановленій церкви.

Послѣ перваго литературнаго опыта о Кометахъ, Бэйль сталъ выпускать одно за другимъ сочиненія болѣе или менѣе полемическаго характера. Онъ сдѣлался проповѣдникомъ одной великой идеи, которая въ теченіе всего XVIII столѣтія была любимымъ мотивомъ просвѣтительной литературы—идеи *религіозной терпимости*. Сочиненіе, въ которомъ Бэйль съ наибольшей настойчивостью и ревностью провелъ свои воззрѣнія на вѣротерпимость, носитъ заглавіе: «Философическій комментарий на слова І. Христа: *убьди внити* (compelle intrare) или трактатъ о всемірной вѣротерпимости». Оно вышло въ 1686 году, слѣдовательно годъ спустя послѣ отмены Нантскаго эдикта. Я уже упоминалъ о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались протестанты во время царствованія Людовика XIV. Въ 1685 г. протестант-

скій культъ былъ безусловно запрещенъ во Франціи, всѣ пасторы изгнаны изъ Франціи подѣ страхомъ смертной казни, дѣтей протестантовъ приказано было воспитывать въ католицизмѣ, должностнымъ лицамъ—членамъ парламента, адвокатамъ—вмѣнено было въ обязанность принять католичество. Насильственные обращенія приняла еще болѣе широкіе размѣры. Католическое духовенство оправдывало свою дѣятельность по обращенію протестантовъ ссылками на блаженнаго Августина, который, какъ извѣстно, видѣлъ въ евангельскомъ текстѣ: *Убѣди енити* доказательство въ пользу насильственнаго обращенія еретиковъ. Противъ этой теоріи насильственнаго обращенія Бэйль и ополчился въ своемъ сочиненіи. Книга эта, дѣйствительно, написана мастерски: до мелочей разобрана вся аргументація Августина, предупреждены самыя хитрые доводы его послѣдователей, и все изложеніе отличается необыкновенной убѣдительною, искренностью и энергіей.

Бэйль исходитъ изъ того положенія, что буквальный смыслъ словъ: *убѣди енити* не согласенъ съ основными принципами нашего естественнаго познанія (*lumière naturelle*), а потому онъ долженъ. Вотъ какъ разъясняетъ онъ это положеніе. Существуютъ естественныя аксіомы, говоритъ Бэйль, надъ которыми не властенъ никакой текстъ, никакое постановленіе церкви,—такія аксіомы, какъ: цѣлое болѣе своей части; двѣ величины, равныя порознь третьей,—равны между собой; не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобъ дѣлали тебѣ; не нарушай своихъ обязательствъ и проч. Еслибъ намъ привели цѣлую сотню текстовъ противъ такого рода аксіомъ, еслибъ совершили тысячу чудесъ для того, чтобъ утвердить какое-нибудь ученіе, противорѣчащее этимъ аксіомамъ,—мы бы все-таки не могли отказаться отъ нашихъ естественныхъ понятій и не могли бы принять этого ученія. Ни чудеса, ни церковь, ни писаніе не въ силахъ сопротивляться основнымъ требованіямъ нашего разума. Значитъ слѣдуетъ признать, что нашъ естественный разумъ и есть тотъ верховный трибуналъ, который обсуждаетъ дѣло въ послѣдней инстанціи и безапелляционно. Поэтому, продолжаетъ Бэйль, нечего утверждать, что теологія—царица, а философія только ея служанка; сами теологи, на практикѣ, должны признать обратное, т. е. философію царицей, а теологію служанкой. Когда теологи говорятъ, что наше естественное познаніе обманываетъ насъ, что разумъ нашъ исполненъ заблужденій

и иллюзий, что слѣдуетъ держаться мнѣнія церкви, то этимъ самымъ они все-таки невольно признаютъ силу сужденія. Потому что тотъ, который предпочитаетъ своему собственному мнѣнію голосъ церкви, дѣлаетъ это предпочтеніе на основаніи умозаключенія; онъ формулируетъ себѣ это такъ: церковь имѣетъ болѣе средствъ къ познанію истины, чѣмъ я; слѣдовательно, ея мнѣніе заслуживаетъ болѣе вѣры, чѣмъ мое личное мнѣніе. Такимъ образомъ каждый вѣрующій человекъ все-таки прибѣгаетъ къ самостоятельному умозаключенію. Если онъ вѣритъ въ какое-нибудь откровеніе, то онъ дѣлаетъ это вслѣдствіе разсужденія, именно онъ находитъ, что доказательства въ пользу этого откровенія удовлетворительны, и потому принимаетъ его. Къ чему же можетъ привести сомнѣніе въ собственномъ разумѣ, какъ въ критеріумѣ ложномъ и ошибочномъ? Къ тому, говоритъ Бэйль, что придется сомнѣваться во всякомъ умозаключеніи, даже и въ томъ, которое сейчасъ было приведено: церковь имѣетъ болѣе средствъ къ познанію истины, чѣмъ я; слѣдовательно ея мнѣніе заслуживаетъ болѣе вѣры, чѣмъ мое личное мнѣніе. Такимъ образомъ ученія теологовъ о немощи и ошибочности нашего разумѣнія подкапываютъ ихъ самихъ, приводятъ въ результатъ къ страшному хаосу и невабѣжному пирронизму.

Итакъ, замѣчаетъ Бэйль, нашъ здравый смыслъ, наше естественное разумѣніе остается нашимъ верховнымъ критеріемъ во всѣхъ вопросахъ. Если какой-нибудь догматъ противорѣчитъ требованіямъ нашего пониманія, онъ ложенъ и не можетъ быть нами принятъ.

Отъ этого общаго разсужденія Бэйль переходитъ къ тексту: *Com-pelle intrare*. Буквальный смыслъ этого текста, говоритъ онъ, противорѣчитъ основнымъ принципамъ нашего разума; слѣдовательно, онъ ложенъ. Какіе же именно эти принципы, которымъ противорѣчитъ означенное изреченіе? Бэйль разсуждаетъ такъ. Сущность религіи, говоритъ онъ, заключается въ нашемъ сужденіи о божествѣ и въ тѣхъ чувствахъ уваженія, страха, любви, которыя мы къ нему питаемъ. Это внутреннее богопочитаніе выражается во внѣшнихъ знакахъ въ честь божества, въ колѣно преклоненіяхъ, жертвахъ и проч. Но, очевидно, что одни внѣшніе знаки у человека, который не имѣетъ внутренняго религіознаго расположенія, не составляютъ истиннаго религіознаго акта. Для того, чтобъ внушить человеку истинныя религіозныя представленія и чувства, слѣдуетъ произвести въ его

душѣ известное расположеніе относительно божества, сообщить его уму известныя понятія о божествѣ. Ни чувства ни понятія такого рода не могутъ быть созданы въ душѣ угрозами, темницами, штрафами, наказаніями и вообще принужденіемъ. Слѣдовательно, насильственное обращеніе ложно, буквальный смыслъ текста не состоятеленъ, и Христосъ разумѣлъ подъ нимъ не то, что ему приписываютъ Августинъ и его послѣдователи. Сущность религіозныхъ вѣрованій заключается въ известныхъ убѣжденіяхъ; убѣжденія не могутъ быть навязываемы силою; слѣдовательно, насильственное обращеніе къ известнымъ убѣжденіямъ есть дѣло, стоящее въ полномъ разрѣзѣ съ здравымъ смысломъ, съ нашимъ естественнымъ разумѣніемъ. — Бэйль переходитъ къ другимъ аргументамъ и находитъ, что тотъ же текстъ противорѣчитъ основнымъ моральнымъ понятіямъ, несогласенъ съ духомъ самого Евангелія, который вполне соответствуетъ этимъ моральнымъ понятіямъ, — что текстъ этотъ развязываетъ руки самому ужасному произволу и самой вопіющей несправедливости, потому что разрушаетъ, по отношенію къ еретикамъ, всякія моральныя обязательства. Бэйль очень подробно разсматриваетъ всѣ послѣдствія приложенія грознаго текста и неумолимаго ученія Августина. Онъ указываетъ и на то, что на основаніи подобнаго ученія еретики въ свою очередь находятъ въ полномъ правѣ употреблять насильственныя мѣры противъ христіанъ, что оно можетъ внести въ государство сѣмена страшныхъ раздоровъ, опустошительныхъ распрей и неурядицъ.

За всѣми выводами Бэйля я слѣдить не буду. Намъ важенъ собственно его исходный пунктъ, его общая точка зрѣнія. Вся аргументація построена, какъ вы видѣли, на сличеніи текста съ требованіями естественнаго разумѣнія. Постановленія церкви признаются подлежащими вполне свободной проверкѣ и не имѣющими, сами по себѣ, никакой обязательной силы и неприкосновенности. Въ результатѣ оказывается, что религіозная нетерпимость несогласна съ требованіями разума и приводитъ общество къ разрушенію.

Это ученіе о вѣротерпимости, которое во Франціи было подъято Бэйлемъ, которое въ Англіи уже съ половины XVII столѣтія возвѣщалось многими писателями, представляетъ поучительный признакъ времени. Уже самъ вопросъ о справедливомъ отношеніи къ еретикамъ могъ быть поставленъ только въ эпоху ослабленія рели-



гіозныхъ догматическихъ представленій. Въ цвѣтущій періодъ средневѣковой церкви никто не задумывался надъ этой вѣротерпимостью, никто не сомнѣвался въ пользѣ насильственнаго обращенія, а еще лучше — истребленія еретиковъ. Нетерпимость средневѣковой церкви совершенно послѣдовательно вытекала изъ всѣхъ средневѣковыхъ понятій, и нужно было коренное измѣненіе въ этихъ понятіяхъ, чтобъ посмотреть на дѣло съ точки зрѣнія Бэйля. Спасеніе человѣкъ можетъ только въ лонѣ единой истинной католической церкви — таково было общепризнанное ученіе въ средніе вѣка. Еретикъ, лицо отступавшее отъ постановленій церкви, выходившій изъ ея среды, считался величайшимъ преступникомъ. Его мнѣнія оскорбляли божество, приносили заразу въ благочестивое христіанское общество, распространяли дьявольскій смрадъ на все окружающее. Потому-то истребленіе еретиковъ съ точки зрѣнія католическихъ догматиковъ было совершенно логично и послѣдовательно. Они исходили изъ вѣрованія, что спасеніе пріобрѣтается въ одной только церкви, что еретики подрываютъ авторитетъ церкви и заражаютъ общество, слѣдовательно, мѣшаютъ дѣлу спасенія; отсюда — необходимость оградить христіанское общество отъ его враговъ. Рѣшеніе — истреблять враговъ, лишая ихъ возможности приносить вредъ — уже вполне послѣдовательно вытекало изъ предыдущаго: оно было построено на томъ мотивѣ, который во всѣ времена и у всѣхъ народовъ управляетъ какъ частной, такъ и общественной жизнью, на мотивѣ самосохраненія. Юстъ Липсіей, говорившій о еретикахъ: *Clementia non hic locus: ure, seca; ut membrum potius aliquod quam totum corpus intereat* <sup>1)</sup>, былъ совершенно правъ съ средневѣковой точки зрѣнія: лучше пусть погибнетъ одинъ зараженный членъ, чѣмъ все тѣло. Для того, чтобъ иначе, мягче, снисходительнѣе относиться къ еретикамъ нужно было перестать видѣть въ нихъ враговъ общества; а для этого нужно было усомниться въ вѣрованіи, что спасеніе пріобрѣтается въ одной только церкви, нужно было усомниться въ важности догматическихъ разногласій. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ ослабляется въ обществѣ интересъ къ догматическимъ представленіямъ, по мѣрѣ того какъ разрушаются средневѣковыя вѣрованія, истребленія еретиковъ становятся рѣже.

<sup>1)</sup> Милость здѣсь не у мѣста: жги, отсѣкай, чтобы лучше какой-либо изъ членовъ, чѣмъ все тѣло погибло.

Религія перестаєть быть господствующимъ началомъ; дѣло религіи начинаютъ отдѣлять отъ дѣлъ государства, государственные интересы нерѣдко становятся въ разрѣзъ съ религіозными. Это было невозможно въ средніе вѣка, когда все общество было тѣсно связано церковью, когда религіозныя вѣрованія были въ то же время государственными законами, когда религія властвовала надъ политикой.

Въ XVII столѣтіи все болѣе и болѣе распространяются такого рода мнѣнія: можно быть диссидентомъ, придерживаться иной религіи, чѣмъ государственная, и быть хорошимъ гражданиномъ; человекъ, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, можетъ быть полезнымъ членомъ общества; правительство не вмѣшивается въ религіозныя дѣла, если они не нарушаютъ общественнаго порядка. Въ сочиненіяхъ Локка о вѣротерпимости вы найдете, что авторъ постоянно говоритъ о томъ или другомъ обрядѣ, о томъ или другомъ догматѣ, какъ о предметахъ безразличныхъ для блага государства (*indifferent and trivial circumstance*, и т. п.). До такой степени измѣнились воззрѣнія: то, что въ средніе вѣка признавалось первостепеннымъ и существеннымъ для самого государства, ибо весь государственный строй опредѣлялся религіозными вѣрованіями, теперь становится ничтожнымъ, не стоящимъ особеннаго вниманія, вполне заслуживающимъ терпимость, наконецъ—дѣломъ частнаго человека, куда не вторгаются власти, а не вторгаются онѣ потому, что перестали придавать значеніе извѣстнымъ вѣрованіямъ, перестали считать необходимыми условіями общественнаго преуспѣянія. Вы видите изъ этого, что гоненія на еретиковъ постепенно ослабѣвали, отношенія къ различнымъ вѣроученіямъ смягчались, вѣротерпимость все болѣе и болѣе распространялась вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ въ обществѣ *религіознаго индифферентизма*. Вѣротерпимость и индифферентизмъ тѣсно связаны другъ и другъ друга обуславливаютъ. Это всегда очень хорошо понимали послѣдовательные ревнители вѣры, религіозные борцы и проповѣдники. Они прямо указывали на религіозный скептицизмъ и индифферентизмъ, какъ на источники вѣротерпимости. Одинъ изъ закоренѣлыхъ католиковъ XIX вѣка, де-Фаллу, совершенно вѣрно замѣтилъ: «религіозная терпимость была неизвѣстна въ эпохи вѣры, и чувство, которое выражено этимъ новымъ словомъ, можетъ быть отнесено къ добродѣтелямъ только въ вѣкъ сомнѣнія».

Что касается до насильственного обращенія еретиковъ къ правой вѣрѣ, противъ котораго такъ возстаетъ Бэйль, то и оно, съ точки зрѣнія глубоко вѣрующаго католика и средневѣковаго человѣка объяснялось весьма просто. Средневѣковая церковь смотрѣла на еретика не какъ на человѣка, выработавшаго себѣ противоположный церкви образъ мыслей, продумавшаго свои убѣжденія, отдавшаго себѣ полный и ясный отчетъ въ своихъ воззрѣнїяхъ, а какъ на заблуждающагося слабодушника, который увлеченъ въ ересь діаволомъ и держится своихъ заблужденій по грѣховному упрямству, закрывая глаза передъ свѣтомъ истины. Вѣрующему фанатику, который считалъ себя обладателемъ абсолютной истины, еретическое мнѣніе представлялось не какъ самостоятельно сложившееся, прочное, проверенное убѣжденіе, а какъ пагубный капризъ, какъ гибельная фантазія и лживое мечтаніе, навѣянное злымъ духомъ, но не имѣющее, да и не могущее имѣть опоры въ серіозномъ мышленіи. Потому-то противъ такого рода наводненій считалось совершенно естественнымъ употреблять насиліе: насильственными мѣрами хотѣли заставить человѣка бросить вредныя грезы, побуждали его прійти въ себя, одуматься, вернуться къ истинному разумѣнію. Увѣровать, принять истину, которая озаряетъ своими лучами каждого, казалось такимъ простымъ дѣломъ. Для того, чтобъ стать на точку зрѣнія Бэйля, нужно было *поставить религиозныя мнѣнія въ ряду и на равныхъ правахъ съ другими человѣческими воззрѣнїями* и понятїями; нужно было съ одной стороны снять ореолъ, лишить преимущественнаго значенія католицизмъ, съ другой—признать за ересями характеръ самостоятельныхъ доктринъ, которыя сложились не подъ вліяніемъ однихъ бѣсовскихъ наущеній, но естественно вытекли изъ стремленія разъяснить себѣ и отдать отчетъ въ извѣстныхъ вопросахъ.

Къ идеѣ о религиозной терпимости Бэйль постоянно возвращается въ своихъ сочиненїяхъ. Это та практическая задача, которую онъ разъясняетъ съ особенной ревностью, которую онъ неутомимо преслѣдуетъ въ теченіе всей своей жизни. Въ этомъ отношеніи, онъ—первый просвѣтитель, прямой предшественникъ Вольтера и энциклопедистовъ. По его стопамъ пошли позднѣйшіе вольнодумцы XVIII в. и продолжали проповѣдовать религиозную свободу. Впоследствии, мы увидимъ, чѣмъ они отличались отъ Бэйля въ своихъ приемахъ и въ

своей аргументаціи. Теперь слѣдуетъ перейти къ другому сочиненію Бэйля, имѣвшему также громадное вліяніе на послѣдующую литературу и также представляющему характеристическій памятникъ умственного состоянія конца XVII и начала XVIII вѣка, къ его *Словарю*.

*Историческій и критическій словарь* Бэйля вышелъ въ 1697 году и значительно отличается отъ его полемическихъ трактатовъ. Здѣсь онъ является не пламеннымъ проповѣдникомъ и глашатаемъ терпимости, не бойкимъ литераторомъ, разбирающимъ современные вопросы, а ученымъ критикомъ, вооруженнымъ громадною эрудиціей, который ставитъ себѣ задачей перебрать по ниткѣ, провѣрить до мелочныхъ деталей, разобрать досконально цѣлую гряду энциклопедическаго матеріала, массу философскихъ, теологическихъ и археологическихъ предразсудковъ и традицій, унаслѣдованныхъ отъ старины. Въ этомъ историческомъ и критическомъ словарѣ проявляется та всеобъемлющая пытливость, на которую я уже указывалъ, говоря объ общихъ чертахъ XVIII столѣтія,—та страсть къ критическому разбору, къ раскрытію заблужденій, которую мы найдемъ въ большей или меньшей степени у всѣхъ просвѣтителей. По первоначальному плану Бэйль хотѣлъ составить словарь, въ которомъ были бы собраны и обличены всѣ ошибки, погрѣшности, заблужденія и пробѣлы, встречающіеся въ другихъ сводныхъ энциклопедическихъ сочиненіяхъ. Это былъ бы пробный камень, говоритъ Бэйль, для всѣхъ прочихъ книгъ. Но онъ вскорѣ увидѣлъ, что такого рода трудъ не соответствуетъ вкусу публики, которая не могла бы удовольствоваться сухимъ перечнемъ и разборомъ всякихъ ошибокъ и погрѣшностей. Поэтому онъ измѣнилъ свой планъ и сталъ составлять словарь по другой программѣ. Онъ раздѣлил содержаніе на два отдѣла: въ отдѣлѣ историческомъ Бэйль приводилъ голые факты, касавшіеся жизни и сочиненій того или другого лица: въ отдѣлѣ критическомъ, который собственно играетъ главную роль въ словарѣ, онъ помѣстилъ обширныя примѣчанія и поясненія къ приведеннымъ фактамъ. Въ критическомъ отдѣлѣ разсматривается характеръ лицъ, приведенныхъ въ текстѣ, анализируются ихъ воззрѣнія, и по поводу того или другого факта совершаются самыя разнообразныя экскурсіи въ области теологіи, философіи или морали. При этомъ главной задачей Бэйля является разрушеніе сложившихся мнѣній, системъ и предразсудковъ. Увлеченный критической работой, онъ съ наслажде-

ніемъ раскрываетъ нелѣпость того или другого воззрѣнія, указываетъ на внутреннія противорѣчія въ той или другой теоріи, — и затѣмъ съ своей стороны не предлагаетъ положительнаго рѣшенія вопроса, который онъ разбираетъ; самъ онъ не воздвигаетъ новой теоріи и новой системы. Имъ овладѣлъ какой-то фанатизмъ критики, ему только и хочется, только и думается — открывать и разбивать заблужденія. Таковъ общій характеръ «Словаря». Въ немъ нечего искать какой-нибудь стройной и законченной системы воззрѣній, какой-нибудь определенной, установившейся философской доктрины. Это — критика, ломка отдѣльныхъ традицій, ученій и взглядовъ, — и какъ такая предварительная критическая работа, словарь Бэйля имѣлъ большое значеніе для позднѣйшихъ просвѣтителей. Онъ сдѣлался настольной книгой французскихъ вольнодумцевъ XVIII вѣка. Изъ него они постоянно черпали матеріалъ для своихъ критическихъ походовъ, тамъ они находили припасенное оружіе для борьбы съ средневѣковыми преданіями. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Словаря»<sup>1)</sup> уже чувствуются любимые критическіе приемы и маневры Вольтера...

Несмотря на то, что сочиненія Бэйля были по большей части запрещены во Франціи, они проникали во французское общество и распространялись въ разнообразныхъ кружкахъ. *Словарь* былъ въ особенномъ ходу и сдѣлался одной изъ любимыхъ книгъ образованныхъ людей того времени. Въ Парижѣ начала XVIII столѣтія мы застаемъ уже ревностныхъ *бэйлистовъ*, усердно читающихъ и при случаѣ пропагандирующихъ сочиненія остроумнаго критика. Но особенную популярность «Словарь» Бэйля приобрѣлъ во время регентства. Этотъ успѣхъ отмѣченъ, между прочимъ, датскимъ путешественникомъ Гольбергомъ, посѣтившимъ Парижъ въ 1716 году. Для того, чтобъ получить Бэйля въ публичной библіотекѣ, рассказываетъ Гольбергъ, нужно было забираться съ утра и врываться въ залу лишь только ее отворяли: знаменитый *Словарь* выдавали первому просителю. Затѣмъ, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, книга эта сдѣлалась даже предметомъ коммерческихъ операций: одинъ биржевой спекулянтъ, надѣясь поправить свои дѣла, выписалъ изъ Голландіи цѣлый транспортъ Бэйлева «Словаря» для того, чтобы выгодно сбыть его въ Парижъ<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Знаменитый article David.

<sup>2)</sup> Sainte-Beuve, Nouv. Lundis, t. IX (art. Mathieu Marais).

III.

Другіе предшественники вольнодумцевъ.

Къ одному поколѣнію съ Бэйлемъ принадлежалъ другой любопытный литераторъ, на сочиненіяхъ котораго также обозначается начало просвѣтительной эпохи, — это *аббатъ де-Сентъ-Пьеръ*. Ничего нельзя сказать, чтобъ это былъ очень даровитый писатель. Его многочисленныя сочиненія наполнены странностями, парадоксами, диковинными соображеніями, и обличаютъ нѣкоторую односторонность взглядовъ. Но при всемъ множествѣ недостатковъ и заблужденій аббата С.-Пьера, которыя вызывали улыбку на лицѣ самихъ современниковъ писателя, общее направленіе его дѣятельности заслуживаетъ вниманія: оно типично, какъ симптомъ времени, и стоитъ въ связи съ послѣдующимъ просвѣтительнымъ движеніемъ.

Аббатъ де-С.-Пьеръ, какъ всѣ его литературные сверстники, какъ всѣ писатели конца XVII и начала XVIII вѣка, выросъ и воспитался на картезіанствѣ. Онъ самъ указывалъ на образовательное значеніе системы Декарта, котораго онъ называлъ однимъ изъ величайшихъ людей въ исторіи. «До Декарта», пишетъ аббатъ С.-Пьеръ, «методъ демонстрацій, правильныхъ и послѣдовательныхъ дедукцій, существовалъ только въ одной геометріи. У насъ было множество ораторовъ и изящныхъ риторовъ; но не было основательныхъ, методическихъ мыслителей. Мы не могли отдѣлить истины отъ привычныхъ понятій, вынесенныхъ нами изъ воспитанія, — отъ предрасудковъ, усвоенныхъ съ дѣтства и отъ общепризнанныхъ мнѣній. Мы шли, какъ слѣпцы, опираясь одинъ на другого. Въмѣсто того, чтобъ подвигаться по прямой линіи, мы вращались въ одномъ и томъ же кругѣ, притомъ въ кругѣ очень узкомъ». Изъ этого печальнаго положенія Декартъ, по мнѣнію С.-Пьера, вывелъ человѣчество. Вы можете изъ этого видѣть, что главнымъ образомъ цѣнить аббатъ С.-Пьеръ въ картезіанствѣ: это — математическій методъ выводовъ и доказательствъ, приложенный къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ знанія. За этотъ методъ схватился аббатъ С.-Пьеръ, онъ видѣлъ въ немъ вѣрное средство къ открытію всякихъ истинъ. Правъ онъ былъ въ томъ отношеніи, что въ своихъ разсужденіяхъ отбрасывалъ всякія традиціи, всякіе предрасудки, всякія ходячія мнѣнія и дер-

жался строгаго послѣдовательнаго мышленія. Но ошибка аббата, какъ и многихъ другихъ мыслителей XVIII вѣка, заключалась въ томъ, что, увлекшись этикъ математическимъ методомъ, этой системой отвлеченныхъ выводовъ, онъ пренебрегалъ опытными данными, свысока смотрѣлъ на изслѣдованіе фактическаго матеріала, на наблюденія, и строилъ одинъ за другимъ свои проекты на основаніи чисто абстрактныхъ комбинацій, не имѣющихъ опоры въ дѣйствительности.

Вопросы, занимавшіе аббата де-С.-Пьера, были всѣ практическаго свойства, по большей части политическіе и экономическіе, и къ рѣшенію этихъ вопросовъ онъ прилагалъ свой методъ съ упрямствомъ односторонняго человѣка и съ ревностью глубоко убѣжденнаго мыслителя. Чисто философскія, литературныя или эстетическія задачи его не интересовали. Въ своихъ работахъ онъ постоянно руководствовался мотивомъ общественной пользы. То, что полезно для человѣчества, что можетъ содѣйствовать благосостоянію общества, вотъ на чемъ сосредоточены всѣ его помыслы. «Я болѣе занимаюсь политикою, чѣмъ моралью», пишетъ онъ, и потому что я убѣжденъ, что самыя незначительныя открытія, которыя я могу сдѣлать въ сферѣ политики, принесутъ гораздо болѣе пользы для человѣческаго счастья, чѣмъ самыя высокія умствованія, на какія я только способенъ,—въ области морали». Когда его принимали въ Академію, онъ изготовилъ обычную вступительную рѣчь въ продолженіе четырехъ часовъ, а извѣстно, что во Франціи, даже до сихъ поръ, рѣчь при вступленіи въ Академію считается очень важнымъ дѣломъ, надъ которымъ вновь избранные академики возятся цѣлые мѣсяцы. Но аббатъ де-С.-Пьеръ, несмотря на увѣщаніе друзей, не хотѣлъ исправлять и выглаживать свою рѣчь: «произведеніе такого рода», говорилъ онъ друзьямъ, «не заслуживаетъ, по отношенію къ той пользѣ, которую оно приноситъ государству, болѣе двухъ часовъ времени; я употребилъ цѣлыхъ четыре, и это съ моей стороны уже вполнѣ добросовѣстно». Любопытно также его отношеніе къ такъ называемымъ изящнымъ искусствамъ: живопись, скульптура, музыка, поэзія, театръ,—доказываютъ только, по его мнѣнію, существованіе великаго числа бездѣльниковъ. Такъ увлекался аббатъ де-С.-Пьеръ своей идеей непосредственной, прямой полезности. Идеей возможнаго большаго человѣческаго благосостоянія проникнуты всѣ его трактаты. Онъ былъ неутомимымъ ея проповѣдникомъ, писалъ, твердилъ объ ней въ салонахъ

и кружкахъ, заводилъ споры, съ готовностью выслушивалъ возраженія, относился при этомъ совершенно равнодушно къ насмѣшкамъ и колкостямъ. Этой идеѣ онъ подчинилъ всю свою дѣятельность: ею онъ жилъ, служеніе ей замѣняло для него всякія личныя привязанности и развлеченія. Въ своихъ сочиненіяхъ аббатъ С.-Пьеръ постоянно повторялся. Ему это однажды замѣтили. Онъ попросилъ указать примѣръ, и когда примѣръ былъ указанъ, С.-Пьеръ добродушно отвѣтилъ: «Вотъ видите, вы и запомнили; а если-бъ я это сказалъ только одинъ разъ, вы преспокойно забыли бы».

Дитя своего времени, увѣренный во всемогуществѣ разума, аббатъ де-С.-Пьеръ, подобно другимъ образованнымъ современникамъ своимъ, отрѣшился отъ всякаго вѣроисповѣднаго догматизма. Онъ всецѣло посвятилъ себя уясненію мірскихъ, земныхъ задачъ человѣчества, вопросамъ государственнымъ и общественнымъ, и видѣлъ въ религиозныхъ усобицахъ лишь помѣху политическому и матеріальному благосостоянію человѣчества. На религиозную нетерпимость онъ смотрѣлъ, какъ на общественную пагубу, которую правительство должно преслѣдовать и искоренять. «Какая польза въ этихъ спорахъ?» писалъ онъ. «Никакой. Потому что, если даже предположить, что въ толкованія догматовъ верались заблужденія, все-таки эти заблужденія не имѣютъ значенія для практической жизни. Напротивъ, ало, приносимое религиозными распрями, весьма существенно. Приверженцы обѣихъ партій обзываютъ другъ друга фанатиками и еретиками; подъ предлогомъ религіознаго рвенія они употребляютъ всѣ старанія для преслѣдованія своихъ враговъ и нерѣдко нарушаютъ открытой войной спокойствіе христіанскаго общества. Такимъ образомъ, теологическія пререканія порождаютъ нѣкую политическую болѣзнь, которая беспокоитъ общество и которую тѣмъ труднѣе излѣчить, что она питается народнымъ невѣжествомъ, т. е. суевѣріемъ». Къ крестовымъ походамъ С.-Пьеръ относится крайне враждебно и считаетъ ихъ плодомъ фанатическаго наступленія. По мнѣнію аббата, для водворенія и поддержанія спокойствія въ государствѣ, правительства должны просто принудить къ молчанію и тишинѣ враждующія религіозныя партіи... Вы видите, съ какимъ полнѣйшимъ индифферентизмомъ относится С.-Пьеръ къ спорнымъ пунктамъ различныхъ вѣроученій и, какъ на первомъ планѣ у него постоянно является интересъ государственный, который у него совершенно отдѣ-



ленъ отъ интереса вѣроисповѣднаго. Другія, общія религіозныя положенія аббата С.-Пьеръ защищаетъ, но уже съ новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія опять-таки государственной полезности. Такъ онъ ратуетъ за ученіе о безсмертіи душъ, но въ этомъ ученіи онъ настаиваетъ не столько на внутренней его истинѣ, сколько на его житейской цѣлесообразности. Онъ полагаетъ, что идея объ уничтоженіи человѣческаго духа будетъ въ высшей степени пагубна для общества, она лишитъ людей множества радостей и утѣшеній, она отниметъ у нихъ надежды на будущее блаженство, а слѣдовательно и на будущее возмездіе по дѣламъ. Вы видите, что не истина догмата сама по себѣ его интересуетъ, а его практическое приложение для общества. Опять-таки политическій и социальный интересъ на мѣсто религіознаго.

Какія же средства предлагаетъ С.-Пьеръ для развитія общественнаго благосостоянія? Я уже говорилъ, что свои политическія изслѣдованія этотъ писатель главнымъ образомъ основываетъ на дедукціяхъ, на общихъ отвлеченныхъ соображеніяхъ, не сообразуясь съ опытомъ, не вникая въ условія, необходимыя для реального осуществленія плана. Каждый вопросъ представляется для него изолированно; онъ разсматриваетъ его, какъ формулу, совершенно независимо отъ всѣхъ другихъ аналогическихъ задачъ, и выводитъ для нея категорическое рѣшеніе. Еслибъ аббатъ С.-Пьеръ обратилъ большее вниманіе на самыя условія существованія обществъ, на ихъ исторію, на различныя отправления общественнаго организма, онъ непременно замѣтилъ бы, какъ всѣ стороны общественной жизни тѣсно связавы между собой, какъ невозможно, или какъ бесполезно измѣнить одну часть, одинъ элементъ, не производя соотвѣтствующихъ измѣненій въ другихъ частяхъ. Знакомства съ совокупностью фактовъ общественной жизни, съ ихъ взаимными отношеніями, у него не было, и потому вышло то, что, при всѣхъ своихъ благихъ стремленіяхъ, онъ произвелъ только массу отдѣльныхъ проектовъ, которые въ высшей степени любопытны, какъ признакъ времени, но которые не имѣли, да и не могли имѣть, никакихъ практическихъ послѣдствій и никакого пракческаго значенія.

Неутомимый аббатъ писалъ проектъ за проектомъ. Такъ, въ грудѣ его сочиненій мы находимъ проектъ усовершенствованія монастырей, въ которомъ авторъ предлагаетъ сохранить только четыре

ордена монаховъ и монахинь и вѣнчить имъ въ обязанность заниматься воспитаніемъ юношества, уходомъ за больными и другими благотворительными дѣлами. Въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, монашество будетъ приносить несомнѣнную пользу для общества... Спора нѣтъ—все это очень благонамѣренно, но аббать С.-Пьеръ совершенно теряеть изъ виду то, что монашество, обращенное въ благотворительное учрежденіе и лишенное старинныхъ, чисто религіозныхъ особенностей, не будетъ болѣе связано съ церковью, перестанетъ быть монашествомъ и сдѣлается чисто мірскимъ, государственнымъ институтомъ. Но возможна ли такая реформа безъ радикальнаго преобразованія всѣхъ церковныхъ отношеній, экономическаго положенія церкви, безъ перетасовки и переборки всѣхъ интересовъ духовенства? И при чемъ же тутъ будутъ орденъ и обѣты? — Точно такъ же изолированно рѣшается другой проектъ — объ улучшеніи пріютовъ для нищихъ. Аббать С.-Пьеръ пренаивно предлагаетъ для этого новый источникъ доходовъ, а именно увеличить косвенный налогъ (на вино), т. е. другими словами ту подать, которая тяжелѣе всего ложится на низшее населеніе и составляетъ одну изъ причинъ нищеты. Подобныхъ проектовъ цѣлая куча; нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ своей мелочностью и наивностью. Такъ мы находимъ: проектъ для усовершенствованія медицины, проектъ для усовершенствованія торговли во Франціи, проектъ учрежденія публичныхъ лекцій по физикѣ (здѣсь говорится объ устройствѣ аудиторіи въ публичной библіотекѣ, о партахъ, столахъ, печкѣ для того, чтобъ слушатели могли грѣться и т. п.), проектъ исправленія зимнихъ путей (для этого, между прочимъ, рекомендуется учрежденіе особаго совѣта путей сообщенія при министрѣ торговли, съ многочисленными развѣтвленіями въ провинціяхъ), проектъ установленія государственныхъ историографовъ, изъ которыхъ каждый будетъ получать по двѣ тысячи жалованья, — способъ сдѣлать герцоговъ и перовъ полезными для государства, способъ сдѣлать полезными церковныя проповѣди, и проч., и проч. Какъ я уже скаталъ, всѣ эти куріозные проекты страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ. Авторъ, исходя изъ своихъ отвлеченныхъ соображеній, находитъ возможнымъ исправлять по кусочкамъ и по мелочамъ, т. е. ставить грубыя заплаты на истертомъ и проношенномъ платьѣ. Онъ не понимаетъ того, что такого рода частичныя, микроскопическія преобразованія въ различныхъ деталяхъ не могутъ имѣть никакихъ

серіозныхъ послѣдствій, потому что общія фундаментальныя условія государственной жизни остаются нетронутыми, а эти общія условія настолько сильны, что они, по прежнему, будутъ оказывать вліяніе на исправленныя мелочи и либо вовсе приводятъ ихъ въ прежнее положеніе, либо уничтожать ихъ новый, преобразовательный характеръ. Подобно тому, какъ опытный врачъ старается прежде всего измѣнить самыя условія болѣзни, а не залѣчивать наружныя прыщи и болячки, подобно тому, какъ онъ старается напр. возстановить питаніе, укрѣпить силы изнуреннаго организма, такъ и свѣдущій реформаторъ направляетъ свои усилія къ пресѣченію самыхъ условій, самаго корня общественнаго зла: онъ старается измѣнить тѣ общія, ненормальныя экономическія и юридическія отношенія, которыя стѣсняютъ и уродуютъ общество, и не тратитъ пороку на многочисленныя отдѣльныя, частныя послѣдствія этихъ условій.

Собственно прославился аббатъ С.-Пьеръ своимъ *Проектомъ вѣчнаго мира*, изданнымъ въ 1713 году. Сочиненіе это вызвано было пагубными слѣдствіями многочисленныхъ войнъ Людовика XIV и написано въ смыслѣ, прямо противоположномъ всей политикѣ великаго короля. На немъ особенно рельефно обнаруживаются характеристическія особенности аббата С.-Пьера. Благодушный аббатъ исполненъ самыхъ благородныхъ стремленій. Онъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ въ абсолютномъ вредѣ всякихъ войнъ для общественнаго благосостоянія и придумываетъ средство къ ихъ конечному уничтоженію. Съ этой цѣлью онъ пишетъ свой отвлеченный проектъ и ссылается при этомъ, для пріобрѣтенія большаго вѣса въ глазахъ публики, на короля Генриха IV, котораго дѣйствительно занимала одно время мысль о мирной федераціи европейскихъ государствъ. Главныя положенія этого проекта вѣчнаго мира таковы. Европейскіе государи заключаютъ между собой вѣчный союзъ съ цѣлью предупрежденія какъ международныхъ, такъ и гражданскихъ войнъ, съ цѣлью безопаснаго и спокойнаго владѣнія государствами, съ цѣлью охраненія своихъ династій, уменьшенія военныхъ издержекъ, содѣйствія торговлѣ и внутренняго совершенствованія государствъ. Государи соглашаются между собою въ томъ, что они строго будутъ соблюдать послѣдніе трактаты (именно Мюнстерскій) и что каждый изъ нихъ будетъ всегда владѣть тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ въ настоящее время. Союзныя государи навсегда отказываются, сами

за себя и за своихъ наследниковъ, разрѣшать возникающія недоразумѣнія путемъ войнъ; въ спорныхъ дѣлахъ стороны будутъ прибѣгать къ посредничеству другихъ союзныхъ державъ и будутъ сообразоваться съ приговоромъ, провознесеннымъ уполномоченными отъ всѣхъ государствъ. Если кто-либо изъ союзниковъ отказывается повиноваться приговорамъ и постановленіямъ великаго союза и обращается къ оружію, всѣ другіе члены союза вооружаются противъ него и будутъ дѣйствовать наступательно до тѣхъ поръ, пока означенный союзникъ не покорится общей волѣ и не подчинится общему рѣшенію... Такovy главныя черты проекта. Въ настоящее время почти всѣ даже сколько-нибудь серіозные политическіе писатели, притомъ самыя консервативныя (какъ напр. Молинари), не отрицаютъ возможности въ далекомъ будущемъ постоянныхъ мирныхъ отношеній между націями. Когда общества убѣдятся, что вмѣсто того, чтобъ воевать и лить кровь, гораздо выгоднѣе жить въ ладахъ и совокупными силами бороться съ природой, извлекать изъ нея возможно большее количество средствъ къ жизни,—весьма вѣроятно, прекратится эра ожесточенныхъ войнъ и образуется мирная федерація общественныхъ союзовъ. Федерация эта будетъ основана на взаимныхъ выгодахъ, на интересѣ, сознаннымъ если не всѣми, то большинствомъ ея членовъ. Но въ началѣ XVIII вѣка проектъ аббата С.-Пьера представляется неосуществимой химерой. Даже въ настоящее время (а ужъ подавно и въ XVIII вѣкѣ) ни въ международныхъ ни въ частныхъ отношеніяхъ нѣтъ почвы для прочныхъ мирныхъ сдѣлокъ. Народы до сихъ поръ способны поѣдать другъ друга не только во имя національности и славы, но даже и ради простого грабежа и самаго первобытнаго разбоя. Сознаніе солидарности человѣческихъ интересовъ весьма слабо и встрѣчается только у самаго незначительнаго меньшинства. Затѣмъ, въ области внутреннихъ государственныхъ отношеній происходитъ еще болѣе лютая борьба между общественными классами.

Но сверхъ всего этого проектъ аббата С.-Пьера въ высшей степени наивенъ уже потому, что онъ беретъ отправной точкой своего вѣчнаго мира трактаты XVII и начала XVIII вѣка — договоры въ Мюнстерѣ и Утрехтѣ, которые, какъ извѣстно, и въ то время еле держались, были бревномъ въ глазу почти у всѣхъ правительствъ и противорѣчили интересамъ очень многихъ державъ. Мало

того: еще любопытнѣе въ проектѣ благодушнаго аббата то, что онъ обрекаетъ всё общество на полную политическую неподвижность, закрѣпляя ихъ на вѣки-вѣчные за известными династіями и за известными конституціями, и отнимаетъ у обществъ всякую самостоятельную инициативу. Онъ совсѣмъ не видитъ того, что основныя формы общественнаго устройства подвергаются въ исторіи существеннымъ видоизмѣненіямъ и что нельзя соорудить на вѣчныя времена такой политической срубъ, который бы не сталъ тѣснѣе и неудовлетворителенъ для вновь развившихся потребностей и интересовъ. Припомните, что по его проекту союзные государи общими силами охраняютъ существующее общественное устройство и общими же силами предупреждаютъ или пресѣкаютъ внутреннія протестаціи въ своихъ владѣніяхъ. Значить, выходитъ, что, наперекоръ всякимъ новымъ потребностямъ, всякимъ новымъ стремленіямъ общественныхъ классовъ, должны быть сохранены во имя вѣчнаго мира старыя политическія формы, старый государственный строй. Съ такимъ категорическимъ рѣшеніемъ аббата С.-Пьера стоитъ въ полномъ разрѣзѣ вся историческая практика. Оно невозможно, да и не желательно.

Какъ бы то ни было, несмотря на всё многочисленныя заблужденія аббата С.-Пьера, въ его работахъ господствуетъ серьезное и глубоко искреннее стремленіе. Это одинъ изъ проповѣдниковъ гуманности и солидарности. Всё сочиненія его направлены къ рѣшенію практическихъ общественныхъ вопросовъ, всё они имѣютъ въ виду общественное благосостояніе. Наконецъ всюду проходитъ мысль, что одно изъ главныхъ средствъ къ достиженію этого благосостоянія—распространеніе въ обществѣ научныхъ знаній и просвѣщенія. Въ XVIII столѣтіи аббатъ С.-Пьеръ едва ли не первый сталъ развивать теорію умственнаго прогресса, эту теорію, которая впоследствии приобрѣла столь много жаркихъ послѣдователей и которая была такъ чужда всему духу средневѣковаго общества, постоянно твердившаго о человѣческихъ немощахъ и суетѣ жизни. Аббатъ твердо рассчитывалъ на успѣхъ знаній, на постепенное просвѣтленіе общества и ожидалъ отъ этого просвѣтленія самыхъ блестящихъ результатовъ. «Поэты», пишетъ С.-Пьеръ, «помѣщали золотой вѣкъ во время Сатурна и Реи; они вообразили вѣкъ, въ которомъ человѣчество жило въ справедливости, чистотѣ, согласіи, богатствѣ и полномъ счастіи; но они неправильно поставили этотъ вѣкъ первымъ и

древнѣйшимъ. Напротивъ того, старыя, первобытныя эпохи были вѣкомъ желѣза, т. е. вѣкомъ невѣжества, насилія и злодѣйствъ. За нимъ послѣдовалъ мѣдный вѣкъ, мы достигли вѣка серебрянаго. Скоро настанетъ и золотой!» Эпоха разума, по мнѣнію С. Пьера, только зачалась для человѣчества. Человѣчество пока еще въ состояніи ребячества, и только передовые люди перешли въ отрочество. Такъ аббатъ говорилъ, что во Франціи всѣ еще дѣти. Когда его старый пріятель Фонтенелль спрашивалъ: Сколько же лѣтъ вы мнѣ даете?—Вамъ десять лѣтъ, отвѣчалъ аббатъ своему старому другу.—Такъ появлялись слабыя зачатки ученія о прогрессѣ, о постоянной капитализаціи человѣческихъ знаній, о томъ наслѣдіи научныхъ данныхъ, которое передается отъ одного поколѣнія другому и постоянно увеличиваетъ силы человѣка въ его борьбѣ съ природой. Къ исторіи этого ученія я вернусь впоследствии, когда буду говорить о Тюрго.

Отъ аббата С. Пьера слѣдуетъ перейти къ его современнику и пріятелю *Фонтенеллю*, который также принадлежитъ переходной эпохѣ и связываетъ XVII столѣтіе съ вѣкомъ просвѣщенія. Отъ XVII столѣтія Фонтенелль прибрѣлъ наклонность къ риторикѣ, къ литературнымъ тонкостямъ, фигурамъ и украшеніямъ рѣчи. Но въ то же время его коснулось умственное движеніе, которое было возбуждено картезіанствомъ, подогрѣвалось постояннымъ накопленіемъ знаній и развитіемъ критицизма. Фонтенелль оказалъ немалую услугу популяризаціей во французскомъ обществѣ естествонаучныхъ свѣдѣній, выработанныхъ въ послѣднія столѣтія. Если припомнить, въ какой силѣ были во Франціи еще въ концѣ XVII столѣтія самыя грубыя суевѣрія, если припомнить, напр., полемику Бэйля противъ астрологическихъ толкованій, если припомнить наконецъ, что даже такая литературно образованная для того времени личность, какъ поэтъ Расинъ, была склонна къ признанію дикихъ нечѣпостей—заслуга Фонтенелля окажется немаловажной. Въ своей изящной, ясно написанной книгѣ *О множествѣ міровъ*, которая вышла въ 1686 г. и имѣла въ то время громадный успѣхъ, Фонтенелль игриво и занимательно изложилъ астрономическую систему Коперника и обставилъ ее соображеніями, которыя для тогдашняго общества были и новы, и пикантны. Геоцентрическое міросозерцаніе, которое ставило нашу планету центромъ вселенной, а человѣка считало вѣнцомъ творенія, на службу котораго сотворено все остальное и кругомъ котораго

ходятъ ходуномъ солнце и звѣзды, было остроумно осмѣяно и уничтожено. «Не угодно ли вамъ будетъ замѣтить», говоритъ Фонтенелль въ своемъ сочиненіи, обращаясь при этомъ къ маркизу, — «что всѣ мы созданы, какъ тотъ безумный аинянинъ, который вообразилъ себѣ, будто ему принадлежатъ всѣ корабли, приплывавшіе къ Пирейской гавани. Наше безуміе состоитъ въ убѣжденіи, что вся природа безъ исключенія предназначена для нашихъ нуждъ; и когда спрашиваютъ у нашихъ философовъ, къ чему существуетъ это изумительное множество звѣздъ, они вамъ холодно отвѣчаютъ, что звѣзды эти созданы для увеселенія нашихъ взоровъ». Такъ шутливо и общедоступно развивается изложеніе. Фонтенелль былъ постояннымъ секретаремъ Академіи наукъ; онъ, первый изъ секретарей, началъ писать по-французски; его предшественникъ еще писалъ по-латыни. Несмотря на свою холодность, на свое равноушіе къ общественному движенію (чѣмъ онъ рѣзко отличался отъ аббата С. Пьера), Фонтенелль не могъ, точно такъ же, какъ и С. Пьеръ, не замѣтить значительныхъ успѣховъ мысли въ свое время и распространенія образованности. Такъ же, какъ и С. Пьеръ, онъ приписывалъ ученію Декарта значительную долю въ развитіи просвѣщенія. Точный аналитическій методъ Декарта, по его мнѣнію, особенно содѣйствовалъ выработкѣ ясныхъ и правильныхъ сужденій въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія.

Таковы были французскіе писатели періода, непосредственно предшествовавшаго эпохѣ просвѣщенія; я могъ бы присоединить къ нимъ еще нѣсколько лицъ, развивавшихся въ томъ же направленіи и пролагавшихъ путь позднѣйшимъ вольнодумцамъ. Вы видите, что эти писатели болѣе или менѣе связаны съ картезіанскимъ движеніемъ и проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ Декарту. Самъ Бэйль очень высоко ставилъ методъ Декарта и признавалъ за нимъ большое образовательное значеніе. Писатели эти выросли на французской почвѣ, воспитались подъ французскими вліяніями и стояли независимо отъ англійскихъ вольнодумцевъ XVII вѣка. Бэйль, напр., вовсе не зналъ англійскаго языка, объ этомъ онъ нѣсколько разъ съ сожалѣніемъ упоминалъ въ своихъ письмахъ. Вы видите изъ этого, какъ неосновательно поступаютъ тѣ, которые ведутъ всѣ французскія просвѣтительныя идеи изъ Англій, считаютъ ихъ привознымъ продуктомъ, принявшимся и акклиматизировавшимся во Франціи. Они совершенно упускаютъ изъ вида чисто французскіе прецеденты просвѣщенія и

своей исключительной теоріей привозныхъ идей противорѣчать научному пониманію историческихъ явленій. Они совершенно оставляютъ безъ вниманія почву, воспринявшую эти идеи; условія, подготовившія ихъ пріемъ, и дѣятелей, самостоятельно работавшихъ въ томъ же направленіи... Но этимъ самымъ я не хочу умалить вовсе значеніе англійскихъ идей для французской литературы XVIII вѣка.

Мнѣ хотѣлось только показать, что далеко не все французское просвѣтительное движеніе можетъ быть объяснено изъ внѣшнихъ англійскихъ вліяній, что сверхъ этого вліянія были самостоятельные туземные прецеденты французскаго просвѣщенія, на которые необходимо долженъ обратить вниманіе историкъ культуры. Теперь, покончивъ съ этимъ первымъ рядомъ фактовъ, съ мѣстными французскими условіями просвѣщенія, перейдемъ ко второму—ко вліянію Англій.

Съ ученіями англійскихъ вольнодумцевъ мы встрѣтимся при характеристикѣ самихъ ученій французскихъ просвѣтителей. Теперь я ограничусь только общими указаніями на связи Франціи XVIII столѣтія съ Англійей и на признаки наплыва идей изъ-за моря. Въ теченіе всего XVIII вѣка, начиная приблизительно съ 20-хъ годовъ, Англія съ своими философами, учеными, литераторами, государственными дѣятелями и учрежденіями, привлекала особенное вниманіе и особенныя симпатіи со стороны французскихъ образованныхъ людей. Благодаря нѣкоторымъ условіямъ мѣстной исторической жизни (именно—благодаря меньшей ровни и меньшему антагонизму между общественными классами), въ Англіи идеи рачіонализма встрѣчали въ своемъ развитіи меньшее сопротивленіе со стороны властей предрержавшихъ и господствующихъ слоевъ. Вслѣдствіе этого произошло то, что эти рачіоналистическія ученія въ Англіи были раньше формулированы, раньше приведены въ систему, чѣмъ во Франціи. Въ то время, какъ во Франціи рачіонализмъ выражался въ рядѣ попытокъ, осторожныхъ начинаній, отрывочныхъ нападковъ то на ту, то на другую сторону господствовавшихъ понятій, въ Англіи XVII столѣтія и самого начала XVIII вѣка онъ обратился въ цѣлую систему, въ сложное ученіе, которое не ограничивалось фрагментарной критикой существующаго, а выработало опредѣленныя самостоятельныя отношенія ко всѣмъ главнымъ вопросамъ философіи, морали и политики. На этомъ поприщѣ дѣйствовали Локкъ, Толандъ, Коллинсъ и другіе мыслители, которыхъ уже въ самомъ началѣ XVIII столѣтія стали называть въ Англіи



вольнодумцами (free-thinkers). Сочиненія этихъ писателей и сдѣлались предметомъ изученія со стороны образованныхъ людей Франціи. Въ нихъ они находили опредѣленные формулы, схемы, программы для своихъ собственныхъ критическихъ стремленій, для своихъ собственныхъ замысловъ и сомнѣній. Въ книгахъ англійскихъ мыслителей начала раціонализма высказывались просто, прямо, безъ уловокъ. То, что во Франціи въ началѣ XVIII столѣтія бродило въ видѣ скептическихъ порывовъ, догадокъ, отдѣльныхъ остроумныхъ соображеній,— то самое по другую сторону Ламанша получило уже болѣе законченную, болѣе строгую форму системы и философскаго ученія. Къ этимъ англійскимъ теоріямъ и обращались французскіе просвѣтители въ первую половину XVIII вѣка, да и вообще образованные люди, — какъ къ схемамъ, формуламъ и терминамъ для выраженія собственныхъ стремленій... Сближеніе людей XVIII вѣка съ Англіей проявлялось во-первыхъ въ изученіи англійскихъ мыслителей и литераторовъ; во-вторыхъ въ путешествіяхъ въ Англію, которыя въ XVIII столѣтіи были въ большомъ ходу. Почти всѣ французскіе просвѣтители XVIII столѣтія отлично знали англійскій языкъ, а нѣкоторые изъ нихъ свободно на немъ писали. Большинство французскихъ просвѣтителей побывало въ самой Англіи, жило тамъ, присматривалось къ тамошнимъ порядкамъ, правамъ и учрежденіямъ. Ѣздить въ Англію сдѣлалось модой, которая проникала даже въ верхніе, аристократическіе кружки. Гдѣ вы были, спросилъ Людовикъ XV, увидавъ графа Лораге.—Я ѣздилъ въ Англію, Ваше Величество.—Что вы тамъ дѣлали?—Учился мыслить...

Таковы были общія отношенія французскаго просвѣщенія къ Англіи. Съ частностями и подробностями этихъ связей мы познакомимся при разборѣ отдѣльныхъ явленій французской просвѣтительной литературы. Нужно замѣтить, что вліяніе Англіи главнымъ образомъ обнаруживается въ первую половину столѣтія. Во вторую половину XVIII вѣка, какъ увидимъ впослѣдствіи, происходитъ уже обратное: французское просвѣтительное ученіе вполнѣ сложилось и въ свою очередь воздѣйствуетъ на англійскихъ писателей.

---

IV.

Вольтеръ.—Общая характеристика.

Въ Вольтерѣ полнѣе и ярче, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ изъ вольнодумцевъ, выразилась общественная мысль XVIII столѣтія. Вольтеръ—всѣми признанный вождь французскихъ просвѣтителей, ихъ самый талантливый и самый мощный представитель. Весьма часто отождествляютъ даже все рационалистическое движеніе XVIII столѣтія съ дѣятельностью Вольтера и обзываютъ все міросозерцаніе прошлаго вѣка, всѣ просвѣтительныя ученія, всѣ общественныя и литературныя стремленія того времени общимъ именемъ *вольтерьянства*. Такая кличка, въ приложеніи ко всему XVIII столѣтію, не точна. Какъ мы увидимъ впоследствии, въ литературѣ и обществѣ XVIII вѣка (особенно во вторую его половину) существовали интересы и понятія, надъ которыми Вольтеръ не останавливаетъ своего вниманія или которыя онъ толкуетъ несогласно съ возрѣніями своихъ образованныхъ современниковъ. Точно такъ же, во вторую половину столѣтія многіе изъ его собственныхъ учениковъ и послѣдователей опередили своего наставника, сдѣлались рѣзче, рѣшительнѣе въ своихъ выводахъ, а другіе отступили въ сторону и стали приверженцами Руссо. Но, какъ бы то ни было, вѣрно то, что изъ всѣхъ просвѣтителей наибольшая доля вліянія и популярности принадлежала Вольтеру, его дѣятельность оставила болѣе глубокіе слѣды и дала болѣе результатовъ, чѣмъ дѣятельность другихъ вольнодумцевъ. Поэтому, если подъ вольтерьянствомъ разумѣть не всю совокупность ученій XVIII вѣка, не всѣ развѣтвленія и побѣги просвѣтительныхъ теорій, а только господствующее, преобладающее, первенствующее направленіе, основной тонъ, общій колоритъ, существенный характеръ рационализма XVIII вѣка, то такое названіе можетъ быть принято и употребляемо.

Громадное значеніе Вольтера для XVIII столѣтія, вліяніе его на умы того времени, объясняется главнымъ образомъ изъ того обстоятельства, что, болѣе чѣмъ какой-либо другой писатель, онъ пришелъ по плечу своему вѣку,—болѣе чѣмъ какой-либо другой писатель, онъ былъ тѣсно связанъ съ обществомъ своими привычками, вкусами, интересами, образомъ жизни, своими природными качествами и недостатками. Это полная противоположность кабинетному писателю,

замкнувшемуся въ четырехъ стѣнахъ, который знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ житейской суеты и общественныхъ столкновений. Въ высшей степени социальная натура Вольтера не позволяла ему уединиться отъ міра сего, прервать связи съ окружающимъ и всецѣло отдаться отвлеченному умствованію. Онъ живетъ на людяхъ, возится то съ тѣмъ, то съ другимъ чисто практическимъ дѣломъ, входитъ въ сношенія съ самыми разнокалиберными и даже иногда съ двусмысленными, странными личностями, хлопочетъ, кипятится, спорить, ведетъ литературную полемику, затѣваетъ процессы, пристраиваетъ того или другого человѣчка, наставляетъ писателей, вразумляетъ актеровъ, производитъ опыты, рассылаетъ по нѣсколько десятковъ писемъ въ день, и при всемъ этомъ успѣваетъ пропастъ читать и писать сочиненія самаго разнообразнаго содержанія и самой разнообразной формы. Какъ мы увидимъ, въ его долгой жизни найдутся періоды, когда онъ болѣе сосредоточивается, меньше развлекается въ обществѣ, больше и пишетъ, и читаетъ, больше штудируетъ; но и въ это время онъ не разрываетъ связей съ внѣшнимъ міромъ, продолжаетъ интересоваться общественной жизнью, усердно переписывается съ друзьями и въ опредѣленные часы, въ минуты отдохновенія, готовъ принимать пріятелей, спорить, острить, толковать о всякой всячинѣ. Вся жизнь Вольтера наполнена самой разнообразной лихорадочной дѣятельностью, которая была даже причиной частыхъ болѣзней: «я гибокъ, какъ угорь», пишетъ онъ, «подвиженъ, какъ ящерица, и всегда за работой, какъ бѣлка». Можно сказать, что онъ жилъ въ одну ногу съ своимъ вѣкомъ, переживалъ самъ интересы современныхъ поколѣній, или, какъ говорятъ нѣмцы, продѣлывалъ на себѣ XVIII столѣтіе. Никто лучше его не зналъ французской публики, никто не стоялъ къ ней ближе, не умѣлъ лучше на нее подѣйствовать. Онъ былъ великимъ литераторомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ умѣлъ осмыслить, объяснить, разобрать съ изумительной ясностью, простотой и убѣдительностью то, что смутно бродило въ умахъ современниковъ, что носилось для нихъ въ неопредѣленныхъ, блѣдныхъ образахъ, что ими не было сличено, провѣрено, сопоставлено, но что возбуждало уже ихъ вниманіе и любопытство. Самую серьезную, самую отвлеченную тему онъ умѣлъ изложить ясно, просто, общепонятно, и на такомъ гладкомъ и изящномъ языкѣ, какимъ не владѣлъ ни одинъ литераторъ, ни до, ни послѣ него. Отсюда понятно

общественное значеніе его произведеній, его страшное вліяніе на современниковъ. Потому-то враги просвѣтительныхъ ученій, обскуранты времени реакціи и реставраціи, поборники тѣхъ традицій, которыя были разбиты XVIII столѣтіемъ, обращали всю свою злобу преимущественно на Вольтера. Они чувствовали, что на его долю выпала главная роль въ борьбѣ просвѣщенія съ предрасудкомъ, въ немъ они видѣли главнаго своего противника и напустились на него съ особеннымъ ожесточеніемъ. «Много сдѣлалъ намъ вреда этотъ человекъ», восклицаетъ Жозефъ де-Местръ. «Парижъ увѣнчалъ его, Содомъ изгналъ бы его. Безстыдный осквернитель всемірнаго языка и величайшихъ именъ, которыя его прославили,— послѣдній изъ людей послѣ тѣхъ, которые его любятъ! Могу ли я изобразить вамъ тѣ ощущенія, которыя производитъ во мнѣ память о Вольтерѣ? Когда я вижу, что онъ могъ бы сдѣлать и что онъ сдѣлалъ, тогда его неподражаемыя дарованія возбуждаютъ во мнѣ нѣкую священную ярость, которая не имѣетъ названія. Колеблясь между удивленіемъ и ужасомъ, я иногда хотѣлъ бы воздвигнуть ему статую—рукою палача!» Подобное озлобленіе противъ Вольтера можно встрѣтить во множествѣ католическихъ и вообще клерикальныхъ сочиненій XIX вѣка. Отчасти оно можетъ служить мѣриломъ для историческаго значенія великаго писателя.

Но не одни клерикалы исполнены ненависти къ Вольтеру; къ нему относятся болѣе или менѣе враждебно всѣ приверженцы традиціи, всѣ защитники *statu quo*, всѣ охранители историческихъ порядковъ. Всѣмъ имъ не по себѣ отъ этого бойкаго неудержимаго критицизма, отъ этого остраго, пронзительнаго анализа, отъ этого постояннаго стремленія все на свѣтѣ обсудить, провѣрить, разобрать, вывести на свѣжую воду... Кто-то сказалъ (чуть ли не Арнольдъ Руге), что въ смѣхѣ, въ остроуміи, очень много революціоннаго,— и это особенно вѣрно относительно смѣха Вольтера. Недаромъ де-Местръ ужасался, совершая бѣсъ Вольтера, его сжатые, улыбающіяся губы, которыя, кажется, вотъ-вотъ сейчасъ метнутъ сарказмъ или мятежную хулу. Не одну вѣковую традицію положилъ въ прахъ злой смѣхъ Вольтера.

У великаго писателя есть еще другіе недоброжелатели. За консерваторами разныхъ оттѣнковъ слѣдуютъ романтическіе поэты, которымъ также приходится жутко отъ страшной улыбки этого разумника.

Они знаютъ, что Вольтеръ не пощадилъ бы ихъ иллюзіи, что его не проведешь лирическими тирадами, что его сужденія не подкупишь звучной рѣмой, поэтическимъ образомъ или музыкальною трелью. Викторъ Гюго осмѣливается назвать Вольтера «*ce singe de génie*», а Мюссе опять говорить о страшной улыбкѣ, объ «*hideux sourire*». Призрака и тѣни въ романтическихъ балладахъ не выносятъ дневного свѣта: такъ и фантастическое творчество романтиковъ парализуется передъ ясною мыслью, передъ искрящимся остроуміемъ Вольтера.

Наконецъ, въ многочисленной фалангѣ недоброжелателей Вольтера можно встрѣтиться съ нѣкоторыми почтенными лицами, которыя представляютъ на ваше усмотрѣніе слѣдующіе доводы: Вольтеръ, говорятъ они, только критикъ, только разрушитель. Роль его была чисто негативная: онъ не былъ способенъ на созиданіе, на творчество, что далъ онъ взамѣнъ, что поставилъ онъ на мѣсто того, что имъ было разрушено? Подобныя рѣчи можно особенно часто слышать отъ систематиковъ и доктринеровъ. Замѣтите, напр., что Контъ въ своемъ календарѣ великихъ людей (различныхъ ученыхъ, политиковъ, поэтовъ и вообще замѣчательныхъ дѣятелей), даетъ Вольтеру второстепенное мѣсто въ ряду драматическихъ поэтовъ и вовсе выключаетъ его изъ числа мыслителей или крупныхъ цивилизаторовъ человѣчества. Первые мѣста заняты у него такими лицами, какъ Декартъ, Аристотель, Архимедъ, Фридрихъ Великій. Я бы вамъ не указалъ на эту мелочь, не упомянулъ бы и объ самомъ календарѣ Контскихъ святыхъ, который, какъ извѣстно, составленъ былъ главой позитивизма въ періодъ его умственного упадка, еслибъ этотъ фактъ не стоялъ въ связи съ однимъ изъ основныхъ воззрѣній Конта. *„Одна критика (по его мнѣнію) не можетъ заслуживать большого уваженія“*... Въ самомъ дѣлѣ, что же намъ отвѣтить этимъ разсудительнымъ людямъ, которые свысока относятся къ критику и требуютъ, чтобъ мыслитель и дѣятель непремѣнно ставилъ нѣчто новое на мѣсто имъ разрушеннаго?— Вольтеръ самъ за себя отвѣтилъ въ одномъ изъ самыхъ горячихъ и злыхъ своихъ памфлетовъ противъ господствующаго предрасудка: «Что поставимъ мы на мѣсто этихъ традицій, говорите вы мнѣ. Какъ! Лютый звѣрь сосетъ кровь моихъ ближнихъ, я убѣждаю васъ убить звѣра, а вы спрашиваете меня, что поставить на его мѣсто? Вы смѣете у меня это спрашивать!»— Разрушать ложь и нелѣпость—

такое же положительное дѣло, какъ и открывать истину; да не то же ли самое это, и не покоятся ли всѣ возраженія доктринеровъ на простомъ недоразумѣніи?..

Вы видите, сколько враговъ у Вольтера. У него не меньше и поклонниковъ. Горячіе споры о Вольтерѣ, многочисленныя анафемы съ одной стороны, фиміамы съ другой — свидѣтельствуютъ о его громадномъ значеніи для исторіи человѣчества.

Франсуа-Мари Аруэ родился въ 1694 году. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался юношей, онъ присоединилъ къ своей фамиліи придатокъ *де-Вольтеръ*, и затѣмъ сталъ употреблять этотъ придатокъ вмѣсто всей фамиліи. Въ этомъ новомъ имени одни видятъ анаграмму прежней фамиліи (Arouet l. j., т. е. le jeune), другіе считаютъ его названіемъ одного мелкаго участка, принадлежавшаго матери Вольтера. «Ученые» люди несогласны между собою въ томъ, родился ли великій писатель въ самомъ Парижѣ или въ двухъ шагахъ отъ Парижа — въ мѣстечкѣ Шатене. Научнаго значенія подобный вопросъ имѣть не можетъ, и заниматься имъ способны только жрецы празднои эрудиціи. Знаемъ мы то, что Вольтеръ выросъ и воспитался въ Парижѣ, гдѣ его отецъ занималъ мѣсто нотаріуса. Отецъ Вольтера принадлежалъ къ очень зажиточной буржуазіи того времени, имѣлъ постоянныя дѣла съ тогдашней аристократіей, былъ повѣреннымъ и стряпчимъ многихъ знатныхъ баръ,— и всѣ эти обстоятельства облегчили впослѣдствіи сыну его доступъ въ высшее общество. Разумѣется, аристократическіе тузы того времени не забывали, кто такое они, и кто такое этотъ новый чловѣкъ безъ исторіи, безъ вереницы славныхъ предковъ въ прошедшемъ. Герцогъ С. Симонъ, одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ бояръ того времени, оставившій намъ такіе блестящіе и поучительные мемуары о своемъ вѣкѣ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывался о Вольтерѣ даже тогда, когда онъ началъ пріобрѣтать извѣстность на литературномъ поприщѣ. «Аруэ» — писалъ С. Симонъ — «сынъ того нотаріуса, который велъ и мои дѣла, и дѣла моего отца». Нѣсколько позже онъ замѣчалъ въ своихъ мемуарахъ: «Вольтеръ — своего рода *особа* въ извѣстномъ мірѣ»... Но несмотря на такого рода спѣсъ, аристократія все-таки должна была почувствовать, что время это уже далеко не было благопріятно сословнымъ гравямъ и общественнымъ перегородкамъ. Волей-неволей, скрѣпя сердце, приходилось всту-

пять въ сдѣлки съ этой новой породой людей, которая годъ отъ году получала все большее и большее общественное значеніе и показывала свою интеллектуальную и экономическую мощь представителямъ стараго дворянства. Не такъ то легки были эти сдѣлки; разладъ между общественными группами выходилъ наружу, новые люди шли въ гору, хотѣли правъ, становилась все требовательнѣе и требовательнѣе. То и дѣло происходили жестокія столкновенія.

Все общественное воспитаніе и образованіе находилось тогда въ рукахъ іезуитовъ, другихъ орденовъ и вообще церковнаго вѣдомства. Именно въ іезуитскихъ коллегіяхъ получило образованіе очень значительное число просвѣтителей XVIII вѣка. Нельзя сказать, что образованіе въ этихъ училищахъ отличалось богословскимъ характеромъ: на первомъ планѣ были латынь и словесность, т. е. ораторское искусство, стихотворство, риторика, стилистика. Такое образованіе получилъ и Вольтеръ: изъ школы онъ могъ вынести самыя поверхностныя свѣдѣнія по математикѣ, физикѣ, исторіи, но зато былъ вышколенъ по части изложенія, слога, литературной формы<sup>1)</sup>.

Разсказываютъ множество анекдотовъ объ его шалостяхъ и затѣяхъ въ училищѣ, объ его острыхъ отвѣтахъ наставникамъ и томъ непокорномъ духѣ, который уже тогда началъ въ немъ обнаруживаться. Но этимъ анекдотамъ, какъ и вообще всякимъ розсказнямъ о дѣтскихъ годахъ великихъ людей, не слѣдуетъ придавать вѣры: по большей части они были сочинены впоследствии, какъ говорятъ *argès sour*. — По выходѣ изъ училища Вольтеръ велъ жизнь очень разсѣянную и распущенную. Какъ ни старался отецъ пристроить его къ хлѣбному дѣлу, къ службѣ, — Вольтеръ всячески отлынивалъ, проводилъ время въ свѣтскихъ кружкахъ, стоялъ на хорошей ногѣ съ извѣстной въ то время компаніей эпикурейцевъ и кутиль, собиравшихся въ Тамплѣ, и подъ рукою занимался писательствомъ. Онъ началъ сочинять сатирическіе стишки, куплеты, эпиграммы, въ которыхъ доставалось безъ разбору всякому, кто подвернется. Очень скоро, съ своими неосторожными шутками, онъ

---

<sup>1)</sup> «... Je ne savais ni si François I avait été fait prisonnier à Pavie, ni où est Pavie, le pays même où je suis né, était ignoré de moi, je ne connaissais ni les lois principales, ni les intérêts de ma patrie, pas un mot de mathématiques, pas un mot de saine philosophie; *je savais du latin et des sottises*». VII, 472.

попался и былъ на время удаленъ изъ Парижа. Но это нисколько его не исправило: Вольтеръ опять навлекъ на себя подозрѣніе и заключенъ былъ въ Бастилью, гдѣ онъ высидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ его страсть къ писательству усиливалась. Въ 1718 г. была представлена въ Парижѣ его первая драма *Эдипъ*, и представлена была съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Авторъ сразу сдѣлался знаменитостью.

Драма сама по себѣ была очень порядочнымъ произведеніемъ, написаннымъ по правиламъ господствовавшей классической теоріи. Сверхъ того, въ ней были нѣкоторыя рѣзкія мѣста, бойкія тирады, въ которыхъ прорывались критическія замашки Вольтера и которыя привлекали общественное вниманіе, какъ нѣчто очень оригинальное и необычное въ драмѣ; такъ, въ выходкахъ противъ жрецовъ сквозило обличеніе духовенства вообще. Тѣмъ не менѣе, нота протеста была еще очень слаба и робка. Вольтеръ былъ въ это время занятъ чисто литературнымъ интересомъ; ему прежде всего хотѣлось сдѣлаться знаменитымъ поэтомъ, и потому онъ усердно занимается поэтической формой. Съ этой специально литературной цѣлью онъ занимался составленіемъ капитальной эпической поэмы: *Генрихъ IV* или *Лиза*, той самой поэмы, которая черезъ нѣсколько лѣтъ (1728) была издана имъ въ новой редакціи подъ заглавіемъ *Генриады*. Давно уже во французскихъ литературныхъ кружкахъ вздыхали и жаловались на то, что Франція не имѣетъ, подобно другимъ цивилизованнымъ странамъ, эпической поэмы. Въ то блаженное время классическихъ теорій вѣрили въ возможность взять да и сочинить эпопею. Еще въ XVII столѣтіи многіе французскіе пѣнты пытались создать подобное произведеніе, но попытки такого рода не вознаграждались успѣхомъ. Много лѣтъ трудился пѣнтъ Шапеленъ надъ своей эпопеей объ Орлеанской дѣвственницѣ, онъ получалъ за это пенсію отъ правительства и особое жалованье отъ герцога Лонгевилля. Но никто не былъ въ состояніи читать его обширное и бездарное произведеніе... Этотъ пробѣлъ во французской литературѣ и задумалъ пополнить Вольтеръ своей Генриадой. Сюжетъ онъ выбралъ героической—изъ исторіи французскихъ религіозныхъ войнъ въ концѣ XVI вѣка, героемъ поэмы былъ король Генрихъ IV. Соблюдены были по возможности всѣ тѣ требованія, съ которыми записные эстетяки обращались къ эпическимъ поэмамъ. Вся Генриада



была построена въ подражаніе *Виргиліевой Энеиды*, которая считалась тогда образцомъ для всякаго эпика, и потому въ *Генриадѣ* можно найти всѣ главные мотивы *Энеиды*: и описаніе бури, и картину преисподней, и предсказанія о будущности Франціи. Словомъ, поэма была изготовлена по всѣмъ правиламъ классическаго катехизиса и возбудила въ современникахъ неописанный восторгъ. На *Генриаду* смотрѣли, какъ на національный подвигъ, какъ на ту давно ожидаемую эпическую поэму, которая наконецъ сравняетъ французовъ съ другими націями. «Поэма о *Литъ*», записываетъ одинъ изъ хроникеровъ того времени, «о которой столько говорили, продается по секрету. Я ее читалъ: это дивное произведеніе, образцовое созданіе человѣческаго ума; прекрасно, какъ *Виргилій*,—и вотъ наша словесность обладаетъ эпической поэмой, какъ и прочими поэтическими образцами». Своей *Генриадой*, своей эпической поэмой, которую тогда считали дѣломъ національнымъ, *Вольтеръ* приобрѣлъ еще бѣльшую извѣстность. (Поэма стала ходить по рукамъ уже съ 1724 года). Но кромѣ того *Генриада* имѣла еще иное значеніе: она была запечатлѣна духомъ просвѣтительнаго періода, въ ней прославляются идеи религіозной свободы и терпимости, она наполнена враждой къ фанатизму. Эти просвѣтительныя начала, правда, не играютъ главной роли. Нельзя сказать, что *Генриада*—произведеніе тенденціозное, потому что обличеніе, пропаганда извѣстныхъ понятій занимаетъ въ ней второстепенное мѣсто; существенной же цѣлью поэта было написать во что бы то ни стало героическую поэму, онъ имѣлъ въ виду результатъ чисто художественнаго характера...

Таково положеніе *Вольтера* въ литературѣ двадцатыхъ годовъ. Приблизительно до 1730 года онъ главнымъ образомъ поэтъ. Критическое направленіе, сатирическое отношеніе къ окружающему замѣтно и тутъ, но оно какъ-то робко, какъ-то неоформлено. Притомъ и въ самомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ просвѣтительныя начала еще довольно слабы и только начинаютъ складываться: о *философствѣ*, какъ о цѣлой сектѣ, какъ о цѣломъ классѣ, еще ничего не слышно. Встрѣчаются только отдѣльныя, отрывочныя произведенія, въ которыхъ слышится протестъ, но нѣтъ еще цѣлаго литературнаго движенія.

Въ 1726 году съ *Вольтеромъ* случилась очень непріятная исторія. Исторія эта характеристична,—и не только какъ важный эпизодъ изъ жизни писателя, но и какъ образецъ одного изъ тѣхъ

столкновеній между новыми людьми и старыми барамн, о которыхъ я только что говорилъ. До насъ дошли различныя версїи, различныя редакціи этого эпизода. Я приведу его такъ, какъ онъ рассказанъ у Матье-Маре, одного изъ самыхъ любопытныхъ мемуаристовъ первой половины XVIII вѣка, притомъ, замѣтите ревностнаго поклонника Бэйля, человѣка для своего времени очень образованнаго и начитаннаго. Вотъ что сообщаетъ Маре въ своемъ дневникѣ подъ датой 6 февраля 1726 года: «Вольтеру задали палочныхъ ударовъ. Дѣло происходило такъ. Кавалеръ де-Роганъ встрѣчаетъ его въ оперѣ и говоритъ ему: «Сударь Вольтеръ, сударь Аруэ, да какъ васъ въ самомъ дѣлѣ звать? Тотъ отвѣтилъ ему что-то и прошелся на счетъ фамилии Рогановъ-Шабо. На этомъ дѣло пока остановилось. Два дня спустя, во французскомъ театрѣ, въ фойе, Роганъ снова и съ тѣмъ же самымъ пристаеъ къ Вольтеру, который ему говоритъ, что отвѣтъ ужъ онъ далъ напередъ въ оперѣ. Роганъ поднялъ трость, но не ударилъ Вольтера, а только сказалъ, что на это слѣдуетъ отвѣчать палкой. Черезъ два три дня онъ посылаетъ сказать Вольтеру, что его ждетъ къ обѣду герцогъ Сюлли. Вольтеръ, не предполагая, что все это штука со стороны Рогана, идетъ на обѣдъ. За обѣдомъ лакей говоритъ ему, что кто-то проситъ его сойти. Вольтеръ спускается на улицу и попадаетъ въ руки тремъ господамъ, которые угощаютъ его палочными ударами. Говорятъ, что Роганъ смотрѣлъ на эту экзекуцію изъ лавки напротивъ. Нашъ поэтъ кричитъ во все горло, хватается за шпагу, идетъ къ герцогу Сюлли, который находитъ эту штуку дерзкой и неприличной. Вольтеръ отправляется въ Версаль. Тамъ будутъ обсуждать это дѣло». Черезъ нѣсколько дней Маре записываетъ слѣдующее: «О палочныхъ ударахъ Вольтеру уже больше не говорятъ, они остались за нимъ... Епископъ Блуасскїй сказалъ, по случаю этой исторїи: «для насъ было бы большимъ несчастїемъ, если-бъ у поэтовъ не было хребтовъ». Говорятъ, что Роганъ во время экзекуціи сидѣлъ въ экипажѣ и кричалъ исполнителямъ: не бейте его по головѣ, а толпа, стоявшая кругомъ, приговаривала: ахъ добрый баринъ! Несчастнн избитый поэтъ такъ и лѣзетъ нарочно всѣмъ на глаза — и при дворѣ, и въ обществѣ, но никто объ немъ не жалѣетъ, и тѣ, которыхъ онъ считалъ друзьями, отворачиваются отъ него. Слухи ходятъ, что и поэтъ Руа получилъ тоже порцію палокъ за эпиграмму». Наконецъ, черезъ нѣсколько

мѣсяцевъ, Маре отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Вольтера посадили въ Бастилью, потому что ему засѣла въ голову глупость — во что бы то ни стало отомстить Рогану. Роганъ, разумѣется, очень доволенъ, что его упрятали». Затѣмъ Вольтера освободили изъ тюрьмы, но выслали за границу. Онъ уѣхалъ въ Англію.

Такова куріозная исторія, которая живо рисуется намъ общественные нравы того времени. Вы видите, какимъ незавиднымъ положеніемъ во французскомъ обществѣ пользовался литераторъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Литераторъ—это буржуа, человекъ безъ роду и племени, въ некоторомъ образомъ шутъ и потѣшникъ, на котораго съ высоты своего величія смотрѣлъ феодалъ, считавшій чернильное ремесло униженнымъ. Посмотрите, какъ въ приведенномъ рассказѣ всѣ выгоды на сторонѣ Рогана. Онъ находитъ вполне дозволеннымъ издѣваться надъ Вольтеромъ, грозитъ ему палкой и наконецъ совершить надъ нимъ экзекуцію черезъ посредство слугъ. Объ этомъ толкуютъ въ обществѣ, какъ о забавной исторіи, этимъ не возмущаются, это считаютъ очень обыкновеннымъ дѣломъ. Самъ Маре проницательно относится къ Вольтеру. Епископъ Блуасскій, имѣвшій сношенія и связи съ Вольтеромъ, находитъ поступокъ Рогана вполне основательнымъ. Друзья поэта оставляютъ его. Герцогъ Сюлли, его давнишній знакомый, его покровитель, выражаетъ по поводу поведенія Рогана свое неодобреніе, но и не думаетъ вступить за Вольтера, оказать ему нужное содѣйствіе. Наконецъ, Вольтера, оскорбленнаго и побитаго, сажаютъ въ Бастилю и высылаютъ изъ Франціи за то, что онъ хочетъ отомстить Рогану. Стоило безпокоиться объ этикихъ пустякахъ! Пята, казалось, и созданъ былъ для того, чтобъ потѣшать и быть битымъ. Въ теченіе XVII и началъ XVIII вѣка литераторовъ и пѣтцовъ держали въ черномъ тѣлѣ, да и вообще непривилегированный людъ былъ принужденъ на своихъ плечахъ выносить своевольныя замашки феодаловъ. Палочные удары были дѣломъ обыкновеннымъ. До какой степени они были въ ходу, можно видѣть между прочимъ изъ книжки Виктора Фурнеля, который написалъ очень интересную монографію о падочныхъ ударахъ въ литературной исторіи... Новый элементъ, бросавшійся всѣмъ въ глаза въ приведенномъ эпизодѣ, это — сопротивленіе Вольтера, его дерзость, его упрямство, его нежеланіе уступить, обратить весь пассажъ въ шутку... Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ измѣнилось положеніе лите-

ратора и вообще непривилегированнаго чловѣка въ теченіе XVIII столѣтія. Въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка мы уже не встрѣтимъ ничего подобнаго поступку Рогана. Новые люди приобрѣтутъ такую силу и вмѣстѣ съ тѣмъ выработаютъ въ себѣ такое сознаніе собственнаго достоинства, что ими уже нельзя будетъ распоряжаться попрежнему. Литераторъ и философъ сдѣлаются первыми людьми въ обществѣ. Теперь, въ 20-хъ годахъ, въ средѣ буржуазіи еще не выросъ, не окрѣпъ духъ оппозиціи. Приходится затаивать въ себѣ злобу, глотать оскорбленія и откладывать минуту отмщенія. Зато, когда наступитъ пора мести, эта месть будетъ страшна и неумолима: старинное, долго сдерживаемое чувство ненависти скажется въ эпоху революціи; оно скажется въ преслѣдованіяхъ, въ конфискаціяхъ, въ террорѣ и гильотинѣ.

#### V.

#### Вліяніе англійскихъ мыслителей на Вольтера.

Въ Англии Вольтеръ прожилъ три года. Не подлежитъ сомнѣнію, что пребываніе въ Англии подѣйствовало на него благотворно. Столкновеніе лицомъ къ лицу съ неизвѣстными для него дотогѣ нравами, обычаями, учрежденіями, знакомство съ бытовыми формами, такъ рѣзко отличавшимися отъ французскаго общественнаго склада, должно было навести его на множество вопросовъ, разъяснить ему множество явленій, обратить его вниманіе на такіе факты, надъ которыми онъ до этихъ поръ не останавливался или не задумывался. Переменная обстановка, по большей части, освѣжаетъ чловѣка и сверхъ того возбуждаетъ въ немъ критическую способность: новыя впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ, вызываютъ его на сравненіе, на проверку и анализъ прежнихъ представленій и привычекъ. Можно составить себѣ общее понятіе о томъ, что собственно въ Англии привлекало особенное вниманіе Вольтера, по тѣмъ философическимъ письмамъ или *Письмамъ объ Англии*, которыя были имъ въ то время написаны и изданы въ 1733 г. Это—бойкія, игривыя, остроумныя замѣтки, которыя навлекли автору множество непріятностей и снова заставили его удалиться изъ Парижа.

Изъ этихъ *Писемъ* мы видимъ, что въ Англии Вольтеръ былъ особенно заинтересованъ тамошней религиозной жизнью, тамошней наукой и литературой. — Что касается до церковныхъ отношеній, — онъ особенно настаиваетъ на мирномъ существованіи въ Англии самыхъ разнообразныхъ религиозныхъ вѣроисповѣданій. Вольтеръ относится одинаково индифферентно и одинаково шуточно ко всѣмъ сектамъ и толкамъ: онъ указываетъ на терпимость, какъ на самое вѣрное средство для пресѣченія смуть и какъ на необходимое условіе для общественнаго благосостоянія. Секты: англиканская и пресвитеріанская, пишетъ онъ, — господствующія ученія въ Великобританіи, но и другія пользуются свободой и живутъ между собою очень ладно. Каждая изъ нихъ приноситъ пользу государству, и когда дѣло идетъ о торговыхъ оборотахъ, никто не обращаетъ вниманія на различіе вѣроисповѣданій. Христіане, магометане, жида, квакеры, преспокойно заключаютъ между собой нужныя обязательства, а потомъ каждый идетъ въ свою сторону — кто въ мечеть, кто въ синагогу, кто сидитъ въ шляпѣ и ожидаетъ вдохновенія, и всѣ довольны. Вообще, замѣчаетъ онъ дальше, нашъ вѣкъ пресыщенъ спорами и сектами, у него другіе интересы и другія заботы. Затѣмъ Вольтеръ останавливается на англійскихъ мыслителяхъ, именно на Бэконѣ, котораго онъ называетъ отцомъ опытной философіи, на Локкѣ и Ньютонѣ. Сочиненія Локка онъ внимательно изучилъ, и мы не разъ встрѣтимся, при характеристикѣ міросозерцанія Вольтера, съ положеніями Локка, которыя онъ разъясняетъ, развиваетъ и которымъ онъ сообщаетъ оригинальную форму. Теорія Ньютона возбудила въ немъ живѣйшій интересъ и также была для него предметомъ ревностнаго изученія; онъ вполне овладѣлъ ею во Франціи, уже послѣ возвращенія изъ Англии, и сдѣлался ея усерднымъ популяризаторомъ. Потомъ Вольтеръ переходитъ къ замѣчаніямъ объ англійскомъ театрѣ, объ англійскихъ поэтахъ и въ заключеніе говоритъ о роли и объ общественномъ положеніи литератора въ Англии. Разница между положеніями литератора въ англійскомъ и во французскомъ обществѣ рѣзко бросалась въ глаза. Вольтеръ указываетъ на многочисленныхъ англійскихъ ученыхъ и литераторовъ, занимавшихъ высокія общественныя должности и пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. Наука, талантъ, личное достоинство пользовались гораздо большимъ почетомъ, играли несравненно болѣе видную роль, чѣмъ во Франціи; съ другой сто-

роны кругъ родовыхъ преимуществъ былъ въ Англіи гораздо тѣснѣе, привилегированный классъ былъ несравненно малочисленнѣе и далеко не имѣлъ такого первенствующаго значенія, какъ во Франціи. Таковы темы, которыхъ касался Вольтеръ въ «Письмахъ объ Англіи». На этихъ пунктахъ—на религіи, философіи и литературѣ—и былъ сосредоточенъ интересъ Вольтера, и мы увидимъ, что важнѣйшіе труды его будутъ относиться именно къ этимъ вопросамъ. Что касается до политическихъ особенностей англійской жизни, до ея государственнаго устройства, то они отступали для него на второй планъ. Онъ ограничивается нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями объ англійскомъ парламентѣ и объ англійской конституціи, но не входитъ въ анализъ политическаго строенія Англіи. Съ механикой англійскаго парламента, съ пресловутымъ раздѣленіемъ властей и англійской индивидуальной свободой познакомитъ Францію другой великій просвѣтитель—Монтескьё.

Вернувшись изъ Англіи, Вольтеръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ очень безпокойный образъ жизни, попеременно жилъ въ Парижѣ, Руанѣ и другихъ мѣстахъ. Собственной квартиры онъ не имѣлъ: и до отъѣзда въ Англію, и теперь онъ жилъ у разныхъ пріятелей, платилъ за свое продовольствіе и часто мѣнялъ мѣстожительство. Его живая, безпокойная натура мѣшала ему осѣсться, завести осѣдлость... Онъ продолжалъ писать драмы и стихотворенія и въ то же время занимался философійю и естественными науками. «Письма объ Англіи», изданныя въ 1733 году, вызвали въ правящихъ сферахъ большое неудовольствіе. Мораль, вытекавшая изъ сравненія Франціи и Англіи—въ той формѣ, въ какой оно было сдѣлано авторомъ *Писемъ*—была очевидна: французскіе нравы и обычаи были осмѣяны, и полное предпочтеніе было отдано Англіи. Но кромѣ того, помимо самаго сравненія обѣихъ странъ, въ письмахъ было множество рѣзкихъ и злыхъ намековъ на французскіе порядки, на духовенство, школьное дѣло того времени и на феодальныя учрежденія. Прибавьте ко всему этому задорный, непочтительный тонъ всего сочиненія. За все это книга была осуждена и торжественно предана сожженію, какъ сочиненіе скандальное, враждебное религіи, добрымъ нравамъ и властямъ держащимъ. Самому автору было небезопасно оставаться въ Парижѣ. Онъ уѣхалъ въ Шампань, въ замокъ Сире, къ своей пріятельницѣ Мадамъ дю-Шатле. Тутъ начинается для Вольтера періодъ усилен-

ныхъ, серьезныхъ занятій. Здѣсь, въ Сирѣ, окончательно складывается его міросозерпаніе, окончательно опредѣляются его воззрѣнія, его отношенія къ различнымъ вопросамъ науки и жизни. Тутъ онъ запасается эрудиціей, собираетъ матеріалы, заготавливаетъ сочиненія. — М-ше Дю-Шатле, въ замкѣ которой онъ жилъ, оказывала на него въ высшей степени благотворное вліяніе, сама работала вмѣстѣ съ нимъ, требовала отъ него разъясненій, указывала ему темы для изслѣдованій, и, какъ увидимъ, для нея были написаны Вольтеромъ нѣкоторыя капитальныя сочиненія. Это была женщина замѣчательная по своему уму, образованію и по разнообразію своихъ интересовъ. Подъ руководствомъ Мопертюи и Клеро, двухъ извѣстныхъ ученыхъ того времени, она основательно изучила математику, перевела на французскій языкъ знаменитыя Ньютоновы «Математическія основанія естественной философіи», присоединила къ нимъ свой комментарий, и напечатала собственный трудъ, посвященный анализу нѣкоторыхъ воззрѣній Лейбница. Разумѣется, свѣтское общество не скупилось на насмѣшки и колкости, когда заходила рѣчь объ «ученой» г-жѣ Дю-Шатле. Но, какъ замѣчаетъ Вольтеръ, ей самой не было ни времени ни охоты заниматься пустяками и злословіемъ, и когда ей сообщали какую-нибудь сплетню, сочиненную объ ней, она отвѣчала, что ей все равно и что она такія вещи желаетъ игнорировать. День въ замкѣ проходилъ среди занятій. Только вечеромъ, къ ужину, собиралось общество, и тутъ Вольтеръ и маркиза отдыхали отъ дневныхъ трудовъ. Впрочемъ, иногда однообразное теченіе жизни прерывалось домашними спектаклями, до которыхъ Вольтеръ былъ большой охотникъ, или пріѣздомъ посѣтителей изъ Парижа. При всѣхъ своихъ занятіяхъ Вольтеръ не разрывалъ связей съ Парижемъ; онъ постоянно получалъ изъ столицы подробныя сообщенія отъ пріятелей— корреспондентовъ и гостей, наѣзжавшихъ въ Сирѣ.

Вольтеръ прожилъ съ маркизой около пятнадцати лѣтъ, до самой ея смерти. Не все это время онъ провелъ въ Сирѣ. Онъ нѣсколько разъ отлучался то въ Голландію, то въ Брюссель, въ Берлинъ, въ Люневилль—ко двору короля Лотарингскаго, а въ 40-хъ годахъ подолгу жилъ въ Парижѣ, усердно посѣщалъ высшее общество и дворъ. Въ 40-хъ годахъ его извѣстность еще болѣе увеличилась: онъ былъ принятъ въ Академію, получилъ придворное званіе и сдѣланъ былъ исторіографомъ. Собственно въ Сирѣ онъ преимущественно

жилъ въ 30-хъ годахъ, и въ эту эпоху, какъ я сказалъ, окончательно сложилось, устоялось и окрѣпло его міросозерцаніе. На этомъ моментѣ въ жизни Вольтера мы пока и остановимся, и обратимся къ его ученію. Посмотримъ, какъ сложились его новыя воззрѣнія, какъ образовалась та доктрина, которую онъ сталъ проповѣдовать.

Сначала посмотримъ, какъ относится Вольтеръ къ предшествовавшимъ философскимъ ученіямъ древности и новаго времени и какъ смотритъ онъ на задачи философіи вообще. Сужденія Вольтера о прежнихъ метафизическихъ системахъ крайне рѣзки и подчасъ даже несправедливы. Историкъ, задача котораго объяснять генезисъ доктрины, указывать на условія ея возникновенія и распространенія, не можетъ быть удовлетворенъ тѣми краткими, категорическими, жестокими приговорами, которые Вольтеръ изрекаетъ надъ всѣми схоластическими системами. Но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ Вольтеръ вовсе не стоитъ, да и не можетъ стоять на точкѣ зрѣнія историка. Цѣль его—вовсе не въ томъ, чтобъ въ подробностяхъ разсматривать ту или другую систему, слѣдить за ея постепеннымъ развитіемъ, распространеніемъ, перерожденіемъ, опредѣлять ея вліяніе на послѣдующее, указывать на ея связи съ другими явленіями умственной жизни. Вольтеръ прежде всего боецъ и разрушитель. Ему нужно расчистить поле для свободнаго непредубѣжденнаго изслѣдованія, свергнуть съ пьедесталовъ вѣковые кумиры, показать нелѣпость общепризнанныхъ традицій, искоренить завѣтные предрассудки. Схоластическіе приемы господствовали, за немногими исключеніями, во всей наукѣ и литературѣ. Они были признаны цехомъ ученыхъ, они введены были въ школахъ, они утверждены были властями, и опутывали такимъ образомъ всю умственную дѣятельность того времени. Отъ нихъ было душно и тяжело. Ихъ нужно было разбить, уничтожить, осмѣять... Отсюда та рѣзкость, которой отличаются нападки Вольтера на метафизику.

Какъ я уже говорилъ, Бэкона онъ считалъ отцомъ новой философіи. Бэконъ, по его мнѣнію, еще не зналъ хорошо природу, но онъ зналъ пути, которые ведутъ къ ней, и указалъ на эти пути. Онъ презиралъ, пишетъ Вольтеръ,—то, что подъ именемъ философіи преподавалось въ сумасшедшихъ домахъ, называемыхъ училищами; онъ старался, сколько ему было возможно, ослабить вліяніе тѣхъ ученыхъ корпорацій, которыя портятъ человѣческій разумъ своими



сущностями, своей боязнью пустоты, своими субстанціальными формами и тому подобными пустыми словами, освященными невѣжествомъ. Указавъ на заслуги Бэкона по введенію опытнаго метода, на многочисленныя геніальныя мысли и намеки, разсѣянные въ его сочиненіяхъ, Вольтеръ заключаетъ однако свое письмо объ этомъ философѣ небольшимъ извлеченіемъ изъ біографіи Генриха VII, написанной Бэкономъ: «Около этого времени короля Генриха одолѣли злые духи стараніями герцогини Бургонской, которая вызвала изъ ада тѣнь Эдуарда IV и послала ее мучить Генриха и проч.». «Въ прежнее время», прибавляетъ Вольтеръ, «подобный пассажъ считали возвышеннымъ, теперь это называютъ галиматеей». Вообще нужно замѣтить, что несмотря на все уваженіе, которое пытали люди XVIII вѣка къ Бэкону, какъ къ своему патриарху, какъ къ отцу новой опытной философіи, они мало его изучали и мало знали. Это—писатель другого закала, другого склада, истый человѣкъ XVI столѣтія. Не говоря объ его отдѣльныхъ предразсудкахъ и грубыхъ заблужденіяхъ, образчикъ которыхъ вы сейчасъ видѣли, въ немъ можно указать на одну черту, еще болѣе отдѣлявшую его отъ просвѣтителей XVIII вѣка, это—необычайное развитіе воображенія. Люди XVIII вѣка не могли примириться съ его образнымъ изложеніемъ, съ его постоянными поэтическими сравненіями и эпитетами. Они были заклятые логики и сверхъ того записные классики, поклонники правильности и стройности. Ни Бэконъ, ни Шекспиръ не могли сдѣлаться ихъ любимцами. Поэтому, отдавая почтеніе Бэкону, они собственно мало имъ занимались, мало его штудировали. Другое дѣло—Локкъ. Онъ пользовался дѣйствительными симпатіями и дѣйствительной популярностью въ средѣ просвѣтителей. Я уже говорилъ, что Вольтеръ сдѣлался его ревностнымъ почитателемъ и послѣдователемъ. Для отношеній Вольтера къ Локку, да и вообще къ другимъ философскимъ системамъ, важно одно изъ его «Писемъ объ Англіи», изъ котораго я и приведу нѣсколько пространныхъ выдержекъ.

«Врядъ ли когда-нибудь былъ человѣкъ болѣе мудрый, болѣе методическій, болѣе логичный, чѣмъ Локкъ... До него великіе философы порѣшили категорически, что такое человѣческая душа; но, такъ какъ они объ ней ровно ничего не знали, то понятно, всѣ придерживались различныхъ мнѣній».—Тутъ Вольтеръ перебираетъ философовъ одного за другимъ. «Въ Греціи, этой колыбели искусствъ

и заблуждений, гдѣ были такъ далеко доведены и величіе, и глупость человѣка,—разсуждали, какъ и у насъ, о душѣ. Божественный Анаксагоръ, которому воздвигли алтарь за то, что онъ повѣдалъ людямъ, что солнце больше Пелопонеза, что снѣгъ—чернаго цвѣта и что небо сдѣлано изъ камня,—Анаксагоръ утверждалъ, будто душа существо воздушное, но все-таки безсмертное. Діогенъ, не тотъ Діогенъ, который былъ фальшивымъ монетчикомъ и потомъ циникомъ, а другой Діогенъ—увѣрялъ, что душа есть часть самой божественной субстанціи, и эта идея по меньшей мѣрѣ блестяща. Эпикуръ составлялъ ее изъ частичекъ, на подобіе тѣла. Аристотель, котораго толковали на тысячу ладовъ, потому что онъ былъ непонятенъ, думалъ, если вѣрить нѣкоторымъ изъ его учениковъ, что душа всѣхъ людей есть одна и та же субстанція. Божественный Платонъ, наставникъ божественнаго Аристотеля, и божественный Сократъ, наставникъ божественнаго Платона, говорили, что душа тѣлесна и вѣчна. Демонъ Сократа вѣроятно объяснилъ ему, что это значило. Правда есть люди, которые предполагаютъ, что человѣкъ, хваставшійся своимъ демономъ, несомнѣнно долженъ былъ быть немножко рехнувшимся и немножко шарлатаномъ, но эти господа слишкомъ требовательны». Затѣмъ Вольтеръ переходитъ къ средневѣковымъ схоластикамъ. «С.-Бернаръ училъ о душѣ, что по смерти она не зрѣтъ самого Бога въ небѣ, но только сообщается съ челоуѣчествомъ І. Христа. На этотъ разъ ему на слово не повѣрили: судьба крестоваго похода нѣсколько подорвала его кредитъ. Потомъ послѣдовала цѣлая тысяча схоластиковъ и докторовъ, которые всѣ были увѣрены въ томъ, что они очень ясно разумѣютъ душу, но говорили объ этомъ такимъ образомъ, какъ будто они хотѣли, чтобъ никто ничего не понималъ. Нашъ Декартъ, разоблачившій заблужденія древности, но замѣнившій ихъ своими собственными, вообразилъ себѣ, будто онъ доказалъ, что душа есть то же самое, что мысль,—подобно тому, какъ матерія, по его мнѣнію, есть то же самое, что протяженіе. Онъ увѣрялъ, что человѣкъ постоянно мыслить и что душа входитъ въ тѣло, уже снабженная всѣми метафизическими свѣдѣніями—о богѣ, о пространствѣ, о безконечномъ,—обладающая всѣми отвлеченными идеями, исполненная прекрасныхъ поананій, которыя она къ сожалѣнію забываетъ по выходѣ изъ утробы матери. Отецъ Мальбраншъ въ своихъ возвышенныхъ иллюзіяхъ не только опровергаетъ при-

рожденныя идеи, но и не сомнѣвается въ томъ, что мы все видимъ въ богѣ и что богъ есть такъ сказать наша душа»...

Здѣсь мы пока остановимся. Припомнимъ, что «Письма объ Англіи» были изданы въ 1733 году и что для того времени такой тонъ, такое небрежное, ироническое отношеніе ко всей схоластикѣ, такое свободное обращеніе со всѣми философскими авторитетами, было дѣломъ необычнымъ и крайне рискованнымъ. Вольтеръ отдавалъ на посмѣяніе всѣ вѣковыя схоластическія ученія и не останавливался передъ великими именами, не хотѣлъ даже признать какихъ бы то ни было заслугъ за метафизическими писателями. Онъ жилъ въ эпоху, когда схоластическія теоріи еще имѣли громадное вліяніе и были общественной силой. Вспомните, что еще не такъ далеко было то время, когда въ Сорбоннѣ всякую диссертацию доказывали сначала по Аристотелю, а потомъ уже по разуму. Немудрено, что схоластика возбуждала такую ненависть Вольтера; она не могла ожидать отъ него спокойнаго «историческаго» приговора. Презрѣніе къ метафизическимъ теоріямъ, образчикъ котораго я сейчасъ привелъ, высказывается и въ другихъ сочиненіяхъ Вольтера. Онъ видѣлъ въ нихъ праздное мудрованіе надъ задачами, недоступными человѣческому разуму,—ложныя, произвольныя умствованія, стоящія въ разрѣзѣ съ опытомъ, съ наблюденіемъ, съ яснымъ и послѣдовательнымъ мышленіемъ. «Метафизика имѣетъ ту хорошую сторону», пишетъ онъ въ своемъ «Словарѣ» <sup>1)</sup>, «что она не требуетъ предварительныхъ, прилежныхъ занятій. Въ ней можно все знать, никогда ничему не учившись; и у кого только разсудокъ немножко subtilenъ и очень фальшивъ, тотъ можетъ навѣрное далеко уйти въ метафизикѣ». «Мы можемъ поставить», пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ «Словаря» <sup>2)</sup>, «въ концѣ едва ли не каждаго отдѣла метафизики буквы N. L., которыя ставили римскіе судьи, когда они не могли понять дѣла: non liquet, это неясно».—Какіе же приемы противопоставляетъ Вольтеръ схоластическимъ измышленіямъ.—Вотъ какъ онъ продолжаетъ то самое письмо, изъ котораго я сейчасъ приводилъ выдержки: «Всѣ эти резонеры сочиняли романъ человѣческой души; наконецъ, пришелъ мудрецъ и скромно написалъ ея исторію. Локкъ познакомилъ человѣка съ

---

<sup>1)</sup> Art. Trinité.

<sup>2)</sup> Art. Bien.

процессомъ человѣческаго познаванія такъ, какъ свѣдущій анатомъ объясняетъ строеніе человѣческаго тѣла. Онъ постоянно обращается за помощью къ свѣточу физики; иногда онъ дерзаетъ говорить утвердительно, но онъ дерзаетъ также сомнѣваться. Въмѣсто того, чтобъ опредѣлять сразу то, чего мы не знаемъ, онъ подвергаетъ постепенному изслѣдованію то, что мы желаемъ познать. Онъ беретъ дитя въ минуту его рожденія, слѣдитъ шагъ за шагомъ за развитіемъ его познавательной способности; онъ видитъ, что оно имѣетъ общаго съ животными и въ чемъ оно выше ихъ; онъ часто обращается къ свидѣтельству собственнаго сознанія, собственной мысли». Вы видите, какъ здѣсь измѣнился и тонъ, и вся манера изложенія. Шутки брошены. Вольтеръ говоритъ о томъ, что онъ уважаетъ, что онъ дѣйствительно считаетъ серьезнымъ, а не о пустякахъ; онъ больше не балагуритъ, не сыплетъ остротами. Въ pendant къ этой выдержкѣ можно привести отрывокъ изъ другого трактата Вольтера <sup>1)</sup>, гдѣ Локкъ является въ той же роли избавителя отъ метафизическихъ узъ и надежнаго руководителя въ мышленіи. «Послѣ столькихъ неудачныхъ поисковъ, усталый, разбитый, со стыдомъ сознаваясь въ томъ, что замѣсто истинъ, которыхъ я добивался, я нашелъ такое множество химеръ,—я вернулся къ Локку, какъ блудный сынъ, возвращающійся къ своему отцу; я бросился въ объятія этого скромнаго чело-вѣка, который никогда не выставляетъ себя знающимъ то, чего онъ не знаетъ; который, правда, не обладаетъ несмѣтными богатствами, но фонды котораго очень солидны и вѣрны, и который безъ всякой похвалки, безъ всякаго хвастовства, обладаетъ самымъ прочнымъ достояніемъ».

Посмотримъ, какія положенія въ системѣ Локка привлекали Вольтера, какимъ воззрѣніемъ англійскаго мыслителя онъ придавалъ особенную цѣну. Какъ вы могли уже замѣтить, Вольтеръ съ особеннымъ уваженіемъ выставлялъ осторожный, критическій методъ Локка. Когда мы хотимъ отдать себѣ отчетъ въ какомъ-нибудь явленіи, пишетъ Вольтеръ <sup>2)</sup>, не слѣдуетъ говорить: выдумаемъ сначала принципы, при посредствѣ которыхъ мы постараемся все объяснить, а нужно сказать себѣ: подвергнемъ эти явленія точному анализу, рассмотримъ

---

<sup>1)</sup> Le Philos. ignorant, XXIX.

<sup>2)</sup> Traité de métaphys. III.

ихъ, и потомъ постараемся разобратъ, не имѣютъ ли они взаимныхъ отношеній, не могутъ ли они быть обобщены, не стоятъ ли они въ зависимости отъ какого-нибудь общаго принципа, нельзя ли указать на эту связь. Таковъ правильный ходъ изслѣдованія. Опытъ, по мнѣнiю Локка и Вольтера, есть источникъ всякаго познанія. Наши чувства, наши ощущенія сообщаютъ разуму впечатлѣнiя предметовъ. Изъ этихъ впечатлѣнiй складываются образы, представленiя. Понять мы можемъ только то, о чемъ мы имѣемъ представленiе, что мы можемъ вообразить себѣ, о чемъ мы имѣемъ образъ, полученный нами изъ извѣстныхъ впечатлѣнiй, изъ опыта. Но мы не можемъ понимать того, о чемъ у насъ нѣтъ представленiя. Такъ напримѣръ, многіе говорятъ о *невещественной субстанціи*, но могу ли я вообразить себѣ невещественную субстанцію, есть ли у меня представленiе о духѣ, о душѣ?

Мы теперь вернемся вмѣстѣ съ Вольтеромъ къ этому самому вопросу о душѣ, съ котораго, какъ припомните, онъ и началъ свое письмо о Локкѣ. Вы увидите, какъ опредѣлились воззрѣнiя Вольтера по этому вопросу и въ чемъ они отличались отъ умствованiй схоластикомъ. Представить себѣ чистый духъ, по мнѣнiю Вольтера, мы не въ состоянiи, значить и разсуждать о чистомъ духѣ невозможно <sup>1)</sup>. Но почему же произошло то, что столько схоластикомъ, столько метафизикомъ толкуютъ и разглагольствуютъ о душѣ, какъ о чемъ то имъ очень хорошо извѣстномъ?—Дѣло въ томъ, что если мы съ одной стороны не можемъ составить себѣ представленiя о чистомъ духѣ, о невещественной субстанціи, то съ другой—намъ хорошо извѣстно, что человекъ мыслить, понимаетъ, воображаетъ, чувствуетъ. Совокупность этихъ способностей обозначается словомъ *душа*. Это только слово, которое употребляется для обозначенiя цѣлаго ряда представленiй, но которое не имѣетъ особаго, соответствующаго ему, дѣйствительно существующаго предмета; нѣтъ такого отдѣльнаго бытiя, говоритъ Вольтеръ, которое соответствовало бы слову *душа*. Подобно тому, какъ мы говоримъ о движенiи, о негодованiи, о памяти, о желанiи, мы можемъ говорить и о душѣ. Но нѣтъ реальнаго, дѣйствительнаго существа, называемаго движенiемъ, негодованiемъ, памятью и проч. Человекъ двигается, негодуетъ, помнитъ,

<sup>1)</sup> Dict. philos. Art. Ame.—Il faut prendre un parti.—Lettres de Memmius. III.

бѣгаетъ, спитъ. Эти состоянія мы для удобства называемъ отвле-  
ченнымъ терминомъ, говоримъ о движеніи, о памяти, о бѣгѣ, хотя  
въ природѣ нѣтъ реального существа, нѣтъ особеннаго звѣря, назы-  
ваемого движеніемъ и проч. Точно такъ же, говоря о способности мыш-  
ленія, чувствованія, хотѣнія, мы можемъ употреблять названіе *духъ*,  
но вмѣстѣ съ тѣмъ должны помнить, что это только имя. Между тѣмъ  
подъ это отвлеченіе, подъ это имя, подъ этотъ знакъ схоластики  
подставляютъ дѣйствительное существо, о которомъ мы не имѣемъ  
никакого представленія, оправдываемаго опытомъ. Схоластики назы-  
ваютъ это существо то гармоніей, то гомемеріей, то энтелехіей,  
фантазируютъ объ этомъ фиктивномъ бытіи и считаютъ его источ-  
никомъ нашихъ представленій. Такимъ образомъ, духъ, по мнѣнію  
Вольтера, есть только имя, только отвлеченіе для обозначенія спо-  
собностей мыслить и чувствовать; только въ такомъ случаѣ мы можемъ  
говорить о духѣ. Изучать духъ, по его мнѣнію, значитъ не прони-  
кать въ сущность нѣкаго отдѣльнаго, неизвѣстнаго намъ бытія, о  
которомъ мы не можемъ составить себѣ представленія, а подвергать  
наблюденію факты нашей психической жизни, наши способности чув-  
ствованія и мышленія, проявленія этихъ способностей. Великая заслуга  
Локка, по мнѣнію Вольтера, состоитъ въ томъ, что онъ первый напи-  
салъ естественную исторію души, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это  
слово сейчасъ было разъяснено. Вмѣсто того, чтобъ фантазировать  
объ свойствахъ, качествахъ и принадлежностяхъ нѣкаго мистиче-  
скаго бытія, Локкъ сталъ изучать способности мыслить, чувствовать,  
составлять представленія, и прибѣгалъ при этомъ постоянно къ опыту  
и наблюденію. Его изслѣдованія шли въ разрѣзъ съ господствовав-  
шими воззрѣніями. Онъ долженъ былъ отвергнуть извѣстную теорію  
прирожденныхъ идей, — готовыхъ понятій, одинаково получаемыхъ  
всеми людьми въ утробѣ матери. Онъ бралъ ребенка и слѣдилъ за  
постепеннымъ развитіемъ его способностей; онъ замѣчалъ, какъ эти  
способности мышленія и чувствованія стоятъ въ тѣсной связи съ  
физическими отправленіями организма, какъ онѣ медленно совершен-  
ствуются съ годами, съ приобрѣтеніемъ опытности... Изъ всего этого  
получился первый опытъ научной исторіи души, построенной не на  
произвольныхъ умствованіяхъ, а на строгихъ наблюденіяхъ.

Таково отношеніе Вольтера къ Локку, и такова его собственная  
точка зрѣнія на метафизическіе вопросы. Вы видите, что онъ огра-

ничиваетъ область человѣческаго познанія предметами, доступными нашему опыту и наблюденію. Истинная философія, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобъ во время умѣть остановиться, т. е. остановиться тамъ, гдѣ мы не можемъ болѣе руководствоваться свѣточемъ опыта. Принципы вещей, ихъ сущности, останутся для насъ вѣчно скрытыми, и ни одному философу, говоритъ Вольтеръ, не удастся приподнять покровъ, которымъ природа облекла эти принципы. Субстанція, надъ которой столько возятся метафизики, будетъ для насъ всегда недоступна; уже самое это слово, замѣчаетъ Вольтеръ, означаетъ то, что *подставлено*, то, что *подлежитъ* предмету, и исподъ этотъ навѣки сокрытъ для насъ; это, говоритъ онъ,—тайна провидѣнія. Главная наша задача заключается въ томъ, чтобъ съ умѣньемъ и выгодой пользоваться тѣми орудіями, которыми снабдила насъ природа: при помощи этихъ орудій мы можемъ изучать явленія, но первыя причины, основанія вещей мы будемъ знать лишь тогда, когда станемъ богами. Что такое сама тяжесть? Мы знаемъ извѣстныя свойства тѣлъ, извѣстныя отношенія, но природа, сущность тяжести остается для насъ все-таки неизвѣстной. Мы можемъ производить вычисленія, взвѣшивать, измѣрять, наблюдать; вотъ естественная, нормальная философія, почти все остальное — химеры <sup>1)</sup>).

Такъ, подъ руководствомъ Локка, опредѣлилъ Вольтеръ задачи истинной философіи. Люди противоположнаго лагеря говорятъ другое. Вольтеръ обращается къ Локку, какъ къ мудрому, осторожному, скромному наставнику, какъ къ великому представителю опытнаго метода. Одинъ изъ самыхъ крайнихъ защитниковъ традиціи также ссылается на англійскаго мыслителя, но смотритъ на него съ другой точки зрѣнія. Начало истиннаго философствованія, говоритъ графъ Ж. де-Местръ, есть презрѣніе къ Локку.

## VI.

### Д е и з м ъ В о л ь т е р а .

Въ прошедшій разъ я указалъ на отношенія Вольтера къ метафизикѣ вообще, на его уваженіе къ Локку и опытному методу, на

<sup>1)</sup> D. Phil. Art. Cartésianisme.

его мнѣнія о предметахъ, доступныхъ изученію со стороны человѣка. Теперь я перейду къ его взглядамъ на нѣкоторые отдѣльные пункты въ философскихъ ученіяхъ.

Сначала посмотримъ, какъ относился Вольтеръ къ человѣку и къ тому мѣсту, которое занимаетъ человѣкъ въ природѣ. Эти воззрѣнія представляютъ много любопытнаго. Вы увидите, что Вольтеръ становился на точку зрѣнія, совершенно противоположную схоластикамъ и развивалъ взгляды, получившіе впоследствии полное признаніе въ наукѣ. Схоластическія ученія рассматривали человѣка совершенно отдѣльно отъ окружающей природы, видѣли въ немъ нѣчто совсѣмъ особое, непохожее на прочія явленія дѣйствительности, нѣчто радикально отличающееся отъ другихъ твореній. Для нихъ человѣкъ игралъ роль вѣнца всего мірозданія, царя природы, для котораго сдѣлано все остальное, которому служить и поклоняется вся тварь земная. Къ нему, по мнѣнію схоластиковъ, были неприменимы общіе законы природы: онъ былъ особаго происхожденія, занималъ въ мірѣ привилегированное положеніе, надѣленъ былъ особымъ *духовнымъ* началомъ, которое возвышало его надъ міромъ явленій и сообщало ему гордую независимость. Это духовное начало въ человѣкѣ было заключено въ грубую тѣлесную оболочку, въ которой оно томилось, какъ въ темницѣ, съ которой оно постоянно приходило въ столкновеніе, боролось, и которую оно способно было побѣждать и покорять себѣ. Подобная двойственность человѣка была его оригинальной особенностью; выдѣлявшей его изъ окружающей среды и придававшей ему какую-то загадочность, таинственность, нѣчто непостижимое... Вольтеръ смотритъ на дѣло иначе. Онъ постановляетъ человѣка въ цѣль другихъ твореній, рассматриваетъ его въ тѣсной связи съ прочими явленіями природы, не видитъ въ немъ никакихъ таинственныхъ особенностей и прилагаетъ къ изученію человѣка тѣ же приемы, тѣ же правила, которыми онъ руководствуется и при изученіи природы. Онъ развѣнчиваетъ человѣка, лишаетъ его привилегій и анализируетъ его на ряду съ прочими фактами дѣйствительности,—такъ же спокойно, такъ же осторожно, тѣмъ же путемъ опыта и наблюденія. Въ этомъ отношеніи очень характеристично начало его «Метафизическаго трактата». Принимаясь за изученіе человѣка, пишетъ Вольтеръ, я постараюсь сначала выйти изъ круга его заботъ и интересовъ, отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ и предвзятыхъ представле-



ній и посмотрѣть на него въ качествѣ посторонняго наблюдателя. Предположите, напр., что я спускаюсь на землю съ планеты Марса или Юпитера, что я не имѣю никакихъ свѣдѣній о человѣкѣ, и только начинаю свое знакомство съ нашимъ маленькимъ земнымъ шаромъ. И вотъ—я сошелъ на этотъ комокъ грязи и очутился, напримѣръ, въ странѣ Кафровъ. Что я здѣсь вижу между прочимъ? — Вижу обезьянъ, слоновъ, негровъ; у всѣхъ у нихъ какъ будто есть частичка разума. И у тѣхъ и у другихъ есть рѣчь, или крики, которыхъ я не понимаю; и тѣ и другіе совершаютъ поступки, направленные къ известнымъ цѣлямъ. Если судить по первому впечатлѣнію, то наиболѣе разумнымъ изъ всѣхъ этихъ существъ представляется слонъ. Но для того, чтобъ не дѣлать легкомысленныхъ и поспѣшныхъ заключеній, я беру дѣтенышей у этихъ различныхъ животныхъ. Я подвергаю наблюденію шестимѣсячнаго негртенка, молодого слона, молодую обезьяну, львенка, щенка; я вижу, что у всѣхъ этихъ животныхъ гораздо болѣе силы, ловкости, понятливости, страстности, даже больше памяти, чѣмъ у негртенка, что они гораздо лучше его выражаютъ свои желанія. Но черезъ нѣсколько времени я замѣчаю другое: у негртенка стало больше понятій, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ. Я вижу, кромѣ того, что у этихъ животныхъ—негровъ, языкъ гораздо выразительнѣе, гибче, богаче, чѣмъ у другихъ. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ я все болѣе и болѣе усматриваю превосходство ихъ надъ обезьянами и слонами, по мѣрѣ того, какъ я знакомлюсь съ ихъ природою, я составляю себѣ понятіе объ этомъ человѣкѣ и на основаніи своихъ наблюденій пытаюсь сдѣлать себѣ опредѣленіе: <человѣкъ, это — черное животное съ шерстью на головѣ, которое ходитъ на двухъ лапахъ, почти столь же ловкое, какъ обезьяна, менѣе рослое и сильное, чѣмъ другія изъ рассмотрѣнныхъ мною животныхъ, обладающее большимъ количествомъ представленій и болѣе развитой способностью ихъ выражать, но подверженное тѣмъ же необходимымъ условіямъ: оно рождается, живетъ и умираетъ такъ же, какъ и они>. Затѣмъ наблюдатель переносится въ другія страны, производитъ и тамъ свои наблюденія, записывается новыми свѣдѣніями, новыми сравненіями и постепенно дополняетъ и исправляетъ на основаніи новыхъ опытовъ свое прежнее опредѣленіе.

Въ этихъ замѣткахъ Вольтера для насъ, разумѣется, важны не подробности, а общая точка зрѣнія. Вы видите, что человѣкъ является

частью природы, ея болѣе развитымъ продуктомъ, ея естественнымъ продолженіемъ. Въ этой зависимости отъ обстановки, въ этой тѣсной связи съ окружающимъ онъ и подвергается изученію. Таково различіе между прежней манерой изучать человѣка и новымъ методомъ. Къ этому новому методу приходятъ всѣ просвѣтители XVIII в. Онъ выставленъ и знаменитымъ Бюффономъ. «Первая истина, говоритъ Бюффонъ, вытекающая изъ серіознаго изслѣдованія природы, заключается въ томъ, что человѣкъ самъ долженъ стать въ одномъ ряду съ животными». Мѣсто его можетъ быть выше, но оно на той же лѣстницѣ, въ томъ же порядкѣ. Подобное отношеніе къ человѣку, какъ справедливо замѣчаетъ Тэнъ, устанавливаютъ совершенно новые приемы въ такъ называемыхъ моральныхъ наукахъ. Науки нравственныя, имѣющія своимъ предметомъ человѣка, — психологія, антропологія и сама исторія — сдѣлываются съ науками физическими, становятся ихъ развитіемъ и продолженіемъ... То же воззрѣніе на человѣка и на мѣсто, занимаемое имъ въ природѣ, проводится Вольтеромъ въ его остроумныхъ замѣткахъ къ «Размышленіямъ» Паскаля. Замѣтки эти Вольтеръ началъ писать еще въ 1728 году и затѣмъ постоянно дополнялъ и распространялъ ихъ. Въ то время Паскаль пользовался большой извѣстностью и большимъ авторитетомъ въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ; его книжка *Размышленій* считалась сокровищницей глубокихъ моральныхъ истинъ. Мы знаемъ, что она была написана этимъ замѣчательнымъ литераторомъ и естествовѣдомъ XVII столѣтія уже въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ совсѣмъ покинулъ науку, заболѣлъ серіозной душевной болѣзью, ударился въ мистицизмъ и жилъ у янсенистовъ, въ ихъ обители, предаваясь постояннымъ аскетическимъ упражненіямъ. Это ненормальное душевное состояніе и должно было отразиться на книгѣ Паскаля, которая отличается мистическимъ характеромъ и проникнута самымъ мрачнымъ взглядомъ на жизнь. Человѣкъ представлялся Паскалю нѣкимъ чудовищнымъ, загадочнымъ, непонятнымъ существомъ, въ которомъ борются двѣ враждебныя стихіи: темная матерія и свѣтлое духовное начало. Авторъ «Размышленій» постоянно вздыхаетъ о немощи человѣка, о грѣховности нашей плоти, о противорѣчіяхъ въ нашемъ существѣ, о нашей двойственности. Ключъ къ разясненію нашихъ противорѣчій, по его мнѣнію, заключается въ «великой тайнѣ» первороднаго, наследственнаго грѣха. Сентиментальный пессимизмъ Паскаля,

его аскетическія наклонности, его жалобы на плоть, на судьбу человека, его недовѣріе къ разуму—дѣйствовали на Вольтера раздражительно, и онъ написалъ къ знаменитымъ *Размышлениямъ* злой, подстрочный комментарий. Человѣкъ не загадка, пишетъ Вольтеръ,—какъ вы себя воображаете, для того, чтобъ потомъ имѣть удовольствіе ее разгадывать; человѣкъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ природѣ. Какъ *во всемъ, что вы видите*,—и въ немъ есть добро и зло, чувствуетъ онъ радость и печаль; есть у него влеченія къ дѣятельности, есть у него разумъ, чтобъ управлять поступками. Я согласенъ съ тѣмъ, что въ человѣкѣ есть дѣйствительно непонятное; но вѣдь и въ остальной природѣ есть также непонятное, и въ человѣкѣ вовсе нѣтъ болѣе противорѣчій, чѣмъ въ окружающемъ вообще... Такимъ образомъ пропасть между человѣкомъ и природой была задвинута; на ряду съ прочими явленіями дѣйствительности, въ равной съ ними степени, онъ дѣлается объектомъ строгаго научнаго изученія.

Перехожу къ ученію Вольтера о божествѣ. Отношенія Вольтера къ божеству представляютъ очень выразительный примѣръ той переходной формы богопознанія, которая въ XVIII столѣтіи имѣла большое распространеніе и извѣстна была подъ именемъ *деизма*. Въ Англіи XVII вѣка мы застаемъ ученіе это въ полномъ цвѣтѣ, въ XVIII столѣтіи оно становится одной изъ любимыхъ теорій и французскихъ просвѣтителей. Сущность деизма заключается въ отрицаніи откровенія и въ стремленіи доказать бытіе божіе помимо откровенія—средствами одного мышленія; къ этому присоединялось нерѣдко стараніе утвердить раціональнымъ путемъ и нѣкоторые другіе чистоцерковные догматы. Вообще деизмъ представляетъ попытку обосновать раціонально, упрочить на началахъ разума то, что прежде держалось предашіемъ, вѣрою, авторитетами. Такой характеръ деизма обнаруживается уже на заглавіяхъ тѣхъ сочиненій, которыя были написаны мыслителями—деистами. Гербертъ изъ Шербюри пишетъ трактатъ объ *Истинѣ, насколько она отличается отъ откровенія*, Локкъ пишетъ книгу о *Разумности христіанства*, Толандъ издаетъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Христіанство безъ тайнъ*, въ которомъ онъ старается доказать, что христіанское ученіе вполне сообразно съ разумомъ,—и потому истинно. Вездѣ разумъ противоплагается откровенію и считается главнымъ источникомъ правильнаго богопознанія. Истины откровенныя принимаются, но лишь на столько,

на сколько онъ удовлетворяютъ требованіямъ разума... Сравнительно съ воззрѣніями англійскихъ деистовъ XVII вѣка деизмъ Вольтера представляетъ уже форму значительно упрощенную и сѣуженную. Какъ уже мною не разъ было замѣчено, Вольтеръ относится отрицательно ко всякимъ положительнымъ религіознымъ исповѣданіямъ. Церковно-догматическіе вопросы могли въ немъ возбудить только страсть къ полемикѣ, стремленіе къ ихъ опроверженію, и, какъ мы увидимъ впоследствии, на этомъ поприщѣ онъ и дѣйствовалъ главнымъ образомъ во вторую половину XVIII вѣка, — какъ полемикъ, какъ неутомимый критикъ положительныхъ вѣроученій и преимущественно католицизма. Поэтому Вольтеру и не могло прійти въ голову защищать какія бы то ни было церковно-догматическія положенія или подрѣплять ихъ раціональными доводами; напротивъ того, онъ противъ нихъ-то и ополчался, противъ нихъ-то и направлялъ свои удары. Но вотъ, за что онъ крѣпко держался, вотъ что онъ дѣйствительно защищалъ въ теченіе всей своей жизни: бытіе божества. Весь деизмъ Вольтера и сводится къ попыткѣ доказать при помощи одного мышленія бытіе верховнаго существа, устроителя вселенной. За это положеніе онъ неизмѣнно ратуетъ въ продолженіе всей своей жизни и развиваетъ его въ многочисленныхъ трактатахъ и статьяхъ. Къ какимъ же доказательствамъ прибѣгаетъ Вольтеръ, выставляя свое положеніе?

Доказательства эти не новы. Они уже давно были употребляемы средневѣковыми богословами и схоластиками. Но дѣло въ томъ, что эти доказательства въ средніе вѣка занимали второстепенное положеніе, играли роль подспорья, подмоги, аксессуара. Главнымъ источникомъ богопознанія считалось въ то время откровеніе, а ужъ затѣмъ приводились такъ называемые раціональные доводы. У деистовъ XVII — XVIII столѣтія наоборотъ: откровеніе устраняется, и на первомъ планѣ стоятъ доказательства.—Доказательство, къ которому Вольтеръ чаще всего прибѣгаетъ, которое онъ считаетъ самымъ сильнымъ и убѣдительнымъ,—это такъ называемое *телеологическое*. «Зрѣлище порядка», пишетъ Вольтеръ, «изумительнаго строя, механическихъ и геометрическихъ законовъ, управляющихъ вселенной, безконечныхъ формъ и цѣлей, къ которымъ направлены творенія, возбуждаетъ во мнѣ удивленіе и уваженіе. Если по работамъ людей, если по моимъ собственнымъ трудамъ мнѣ приходится заключать о

нашемъ разумѣ, то тѣмъ болѣе—въ окружающемъ мірѣ я долженъ признать слѣды гораздо большаго разума, болѣе сильной интеллигенціи. Я признаю существованіе этой верховной интеллигенціи и не боюсь, чтобъ когда-нибудь мнѣ пришлось измѣнить мое мнѣніе <sup>1)</sup>). Ничто не потрясаетъ во мнѣ аксіомы: всякое дѣло свидѣтельствуетъ о своемъ творцѣ (*Tout ouvrage démontre un ouvrier*). «Все свя-зано въ этомъ мірѣ» пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «все подчинено вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ, слѣдовательно все это устроено единой интеллигенціей». Къ этому аргументу Вольтеръ возвращается постоянно. *Coeli enarrant gloriam Dei*—небеса повѣдаютъ славу Божію—это изреченіе представляется ему неопровержимымъ доказа-тельствомъ бытія Бога. При этомъ необходимо впрочемъ замѣтить, что Вольтеръ не считалъ божество *создателемъ* вселенной. «Самое слово *созданіе*», говоритъ онъ, «непонятно для меня. Можетъ ли что-нибудь «произойти изъ ничего»? На этомъ основаніи Вольтеръ признаетъ вѣчность и самостоятельность матеріи, и эта вѣчность, по его мнѣнію, нисколько не вредитъ понятію о божествѣ <sup>2)</sup>). Божество является разумнымъ устроителемъ матеріи, вносящимъ порядокъ въ первобытный хаосъ вещества... Такимъ образомъ изъ созерцанія ра-зумности мірового порядка Вольтеръ приходитъ къ понятію о вер-ховной интеллигенціи, о существованіи божества. Но онъ тотчасъ же останавливается и не хочетъ идти дальше въ опредѣленіи свойствъ и качествъ этого божества. «Философія», говоритъ онъ, «учитъ насъ, что міръ этотъ устроенъ непонятнымъ, вѣчнымъ существомъ, но философія не можетъ намъ ничего сообщить объ его свойствахъ и принадлежностяхъ; природа этого существа для насъ совершенно непостижима. Если философія говоритъ намъ, что есть Богъ, то она не въ состояніи сказать, что онъ такое, почему онъ дѣйствуетъ, существуетъ ли онъ во времени и пространствѣ, дѣйствовалъ ли онъ только одинъ разъ или онъ дѣйствуетъ постоянно, существуетъ ли онъ въ мірѣ матеріальномъ или нѣтъ. Нужно стать самимъ богомъ, чтобъ это знать».

Таково блѣдное и неопредѣленное представленіе Вольтера о бо-жествѣ. Этой неопредѣленностью и блѣдностью отличаются вообще

<sup>1)</sup> Phil. ignor.

<sup>2)</sup> Dict. Art. Matière, Dieu.

ученія деистовъ. Отъ прежней традиціонной религіи, отъ поэтическихъ вѣрованій отцовъ, отъ прихотливой и затѣливой теологіи среднихъ вѣковъ не остается ничего, кромѣ тощей, сухой метафизической формулы. Понятно, что люди глубоко вѣрующіе, послѣдовательные католики были до глубины души возмущены теоріей деистовъ и чистосердечно обзывали деистовъ безбожниками, атеистами. Съ ихъ точки зрѣнія, съ точки зрѣнія ревностныхъ, цѣльныхъ католиковъ, такое отношеніе къ деизму было совершенно естественно. Не могли же они въ самомъ дѣлѣ узнать своего дѣятельнаго, вѣчно бодрствующаго, откровеннаго Бога, вся исторія котораго имъ такъ хорошо была извѣстна, въ томъ неопредѣленномъ существѣ, котораго деисты обозначали то верховной интеллигенціей, то премудрымъ архитекторомъ вселенной, то первичной причиной всего сущаго. Богъ философа - деиста не былъ богомъ католицизма, а потому католики съ полнымъ правомъ могли называть деистовъ атеистами: вѣдь деисты не признавали божества откровеннаго, значитъ они, по мнѣнію католиковъ, не признавали *истиннаго* Бога, значитъ они отрицали истинное божество, значитъ — заключали ревнители вѣры — что атеисты, что деисты — все равно, ибо и тѣ и другіе отрицаютъ истиннаго Бога. Поэтому, напр., благочестивый отецъ Гардуинъ еще въ концѣ XVII столѣтія писалъ длинныя обличительныя статьи подъ заглавіемъ «Разоблаченные атеисты», и въ числѣ этихъ атеистовъ помѣщалъ Декарта и Мальбранша.—Разумѣется, мы, съ своей стороны, должны непременно дѣлать различіе между деизмомъ и атеизмомъ: одно ученіе старается доказать раціональнымъ путемъ то, что въ другомъ прямо подлаживаетъ отрицанію. Но переходъ отъ перваго ко второму очень не труденъ, и, какъ мы увидимъ, во вторую половину XVIII вѣка многіе изъ послѣдователей деизма переходятъ къ открытому атеизму. Мы увидимъ, какъ позднѣйшіе вольнодумцы отдѣлились въ этомъ пунктѣ отъ Вольтера и стали совершенно иначе относиться къ самому вопросу о цѣлесообразности. Я, разумѣется, не вхожу въ философское обсужденіе всей этой аргументаціи, и остаюсь на исторической почвѣ, т. е. просто отмѣчаю, какамъ видоизмѣненіямъ и преобразованіямъ подвергаются въ данный историческій моментъ общественныя понятія.

Но сверхъ телеологическаго доказательства Вольтеръ любилъ прибѣгать къ другому аргументу, который также игралъ большую роль

въ XVIII столѣтїи и съ которымъ мы уже нѣсколько познакомились, рассматривая возвращенїя аббата С. Пьера. Этотъ аргументъ состоитъ въ общественной полезности, въ практичности деизма. Для общаго блага, для преуспѣянїя общества и для личнаго счастья человѣка Вольтеръ находитъ необходимой вѣру въ божество, награждающее и наказующее каждаго по дѣламъ: такая вѣра сдерживаетъ, по его мнѣнїю, человѣческія страсти, подаетъ утѣшеніе въ несчастїяхъ и побуждаетъ къ добродѣтельнымъ поступкамъ... «Я вовсе не говорю вамъ», пишетъ Вольтеръ,—«ступайте въ Мекку на поклоненїе черному камню; держите въ рукѣ хвостъ коровы, какъ въ Бенгалѣ; надѣньте наплечникъ и дѣлайте всякія фанатическія нелѣпости, для того, чтобъ прїобрѣсти расположенїе верховнаго существа. Но вотъ, что я вамъ говорю: будьте добродѣтельны, благотворительны, взирайте съ ужасомъ и сожалѣнїемъ на всѣ суевѣрїя; и вмѣстѣ съ тѣмъ признайте вмѣстѣ со мной тотъ мудрый планъ, который обнаруживается во всей природѣ, почитайте и творца этого плана, первую и конечную причину всего существующаго; *питайте надежду, что наша монада будетъ счастлива милостями этого Верховнаго Существа.* Здѣсь нѣтъ противорѣчїя. Вы не докажете мнѣ невозможность этого; я съ своей стороны также не могу вамъ математически доказать истину всего этого. Въ метафизикѣ мы можемъ взвѣшивать только вѣроятности. Мы плывемъ по морю, берега котораго мы никогда не видѣли. Горе тѣмъ, которые дерутся во время плаванїя: пристанетъ къ берегу тотъ, которому это удастся (и если это вообще удастся). Но тотъ, который кричитъ мнѣ: вы плывете напрасно. Пристанїи нѣтъ, — отнимаетъ у меня мужество, лишаетъ меня силъ». Вы видите, что Вольтеръ самъ не придавалъ этому аргументу значенїя точнаго логическаго доказательства. Онъ только настаиваетъ на соціальномъ значенїи, на практичности вѣрованїя. Потому онъ востаетъ противъ Бэйля, полагавшаго возможнымъ государство атеистовъ. По мнѣнїю Вольтера, общество для своего существованїя положительно нуждается въ религіозномъ принципѣ, который представляетъ гарантію порядка, узду, сдерживающую страсти и пороки. Этимъ и объясняются тѣ знаменитыя слова, которыя Вольтеръ на старости лѣтъ написалъ въ письмѣ къ принцу Прусскому: «еслибъ Бога не было, его нужно было бы изобрѣсти», т. е. изобрѣсти въ видахъ общественной пользы; но написавши эти

слова, Вольтеръ тотчасъ же прибавляетъ: «но вся природа гласить, что онъ существуетъ, что есть верховная интеллигенція, безпредѣльная сила, изумительный порядокъ», т. е. снова возвращается къ своему любимому телеологическому доказательству.

Итакъ Вольтеръ въ теченіе своей жизни оставался очень стойкимъ, очень рѣшительнымъ деистомъ, и, какъ мы видимъ, основывалъ свое воззрѣніе главнымъ образомъ на телеологию, т. е. на ученіи о разумномъ планѣ, о мудромъ цѣлесообразномъ устройствѣ вселенной.

При этомъ онъ необходимо долженъ былъ, наравнѣ съ другими деистами, придти въ столкновеніе съ однимъ вопросомъ, который издавна занималъ философовъ. Вопросъ этотъ заключается вотъ въ чемъ: если міръ въ самомъ дѣлѣ такъ разумно устроенъ, если вселенная обязана своимъ распорядкомъ верховной интеллигенціи, то откуда же является на землѣ зло и почему верховная интеллигенція допускаетъ это зло и не пресѣкаетъ?

Много судили и рядили объ этомъ въ первые вѣка христіанства. Образовалась цѣлая секта Манихейянь, которая, для того, чтобъ объяснить существованіе зла на землѣ, предполагала два верховныя начала, управляющія міромъ,—доброе и злое. Отцы церкви и схоластики, въ свою очередь, старались разяснить какъ-нибудь этотъ вопросъ, или, по крайней мѣрѣ, обойти его при помощи какой-либо тонкости. Лактанцій утверждалъ, что Богъ допустилъ зло для того, чтобъ укрѣпить людей въ мудрости и добродѣтели. Василій Великій приписывалъ зло свободной волѣ чловѣка, а свободными Богъ, по его мнѣнію, сдѣлалъ людей для того, чтобъ они любили его по собственному, независимому влеченію, и т. п... Въ средніе вѣка эта еретическая тема была покинута наравнѣ съ другими щекотливыми вопросами. Всѣ сомнѣнія были замирены всеильной вѣрой, все успокоилось въ лонѣ господствующей церкви. Но вмѣстѣ съ первыми признаками умственного пробужденія, въ XII—XIII столѣтіи, роковой вопросъ снова возставалъ, какъ самый существенный и наиболее рѣзко бросающійся въ глаза чловѣку, поколебавшемуся и усомнившемуся въ своихъ вѣрованіяхъ. Умственное броженіе XVI и XVII вѣковъ, выразившееся въ появленіи столькихъ разнообразныхъ сектъ и толковъ, съ новой силой выдвинуло старинную задачу. Объ ней поднимались споры у протестантовъ, реформаторовъ, молинистовъ и



янсенистовъ. За нее принялись и вольнодумцы. Бэйль съ особенной ревностью разсматривалъ ученіе Манихейцевъ; онъ любилъ ссылаться на нѣкоторые аргументы Манихейцевъ и противопоставлять ихъ, дразнить ими ученія схоластиковъ. Бэйль и въ этомъ случаѣ оставался вѣренъ своей привычкѣ: самъ онъ какъ-будто отстранялъ себя отъ спора и ограничивался тѣмъ, что сопоставлялъ противоположныя доктрины, сталкивалъ ихъ и подрывалъ ихъ кредитъ. Въ Англіи пренія велись также съ большимъ интересомъ: вышло сочиненіе Кёдворта и книга епископа Кинга *О происхожденіи зла*.

Въ какое отношеніе стали къ этому вопросу деисты?—Очевидно, что онъ касался ихъ очень близко и висѣлъ, какъ грозовая туча, надъ ихъ доктриной. Деисты порѣшили его очень наивно и оригинально. Въ отвѣтъ на этотъ назойливый вопросъ они придумали теорію *оптимизма*. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія эта теорія пріобрѣтаетъ необыкновенную популяриность въ образованномъ европейскомъ обществѣ: ее раздѣляютъ ученые, ее воспѣваютъ поэты, объ ней толкуютъ въ салонахъ. Въ Англіи ее развиваютъ Шефтсбюри и Болингброкъ, а затѣмъ пѣтъ Попъ въ своемъ пресловутомъ *Опытѣ о челоувѣкѣ*; въ Германіи ее разрабатываетъ Лейбницъ въ своей *Теодицее*; въ томъ сочиненіи, которымъ онъ особенно прославился въ обществѣ своего времени... Сущность оптимизма заключается въ слѣдующихъ словахъ Шефтсбюри: «Можно многое сказать въ отвѣтъ тѣмъ людямъ, которые жалуются на недостатки природы, которые задаютъ вопросъ: почему природа вышла такою безпомощною и порочною изъ рукъ совершеннаго существа. Но прежде всего я отрицаю эти недостатки... Противорѣчія, существующія въ дѣйствительности, порождаютъ красоту; изъ вѣчной борьбы рождается всемірная гармонія... нужно, чтобы каждое существо было принесено въ жертву другимъ, растенія животнымъ, животныя землѣ... Законы тяготѣнія, опредѣляющіе движенія небесныхъ тѣлъ, не могутъ быть нарушены ради какого-нибудь хилаго и слабago животнаго и т. д.». Все въ мірѣ хорошо, утверждали оптимисты, и зла собственно не существуетъ. Мы живемъ въ наилучшемъ изъ всѣхъ міровъ. Все идетъ къ лучшему, частныя бѣдствія и неудачи приводятъ къ общему благу...

Чтобъ объяснить себѣ, какъ могли придти къ такой теоріи люди весьма образованные, начитанные, и почему подобная теорія рас-

пространялась въ обществѣ того времени, слѣдуетъ припомнить, что эпоха, о которой идетъ рѣчь,—XVII и начало XVIII столѣтія,—была періодомъ первоначальнаго развитія новыхъ астрономическихъ системъ, открытія новыхъ физическихъ законовъ. Ученія Галилея, Кеплера, Ньютона,—эти ученія о всеобщей связи между явленіями, о тѣсныхъ соотношеніяхъ между силами, о неизмѣнности міровыхъ законовъ послужили опорой для возвеличенія и прославленія міровыхъ порядковъ. Знакомство съ вѣчными, неизмѣнными отношеніями между небесными тѣлами на первый разъ ослѣпило, наумило изслѣдователей и влекло ихъ все дальше и дальше на зыбкій путь апоптозы «разумной» дѣйствительности. Они все бредили вѣчной гармоніей, созерцали порядокъ вселенной, и стали закрывать глаза передъ существующимъ зломъ. Такова, по моему мнѣнію, историческая подкладка оптимизма XVII и XVIII столѣтія... До какой степени это ученіе было распространено, видно уже изъ популярности Попа и его поэмы; Берлинская академія предложила тему на ученіе Попа объ оптимизмѣ.

Вольтеръ одно время самъ увлекся оптимизмомъ, но очень скоро разсмотрѣлъ его несостоятельность и сталъ къ нему въ рѣзкое отрицательное отношеніе. Но даже и въ ту пору, когда онъ склонялся къ оптимизму, глубокіе реальныя инстинкты, чутье жизненной правды не покидали его; онъ не могъ предать забвенію людскія невзгоды и печали, передъ которыми разсыпаются въ прахъ самодовольныя теоретическія умствованія оптимистовъ. Для примѣра я приведу выдержку изъ его повѣсти *Задигъ*, проникнутой вообще оптимистическими воззрѣніями: «Задигъ направлялъ свой путь, руководствуясь звѣздами. Созвѣздіе Оріона и блестящее свѣтило Сиріуса вели его къ Канопской гавани. Онъ восхищался этими великими свѣтовыми тѣлами, которыя представляются нашему глазу лишь мелкими искрами, между тѣмъ какъ земля—эта ничтожная точка въ мірѣ — кажется нашему гордому сознанію чѣмъ-то великимъ и благороднымъ. Тогда Задигъ представилъ себѣ людей такими, какими они на самомъ дѣлѣ,—насъкомыми, пожирающими другъ друга на крохотномъ комкѣ грязи. Это зрѣлище, казалось, обращало въ ничто его собственныя несчастія, напоминая ему о ничтожествѣ какъ его существа, такъ и Вавилона. Духъ его устремлялся въ сферы безкопечнаго и созерцалъ неизмѣнный порядокъ вселенной. Но когда онъ приходилъ въ

себя и возвращался къ своимъ чувствамъ, онъ начиналъ думать о томъ, что Астарта можетъ быть уже умерла для него: вселенная исчезала въ его глазахъ, и во всей природѣ онъ видѣлъ только умирающую Астарту и несчастнаго Задига».

Но Вольтеръ недолго оставался въ такомъ нерѣшительномъ положеніи и вскорѣ перешелъ къ рѣзкому отрицанію оптимистическихъ взглядовъ на существованіе зла въ мірѣ <sup>1)</sup>. Онъ не могъ успокоиться на такихъ пріемахъ, которые употреблялъ Бэйль, ограничивавшійся по данному вопросу сравненіемъ ученій Манихейцевъ и схоластиковъ. Съ Манихейцами Вольтеръ покончилъ очень скоро: по его мнѣнію, невозможно признать надъ міромъ два верховныхъ существа, совершенно противоположныя въ своихъ стремленіяхъ; какъ же объяснить въ такомъ случаѣ единство, неизмѣнность, постоянство мировыхъ законовъ. Затѣмъ Вольтеръ очень хорошо оцѣнилъ ученіе оптимистовъ-мыслителей. «Что означаетъ ихъ теорія», пишетъ онъ, «что значать ихъ слова: *все хорошо?*—Слова эти означаютъ ничтожное, какъ то, что все въ мірѣ совершается по неизбѣжнымъ законамъ. Но кто этого не знаетъ? — Порядокъ есть, конечно, вездѣ. Если у меня появляется страшная болѣзнь, постепенно растетъ, увеличивается, то все это дѣлается совершенно согласно съ природою, и я претерпѣваю мученія, которыя въ тысячу разъ хуже смерти, но которыя совершенно естественно вытекаютъ изъ моего болѣзненнаго состоянія. Приходитъ искусный врачъ, подвергаетъ меня мучительной операціи... Я ее не выдерживаю. Все это совершается необходимо — по законамъ природы, и такъ же необходимо я умираю въ страшныхъ мученіяхъ. *Все это хорошо*, т. е. все это было прямымъ послѣдствіемъ неизбѣжныхъ физическихъ условій. Я съ вами согласенъ, только я это и прежде вашего зналъ. Не въ этомъ дѣло. Я спрашиваю васъ: признаете ли вы боль, мучительное ощущеніе, — и откуда оно? — Нѣтъ зла вообще, отвѣчаетъ мнѣ Попъ, есть только частныя, отдѣльныя боли и бѣдствія, которыя въ общемъ итогѣ составляютъ общее благо. Хорошо оно — это общее благо (замѣчаетъ Вольтеръ), которое составляется изъ мочевыхъ камней, подагръ, изъ всякихъ преступленій, страданій и смерти!» <sup>2)</sup> Въ другомъ сочиненіи

<sup>1)</sup> 1775 г. Поэма о Лиссабонскомъ землетрясеніи. Кандидъ.

<sup>2)</sup> Dict. Tout est bien.

Вольтеръ еще съ большей горячностью возстаегъ противъ оптимистовъ <sup>1)</sup>. «Эти люди, которые провозглашаютъ, что все хорошо, — шарлатаны. Сами они были очень несчастливы. И Шефтсбюри, и Болингброкъ, и Попъ претерпѣли много непрятностей, много скорбей и неудачъ. Бросьте только бѣглый взглядъ на исторію человѣчества, чтобъ убѣдиться во лжи этой теоріи. Окните взоромъ поля битвъ, войдите въ госпитали, посмотрите на эти города, разрушенные землетрясеніемъ, вспомните о 12 милліонахъ американцевъ, которыхъ умерщвляютъ на 12 милліоновъ ладовъ за то, что они не понимаютъ папской буллы, написанной по-латыни. Осмѣльтесь проманисти эти слова *все хорошо* сегодня 24 августа 1772 года, въ день годовщины Варооломеевской ночи»... Такимъ образомъ Вольтеръ никакъ не могъ примириться съ доктриной оптимистовъ, отрицавшихъ въ мѣрѣ всякое зло. Факты дѣйствительности слишкомъ рѣзко противорѣчили этой теоріи. Но съ другой стороны онъ признавалъ верховную разумную интеллигенцію, устроившую міровой порядокъ. Какъ же примирить это противорѣчіе, какъ согласить существованіе зла въ мѣрѣ съ бытіемъ разумнаго высшаго существа?—Этотъ вопросъ такъ и остался неяснымъ для Вольтера. Иногда онъ прибѣгалъ къ уловкамъ, къ оговоркамъ, и пытался подвести искусственное объясненіе, въ родѣ, напр., слѣдующаго: «вы смертные», пишетъ онъ <sup>2)</sup>, «вы, которые страдаете и мыслите, вы, товарищи мои по мукамъ, поищите вмѣстѣ кое-какого утѣшенія и кое-какихъ объясненій. Я вамъ сказалъ, что въ мѣрѣ есть интеллигенція, есть божество, но сказалъ ли я вамъ, что эта интеллигенція могла лучше устроить мѣръ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ? Могу ли я это знать и предполагать, могу ли я проникнуть въ его предназначенія?.. Есть вещи, которымъ сама верховная интеллигенція не можетъ противиться, которымъ она не можетъ помѣшать: нельзя, напр., сдѣлать такъ, чтобъ прошедшаго не было, или чтобъ будущее не слѣдовало за настоящимъ, или чтобъ математическія истины перестали быть истинами <sup>3)</sup>. Весьма вѣроятно, что и предупредить существующее зло, пресѣчь его, такъ же невозможно для самого Верховнаго Существа». Такимъ образомъ вопросъ остался теменъ для Вольтера. Согласія между обо-

<sup>1)</sup> Il faut prendre un parti.

<sup>2)</sup> Lettres de Memmius, III.

<sup>3)</sup> Cp. Diet. phil. Art. Toute-puissance.

ими данными, между бытіемъ верховной интеллигенціи и существованіемъ зла онъ установить не могъ.—Очевидно въ самой задачѣ, въ самой постановкѣ ея было противорѣчіе.

Въ связи съ деизмомъ Вольтера, съ его отношеніемъ къ боже-ству, находятся и его отношенія къ положительнымъ религіознымъ вѣроученіямъ. Самъ онъ, какъ вы видѣли, не склонялся ни къ какой системѣ религіозныхъ догматовъ. Его культъ былъ крайне простъ и состоялъ только въ признаніи верховнаго существа, въ свойства котораго онъ проникать отказывался, но которое онъ считалъ праведнымъ и мудрымъ. Чѣмъ болѣе какое-нибудь положительное вѣроученіе подходило къ этому образу мыслей, тѣмъ, понятно, Вольтеръ относился къ этому вѣроученію съ болѣшимъ уваженіемъ, тѣмъ выше ставилъ его въ ряду прочихъ вѣроисповѣданій. Католицизмъ съ своими многочисленными догматами, обрядами, житіями, легендами, фабулами, преданіями, съ своей могущественной церковной іерархіей, съ своимъ всемогущимъ папой и мощнымъ духовенствомъ, наконецъ съ своей религіозной нетерпимостью, былъ вполне антипатиченъ Вольтеру и сдѣлался цѣлью его ожесточенныхъ нападковъ. Едва ли не такую же вражду питалъ онъ къ еврейству; впоследствии мы познакомимся съ его страстными полемическими сочиненіями противъ іудаизма. Вообще несравненно мягче онъ относился къ протестантизму, хотя и тутъ—особенно въ кальвинизмѣ—явленія религіозной нетерпимости возбуждали въ немъ пламенное негодованіе. Но гораздо снисходительнѣе относится Вольтеръ къ религіознымъ системамъ Востока, а религія китайцевъ пользуется даже особенными его симпатіями. Китайцы пользовались вообще между просвѣтителями XVIII вѣка большою популярностью, и это фактъ очень характеристическій. Известно, что китайцы—народъ очень трезвый, практическій, съ очень мало развитымъ воображеніемъ, и съ довольно сильно развитыми государственными инстинктами. Господствующая въ Китаѣ религія отличается необыкновенной простотой, бѣдностью ритуала, обрядовъ, церемоній, догматовъ и легендъ. Въ этой религіи просвѣтители XVIII в. и видѣли самородный, естественный деизмъ, а въ Конфуціи—идеальный образъ мудраго религіознаго учителя. Конфуцій, пишетъ Вольтеръ, не разыгрываетъ изъ себя пророка, не возвѣщаетъ новой религіозной системы, не прибѣгаетъ къ чудесамъ, а ограничивается проповѣдью самой чистой морали и культа Верховному Существо.

Поклоняйтесь божеству и будьте справедливы, — въ этомъ, пишетъ Вольтеръ, заключается вся религія китайцевъ. Въ Китаѣ просвѣтителей привлекало и то, что народъ тамъ вообще мало интересовался религіозными вопросами, которые стояли на второмъ планѣ; съ другой стороны, китайцы отличались своимъ трудолюбіемъ, своими мирными наклонностями къ земледѣлю и промышленности. Все это располагало въ свою пользу просвѣтителя, который любилъ выставлять разсудительнаго, практическаго китайца образцомъ полезнаго гражданина.

Затѣмъ, чѣмъ извѣстное религіозное вѣроученіе было богаче постановленіями и правилами, чѣмъ больше сторонъ народной жизни оно захватывало, чѣмъ могущественнѣе были его жрецы, его іерархія, — тѣмъ болѣе отдалялось оно отъ идеаловъ просвѣтителей и тѣмъ чаще подавало имъ поводъ къ обличенію. Съ полемическими трудами Вольтера по этому вопросу мы познакомимся позднѣе, когда будемъ разсматривать вторую половину столѣтія, періодъ пропаганды и агитациі, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ его міросозерцанія.

## VII.

### Ученіе о свободной волѣ въ сочиненіяхъ Вольтера.

Ученіе о свободной волѣ, въ той формѣ, въ какой оно было разработано англійскими мыслителями XVII и начала XVIII столѣтія, въ той формѣ, въ какой оно необходимо должно представляться послѣдователямъ опытнаго метода и непредубѣжденнаго мышленія, далось Вольтеру послѣ продолжительной борьбы. Какъ вы видѣли, новое міросозерцаніе разсматривало всѣ данныя дѣйствительности въ ихъ взаимной связи, слѣдило за зависимостью явленій отъ окружающихъ условій и за воздѣйствіемъ ихъ на другія явленія, раскрывало тѣсныя соотношенія между наблюдаемыми фактами. Ту же самую послѣдовательность, преемственность и зависимость, которую просвѣтители находили въ природѣ вообще, они замѣчали и при анализѣ человѣческихъ поступковъ: всякій актъ человѣческой воли представлялся обусловленнымъ, мотивированнымъ, подчиненнымъ извѣст-

нымъ, необходимымъ прецедентамъ. Для пресловутой *свободной воли* человека не стало мѣста, къ ней начали относиться отрицательно... Вольтеръ не сразу помирился съ этимъ необходимымъ послѣдствіемъ новыхъ просвѣтительныхъ ученій. Сначала онъ испытывалъ нетерпѣливую досаду на теорію, которая, повидимому, лишала его самого полной самостоятельности, которая какъ-будто сковывала его намѣренія, самые помыслы его, — лишала его возможности располагать по усмотрѣнію собственной особой. Но, чѣмъ болѣе онъ осваивался съ новыми научными принципами, чѣмъ болѣе онъ вникалъ въ характеръ новаго ученія, тѣмъ болѣе онъ склонялся на сторону всѣхъ его логическихъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ и по этому вопросу согласился съ англійскими мыслителями, и уже до самаго конца своей жизни оставался ревностнымъ защитникомъ *условной* свободы человека. Прослѣдимъ любопытную исторію этой внутренней борьбы Вольтера.

Въ «Метафизическомъ трактатѣ», относящемся къ 1734 году, Вольтеръ рѣшительно отстаиваетъ свободу въ человекѣ. Свобода эта, по его мнѣнію, состоитъ въ способности выбора: человекъ можетъ поступить такъ или иначе, и рѣшеніе его въ данномъ случаѣ независимо отъ какихъ-нибудь условій и мотивовъ. Фактъ рѣшенія ничѣмъ не опредѣляется, ничѣмъ не мотивируется: это точно чудо, это своего рода *созиданіе* чего-то изъ ничего. Доказательства въ пользу такого заключенія Вольтеръ приводитъ очень слабыя. Онъ напр., указываетъ на собственное сознаніе человека: человекъ сознаетъ, считаетъ себя свободнымъ, и этого будто бы совершенно достаточно для того, чтобы признать существованіе свободной воли. А если кто-нибудь, продолжаетъ Вольтеръ, скажетъ мнѣ, что я ошибаюсь, что мое сознаніе обманываетъ меня, что мнѣ только такъ кажется, что я свободенъ, а въ сущности свободы у меня нѣтъ, — что это такое же заблужденіе, какъ напр., то, почему солнце представляется нашему зрѣнію величиной въ два фута, — то я отвѣчу вотъ что: еслибъ на самомъ дѣлѣ у меня свободы не было, то боже-ство не стало бы обманывать меня, не стало бы внушать мнѣ ложное представленіе о моей свободѣ, и т. п. Въ 1737 году Вольтеръ продолжаетъ защищать свободу воли въ своей перепискѣ съ Фридрихомъ Великимъ, который былъ тогда еще наслѣднымъ принцемъ прусскимъ (переписка Вольтера съ Фридрихомъ началась приблизи-

тельно за годъ до этого времени). Видно по всему, что этотъ вопросъ крайне интересовалъ Вольтера. Въ одномъ изъ писемъ къ Фридриху онъ сообщаетъ цѣлую небольшую статью о свободѣ воли, въ которой повторяются въ общихъ чертахъ аргументы, высказанные въ «Метафизическомъ трактатѣ». Фридрихъ стоитъ на противоположной точкѣ зрѣнія и отвергаетъ свободу, какъ несомнѣстную съ представленіемъ объ общей законности и условности всѣхъ явленій. Споръ этотъ развивается въ цѣломъ рядѣ писемъ, постепенно становится слабѣе, оба противника понемногу отдаляются отъ вопроса и наконецъ вовсе оставляютъ его; но аргументація Фридриха, какъ кажется, подѣйствовала на Вольтера, и мы сейчасъ увидимъ перемѣну въ его воззрѣніяхъ.

Если судить о взглядахъ Вольтера *только* по «Метафизическому трактату», по указанной перепискѣ, да по его Дидактическому Стихотворенію *о челоѣкъ*, которое было также написано около этого времени и проникнуто тѣми же идеями, то можно придти къ самому невѣрному выводу. Нѣкоторые французскіе изслѣдователи, на основаніи поименованныхъ мною сочиненій, прямо заключаютъ, что Вольтеръ всегда отстаивалъ свободу воли. Это говорятъ Берсо, Барни, Альберъ. Они стараются доказать то, что имъ любо, чего имъ надобно. Берсо, напр., хочетъ во чтобы то ни стало выставить Вольтера рѣшительнымъ спиритуалистомъ и съ этой цѣлью подтасовываетъ въ своей книжкѣ «*La Philosophie de Voltaire*» отрывочныя выдержки. Приемы этихъ господъ представляютъ весьма рѣзкій примѣръ научной недобросовѣстности. Они скрываютъ отъ читателя убѣжденія, къ которымъ Вольтеръ пришелъ черезъ два-три года послѣ означенной переписки и которыя онъ проповѣдовалъ въ теченіе всей остальной своей жизни, которыя онъ проводилъ неумоимо во множествѣ сочиненій. Замѣтите, что мнѣнія о свободной волѣ, высказанныя имъ въ 30-хъ годахъ, оставались долгое время неизданными; они изложены въ «Метафизическомъ трактатѣ», напечатанномъ послѣ его смерти, да въ частной перепискѣ его съ Фридрихомъ. Напротивъ того, во всѣхъ его крупныхъ произведеніяхъ, появившихся послѣ 1740 года, во всѣхъ его блестящихъ памфлетахъ и брошюрахъ, однимъ словомъ во всѣхъ продуктахъ его пропаганды мы находимъ другое воззрѣніе, къ которому онъ пришелъ около 1740 г. и котораго держался до самой смерти. Такимъ образомъ, какъ проповѣдникъ, какъ лите-



раторъ, Вольтеръ является защитникомъ *условной* свободы. Какъ я уже сказалъ, къ этому послѣднему воззрѣнію онъ пришелъ въ концѣ 30-хъ годовъ.

До насъ дошло очень любопытное письмо Вольтера къ Гельвеціусу, написанное осенью 1738 года, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его спора о свободѣ воли съ Фридрихомъ. Въ этомъ письмѣ Вольтеръ говоритъ уже другимъ тономъ. Онъ еще старается держаться прежнихъ воззрѣній, силится уцѣпиться за нихъ, но уже самъ долженъ сознаться въ недостаточности и шаткости своихъ доказательствъ. Аргументы Фридриха, собственныя размышленія, прилежныя занятія естественными науками подкопали его прежнія представленія. Вотъ какъ выражается онъ въ означенномъ письмѣ къ Гельвеціусу: «Признаюсь вамъ въ томъ, что долгое время блуждалъ я въ этомъ лабиринтѣ, тысячу разъ обрывалась моя путеводная нить, но все-таки я возвращаюсь къ тому, что благо общества требуетъ того, чтобъ человѣкъ считалъ себя свободнымъ. Всѣ мы дѣйствуемъ согласно съ этимъ принципомъ, и мнѣ кажется нѣсколько страннымъ отрицать въ теоріи то, что мы признаемъ на практикѣ. Я начинаю, любезный другъ, болѣе цѣнить жизненное счастье, чѣмъ истину; и еслибъ, къ великому горю, фатализмъ оказался истиной, мнѣ не хотѣлось бы принять эту жестокою истину. Отчего-жъ не предположить, что Верховное Существо, даровавшее мнѣ непостижимую способность разумѣнія, могло дать мнѣ и немножко свободы. Мы чувствуемъ себя свободными. Неужели оно обмануло насъ всѣхъ? Однако, это похоже на доводы старыхъ бабъ. Вы видите, что, запутавшись въ разсужденіяхъ, я прибѣгаю къ чувству». Письмо это весьма характерично. Вольтеръ чувствуетъ зыбкую почву подъ ногами. Глубокое сомнѣніе закралось въ его душу, отъ котораго онъ не можетъ избавиться. Онъ видитъ, что трудно логически обосновать ученіе о *свободѣ* воли. Но ему въ то же время тяжело разстаться съ нимъ, онъ боится фатализма, онъ старается какъ-нибудь обойти роковую теорію, и самъ тутъ же раскрываетъ свои маневры. Мы увидимъ, какъ самъ Вольтеръ впоследствии показалъ всю неосновательность людскаго страха передъ этимъ пугаломъ фатализма. Такимъ образомъ, сомнѣнія Вольтера усилились. Въ скоромъ времени они высказались еще въ болѣе рѣзкой формѣ.

Въ *Началахъ Ньютоновой философіи*, изданныхъ Вольте-

ромъ около 1740 года, мы находимъ двѣ главы, посвященныя вопросу о человѣческой свободѣ. На этихъ двухъ главахъ мы остановимся подробнѣе. Здѣсь Вольтеръ еще не высказывается категорически за условную волю, онъ какъ будто колеблется, но вы увидите изъ всего изложенія, что воззрѣнія его со времени «Метафизическаго трактата» совершенно перемѣнились и обратились въ противоположныя. Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о человѣческой волѣ, Вольтеръ указываетъ на сочиненіе англійскаго вольнодумца Коллинса о *Свободѣ мысли*, направленное противъ безусловной воли и заслуживающее, по мнѣнію Вольтера, самаго серьезнаго вниманія. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ трудъ Коллинса имѣлъ вліяніе на Вольтера и содѣйствовалъ перемѣнѣ его воззрѣній. Онъ самъ указываетъ на это въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій. Въ статьѣ «Le Philosophe ignogant» Вольтеръ рассказываетъ, какъ сильно занималъ его вопросъ о свободѣ. «Я прочиталъ схоластикова», пишетъ онъ, «и остался вмѣстѣ съ ними во мракѣ. Прочиталъ я Локка, и увидалъ лучи свѣта. Затѣмъ прочиталъ трактатъ Коллинса, который показался мнѣ усовершенствованнымъ Локкомъ, и съ тѣхъ поръ я ничего не читалъ, что увеличило бы степень моихъ познаній въ этомъ вопросѣ». Возвращаемся къ «Началамъ Ньютоновой философіи».

Вольтеръ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ беретъ различные виды человѣческихъ поступковъ и разсматриваетъ ихъ въ связи съ тѣми мотивами, которые могли ихъ опредѣлить, съ тѣми вліяніями, подъ которыми они могли совершиться. Бываютъ случаи, когда акты человѣка обуславливаются какой-нибудь сильной страстью, когда сила сужденія слабѣетъ и организмъ разстроенъ; въ такихъ случаяхъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о свободѣ подобныхъ актовъ: мотивъ очевиденъ, страсть роковымъ образомъ распоряжается человѣкомъ. Есть и другіе случаи, когда ясно, что человѣкъ руководствуется нѣсколькими различными мотивами. Я чувствую напр. страсть, и въ то же время мой разумъ заключаетъ, что слѣдуетъ сопротивляться этой страсти; страсть влечетъ меня къ совершенію извѣстнаго поступка, но мой умъ представляетъ мнѣ гораздо большее благо, гораздо лучшую перспективу, гораздо болѣе благопріятный исходъ, если я поступаю наперекоръ страсти. Эти два мотива: страсть и сужденіе борятся другъ съ другомъ; одинъ изъ

этихъ мотивовъ одолеваетъ, и этому сильнѣйшему мотиву я повинуюсь, повинуюсь *необходимо*, онъ заставляетъ меня дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Здѣсь мотивы ясны, и актъ является результатомъ сильнѣйшаго. Воля опредѣлена. Но есть еще третій случай, въ которомъ у насъ какъ будто нѣтъ никакихъ опредѣляющихъ мотивовъ, никакихъ поводовъ, необходимо обуславливающихъ наше рѣшеніе. Давайте, говоритъ Вольтеръ, попробуемте нашу свободу. Напримѣръ, мнѣ предлагаютъ повернуть страницу направо или налѣво, выбрать наудачу четъ или нечетъ. Для меня все равно какъ то, такъ и другое: никакая страсть меня не побуждаетъ выбрать именно то, а не другое; сужденіе здѣсь, повидимому, также ни при чемъ. И вотъ я выбираю. Я поворачиваю страницу, какъ мнѣ хочется, напримѣръ, направо, и дѣлаю это будто совершенно свободно, по собственной прихоти, безъ всякихъ опредѣляющихъ мотивовъ. Въ этомъ случаѣ Вольтеръ колеблется и хочетъ признать абсолютную свободу. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ онъ, развѣмы не опредѣляемъ сами, безъ всякихъ мотивовъ, нашей воли въ этихъ индифферентныхъ обстоятельствахъ. Но сейчасъ же онъ одумывается и разрѣшаетъ свои колебанія слѣдующими замѣчаніями: «возможно ли», говоритъ онъ, «рѣшиться на что-либо, сдѣлать что-либо безъ всякаго основанія безъ всякой причины? — Ты хочешь, но почему ты такъ хочешь? *Все на свѣтѣ имѣетъ причину*, значить и твоя воля, твое хотѣніе должно имѣть причину. Ты хочешь что-либо вслѣдствіе того послѣдняго представленія, которое ты получилъ или которое возникло въ твоей головѣ (тоже по опредѣленнымъ причинамъ). Тебѣ говорить: четъ или нечетъ. Ты выбираешь четъ, и, разумѣется, не замѣчаешь въ эту минуту того мотива, который руководитъ тобой при выборѣ. Но мотивъ этотъ состоитъ въ томъ, что представленіе о четѣ явилось въ твоемъ умѣ въ ту самую минуту, когда тебѣ нужно было рѣшиться; это же представленіе, какъ вообще всякое представленіе, въ свою очередь обусловлено мотивами: впечатлѣніями, другими мыслями, и т. д. Еслибъ человѣкъ былъ свободенъ, еслибъ онъ могъ абсолютно распоряжаться своей волей, хотѣть независимо отъ своихъ представлений, начинать и дѣлать поступки безъ опредѣляющихъ условій, то въ такомъ случаѣ мы были бы въ состояніи ежеминутно измѣнять строй всего міра, все сцѣпленіе причинъ, всю преемственность явленій. Вотъ почему мудрый Локкъ не держаетъ

произнести слова *свобода*, свободная воля представляется ему химерой. Онъ не знаетъ иной свободы, кромѣ способности и возможности дѣлать то, что хочется, но нельзя хотѣть безъ причины». Нужно сознаться, заключаетъ Вольтеръ эту главу, что на доводы противниковъ свободной воли можно возражать только неопредѣленными, краснорѣчивыми тирадами. Въ другой главѣ Вольтеръ еще рѣзче выставляетъ свои сомнѣнія противъ свободы воли... Я приведу два изъ его замѣчаній, которыя интересны потому, что прямо указываютъ, въ какой связи эта новая теорія воли стоитъ со всѣмъ новымъ міросозерцаніемъ, со всѣми тѣми космологическими воззрѣніями, которыя возвѣщала просвѣтительная эпоха: «Этотъ міръ», пишетъ Вольтеръ, «развѣ онъ не подчиненъ во всѣхъ частяхъ своимъ неизмѣннымъ законамъ? Еслибъ человекъ могъ по собственному произволу управлять своей волей, то не ясно ли, что онъ въ такомъ случаѣ могъ бы нарушать эти неизмѣнные законы». И далѣе: «на основаніи какой привилегіи человекъ не будетъ подчиненъ той же необходимости, какъ и звѣзды, животныя, растенія и вся остальная природа?» Здѣсь окончательно признается зависимость человека отъ окружающаго, здѣсь онъ окончательно поставляется въ одинъ рядъ съ другими явленіями природы, и рассматривается, какъ звено въ безконечной цѣпи твореній.

Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Вольтера уже нѣтъ рѣчи о сомнѣніяхъ или о колебаніяхъ по этому вопросу. Ученіе о волѣ обусловленной, которое я сейчасъ приводилъ, утверждается рѣшительно, категорически, и развивается писателемъ съ замѣчательнымъ блескомъ и отчетливостью. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ превосходный небольшой трактатъ, написанный въ 1766 г. и изданный подъ заглавіемъ: «*Le Philosophe ignorant*». «Не существуетъ ничего безъ причины», пишетъ Вольтеръ. «Слѣдствіе безъ причины, это—безсмысленное выраженіе. Всякій разъ, какъ я чего-нибудь хочу, мое хотѣніе основывается на сужденіи—хорошемъ или плохомъ; сужденіе мое необходимо, слѣдовательно и воля моя тоже необходима. Дѣйствительно, было бы странно, что вся природа, всѣ свѣтила повинуются вѣчнымъ законамъ, и что въ то же время существуетъ маленькое животное въ пять футовъ ростомъ, которое, на зло всѣмъ этимъ законамъ, можетъ дѣйствовать, какъ ему нравится, по одной только прихоти. Значитъ, это животное стало бы дѣйстви-

вать случайно, а известно, что случая въ сущности не бываетъ. Мы избрѣли это слово для того, чтобъ выразить известныя намъ послѣдствія всякой неизвѣстной для насъ причины. Мои идеи необходимо появляются въ моемъ мозгу; какимъ же образомъ моя воля, которая зависитъ отъ этихъ идей, можетъ быть въ одно и то же время и зависимой отъ необходимости и безусловно свободной? На самомъ дѣлѣ, быть свободнымъ, значить—мочь. Когда я могу сдѣлать то, что я хочу,—у меня есть свобода; но я *необходимо* хочу того, чего хочу; въ противномъ случаѣ—я хотѣлъ бы безъ основанія, безъ причины, что невозможно. Свобода моя заключается въ томъ, чтобъ ходить, когда я хочу ходить и когда у меня нѣтъ подагры. Свобода моя состоитъ въ томъ, что я не совершаю дурного поступка, когда мой умъ необходимо представляетъ себѣ этотъ поступокъ дурнымъ;—въ томъ, что я подавляю страсть, когда мой умъ указываетъ мнѣ на опасныя послѣдствія этой страсти и когда отвращеніе отъ дурного акта побораеъ во мнѣ стремленіе къ этому акту. Подавлять страсти мы можемъ, но въ этомъ подавленіи мы нисколько не свободнѣе, какъ и въ томъ случаѣ, еслибъ мы потакали имъ, потому что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, мы неизбѣжно повинемся нашей послѣдней идеѣ, а эта послѣдняя идея опять-таки необходима, слѣдовательно я необходимо дѣлаю то, что она мнѣ предписываетъ». Въ заключеніе Вольтеръ замѣчаетъ, что философъ, авторъ статьи, который излагаетъ теперь въ этой формѣ ученіе о волѣ, прежде держался другого мнѣнія; но онъ принужденъ былъ сдаться! Онъ указываетъ этимъ самымъ на ту внутреннюю борьбу, которую онъ вынесъ, разбирая роковой вопросъ. Къ довершенію прибавлю еще нѣсколько словъ Вольтера изъ другой статьи <sup>1)</sup>: «невозможно, чтобъ человѣкъ желалъ чего-нибудь безъ причины. Но если эта причина не влечетъ за собой неизбѣжнаго послѣдствія, то она больше не причина. Облако, которое сказало бы вѣтру: я не хочу, чтобы ты меня гналъ, не было бы абсурднѣе чловѣка, отказывающагося это признать»...

Такова окончательная форма, въ которой Вольтеръ излагаетъ ученіе о волѣ, и въ такой формѣ воззрѣніе это утверждено было и позднѣйшими просвѣтителями. Согласно съ этимъ ученіемъ, вся-

<sup>1)</sup> Il faut prendre un parti.

кій актъ человѣка является обусловленнымъ опредѣленными мотивами, которые въ свою очередь опредѣлены мотивами предшествовавшими. Такимъ образомъ всякій актъ нашъ стоитъ въ болѣе или менѣе замѣтной зависимости отъ всей прежней нашей жизни; онъ такой же естественный продуктъ нашего существа, какъ и другія отправления нашего организма. Всякій актъ, какъ говоритъ Дидро, является послѣднимъ результатомъ всѣхъ тѣхъ состояній, ощущеній, понятій, которыя пережилъ человѣкъ со времени своего рожденія до самаго момента дѣйствія.

Развивая теорію условной воли, Вольтеръ очень хорошо зналъ, какія впечатлѣнія производитъ она обыкновенно на людей, не вдумавшихся въ ея значеніе, схватившихъ одну ея внѣшность, и преимущественно на людей дѣла, на практиковъ. Онъ самъ находился въ прежнее время въ положеніи этихъ послѣднихъ людей относительно означенной теоріи, ему самому трудно давалось это ученіе, оно казалось ему мрачнымъ, неутѣшительнымъ; потому-то онъ очень хорошо понималъ, какія препятствія встрѣчаетъ обыкновенно это ученіе объ условной волѣ въ умахъ, что заставляеть людей отрицать ученіе, закрывать передъ нимъ глаза, убѣгать отъ него. Вотъ что, по мнѣнію Вольтера, приходится слышать сплошь да рядомъ въ публикѣ: «не вѣрьте фатализму, ибо если вы примете эту систему, все въ мірѣ вамъ покажется неизбѣжнымъ, вы ничего не станете дѣлать, вы обратитесь къ полному индифферентизму, вы перестанете цѣнить богатства, почести, похвалы, вы не захотите ничего пріобрѣтать, вы будете отрицать за собой всякое достоинство, всякую силу; таланты пропадутъ, ихъ никто не будетъ воздѣлывать, все погибнетъ жертвою апатіи». Вотъ какіе доводы приводитъ Вольтеръ отъ лица такъ называемыхъ опытныхъ, житейскихъ людей, и вотъ *въ какомъ смыслѣ* онъ имъ на это отвѣчаетъ: пожалуйте, не опасайтесь, милостивые государи! Всегда будутъ у насъ извѣстныя страсти, извѣстныя влеченія и сужденія; эти страсти, эти влеченія и сужденія необходимо будутъ направлять насъ къ дѣятельности. Потребности наши за нами останутся; онѣ необходимо будутъ побуждать насъ къ извѣстнымъ поступкамъ <sup>1)</sup>. Мы *необходимо* будемъ работать надъ задачами жизни, будемъ отыскивать средства къ лучшему устроенію нашего

---

<sup>1)</sup> Ср. art. Destin.

быта, будемъ стремиться къ радостямъ, будемъ избѣгать печалей, будемъ попрежнему мыслить, любить, и бороться. «Хоть бы я», пишетъ Вольтеръ, «я чувствую непреодолимое влеченіе писать то, что я теперь пишу, пропагандировать это; у меня сложился извѣстный образъ мыслей, извѣстныя убѣжденія, которыя меня вынуждаютъ на это. Ты, можетъ быть, съ своей стороны чувствуешь непреодолимое желаніе меня осуждать. Твоя натура побуждаетъ тебя дѣлать зло; моя натура заставляетъ меня любить истину, и на зло тебѣ возвѣщать ее людямъ. Какая же тутъ апатія, гдѣ же тутъ бездѣйствіе!—Нечего страшать фатализмомъ, словно какимъ-то страшнымъ призраккомъ. Неужели мы перестанемъ ѣсть, пить, спать, устриваться въ жизни, помогать другимъ, вести борьбу съ природой — на томъ основаніи, что поступки наши опредѣляются, мотивируются, обусловливаются, а не совершаются по какому-то чудесному и непонятному наитію?— Неужели дурной поступокъ перестанетъ быть дурнымъ, утратитъ свой вредный характеръ, не будетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, и неужели хорошій поступокъ лишится для насъ значенія,—если мы будемъ знать, что и тотъ, и другой необходимо совершенны, вслѣдствіе опредѣленныхъ мотивовъ. Фактъ останется фактомъ, зло останется зломъ, добро — добромъ».

Но вотъ что существенно важно въ этой теоріи, вотъ что поможетъ намъ и въ практической жизни, вотъ къ какимъ дѣйствительно полезнымъ практическимъ результатамъ она можетъ привести. Принявъ ее, мы будемъ разсматривать каждый человѣческій актъ, какъ продуктъ извѣстныхъ мотивовъ. Человѣческій актъ не представляется для насъ какимъ-либо капризомъ, чудомъ, непонятнымъ вдохновеніемъ, какой-то нивѣсть откуда появившейся инициативой, а результатомъ извѣстныхъ условій, подлежащихъ наблюденію, изслѣдованію, изученію. Принявъ теорію просвѣтителей, мы станемъ внимательнѣе и осторожнѣе относиться къ человѣческимъ поступкамъ, мы будемъ стараться ихъ выяснять, распознать ихъ мотивы и пружины. Объ этихъ естественныхъ мотивахъ и факторахъ акта мы составимъ себѣ извѣстное представленіе. Этимъ новымъ представленіемъ, этимъ новымъ познаніемъ мы и воспользуемся на практикѣ. Мы естественно, необходимо, будемъ употреблять наши силы, наши старанія (насколько, разумѣется, позволятъ намъ физическія условія), чтобы отвращать или предупреждать эти мотивы, если они влекутъ ко злу, и напро-

тивъ распространять ихъ, увеличивать ихъ число и значеніе, если они влекутъ къ добру. Только на этой научной почвѣ, на этомъ знакомствѣ съ условіями человѣческой дѣятельности и можетъ быть построено серьезное воспитаніе или разумное социальное совершенствованіе. Мы впоследствии дѣйствительно увидимъ, какъ съ этимъ новымъ отношеніемъ къ человѣку и къ его дѣятельности стоятъ въ связи въ XVIII столѣтіи новыя педагогическія приемы, новыя воззрѣнія на уголовное право, и сама теорія прогресса, само стремленіе къ совершенствованію. Когда мы вѣримъ въ абсолютную свободу человѣческой воли, намъ нечего заботиться ни о воспитаніи, ни объ исправленіи человѣка или общества: если человѣкъ дѣйствуетъ не на основаніи опредѣленныхъ мотивовъ и соображеній, не по какимъ-нибудь причинамъ, а *такъ*, зря, наобумъ, или, какъ говорятъ, случайно,—то, понятно, никакія педагогическія системы, никакія общественныя учрежденія не могутъ оказать вліянія на его дѣятельность; въ такомъ случаѣ—нельзя ни предусмотрѣть, ни предупредить ничего, ни направить къ извѣстной цѣли, да нечего и мотивовъ изучать: какіе тамъ мотивы! рубить человѣкъ направо и налево, какъ попало, безъ всякихъ основаній. Напротивъ того, когда мы проникнемся той истиной, что всякій поступокъ человѣка необходимо опредѣляется условіями, мы станемъ изучать эти условія, а изученіе и познаніе этихъ условій дастъ намъ возможность увеличивать число однихъ мотивовъ, уменьшать число другихъ. И мы *необходимо* будемъ стараться объ этомъ, такъ какъ это связано съ нашимъ собственнымъ благосостояніемъ. Наши старанія будутъ естественно вытекать изъ нашихъ естественныхъ влеченій къ нашему благу, нашей пользѣ, нашему счастью.

---

### УШ.

Теорія морали.—Естественнонаучные труды Вольтера.

Остановимся теперь на отношеніяхъ Вольтера къ моральнымъ понятіямъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что въ очень хорошей книгѣ Геттнера тѣ двѣ страницы, которыя авторъ посвящаетъ воззрѣніямъ Вольтера на мораль, страдаютъ нѣкоторой односторонностью:



онѣ составлены по монографіи Берсо, а Берсо хотѣлъ во что бы то ни стало придать всему міросозерцанію Вольтера отгѣнокъ спиритуализма и потому съ одной стороны преднамѣренно опускалъ весьма важные факты, съ другой — придавалъ нѣкоторымъ отрывкамъ такое значеніе, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что по этому вопросу Вольтеръ высказывался не всегда съ одинаковой ясностью и рѣшительностью; потому нѣкоторыя замѣчанія его и давали поводъ къ различнымъ толкованіямъ.

Всѣ народы, говоритъ Вольтеръ, имѣютъ общія основанія морали. Всѣ народы признаютъ и почитаютъ нѣсколько главныхъ принциповъ, которые можно назвать естественнымъ закономъ. Всюду признается, что должно держать свое слово и соблюдать свои обязательства, что не слѣдуетъ умерщвлять своихъ ближнихъ, клеветать на нихъ, обманывать, быть неблагодарнымъ. Это извѣстно и понятно всему міру, и вы не найдете общества, въ которомъ бы считалось добродѣтельнымъ нарушать свое обѣщаніе или умерщвлять друга. Такого рода правила сводятся къ одному коренному началу, которое гласитъ слѣдующимъ образомъ: поступай съ другими такъ, какъ ты бы хотѣлъ, чтобъ поступали съ тобой; не дѣлай вреда своимъ ближнимъ, т. е. обществу, въ которомъ ты живешь. Поступки, полезные для общества, говоритъ Вольтеръ, называются добродѣтелями, а вредные — пороками. Во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, человѣкъ считается тѣмъ добродѣтельнѣе, чѣмъ болѣе онъ посвящаетъ себя на служеніе общему дѣлу.—Понятное дѣло, говоритъ Вольтеръ, что приложеніе этого общаго правила: поступай такъ, какъ ты бы хотѣлъ, чтобы поступали съ тобой, и самыя представленія объ общественной пользѣ бываютъ различны, смотря по странамъ и народностямъ. Но общія основанія морали вездѣ одинаковы. Такъ напр. въ Лакедемонѣ допускалась кража, которая наказуется во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ, но почему она допускалась? Потому что имущество тамъ было общее и похитить у кого-нибудь то, что онъ присвоивалъ себѣ, наперекоръ закону, значило — служить обществу. У многихъ дикарей въ обычаѣ — пожирать своихъ враговъ; но они не станутъ поѣдать своихъ соплеменниковъ, потому что это было бы противно интересамъ ихъ самихъ, интересамъ того общества, которое они составляютъ. Укажите мнѣ, говоритъ Вольтеръ, какой-нибудь народецъ, какую-нибудь семью, гдѣ было бы

напр. дозволено нарушать заключенное обязательство и не исполнять данного слова. Представьте себѣ двухъ субъектовъ на землѣ: они будутъ называться добрымъ, добродѣтельнымъ, справедливымъ то, что они сочтутъ хорошимъ и полезнымъ для нихъ двоихъ. Представьте себѣ четырехъ, и добродѣтелью будетъ то, что будетъ согласоваться съ желаніями и потребностями всѣхъ четырехъ, и если одинъ изъ нихъ съѣстъ ужинъ своего товарища, побьетъ или умертвитъ его, онъ этимъ самымъ подниметъ противъ себя остальныхъ. Такимъ образомъ, заключаетъ Вольтеръ, всюду понятія о добрѣ и злѣ определяются представленіями объ общественной пользѣ. Эти моральные понятія—необходимыя условія существованія всякаго общества. Безъ нихъ, безъ этихъ основныхъ правилъ поведенія немыслимо никакое общежитіе. Они установлены самой природою человѣка, который есть животное общественное и чувствуетъ непреодолимое влеченіе къ жизни стадомъ, роємъ, гуртомъ. Подобно тому, какъ божество сообщило пчеламъ и муравьямъ стремленіе къ общежитію, котораго нѣтъ ни у волковъ, ни у соколовъ, такъ и человѣку оно дало потребность къ быту соціальному, къ жизни въ обществѣ. Таковы натуральныя основанія морали.

Но, говоритъ Вольтеръ, неужели нѣтъ абсолютнаго добра, независимаго отъ человѣка. Это все равно, замѣчаетъ онъ, что спрашивать, существуетъ ли само по себѣ горькое и сладкое, пріятный или дурной запахъ—безъ отношенія къ намъ. Если найдется кто-либо, который изъ всего этого выведетъ заключеніе, что такъ какъ абсолютнаго добра и зла нѣтъ, а есть только относительное, то можно дѣлать все безнаказанно, можно безъ всякаго удержа отдаваться страстямъ, вредить всячески обществу, и проч. и проч.—я могу сказать этому человѣку, что вѣроятно его повѣсятъ, потому что для такихъ-то людей и существуютъ законы. Пусть тотъ человѣкъ, говоритъ Вольтеръ, который желаетъ совершать безнаказанно всякія преступленія, сначала посмотритъ, есть ли въ его распоряженіи преданная армія тысячъ во сто, да и тутъ онъ рискуетъ навлечь на себя вражду всего рода человѣческаго. А если это просто частное лицо, то—имѣй онъ сколько-нибудь смысла — онъ увидитъ, что задумалъ дѣло очень нехорошее, что его непременно накажутъ, какъ врага общества; если даже на него падетъ только подозрѣніе за его замыслы, то онъ сдѣлается предметомъ всеобщаго презрѣнія и не-

ненависти. Всякій разсудительный человѣкъ придетъ къ заключенію, что быть порядочнымъ и честнымъ — согласуется съ его собственнымъ интересомъ...

Вы видите въ этихъ воззрѣніяхъ общія, еще мало опредѣленные очертанія той утилитарной теоріи морали, которая получила широкое развитіе во вторую половину XVIII столѣтія и затѣмъ все болѣе и болѣе разрабатывалась въ XIX вѣкѣ. Въ такой формѣ изложены воззрѣнія Вольтера въ его «Метафизическомъ трактатѣ» <sup>1)</sup>, въ одной изъ главъ его «Основаній Ньютоновой философіи» (I, VI) и въ одномъ письмѣ къ Фридриху. Онъ развиваетъ подобныя же воззрѣнія и въ позднѣйшихъ трактатахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что Вольтеръ нѣсколько разъ и съ особенной настойчивостью указываетъ на свое несогласіе съ Локкомъ по моральному вопросу, но это несогласіе только внѣшнее. Вольтеръ утверждаетъ, что онъ съ своей стороны признаетъ общіе принципы морали, а что Локкъ ихъ отрицаетъ. Но въ сущности и Вольтеръ и Локкъ развиваютъ то же самое. Ни тотъ, ни другой не признаютъ врожденныхъ всѣмъ людямъ моральныхъ идей. Вольтеръ прямо высказывается противъ врожденныхъ нравственныхъ понятій, — и, какъ мы видѣли, сводитъ мораль къ общественной пользѣ, опредѣляетъ ее потребностями общественнаго союза. Дѣло все въ томъ, что Локкъ высказывается рѣзче, Вольтеръ — болѣе мягко, робко и уступчиво <sup>2)</sup>. Иногда Вольтеръ рѣшается выставить положеніе, которое, какъ будто, противорѣчитъ Локку, но лишь только онъ начинаетъ объяснять и развивать его въ подробностяхъ, онъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и англійскій мыслитель.

Разсматривая моральныя понятія, Вольтеръ не обратилъ вниманія на одну очень важную сторону этого вопроса, именно на исторію этихъ понятій. Въ XVIII столѣтіи, вслѣдствіе низкаго уровня, на которомъ стояла историческая наука, означенная сторона не привлекала на себя должнаго вниманія даже самыхъ мощныхъ и острыхъ писателей. Но въ наше время, благодаря замѣчательному развитію и распространенію историческихъ знаній, вопросъ объ развитіи и ви-

---

<sup>1)</sup> Chap. IX.

<sup>2)</sup> Ср. Локка, Опытъ I, ch. 3, § 2 и § 10.

доизмѣненія моральныхъ понятій все чаще и чаще становится предметомъ обсужденія и анализа. Возврънція моральныя, какъ и всякія другія возвращенія, подлежатъ историческому развитію, и, если угодно, совершенствованію. По мѣрѣ совершенствованія самого общежитія, прогрессируютъ и нравственныя представленія. Въ процессѣ развитія моральныхъ понятій мы замѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующія особенности. Въ первобытныхъ, изолированныхъ общественныхъ союзахъ требованія морали простираются на очень незначительный районъ и прилагаются только къ членамъ одного племени. Считается добродѣтельнымъ приносить пользу своей мелкой, обособленной, общественной группѣ: соблюденіе обязательствъ, благотворительность, правдивость, состраданіе, участіе и проч. качества уважаются лишь по отношенію къ соплеменникамъ, и въ той же узкой сферѣ подвергаются общественному порицанію преступленія, проступки, пороки. Напротивъ, убить, ограбить, обмануть иноплеменика не только не считается преступленіемъ, но иногда прямо выставляется заслугой. Затѣмъ, чѣмъ общественный союзъ становится шире, чѣмъ чаще онъ приходитъ въ столкновеніе съ другими союзами, чѣмъ чаще происходитъ между народностями взаимный обмѣнъ услугъ и мыслей, тѣмъ сильнѣе укрѣпляется сознаніе общности интересовъ, тѣмъ шире дѣлается кругъ морали. Припомнимъ только, какое существенное измѣненіе въ моральныхъ теоріяхъ послѣдовало въ заключительный періодъ античнаго міра и въ первые вѣка нашей эры,—въ ту эпоху, когда Римляне распространили свое владычество на все побережье Средиземнаго моря и охватили своей государственной сѣтью южную Европу, западную Азію, сѣверную Африку, и проникли на сѣверъ до самой Британіи. Образовалось громадное общественное тѣло, всѣ члены котораго были соединены между собою извѣстными интересами, нуждами и заботами. Сближеніе дѣлалось необходимымъ, повсюду завязались взаимныя сношенія, заплелись общія дѣла. Превъзятая исключительность пропала,—и въ это самое время мы застаемъ образованіе новой моральной теоріи, которая не имѣла въ виду отдѣльныя, изолированныя племена, а отмѣчена чисто космополитическимъ характеромъ. Какъ вамъ извѣстно, является мораль стоиковъ и христіанъ, какъ теоретическое обобщеніе потребностей и интересовъ новаго, разросшагося общества. Іудей, Эллинъ, Римлянинъ, варваръ и скиѣтъ — ко всѣмъ нимъ прилагаются тѣ же моральныя

требованія, относительно всѣхъ нихъ признаются тѣ же моральныя обязательства.—Въ наше время можно замѣтить еще большее расширеніе этого круга моральныхъ понятій. Взаимные интересы сплелись еще тѣснѣе, раскинулись еще дальше. Къ этому нужно прибавить, что съ одной стороны историческій опытъ и умственное развитіе должны содѣйствовать выясненію взаимныхъ интересовъ и болѣе отчетливому ихъ пониманію, а съ другой — продолжительное, социальное треніе, долгая жизнь въ обществѣ образуетъ въ человѣкѣ извѣстныя моральныя привычки и инстинкты, которые передаются по наслѣдству отъ одного поколѣнія другому и становятся все сильнѣе и сильнѣе съ теченіемъ исторической жизни. Мораль современнаго развитогаго человѣка является очень сложнымъ продуктомъ его убѣжденій, его разсуждающей способности, его расчетовъ и тѣхъ социальныхъ привычекъ, которыя переданы были его поколѣнію вѣками исторической жизни. Вотъ это историческое осложненіе моральныхъ понятій и не получило должнаго мѣста въ теоріяхъ Вольтера и многихъ другихъ просвѣтителей.

Этимъ я закончу обзорѣніе метафизическихъ вопросовъ, надъ которыми работалъ Вольтеръ въ 30-хъ годахъ, въ своемъ спокойномъ замкѣ Сирэ,—и перейду къ другимъ занятіямъ писателя. Мнѣ уже случалось говорить, что занятія Вольтера были крайне разнообразны, и его интересы отличались необыкновенной разносторонностью. Разнохарактерность его занятій и влеченій вытекала изъ самихъ потребностей его натуры. «Нужно сообщать духовнымъ стремленіямъ своимъ всевозможныя формы», пишетъ онъ въ 1737 году одному изъ своихъ близкихъ друзей. «Духъ нашъ, это—пламя, дарованное намъ божествомъ; мы должны поддерживать и питать это пламя всѣмъ, что только мы находимъ драгоцѣннаго. Слѣдуетъ внести въ наше бытіе всѣ вообразимыя интересы, раскрыть нашу душу всякимъ познаніямъ и чувствамъ; лишь бы все это не путалось, для всего этого найдется мѣсто!» Въ такомъ же топѣ пишетъ пріятельница Вольтера г-жа Дю-Шатлэ Аржанталю, одному изъ друзей Вольтера. Въ то время, когда Вольтеръ жилъ въ Сирэ и вмѣстѣ съ г-жей Дю-Шатлэ ревностно занимался естественными науками и математикой, до которой она была большая охотница, очень многіе находили, что М-те Дю-Шатлэ черезъ-чуръ отвлекаетъ своего друга отъ чисто-литературныхъ занятій и кружить ему голову своими точ-

ными науками. Правда, что Вольтеръ и пріятельница его очень усердно занимались въ это время Ньютономъ, но и другіе интересы забыты не были. Ньютонъ, выражался Вольтеръ, тотъ богъ, на алтарь котораго мы приносимъ жертвы; но у насъ есть часовни и для прочихъ божествъ. Вотъ какъ пишетъ маркиза въ вышеозначенномъ мною письмѣ къ Аржанталю: «Ради математики мы вовсе не покинули поэзіи. Въ нашемъ счастливомъ уединеніи мы не пренебрегаемъ никакими занятіями. Любить одну науку и возненавидѣть всѣ остальные — есть признакъ странной умственной односторонности; подобный фанатизмъ слѣдуетъ предоставить тѣмъ, которые думаютъ, что угодить божеству можно только въ одной ихъ сектѣ. Конечно, можно отдавать преимущество то одному, то другому роду занятій, но это вовсе не значить быть исключительнымъ. Постараемся раскрыть нашу душу всѣмъ задачамъ, интересамъ и удовольствіямъ, которыя сдѣлала для насъ доступными природа». Таково было настроеніе обитателей Сиръ. Вольтеръ и его образованная пріятельница не ограничивались какой-либо отдѣльной областью знанія и распространяли свой интересъ на множество разнообразныхъ вопросовъ. Какъ я уже замѣтилъ, изученіе естественныхъ наукъ въ это время занимало видное мѣсто въ ряду занятій Вольтера, и это изученіе оказывало очень значительное вліяніе на все его міросозерцаніе, на весь его умственный складъ. Оно еще болѣе укрѣпляло и поддерживало его въ тѣхъ реальныхъ философскихъ воззрѣніяхъ, которыя онъ вырабатывалъ себѣ подъ руководствомъ Локка и другихъ англійскихъ мыслителей. Объ этихъ естественнонаучныхъ трудахъ Вольтера я и скажу теперь нѣсколько словъ.

Знакомство Вольтера съ нѣкоторыми естественнонаучными вопросами никакъ нельзя назвать поверхностнымъ и фивольнымъ. Его изученіе вовсе не ограничивалось однимъ бѣглымъ чтеніемъ книжекъ и вѣшнимъ перениманіемъ чужихъ взглядовъ. Труды его отличались замѣчательною основательностью. Уже одно то обстоятельство, что онъ умѣлъ такъ отчетливо, просто и ясно изложить воззрѣнія Ньютона въ своей книгѣ о философіи Ньютона, вышедшей сначала въ 1738 году, потомъ въ новыхъ изданіяхъ въ послѣдующихъ годахъ, — уже это одно показываетъ, что теоретическія начала англійскаго мыслителя были имъ хорошо усвоены. Для того, чтобъ ясно и вразумительно передать что-либо, необходимо это основательно и серьезно

себѣ усвоить и переработать. Кромѣ того, мы застаемъ его въ Сирэ за очень усердными практическими занятіями. Съ опытами онъ знакомился не по однимъ книгамъ, но самъ производилъ ихъ съ необыкновенной тщательностью. До насъ дошла его переписка съ нѣкимъ аббатомъ Муссино, которому онъ отъ 1736 до 1740 года то и дѣло шлетъ порученія: онъ проситъ выслать ему то тотъ, то другой инструментъ, ему нуженъ то телескопъ, то пневматическая машина; и при этомъ онъ не останавливается ни передъ какими издержками; онъ проситъ Муссино переговорить то съ тѣмъ, то съ другимъ ученымъ, велитъ заказывать новые приборы, недавно изобрѣтенные, кромѣ того выписываетъ себѣ изъ Парижа лаборантовъ. Однажды онъ поручаетъ аббату Муссино прислать ему химика, но съ тѣмъ, чтобы этотъ химикъ могъ по воскресеньямъ служить въ замкѣ обѣдню; это пужно было Вольтеру для соблюденія декорума,—тѣмъ болѣе, что на него посматривали очень косо и ходили слухи о его религиозной неблагонадежности. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько времени у Вольтера въ Сирэ была заведена цѣлая лабораторія, и онъ съ большимъ стараніемъ и прилежаніемъ занимался опытами. Изъ естественнонаучныхъ трудовъ, которые онъ выпустилъ въ свѣтъ, одна книга приобрѣла особенную извѣстность и занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи французскаго просвѣщенія, именно: «Начала Ньютоновой философіи», на которыя уже нѣсколько разъ мнѣ приходилось ссылаться.

Ученіемъ Ньютона о тяготѣніи Вольтеръ занимался весьма прилежно по возвращеніи изъ Англій. Ему оказывалъ въ этомъ нѣкоторую помощь извѣстный ученый того времени Мопертюи, который тогда былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей Ньютона во Франціи. Во Франціи, въ первую половину XVIII столѣтія, все еще было въ почетѣ картезіанское представленіе о движеніи земли и другихъ планетъ. Это была одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ ученія Декарта. Именно—по понятіямъ картезіанцевъ, все пространство, занимаемое нашей солнечной системой, наполнено массой мельчайшихъ частичекъ, которыя кружатся какъ въ водоворотѣ и уносятъ за собой въ своемъ движеніи всѣ планеты. Французская officialная наука того времени придерживалась этой *теоріи вихрей* и очень туго поддавалась новому ученію о тяготѣніи. Не только ученые, но и само общество освоилось съ этими куріозными вихрями и пристрастилось къ нимъ, отчасти благодаря вліянію Фонтенелля, который немало содѣйство-

валъ популяризаціи какъ серіозныхъ, такъ и слабыхъ сторонъ Декартова ученія. Мопертюи—одинъ изъ первыхъ—выступилъ въ защиту Ньютона и противъ вихрей. Но труды Мопертюи, по изложенію, были мало доступны публикѣ того времени и картезіанство продолжало царить даже въ образованныхъ кружкахъ. Заслугой Вольтера была популяризація Ньютоновой теоріи. Въ его книгѣ ученіе великаго англійскаго мыслителя изложено было ясно, живо, общедоступно; она сразу завладѣла вниманіемъ общества и оказала значительное вліяніе на измѣненіе общественныхъ понятій. До какой степени въ этомъ сочиненіи Вольтера было много новаго для французскаго общества того времени, какимъ революціоннымъ характеромъ оно отличалось, какъ рѣзко противорѣчило оно официально признаннымъ ученіямъ, видно уже изъ того, что канцлеръ Дагессо не дозволилъ печатать книгу Вольтера во Франціи, и авторъ долженъ былъ издавать ее въ Голландіи. Кромѣ ученія Ньютона, Вольтеръ занимался многими другими естественнонаучными вопросами. Особенно сильно интересовался онъ явленіями свѣта, теплоты и также движеніемъ. Характеристика его трудовъ въ этой области представлена въ книгѣ Saigeu (о физикѣ Вольтера) и въ статьѣ Дюбуа-Реймона.

Какъ я уже сказалъ, всѣ эти занятія должны были отразиться на его міросозерцаніи и содѣйствовать выработкѣ въ немъ трезваго критическаго отношенія къ явленіямъ дѣйствительности. Вліяніе естественныхъ наукъ на большинство просвѣтителей было очень значительно. Не одинъ Вольтеръ, а большинство вольнодумцевъ XVIII вѣка занималось естествовѣдѣніемъ, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть характеристическій признакъ времени. Вольтеръ, въ этомъ случаѣ, является представителемъ просвѣтителей. Тотъ методъ, тѣ приемы, къ которымъ они прибѣгали въ своихъ естественнонаучныхъ занятіяхъ, они вносили и въ обсуждения вопросовъ философскихъ, моральныхъ и политическихъ. Мы уже видѣли, какъ философскіе труды Вольтера обнаруживаютъ совершенно новое отношеніе къ природѣ, какъ во всѣхъ нихъ болѣе или менѣе замѣтны новые приемы, новый опытный методъ. Этимъ обстоятельствомъ онъ немало обязанъ своему знакомству съ естествовѣдѣніемъ. Посмотримъ теперь, какъ та атмосфера, среди которой жилъ Вольтеръ въ Сирэ, какъ его занятія естественными науками, какъ его новыя философскія воззрѣнія отразились на его историческихъ трудахъ, на его работахъ по социологіи.



Уже въ 1728 году Вольтеръ началъ писать одно историческое сочиненіе, которое и было издано имъ въ 1731 году. Это—*Исторія Карла XII*. Разнообразныя походы шведскаго короля, его многочисленныя походы, его блестящія побѣды, смѣнившіяся жестокими неудачами, вся его богатая занимательными эпизодами біографія привлекла вниманіе Вольтера, который и написалъ на эту тему очень гладкое, изящное повѣствованіе. Но собственно научнымъ означенный трудъ назвать нельзя. Исторія Карла XII не болѣе, какъ образцовый въ стилистическомъ отношеніи рассказъ, который съ удовольствіемъ читался современниками, но который для насъ не можетъ представлять серьезнаго интереса. Здѣсь Вольтеръ является только искуснымъ повѣствователемъ: въ это время онъ еще не задумывается надъ общими задачами историческаго вѣдѣнія, надъ вопросами философско-историческаго характера. Около 1740 года, послѣ естественнонаучныхъ и философскихъ занятій, онъ снова обратился къ исторіи, и тутъ отношенія его къ исторической наукѣ получили впервые оригинальный отпечатокъ. Онъ посмотрѣлъ совершенно иначе на задачи историка, и этотъ поворотъ, эти новыя воззрѣнія на исторію объясняются именно тѣмъ новымъ міросозерцаніемъ, которое себѣ выработалъ Вольтеръ въ 30-хъ годахъ, тѣмъ оживленнымъ, бодрымъ умственнымъ состояніемъ, которымъ онъ пользовался въ Сирѣ среди разнообразныхъ и освѣжающихъ занятій—опытной философіей и естествовѣдѣніемъ.

Впослѣдствіи самъ Вольтеръ очень любопытно рассказывалъ о началѣ своихъ философско-историческихъ трудовъ. Его рассказы необыкновенно живо рисуютъ намъ впечатлѣніе, которое долженъ былъ въ то время испытывать человекъ трезвый, освоившійся съ новыми философскими воззрѣніями, сблизившійся съ естественными науками, привыкшій къ простымъ, послѣдовательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ приѣмамъ естествовѣдѣнія,—при столкновеніи съ исторіографическимъ матеріаломъ, съ историческими руководствами и пособіями XVII и начала XVIII вѣка. Вольтеръ рассказываетъ, что на серьезныя занятія исторіей онъ наведенъ былъ желаніемъ, выраженнымъ маркизой дю-Шатлэ—познакомиться съ главнѣйшими и достопримѣчательными событіями прошедшаго. Передъ Вольтеромъ и передъ маркизой лежали тѣ пособія, тѣ изслѣдованія, которыя въ началѣ XVIII столѣтія были въ распоряженіи ученыхъ и образованныхъ людей. Что

же нашли они въ сочиненіяхъ историковъ, что прежде всего бросилось имъ въ глаза въ историческихъ компиляціяхъ и разсужденіяхъ того времени?—Вольтеръ и маркиза на каждомъ шагу встрѣчались съ самыми дикими нелѣпостями, отъ которыхъ они такъ давно отвыкли, изучая естественныя науки. Историки постоянно твердили о всякихъ чудесныхъ причинахъ событій, совершенно свободно и чисто-сердечно распоряжались въ своемъ разсказѣ всякими сверхъестественными факторами, безъ малѣйшаго сомнѣнія передавали рядомъ съ засвидѣтельствованными историческими данными ихъ легендарныя украшенія, мѣшали басню съ правдой, сказку съ былью, и громоздили одну на другую историческія диковинки. Они исполнены были самаго грубаго невѣжества, ихъ труды обличали полное незнакомство съ естественными условіями всякихъ явленій. Оба наши мыслителя поражены были «возмутительнымъ враньемъ», которымъ изобиловали историческія книги. «Нѣсколько ученыхъ», разсказываетъ Вольтеръ, «преддавались разысканіямъ о томъ, когда Европа была похищена Юпитеромъ, и они приходили къ заключенію, что это случилось ровно въ 1300 году до Рождества Христова. Другіе опровергали 59 мѣнѣй о днѣ рожденія Ромула, сына бога Марса и весталки Реи Сильвіи; вмѣстѣ съ тѣмъ эти господа предлагали по этому вопросу свою теорію, по счету—60-ю. Намъ приходилось пощипать со смѣху отъ всѣхъ этихъ басней, о которыхъ такъ серьезно спорили въ теченіе столѣтій». Оба философа обратились къ среднимъ вѣкамъ; здѣсь нашлось еще больше куріозовъ. «Ангелъ приноситъ съ неба знамя монахамъ монастыря Св. Діонисія, голубь приноситъ въ Реймсъ склянку съ масломъ, двѣ арміи змѣй даютъ гдѣ-то въ Германіи правильное сраженіе, архіепископа Майнцаго осадили и заѣли крысы; и вѣдь въ придачу ко всему этому (замѣчаетъ Вольтеръ съ нетерпѣливой досадой) они указываютъ годъ каждаго событія. И нашъ аббатъ Ленгле компилируетъ себѣ, да компилируетъ эти нелѣпости; за нимъ повторяютъ ихъ сотни альманаховъ, и вотъ какъ обучаютъ молодежь исторіи!.. Захотѣли мы узнать о претензіяхъ германскихъ императоровъ на Римъ, о доводахъ папъ противъ императоровъ, о дарѣ Пипина и Карла Великаго; мы нашли путаницу и темень. «Такъ что», прибавляетъ Вольтеръ, «когда мнѣ приходилось дѣлать выписки, я постоянно отмѣчалъ на поляхъ: *Vide, quæra, dubita*».—И вотъ—первымъ долгомъ историка представляется Вольтеру отбросить всѣ эти

пустяки, обличить ложь дѣписателей, показать недѣпность общепризнанныхъ историческихъ басней, подвергнуть источники разбору, очистить, отдѣлить правду отъ вымысла. Это требованіе положено было имъ въ основаніе исторіографіи. Обязанность историка прежде всего «отнестись съ точки зрѣнія *здраваго смысла* ко всѣмъ баснямъ прошедшаго, баснямъ, исполненнымъ несообразностей и противорѣчій». Такимъ образомъ, первымъ условіемъ историческаго изслѣдованія признана критика источниковъ, критика, основанная на требованіяхъ здраваго смысла и не допускающая никакихъ чудесныхъ, сверхъестественныхъ факторовъ. Для насъ это—историческая азбука, это представляется самымъ элементарнымъ требованіемъ историка. Для того времени это было—рѣзкимъ разрывомъ съ традиціей, съ общепринятою манерой исторіографовъ: на слово вѣрить источнику, безъ разбора передавать историческія данныя, впрочемъ по возможности украшать источникъ собственными измышленіями, присоединять иногда собственные схоластическія и теологическія толкованія и уснащать разсказъ сладкимъ витійствомъ. Критическое отношеніе къ источникамъ, анализъ историческихъ данныхъ мы находимъ у Бэйля. Но Бэйль не оставилъ намъ цѣльнаго философско-историческаго труда и притомъ не выставлялъ своего пріема общимъ принципомъ, общимъ правиломъ для всякаго историческаго изслѣдованія. Это сдѣлалъ Вольтеръ.

---

## IX.

### Вольтеръ, намъ историкъ.

Я сказалъ, что заслугой Вольтера въ исторической наукѣ было во-первыхъ, признаніе критическаго принципа, необходимости разобратъ и провѣрить передъ лицомъ здраваго смысла всякіе источники. Этимъ самымъ устранены были изъ области исторіи чудодѣянія, сверхъестественныя, вмѣшательства, и баснословныя традиціи отдѣлены отъ исторической истины. Таковъ былъ первый шагъ къ серіозной исторической наукѣ, таково было необходимое начало научнаго отношенія къ явленіямъ прошедшаго. Изслѣдователю прежде всего нужно было освободиться и въ этой области отъ господствовавшихъ традицій,

взглянуть просто и трезво на факты прошедшаго, приложить къ историческимъ даннымъ ту же мѣрку, тотъ же критеріумъ, который былъ прилагаемъ къ явленіямъ природы, однимъ словомъ—видѣть въ прошедшемъ дѣла людскія, а не чудеса, не диковинки, не волшебныя небыллицы.

Безспорно, положить начало такому отношенію къ явленіямъ исторіи было большою заслугой. Но этимъ далеко не ограничивается роль историка въ наше время: это только необходимое предварительное условіе, необходимый приступъ къ исторической работѣ. Во время Вольтера существенной задачей представлялось разбивать традиціи, указывать на несостоятельность того или другого факта, сообщаемого историками. И вотъ Вольтеръ повелъ ожесточенную атаку противъ историческаго матеріала; онъ хѣрялъ, вычеркивалъ, выбрасывалъ басню за басней, легенду за легендой: это—невѣроятно, другое—нелѣпо, третье—противорѣчить подлиннымъ свидѣтельствамъ, четвертое—несогласно съ человѣческой природой. Въ наше время задача историка сложнѣе, и онъ не можетъ удовлетвориться рѣзкими полемическими приѣмами XVIII вѣка. Историкъ XIX вѣка, равно какъ и читатель XIX вѣка, давно отвыкли отъ всего чудеснаго, и потому не считается нужнымъ серьезно опровергать какія-нибудь басни и чудодѣянія, считается излишнимъ доказывать, что такія-то и такія-то происхожденія Ромула и Рема, Геркулеса и Омфалы невозможны и противорѣчатъ дѣйствительности. Требования предлагаются другія, и они могутъ быть сформулированы слѣдующимъ образомъ. Басня, сказка, легенда есть глупость и вздоръ, но эта глупость, эта нелѣпость почему-либо сложилась въ человѣческомъ сознаніи, на ней воспитались многія поколѣнія, этой нелѣпости вѣрили въ теченіе многихъ вѣковъ. Посмотримъ, нѣтъ ли подъ ней правды, нельзя ли извлечь изъ нея положительныхъ данныхъ для исторіи человѣчества, не можетъ ли она сообщить намъ признаки и черты извѣстнаго состоянія умовъ, не можетъ ли она послужить матеріаломъ для характеристики религіозныхъ вѣрованій, понятій и общественнаго быта. И вотъ начинается объясненіе и толкованіе историческихъ фабулъ. На сказку или на преданіе не смотрятъ какъ на повѣствованіе о подлинныхъ дѣйствительно случившихся событіяхъ (какъ то дѣлали схоластики), но вмѣстѣ съ тѣмъ и не хѣрятъ ее, какъ нигде непригодную дичь (какъ то часто дѣлаетъ Вольтеръ и другіе писатели XVIII вѣка): ею стараются вос-

пользоваться, пытаются объяснить ее, извлечь из нея данные, указания, намеки на прошедшую действительность. Вольтеръ отрицалъ басню, какъ безпрокую нелѣпость; историки XIX вѣка объясняютъ ее, какъ нелѣпость интересную, имѣвшую извѣстное значеніе для людей и представляющую любопытный историческій матеріалъ.

Вотъ какъ развивалъ Вольтеръ свои воззрѣнія на историческія фавулы. Въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ нѣсколько миеовъ античнаго міра и дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «всѣ эти басни не имѣютъ иного основанія, какъ человѣческое неразуміе, вкусъ къ чудесному, стремленіе къ подражанію, желаніе превзойти своихъ сосѣдей. Одинъ царь египетскій велитъ похоронить себя въ маленькой пирамидѣ въ 15 футовъ, другой выбираетъ пирамиду въ 100, третій въ 500 или 600 футовъ. Твой царь ѣздилъ моремъ въ восточныя страны, а мой царь былъ на самомъ солнцѣ и въ теченіе одного дня освѣщалъ весь міръ. Ты строишь храмъ быку, а вотъ я — построю крокодилу. Въ твоей землѣ были гиганты, рожденные геніями и волшебницами, а у насъ такъ будутъ другіе гиганты, которые заберутся подъ самое небо и будутъ воевать между собою при помощи утесовъ и горъ. Гораздо легче и даже выгоднѣе *выдумывать и перенимать* всѣ эти сказки, чѣмъ заниматься математикой; при помощи басенъ можно управлять людьми» <sup>1)</sup>. «Все, что Геродотъ рассказываетъ намъ о царяхъ Египетскихъ и Вавилонскихъ, все, что намъ сообщаютъ о волчицѣ Ромула и Рема, что наши варварскіе лѣтописцы выдумали о Фарамундѣ и Хильдерикѣ и прочій вздоръ—не все ли это *басни, порожденныя праздностью?*» <sup>2)</sup>. «Весьма вѣроятно», говоритъ Вольтеръ, «что басни, приписываемыя Эзопу, были придуманы въ Азіи первыми покоренными народами: людямъ свободнымъ не зачѣмъ маскировать истины, напротивъ—съ тиранами можно говорить только параболами, да и то опасно. Очень можетъ быть и то, что такъ какъ люди вообще любятъ образы и басни, то умники и забавлялись рассказывать имъ сказки, не имѣя при этомъ никакой другой цѣли» <sup>3)</sup>. Изъ всего этого вы можете видѣть, какъ относился Вольтеръ къ миеу, легендѣ, сказкѣ. Все это казалось ему произвольнымъ замышленіемъ челоуѣка, выдумкой отъ нечего дѣлать,—или

<sup>1)</sup> Fragments sur l'hist. 1.

<sup>2)</sup> Remarques de l'Essai, XXI.

<sup>3)</sup> Dict. phil., art. Fable.

для того, чтобъ надуть народъ и осѣдлатъ его, или для того, чтобъ отливать пули тиранамъ, или просто, чтобъ дурачить публику вздорными, потѣшными разсказами. Онъ упускалъ изъ вида, что мнѣесть продуктъ извѣстнаго міросозерцанія, что въ немъ выражаются понятія и представленія эпохи, что онъ не изобрѣтается какимъ-нибудь разумникомъ, а постепенно складывается въ народномъ сознани и является результатомъ народныхъ возврѣній—либо на явленія природы, либо на дѣла людскія или на дѣйствительныя историческія событія. Потому-то мы и цѣнимъ мнѣе, какъ отраженіе понятій извѣстной эпохи. Напротивъ, Вольтеръ не придаетъ никакого серіознаго значенія миеологическому, легендарному матеріалу. Очень рѣдко пытается онъ толковать и анализировать мнѣе, и такіе случаи являются у него изолированно<sup>1)</sup>. Обыкновенно смотритъ онъ на эти источники свысока и важности за ними не признаетъ. «Взгляните на исторію народовъ», пишетъ онъ, «первые вѣка—абсурдныя басни. Послѣ этихъ баснословныхъ временъ наступаютъ такъ называемыя времена героическія. Первые похожи на *Тысячу и одну ночь*, гдѣ вовсе нѣтъ правды, а вторыя на рыцарскіе романы, гдѣ вся правда заключается въ нѣсколькихъ датахъ, да именахъ. Такимъ образомъ можно преспокойно игнорировать цѣлыя тысячелѣтія и цѣлыя тысячи книгъ. Затѣмъ слѣдуютъ времена историческія, гдѣ общія черты событій истинны, но гдѣ большинство подробностей—ложь. Нѣтъ ли въ этой лжи чего-нибудь истиннаго? Да, но столько, сколько можно найти золотого порошку въ песчаныхъ отмеляхъ, наносимыхъ нѣкоторыми рѣками. Какъ же собрать этотъ порошокъ? Вотъ какъ: все, что несогласно ни съ физикой, ни съ разумомъ, ни съ природой сердца человѣческаго есть песокъ, остальное, если оно при этомъ засвидѣтельствовано мудрыми современниками, и есть тотъ золотой порошокъ, котораго вы ищете». Вы видите, какъ свободно и беззаботно устраняетъ Вольтеръ изъ области исторіи весь первобытный періодъ: все это вздоръ, котораго нечего знать. Затѣмъ, обращаясь къ періоду историческому, онъ опять-таки главнымъ образомъ настаиваетъ на удаленіи странностей и несообразностей, а не считаетъ нужнымъ ихъ разъяснить, воспользоваться ими, пустить ихъ въ дѣло. Все это очень понятно. По натурѣ своей Вольтеръ былъ главнымъ

---

<sup>1)</sup> Примѣръ у Morley, Voltaire.

образомъ полемистомъ, боевымъ человѣкомъ. Въ схоластическихъ исторіяхъ его времени басня и легенда считались реальной истиной: находили возможнымъ пресерьозно распространяться объ изреченіяхъ Дельфійскаго оракула и о вліяніи его на судьбы человѣчества. Прежде всего нужно было разбить подобныя взгляды; это и сдѣлалъ Вольтеръ <sup>1)</sup>). Проникнуть дальше, *объяснить* мнѣ, рассмотреть его, какъ продуктъ извѣстнаго состоянія умовъ и нравовъ, какъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики извѣстныхъ періодовъ, прослѣдить за его развитіемъ и образованіемъ въ связи съ окружающими условіями,—на это у него не хватало ни охоты, ни историческаго такта. Вольтеръ остался на первой ступени: онъ отвергъ въ исторіи чудесное, сверхъестественное, но возвысился до распознаванія условій и обстановки фактовъ, до анализа этого самаго чудеснаго,—онъ не могъ; ни его натура, ни его время не были этому благоприятны.—Итакъ, первымъ дѣломъ Вольтера, при обзорѣ исторіографическихъ данныхъ, было разбить традиціи; свободно, критически, безъ предразсудковъ отнестись къ матеріалу; разоблачить несообразности, призвать къ суду здраваго смысла «возмутительное вранье» историковъ. Обратимся къ другой сторонѣ его задачи.

Кромѣ этого «возмутительнаго вранья», которое Вольтеръ и маркиза дю-Шатлэ встрѣчали въ историческихъ трудахъ того времени, они поражены были еще другимъ обстоятельствомъ. Какую массу скучныхъ, ненужныхъ деталей, мелочей, подробностей, сообщали эти историки!—Оба философа хотѣли узнать кое-что о нравахъ, объ управленіи, о законахъ и понятіяхъ націи, о состояніи наукъ и искусствъ, и находили нескончаемыя повѣствованія о битвахъ, придворные анекдоты и сплетни, длинныя рацеи о всякихъ короляхъ и королевичахъ. «Какое мнѣ дѣло», говорила маркиза, «мнѣ, французкѣ, знать, что въ Швеціи Эгиль наследовалъ королю Гакену, что Оттоманъ былъ сынъ Ортогула. Я до сихъ поръ не могла окончить ни одного руководства по исторіи новыхъ народовъ. Я находила въ нихъ невообразимую смѣсь: массу мелкихъ событій безъ всякой связи и послѣдовательности, тысячу сраженій, которыя ничего не рѣшили и изъ повѣствованія о которыхъ я даже не могла узнать,

---

<sup>1)</sup> См. особенно *Essai sur les mœurs*, заключительную главу.

какое оружіе употребляли воюющія стороны. Я бросила эти сухія и безконечныя исторія, которыя утомляют разумъ, но нисколько не просвѣщаютъ его». — «Намъ сообщаютъ съ большой тщательностью», говоритъ Вольтеръ, «въ какой день дано было сраженіе, и я не отрицаю того, что это можетъ пригодиться. Намъ разсказываютъ о торжественныхъ коронованіяхъ, о всякихъ церемоніяхъ, о приѣмѣ какого-нибудь посланника, при чемъ не забываютъ ни его швейцара ни его лакеевъ. Пускай будетъ сводъ всѣхъ этихъ деталей, пускай будутъ словари для всѣхъ этихъ мелочей; можетъ статься, придется объ этомъ навести справку». Но, по мнѣнію Вольтера, такія подробности не составляютъ науки: справочная книга и историческое изслѣдованіе—двѣ вещи разныя. «Прочитавши три или четыре тысячи описаній разныхъ битвъ и содержаніе нѣсколькихъ сотенъ дипломатическихъ трактатовъ, я въ сущности ничему не научился. Изъ этихъ баталій и побѣдъ я не узналъ ни французовъ, ни сарацинъ, ни турокъ, ни татаръ. Согласенъ, что, прочитавши мемуары кардинала Ретца, я зналъ отъ слова до слова, что королева-мать сказала г. Жерсе, какія рѣчи держалъ самъ Ретцъ герцогинѣ Бульонской. Оно любопытно, но вовсе не поучительно». — Чего же требовалъ Вольтеръ и его пріятельница отъ серіознаго историческаго изслѣдованія?—Исторію, по мнѣнію Вольтера, долженъ писать человекъ съ «философскимъ смысломъ». Нечего списывать всю эту кучу фактовъ, а слѣдуетъ сообщать новыя, правдивыя и дѣйствительно важныя вещи. Мнѣ бы хотѣлось знать, говоритъ Вольтеръ, каковы были матеріальныя силы страны передъ войной, и насколько онѣ, вслѣдствіе войнъ, увеличились или уменьшились? Была ли Испанія богаче до или послѣ завоеванія Америки?—Какая разница въ ея народонаселеніи при Карлѣ V и при Филиппѣ II? Каково было вообще количество народонаселенія въ цивилизованныхъ странахъ прежде и теперь?—Каковы преобладающіе пороки и добродѣтели каждой націи? Чѣмъ объясняется слабость или мощь ея морскихъ силъ? Какъ обогатилась эта нація въ послѣднее время (при этомъ справиться съ цифрой вывоза)? Какъ развиваются искусства, ремесла, промышленность, и какъ переходятъ они изъ одной страны въ другую? Какъ измѣняются нравы и законы?—Тогда мы узнали бы исторію челоувѣчества вмѣсто историческихъ обрывковъ о разныхъ короляхъ и дворахъ. Нечего производить размысканія напр. о томъ, изъ какого



рода происходит баронъ де-Пуизе или баронъ де-Монлери, воевавшие съ королями Франціи, но слѣдуетъ рассмотреть, какимъ образомъ общество отъ варварскаго состоянія того времени перешло къ современной цивилизаціи. Это и должно быть предметомъ научной исторіи, т. е. исторіи человѣческаго духа. Затѣмъ, говорятъ Вольтеръ, намъ нечего возиться съ баснями древнихъ временъ. Для насъ болѣе интересны послѣдніе вѣка, для насъ исторія становится поучительной около конца XV столѣтія. Это время открытій и изобрѣтеній, возрожденія наукъ и искусствъ, затѣмъ—мы видимъ новую религію, новую политическую систему, распространеніе полезныхъ свѣдѣній, развитіе наукъ, искусствъ, ремеслъ. Вотъ эту исторію и долженъ знать каждый человѣкъ: она намъ близка, она насъ касается, она напоминаетъ намъ о себѣ на каждомъ шагѣ. Очень нужно послѣ всего этого заниматься Салманасаромъ и Мардокемпадомъ, Кайаббаратомъ и Сабако-Метофисомъ. Человѣкъ зрѣлый, развитой, не будетъ повторять сказки своей кормилицы...

Это—вторая заслуга Вольтера. Мы видимъ, что онъ направляетъ историка къ совершенно новому ряду фактовъ, который до этихъ поръ оставался въ пренебреженіи. Именно тѣ явленія прошедшаго, которыя дотошъ признавались второстепенными и не заслуживающими серьезнаго значенія, онъ считаетъ главнымъ предметомъ исторіи. И въ этомъ отношеніи взглядъ Вольтера также опредѣляется эпохой, зависитъ отъ общаго состоянія умовъ. Исторія перестаетъ быть придворной хроникой, генеалогической росписью, церковной или военной лѣтописью, потому что обществомъ овладѣли новые интересы, обнаружались новыя потребности, новыя задачи. Волны исторической жизни выносили на общественную поверхность новый классъ людей, которому не было дѣла ни до придворныхъ анекдотовъ, ни до фамильныхъ преданій, ни до стратегическихъ тонкостей. У этого новаго, *средняго* класса людей, съ исторіей котораго мы скоро познакомимся поближе, были иныя нужды и заботы. Когда Вольтеръ въ 50-хъ годахъ принялся за исторію Петра Великаго, вотъ что писалъ онъ между прочимъ графу Шувалову: «Духъ просвѣщенія, господствующій теперь среди главныхъ націй Европы, требуетъ отъ историка основательныхъ свѣдѣній о томъ, чего въ прежнее время касались лишь слегка. Общество хочетъ знать, каково было народонаселеніе въ странѣ въ началѣ эпохи, которую разсматриваетъ пи-

сатель, и насколько оно возросло впоследствии; какова численность войска прежде и теперь; каково состояніе торговли прежде и теперь; какія ремесла и искусства возникли въ самой странѣ и какія были принесены извнѣ и получили въ ней развитіе; каковъ приблизительно обыкновенный доходъ государства—въ прежнее время и теперь; какова пропорція между числомъ дворянъ и духовныхъ, между числомъ монаховъ и земледѣльцевъ и т. п.». Вотъ что хотѣло знать общество того времени: факты экономической, юридической и умственной жизни. Историческая программа Вольтера была такимъ образомъ отвѣтомъ на запросъ самой эпохи. И не одинъ Вольтеръ, но и другіе писатели начинали уже работать въ этомъ направленіи. У очень многихъ историковъ половины XVIII вѣка мы находимъ попытки изображать обычаи, нравы, учрежденія общества и вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ презрительное отношеніе къ батальному и придворному элементу въ исторіи. Съ этого времени все болѣе и болѣе входитъ въ моду культурная сторона исторіи, и въ концѣ прошлаго вѣка уже въ простомъ учебникѣ, въ бездарной компіляціи можно найти обязательную главу *о внутреннемъ состояніи общества*. Сама жизнь требовала этихъ свѣдѣній. Вольтеръ, одинъ изъ первыхъ, откликнулся на ея запросъ, понявъ ея требованія. Съ измѣненіемъ характера самого общества, его стремленій, понятій и идеаловъ, должна была измѣниться историческая наука. «Геродоту, говоритъ Вольтеръ, можно было потѣшать грековъ своими рассказаньями: это хорошо было для того времени. Но Ролленъ, писавшій для французовъ XVIII вѣка, поступилъ дурно, принявъ эти сказки безъ повѣрки и не разоблачивъ ихъ ничтожества» <sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ программа Вольтера, его историческій репертуаръ, представляетъ также важный шагъ впередъ и соответствуетъ измѣнившимся интересамъ времени. *Жизнь общества* была имъ выдвинута, какъ главный предметъ исторіи, и въ этомъ случаѣ онъ также можетъ быть названъ предтечей исторической науки XIX вѣка. Но, указавши на тотъ порядокъ фактовъ, которымъ должны преимущественно интересоваться историки, наглумившись вдоволь надъ археологами и компіляторами своего времени, очистивши поле исто-

---

<sup>1)</sup> Собственно: Rolin a mal fait de ne les pas reduire à leur juste valeur (смысль: указать вдоръ, глупость, показать ничтожество).

рическаго изученія отъ мелочныхъ деталей, Вольтеръ остановился и не пошелъ дальше въ историческомъ анализѣ. Факты были имъ подобраны новые, любопытные, поучительные. Нужно было объяснить эти факты, вскрыть ихъ взаимныя связи и соотношенія, опредѣлять общія условія ихъ развитія и видоизмѣненія. Въ эту внутреннюю механику общественной жизни Вольтеръ проникнуть не могъ. Онъ слишкомъ подвиженъ, нетерпѣливъ, чтобъ подвергнуть серьезному изслѣдованію совокупность явленій общественной жизни, рассмотреть всѣ ея отправленія. Для этого нужно было много спокойствія духа, много осторожности и меньше живости, меньше полемическихъ задатковъ, чѣмъ то было у Вольтера. Потому-то, когда дѣло идетъ объ *объясненіи* какого-нибудь историческаго явленія, объ опредѣленіи его связи и зависимости съ другими явленіями или его вліянія и воздѣйствія, Вольтеръ схватываетъ какой-нибудь внѣшній, незначительный мотивъ и приурочиваетъ цѣлый рядъ крупныхъ историческихъ фактовъ къ какой-нибудь мелкой причинѣ. *Великія событія порождаются ничтожными причинами*, — этой поговоркѣ любить слѣдовать Вольтеръ, и самъ Бокль, который ставитъ историческія заслуги Вольтера на недостижимую высоту, долженъ признаться въ этомъ случаѣ, что Вольтеръ глубоко заблуждался <sup>1)</sup>. Заблужденіе такого рода возникало изъ недостаточнаго знакомства съ условіями и строеніемъ общественной жизни. Потому-то онъ и не былъ историкомъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, если прилагать къ нему наши современныя требованія. Мало того: въ историческомъ пониманіи общественныхъ явленій онъ стоитъ гораздо ниже двухъ своихъ современниковъ: Монтескье и Тюрго. Но, какъ критикъ, какъ боецъ, проложившій путь позднѣйшимъ историкамъ, расчистившій дебри схоластической науки, Вольтеръ заслуживаетъ полнаго признанія.

Изъ этихъ трудовъ по философіи исторіи, которымъ Вольтеръ предавался по желанію маркизы дю-Шатле, вышла его знаменитая книга: *Опытъ о нравахъ и духъ народовъ* (*Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*). Напечатана она была гораздо позже, въ 1759 г., но первая редакція этого сочиненія существовала уже въ 40-хъ годахъ. *Опытъ о нравахъ и духъ народовъ* начинается

<sup>1)</sup> Buckle, I, II. 338.

съ обзора исторіи Востока (Китай, Индія, Персія, Аравія), переходить къ первымъ вѣкамъ христіанства и эпохѣ распаденія античнаго міра, и затѣмъ слѣдитъ за всемірною исторіей отъ Карла Великаго до Людовика XIII. Планъ этотъ, обнимавшій главнымъ образомъ, какъ вы видите, средніе вѣка и первыя времена новой исторіи, обуславливался слѣдующими соображеніями. Средніе вѣка, по мнѣнію Вольтера, самая печальная и скучная эпоха въ исторіи человѣчества, притомъ такая эпоха, относительно которой существуетъ болѣе всего заблужденій, вслѣдствіе отсутствія хорошихъ историческихъ книгъ и господства извѣстныхъ церковныхъ и государственныхъ традицій. По этой эпохѣ не написано ничего поучительнаго, и желающій познакомиться съ средними вѣками долженъ перечитывать цѣлыя фоліанты, наполненные самыми чудовищными нелѣпостями. «Обзоръ Всемірной Исторіи», составленный Боссюэ, написанъ, правда, съ исключительной теологической точки зрѣнія, но все-таки представляетъ общую картину античнаго міра. На порогѣ среднихъ вѣковъ Боссюэ остановился. Отсюда и хочетъ начать свое повѣствованіе Вольтеръ. Но прежде всего ему слѣдуетъ исправить и дополнить пробѣлы Боссюэ: нужно сказать объ Арабахъ, о которыхъ Боссюэ вслѣдствіе своихъ теологическихъ предразсудковъ говоритъ какъ о разбойничьихъ ордахъ; нужно сказать и о нѣкоторыхъ народахъ Востока, обладающихъ весьма древней цивилизаціей и вовсе оставленныхъ безъ вниманія Боссюэ, который предпочелъ заняться евреями. Затѣмъ можно перейти и къ среднимъ вѣкамъ. Въ противоположность баснописцамъ и неудобочитаемымъ писателямъ XVII и начала XVIII в. Вольтеръ задается цѣлью написать разумную исторію среднихъ вѣковъ, извлечь изъ источниковъ дѣйствительно поучительные, цѣнные и достовѣрные факты для характеристики этой эпохи. Эрудиція у Вольтера для того времени громадная. Онъ не пускаетъ пыль въ глаза своею ученостью, не приводитъ безконечныя цитаты, но видно, что онъ основательно изучилъ множество источниковъ, и въ результатѣ получилась масса фактовъ...

На этой книгѣ Вольтера обнаруживаются качества и недостатки указанные мною при характеристикѣ его философско-историческихъ пріемовъ. Въ *Опытѣ* вы не найдете ни чудесныхъ силъ, ни сверхъестественныхъ факторовъ, ни историческихъ абсурдовъ. Это на самомъ дѣлѣ повѣствованіе о человѣческой, земной исторіи. Фа-

булы, легенды, преданія либо вовсе выключены, либо приведены и осмѣяны. Затѣмъ—всюду сквозитъ нѣкоторое пренебреженіе къ изображаемой жизни, къ варварской эпохѣ среднихъ вѣковъ. Нечего и говорить, что надъ первобытными, эпическими формами жизни, напр. надъ правами и обычаями Германцевъ или Франковъ, Вольтеръ не останавливается: они не заслуживаютъ историческаго повѣствованія; чтѣ исторія какихъ-нибудь Гунновъ или Кельтовъ <sup>1)</sup>, чтѣ исторія медвѣдей и волковъ, по мнѣнію Вольтера, все одно. Въ этой праисторіи онъ видѣлъ нигде негодный и печальный фрагментъ чело-вѣческаго прошлаго; притомъ, какъ уже было мною замѣчено, онъ не умѣлъ объяснять и толковать легендарные источники. Свою ненависть къ традиціи онъ переносилъ на всякій мифъ, на всякую сагу, и не хотѣлъ признать за ними даже значенія историческаго источника. Вольтеръ не подозрѣвалъ, какъ впоследствии будутъ цѣнить факты первоначальной исторіи народовъ, какой важный матеріалъ дастъ эта праисторія для уясненія общественныхъ формъ и общественнаго развитія. Оставляя въ сторонѣ глупыя розсказы Григорія Турскаго, Франкскихъ и Германскихъ варваровъ, онъ слѣдитъ за развитіемъ новоевропейскихъ государствъ, начиная съ Карла Великаго, сообщаетъ свѣдѣнія объ учрежденіяхъ, законодательствѣ, торговлѣ, церковныхъ дѣлахъ, о состояніи наукъ и искусствъ. Подборъ фактовъ дѣйствительно новый, культурныя явленія выдвинуты и собраны съ большимъ стараніемъ. Но связь и послѣдовательность въ сообщаемыхъ данныхъ чисто внѣшняя, хронологическая. Въ сущности, это—умная, разсудительная лѣтопись любопытныхъ фактовъ, не сгруппированныхъ въ строгомъ порядкѣ, не обобщенныхъ, не разъясненныхъ. Филіаціи, преемственности, закономерности событій мы не замѣчаемъ. Напротивъ, въ этомъ реестрѣ фактовъ, мы часто натываемся на такъ называемыя случайности, на отдѣльные эпизоды, стоящіе внѣ внутренней связи съ изображаемымъ, внѣ общественныхъ условій, на отрывочныя явленія, не приведенныя въ зависимость отъ эпохи. Отдѣльнымъ лицамъ отведено значеніе, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ, мелкимъ мотивамъ приписаны крупные результаты.

Не входя въ подробности, я приведу изъ книги Вольтера двѣ

<sup>1)</sup> Dict. Celtes.

выдержки, отъ которыхъ въ наше время воздержался бы даже рядовой историкъ. Вотъ какъ Вольтеръ начинаетъ главу о крестовыхъ походахъ: «Таково было состояніе Малой Азіи и Сиріи, когда одинъ паломникъ изъ Амьена поднялъ крестовые походы. Звали его не иначе, какъ Куку-Петръ,—это сообщаетъ намъ дочь императора Комнена, видѣвшая его въ Константинополѣ. Намъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Петра-пустынника. Этотъ житель Пикардіи, отправившись изъ Амьена на востокъ, былъ причиной того, что Западъ вооружился противъ Востока и что милліоны европейцевъ погибли въ Азіи. Такъ сдѣлаются между собою мировыя событія». Вотъ другой отрывокъ, которымъ характеризуется отношеніе Вольтера къ реформаци: «Когда доминиканцамъ отдана была на откупъ продажа индульгенцій въ Германіи, августинцы, пользовавшіеся издавна этимъ правомъ, почувствовали зависть, и этотъ ничтожный интересъ монаховъ одного саксонскаго закоулка далъ въ результатъ болѣе ста лѣтъ раздора, вражды и бѣдствій у тридцати націй». Затѣмъ Вольтеръ въ такихъ выраженіяхъ начинаетъ главу о реформаци: «вамъ не безызвѣстно, что этотъ великій переворотъ въ человѣческомъ сознаніи и въ политическомъ устройствѣ Европы начался съ М. Лютера, августинскаго монаха, которому его начальство поручило проповѣдовать противъ товара, перешедшаго въ руки доминиканцевъ...» Вы видите, какъ мало затруднялся Вольтеръ при объясненіи историческихъ фактовъ и какъ мало вникалъ онъ въ совокупность тѣхъ условій, которыя порождаютъ историческія явленія. Внимательно слѣдить за филиаціей событій, раскрывать ихъ грунтъ и почву, опредѣлять общіе мотивы и пружины общественной жизни,—все это не соответствовало его характеру и наклонностямъ, притомъ—все это не соответствовало самой эпохѣ. Потому-то и кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ, что Бюль находитъ, будто Вольтеръ долженъ быть признаваемъ до сихъ поръ величайшимъ историкомъ Европы. Какъ я уже говорилъ, заслуга Вольтера, какъ предварительнаго критика, какъ новаго классификатора историческихъ данныхъ, была очень почтенная. Но въ немъ не было достаточнаго пониманія источниковъ, не было достаточнаго интереса къ разясненію, ко всестороннему изученію явленій прошедшаго. Страсть къ полемикѣ, къ борьбѣ съ господствующею фальшью, къ разрушенію существующихъ традицій—отвлекала его отъ спокойныхъ историческихъ занятій, постоянно на-

поминала ему о действительности, мѣшала ему погрузиться въ воспроизведеніи прошедшаго, въ расцѣнку явленій минувшей жизни. Что Вольтеръ не выработалъ въ себѣ *тонкаго историческаго смысла*, что онъ въ этомъ отношеніи стоитъ напр. гораздо ниже Монтескье,—намъ жалѣть нечего. Историческая безстрастность или, какъ ее называютъ «объективность» помѣшала бы другимъ сторонамъ его дѣятельности. Его громадныя заслуги въ качествѣ философа-пропагандиста, въ качествѣ критика, полемиста, завязатаго борца и разрушителя традицій, остается за нимъ, и обезпечиваетъ за нимъ значеніе самаго мощнаго писателя новаго времени.

Изъ другихъ историческихъ трудовъ Вольтера слѣдуетъ еще указать на его *Вѣкъ Людовика XIV*, который вышелъ въ 1752 г., но надъ которымъ авторъ трудился еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Это также превосходное повѣствованіе объ эпохѣ такъ называемаго великаго царствованія. Въ немъ собрано множество интереснаго матеріала, множество данныхъ и подробностей, сообщенныхъ автору современниками, множество фактовъ культурнаго характера. Вольтеръ говоритъ и о финансахъ, и о внутреннемъ управленіи, о состояніи церкви, о литературѣ и искусствѣ. Но опять-таки слѣдуетъ замѣтить, что весь этотъ любопытный культурный матеріалъ не приведенъ во взаимную связь: онъ разбитъ на группы, другъ другу чуждыя, внутреннія соотношенія которыхъ не рассмотрѣны авторомъ. По изложенію—книга занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ во французской литературной исторіи.

Объ одномъ очень важномъ отдѣлѣ историческихъ трудовъ Вольтера, объ его сочиненіяхъ по еврейскимъ и христіанскимъ древностямъ, я буду говорить впоследствии, при обзорѣ дѣятельности Вольтера во вторую половину XVIII столѣтія, его борьбы съ христіанствомъ. Тамъ полемическая сторона его трудовъ представится вамъ съ особенной живостью и рельефностью.

## Х.

Драматическія и эпическія произведенія Вольтера въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Къ періоду жизни Вольтера, на которомъ мы теперь остановились, къ 30-мъ и 40-мъ годамъ прошлаго столѣтія, относится дѣ-

лый рядъ драматическихъ произведеній, немало способствовавшихъ въ то время распространенію славы Вольтера, какъ поэта. Въ это время были изданы имъ самыя выдающіяся изъ его трагедій, а именно: *Заира* (въ 1732 году), *Альзира* (1736), *Магометъ* (1741), *Меропа* (1743) и *Семирамида* (1748). Для насъ пьесы эти особеннаго интереса представлять не могутъ: у насъ другой эстетическій вкусъ, другія эстетическія требованія. Но не слѣдуетъ забывать, что въ свою пору, въ половину прошлаго столѣтія, трагедіи Вольтера имѣли на французской сценѣ громаднй успѣхъ: тогда онѣ вполне соотвѣтствовали эстетическимъ потребностямъ публики и доставляли зрителямъ дѣйствительное наслажденіе. Оставаясь въ своихъ основныхъ приѣмахъ на почвѣ французской классической теоріи, Вольтеръ позволялъ себѣ однако нѣкоторыя нововведенія, расширявшія рамки французской драмы XVII вѣка и сообразовавшіяся съ болѣе свободными понятіями общества XVIII вѣка: такъ, онъ уже не ограничивался античными сюжетами и представлялъ героевъ азіатскихъ, мавританскихъ, американскихъ; сверхъ того онъ не сковывалъ содержанія своихъ пьесъ избитыми любовными интригами. Но въ существенныхъ чертахъ драматическія произведенія Вольтера принадлежать къ театру классическому, и потому то они вызывали такія ожесточенныя нападенія со стороны позднѣйшихъ романтиковъ.

Въ мою задачу не входитъ останавливаться на разборѣ эстетическихъ достоинствъ и недостатковъ въ трагедіяхъ Вольтера. За мѣчу, что почва всѣхъ вообще разглагольствованій и преній по части эстетики крайне шаткая, что обязательныхъ правилъ для этой категоріи человѣческихъ произведеній создать нельзя и что споры по этимъ вопросамъ обыкновенно не приводятъ ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. У каждаго общества и у каждаго столѣтія—свой вкусъ, своя эстетическая мѣрка. Если въ настоящее время намъ не могутъ доставлять удовольствія пьесы французскаго классическаго театра, то это вовсе не значитъ, что онѣ никуда не годятся: въ свое время онѣ нравились, онѣ доставляли наслажденіе цѣлымъ поколѣніямъ, на нихъ воспиталась вся публика просвѣтительнаго періода, ими восторгались самыя образованные люди прошлаго вѣка, на нихъ засматривались, ими зачитывались лица изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ кружковъ,—отъ Людовика



XVI и до Робеспьера... Некоторые исследователи утверждают, что драматическія произведенія Вольтера тенденціозны, что они написаны съ предвзятой мыслью обличить тотъ или другой предрассудокъ, разгромить то или другое общественное заблужденіе. Это совершенно вѣрно относительно нѣкоторыхъ пьесъ, написанныхъ имъ во вторую половину столѣтія, въ періодъ его пропаганды. Но во всѣхъ его пьесахъ такого сужденія прилагать нельзя. Трагедіи, сочиненныя въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, вовсе не написаны по тенденціозному рецепту. Правда, и въ нихъ мы встрѣчаемъ тирады противъ той или другой традиціи, выходки противъ того или другого заблужденія; но онѣ изолированы, разсѣяны тамъ и сямъ, и вовсе не вытекаютъ изъ какой-нибудь основной тенденціи. Дѣло въ томъ, что слѣдуетъ различать въ жизни Вольтера періодъ 30-хъ и 40-хъ годовъ отъ эпохи 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ Вольтеръ еще не выступилъ на поприщѣ пропагандиста и агитатора и дорожилъ, гораздо болѣе чѣмъ впоследствии, чисто художественными интересами; онъ увлекался художественной стороной дѣла, драматической техникой, построеніемъ и обработкой сюжета. Потому—того, что называется *тенденціей*, т. е. заранее составленной программы для проведенія извѣстныхъ философскихъ, политическихъ или даже научныхъ понятій, программы, подъ которую подгоняется и подлаживается весь сюжетъ, мы не находимъ напр. ни въ *Заиръ*, ни въ *Меропъ*, ни во многихъ другихъ драмахъ. Въ это время Вольтеръ еще не былъ до такой степени охваченъ интересами пропаганды, не былъ настолько увлеченъ дѣломъ философской агитаціи, какъ во вторую половину столѣтія. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ Вольтеръ только *готовился* къ этому дѣлу, учился; въ эту эпоху сложилось, установилось его міросозерцаніе: онъ много читалъ, много трудился, много работалъ по разнымъ вопросамъ, запасался знаніями; но онъ еще не былъ вождемъ философской секты, не былъ тѣмъ неутомимымъ борцомъ и памфлетистомъ, какимъ мы застаемъ его во вторую половину XVIII столѣтія. Обратите вниманіе и на то, что въ самомъ обществѣ первой половины столѣтія просвѣтительныя идеи еще только созрѣвали, развивались теоретически въ нѣкоторыхъ мыслителяхъ и распространялись въ обществѣ понемногу; онѣ еще таились и только робко показывались на свѣтъ Божій. Усиленное броженіе, пропаганда идей, популяризація начались во вторую по-

ловину столѣтія, и тогда то Вольтеръ становится во главѣ движенія, его руководителемъ. Вотъ что нужно имѣть въ виду при разборѣ произведеній Вольтера.

Гораздо любопытнѣе этихъ драмъ Вольтера другое произведеніе, которое было имъ начато еще въ 1730 году, съ которымъ онъ долгое время носился, которое онъ долго отдѣлывалъ, выглаживалъ, измѣнялъ и все таки оставилъ неоконченнымъ, незавершеннымъ. Это—*Орлеанская дѣственица* (*La Pucelle*), поэма. Въ Сире Вольтеръ занимался ею между дѣломъ, какъ развлеченіемъ отъ серьезныхъ занятій. Число пѣсенъ поэмы постепенно возрастало, авторъ читалъ рукопись своимъ интимнымъ друзьямъ, но дѣлать выписки позволялъ неохотно. Маркиза Дю-Шатлэ, съ особенною заботливостью охранявшая Вольтера отъ всякихъ неприятностей, держала манускриптъ *Орлеанской дѣвы* подъ ключомъ. Въ самомъ дѣлѣ, печатать въ то время эту поэму было крайне рискованно; изданіе ея могло бы навлечь автору кучу самыхъ серьезныхъ столкновеній, причинить ему множество безпокойствъ. Однако съ теченіемъ времени *Орлеанская дѣва* становилась все болѣе и болѣе извѣстной и понемногу распространялась въ рукописяхъ. Въ 1755 году одинъ изъ враговъ Вольтера, безъ вѣдома автора, выпустилъ изданіе поэмы, изданіе крайне испорченное. Побуждаемый все большимъ и большимъ распространеніемъ своего сочиненія и искаженіями, которымъ оно подвергалось какъ въ рукописяхъ, такъ и въ перепечаткахъ, Вольтеръ самъ рѣшился въ 1762 году издать *Орлеанскую дѣву*, при чемъ многія мѣста были имъ значительно смягчены. Поэма приобрѣла страшную популярность: библиографы полагаютъ, что во вторую половину XVIII столѣтія было выпущено до 300,000 экземпляровъ *Орлеанской дѣвы*. Такова внѣшняя исторія этого произведенія, о которомъ никакъ нельзя сказать того же самаго, что о драмахъ, написанныхъ Вольтеромъ въ 30-хъ годахъ: оно исполнено вольнодумства и проникнуто самымъ рѣзкимъ отношеніемъ къ существующимъ традиціямъ. Вольтеръ однако не видѣлъ въ этой поэмѣ средства къ пропагандѣ: онъ началъ ее писать для собственнаго развлечения, для своихъ друзей, и воздерживался отъ изданія, на которое онъ вынужденъ былъ самими обстоятельствами. Сатира, которой проникнута поэма, въ 30-хъ годахъ не могла еще публично высказаться и обнаружиться. Какъ я уже сказалъ, въ это

время вольнодумство еще не подняло головы. Другое дѣло въ 70-хъ годахъ: мы увидимъ, что Вольтера, при торжественномъ въѣздѣ его въ Парижъ въ 1778 году, публика будетъ громко привѣтствовать, какъ защитника Каласа, творца Генриады и автора *Орлеанской дѣвственницы*.

Обратимся къ разсмотрѣнію этой пресловутой поэмы. Мнѣ случилось уже упомянуть объ эпосѣ, написанномъ въ половинѣ XVII столѣтія придворнымъ пинтомъ Шапленомъ, подъ заглавіемъ: Орлеанская дѣва. Въ этомъ тяжеломъ, бездарномъ произведеніи извѣстная исторія Іоанны д'Аркъ была изображена въ строго-церковномъ духѣ. Дѣва призвана самимъ Богомъ на спасеніе Франціи отъ англичанъ; ангелъ ведетъ ее въ облакѣ черезъ вражій станъ къ королю; въ сраженіяхъ—французамъ и дѣвѣ помогаютъ небесныя воинства, а на сторонѣ англичанъ борется сатана и его адскія полчища. Этотъ сюжетъ, обработанный Шапленомъ, азадорилъ Вольтера и побудилъ его написать произведеніе на ту же самую тему. Вы можете себѣ легко представить, какъ долженъ былъ посмотреть Вольтеръ на эпопею Шаплена и на ея источники, на старыя французскія хроникки, передававшія повѣсть объ Іоаннѣ д'Аркѣ. Въ этой исторіи онъ видѣлъ цѣлый ворохъ небылицъ, несообразностей, чудесныхъ вмѣшательствъ, сверхъестественныхъ факторовъ; отъ нея такъ и несло тѣмъ средневѣковымъ готическимъ невѣжествомъ, къ которому чувствовалъ Вольтеръ такую глубокую антипатію. Онъ рѣшилъ написать пародію. Чудесныя принадлежности легенды Вольтеръ перенесъ и въ свою поэму, но онѣ были представлены въ очень рѣзкомъ карикатурномъ видѣ и послужили предметомъ для самаго безцеремоннаго остроумія. Постоянными дѣйствующими лицами являются св. Діонисій, патронъ Франціи, и св. Георгъ, покровитель Англіи; нѣкоторыя сцены переносятъ читателя прямо въ міръ небожителей, изображенію котораго авторъ старался придать елико возможно комизма. Жанна найдена Діонисіемъ въ одной лотарингской харчевнѣ, гдѣ она состояла служанкой; она ѣдетъ къ королю на чудесномъ крылатомъ ослѣ, на которомъ впослѣдствіи и совершаетъ свои военные подвиги, и проч. Такимъ сатирическимъ характеромъ проникнута вся поэма. Католическія легенды безжалостно осмѣяны, средневѣковыя вѣрованія на каждомъ шагу пародируются. Точно такъ же нѣтъ пощадъ и государственнымъ людямъ Франціи XV

вѣка: король Карлъ VII, весь дворъ его и особенно духовенство того времени изображены въ самыхъ каррикатурныхъ чертахъ. Но во всей этой сатирической картинѣ есть еще и другой элементъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе. Вольтеръ вплетаетъ въ свое изложеніе множество эпизодовъ эротическаго характера, множество крайне циническихъ подробностей. Изъ этихъ подробностей нѣкоторыя приведены съ очевидной цѣлью—*принизить* весь сюжетъ, лишить его величія, торжественности, и такимъ образомъ еще болѣе усилить контрастъ изображаемаго съ общепринятою традиціей. Но другія подробности вплетены, какъ будто, просто ради забавы и неприятно поражаютъ читателя. Нужно признать, что въ этой поэмѣ немало грязи, немало скандаловъ.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ одному интересному вопросу, котораго необходимо долженъ коснуться историкъ французской литературы и общества XVIII вѣка. Дѣло вотъ въ чемъ.—Не только заклятые враги XVIII вѣка, но и нѣкоторые такъ называемые благонамѣренные люди упрекаютъ литературу XVIII столѣтія въ склонности къ развратнымъ темамъ, въ открытомъ погнаніи нравственной распушенности, въ пристрастіи къ циническимъ подробностямъ и скабрёзнымъ анекдотамъ. При этомъ указываютъ на нѣкоторыя произведенія Дидро, на романы и повѣсти Вольтера и въ особенности на его *Орлеанскую двѣственницу*, о которой мы тотчасъ говорили. Обвиненіе это заслуживаетъ вниманіе потому, что оно построено на нѣкоторыхъ данныхъ, дѣйствительно существующихъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать того, что и у Дидро, и у Вольтера и даже у такого скромнаго, солиднаго писателя, какъ Монтескье, мы находимъ двусмысленные намеки, скандальныя сцены, которыя иногда приведены безъ всякой надобности,—только для увеселенія публики. Это явленіе обыкновенно объясняютъ нравственнымъ состояніемъ общества XVIII вѣка. Говорятъ объ его пагубномъ легкомысліи, объ его растлѣніи, объ его глубокой испорченности и разложеніи; отсюда дѣлаютъ выводъ о вліяніи общества на литераторовъ. Однако, подобное объясненіе очень мало объясняетъ. Спора нѣтъ, что высшее общество прошлаго столѣтія не отличалось строгими нравами и, главное, не скрывало этого. Но возьмите высшее и даже среднее французское общество въ нашемъ столѣтіи, хоть бы въ эпоху второй имперіи; его распушенность, его развратъ засвидѣтельство-

ванъ всѣми современниками; онъ только болѣе прикрытъ и менѣе откровененъ, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ, зато онъ глубже и утонченнѣе. Потому-то нечего твердить о какой-то *особенной*, неслыханной распущенности высшаго общества XVIII столѣтія. Я не говорю уже о среднемъ классѣ того времени: буржуазія XVIII столѣтія, сравнительно съ буржуазіей XIX вѣка, отличалась гораздо болѣе строгими нравами. Вспомнимъ, что эти люди произвели 89 годъ, что они создали ополченіе 92 года. Какъ бы кто не относился къ исторической пользѣ этихъ событій, но никто не будетъ отрицать того, что во французскую революцію средній классъ обнаружилъ очень значительныя силы, замѣчательную энергію въ дѣлѣ, а сверхъ того, въ нѣкоторыя трудныя минуты, показалъ такое воодушевленіе, такую напряженную дѣятельность, которую нельзя было бы ожидать отъ поколѣній растлѣнныхъ, разложившихся, сгнившихъ. Потому-то, мнѣ кажется, слѣдуетъ оставить разглагольствованія объ особенной распущенности французскаго общества XVIII вѣка. Притомъ, если даже допустить, что свѣтское общество того времени было фривольно и развратно, то все-таки, какъ же объяснить себѣ тотъ фактъ, что люди серіозные, занятые, занимавшіеся наукой, ревностно преслѣдовавшіе рѣшеніе самыхъ сложныхъ вопросовъ знанія и жизни, какъ же объяснить, что эти люди могли возиться съ такими пустяками—со скабрзными анекдотами и скоромными разсказцами, и не только возиться съ ними въ какомъ-нибудь праздничномъ настроеніи, въ веселой что ли бесѣдѣ или въ пріятельскомъ кружкѣ, но и находить интересъ въ литературной передачѣ и обработкѣ такого двусмысленнаго матеріала?

Корень этого факта заключается въ великой реакціи XVIII столѣтія католическимъ традиціямъ. Постепенно освобождаясь отъ этихъ католическихъ традицій, становясь къ нимъ въ отрицательное положеніе, вступая съ ними во вражду, и общество, и литераторы, притомъ самые серіозные литераторы, какъ Монтескье, Даламберъ, Кондорсе, изъ всѣхъ силъ противодѣйствовали господствовавшимъ ученіямъ, увлекались въ своемъ противодѣйствіи и потворствовали всему тому, что сколько-нибудь противорѣчило враждебнымъ принципамъ. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ аскетизмъ считался величайшей добродѣтелью. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ проповѣдовали дуализмъ духа и плоти, при чемъ все плотское признаваемо было въ принципѣ

грѣховнымъ. Человѣку ставились въ заслугу ненависть къ тѣлесному и презрѣніе къ плоти. Въ XVIII столѣтіи мы видимъ рѣзкое противодѣйствіе всѣмъ этимъ началамъ. Аскетизмъ сталъ считаться неестественнымъ, несогласнымъ съ природою человѣка и вреднымъ для общественнаго благосостоянія. Интересы тѣла признали нормальными и законными. Всѣ толкуютъ, кромѣ того, о потребностяхъ государства, объ увеличеніи народонаселенія, и согласно съ этимъ монашество представляется паразитизмомъ, тунеядствомъ, государственной язвой. Монашескій обѣтъ находятъ несообразнымъ съ природою человѣка. Вы видите, что все это вопросы очень серіозные и стоящіе въ тѣсной связи съ самыми существенными задачами жизни. Постоянно вращаясь среди этихъ вопросовъ и приходя къ рѣшенію ихъ въ смыслѣ отрицательномъ для господствовавшихъ порядковъ, люди XVIII вѣка были настолько увлечены своимъ противодѣйствіемъ, что продолжали оппозицію даже въ мелочахъ и нерѣдко безсознательно втягивались въ эти мелочи. Отсюда происходило подчасъ то, что они, даже безъ всякаго серіознаго побужденія, безъ всякой видимой надобности, останавливались дольше, чѣмъ слѣдовало, на циническихъ деталяхъ, фривольныхъ подробностяхъ и всякихъ мотивахъ, гдѣ играло какую-нибудь роль плотское и половое. Такая тенденція поддерживалась, сверхъ того, многими другими причинами, въ разсмотрѣніе которыхъ я теперь не имѣю времени входить: я укажу на дѣйствительное положеніе монашества и церковныхъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Какъ католическая церковь, такъ и монашество—окончательно утратили то образовательное и социальное значеніе, которое они имѣли въ средніе вѣка, потеряли прежній кредитъ въ обществѣ, прежнее уваженіе, и тяжкимъ бременемъ ложились на государственный строй. Оппозиція клерикализму во всѣхъ его формахъ и подъ всякими видами сдѣлалась любимымъ занятіемъ образованнаго общества... Итакъ—главная причина, обусловливающая то циническое направленіе, съ которымъ мы иногда встрѣчаемся въ просвѣтительной литературѣ XVIII вѣка, заключается въ *реакціи католицизму*. Детали скабрезнаго характера, циническіе анекдоты и двусмысленности вовсе не были въ людяхъ XVIII вѣка плодомъ праздности и болѣзненно распаленнаго воображенія, какъ это можно замѣтить напр. относительно нѣкоторыхъ поэтовъ нашего столѣтія (хотя бы относительно Альфреда де-Мюссе). Головы просвѣтителей

были здоровыя, трезвыя и серіозныя головы; онѣ отличались замѣчательно развитою способностью къ продолжительному и упорному умственному труду; ихъ сочиненія (я выключая изъ этого числа Руссо, который занимаетъ особое положеніе) запечатлѣны энергіей и свѣжестью. Не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо растлѣніи, о какомъ-либо умственномъ и нравственномъ гніеніи. Цинизмъ XVIII вѣка—не болѣе, какъ манера, какъ привычка, вытекавшая изъ настроенія, враждебнаго католичеству, но никакъ не изъ тайнаго влеченія къ скандалезному, изъ пристрастія къ салнымъ образамъ. Люди, какъ Вольтеръ, какъ Монтескье и Дидро, завѣщали потомкамъ великія, мощныя созданія человѣческой мысли; въ теченіе всей своей жизни, до глубокой старости, сохранили они за собой умственную крѣпость. Сообразно ли это съ порчей и растлѣніемъ?—Вспомнимъ, что даже такой серіозный, почтенный и уже во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренный человѣкъ, какъ Мальзербъ, цензоръ, министръ Людовика XVI и впоследствии защитникъ короля передъ судьями Конвента, зналъ наизусть Вольтеру *Дюву*.

---

Мы обозрѣли главные труды Вольтера въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Слѣдуетъ указать еще на нѣсколько повѣстей, которыя были имъ написаны въ концѣ 40-хъ годовъ и представляютъ любопытныя черты для характеристики его литературныхъ приемовъ. Вольтеръ продолжалъ писать повѣсти и въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, и къ этимъ послѣднимъ мы обратимся позже. На свои рассказы онъ смотрѣлъ, какъ на сатирическіе и дидактическіе очерки, въ которыхъ удобно было вдоволь насмѣяться и позлословить надъ закоренѣлыми общественными предрасудками. На первомъ планѣ у него стояло не воспроизведеніе образовъ и явленій дѣйствительности и не прихотливое измышленіе сложныхъ, затѣйливыхъ случайностей людямъ на забаву, а сатира и извѣстная моральная цѣль. «Я хочу», говоритъ одна изъ его героинь, «чтобы въ повѣсти подъ покровомъ фабулы развивалась какая-нибудь поучительная истина, примѣтная для внимательнаго глаза и незамѣтная для поверхностнаго читателя». И вотъ въ своихъ романахъ Вольтеръ проводитъ то или другое философское и моральное воззрѣніе, обличаетъ тотъ или другой предрасудокъ; легкую, игривую повѣствовательную форму романа

онъ употребляетъ для тѣхъ же возрѣвій, которыя онъ развиваетъ въ своихъ статьяxъ и трактатахъ. Пока я остановлюсь на одномъ любопытномъ разказѣ Вольтера, написанномъ имъ въ 1747 году: это—*Задигъ* или *Судьба*, «восточная повѣсть».

Нужно замѣтить, что *Востокъ* въ XVIII столѣтіи былъ въ большой модѣ. Разказчикъ любилъ переносить читателя куда-нибудь въ Персію, Аравію, Сирію и выбирать своихъ дѣйствующихъ лицъ изъ среды всякихъ восточныхъ султановъ, визирей, дервишей. Востокъ былъ очень мало извѣстенъ, но романисты вовсе и не старались о соблюденіи мѣстнаго колорита и о дѣйствительномъ воспроизведеніи восточныхъ нравовъ и обычаевъ. Потому-то именно, что Востокъ былъ мало извѣстенъ, что исторія его была совсѣмъ не разработана, романисту особенно легко было сочинять всякія восточныя сказанія: его никто не могъ упрекнуть въ историческихъ, археологическихъ, или географическихъ неточностяхъ. Собственно романисты употребляли только восточныя названія, да заимствовали изъ тамошней жизни кой-какія вѣшнія черты: гаремъ, диванъ, муллу или факира. Вся выгода этихъ пріемовъ для писателя заключалась въ томъ, что перенесшись съ читателемъ на востокъ, онъ чувствовалъ себя гораздо свободнѣе и подъ этимъ прозрачнымъ, сквознымъ восточнымъ покровомъ могъ гораздо свободнѣе проводить тѣ или другія понятія, развивать тѣ или другія теоріи, обличать тѣ или другіе предразсудки или наконецъ просто разказывать парижскія силетни и придворные анекдоты. Обыкновенно «восточная повѣсть» наполнена была аллегорическими картинками французскихъ нравовъ; вся публика знала, что подъ какими-нибудь жрецами или бонзами нужно разумѣть духовенство вообще, что если говорится о порокахъ администраціи въ Багдадѣ, то этимъ намекается на порядки парижскіе, что такая-то насмѣшка, пушенная противъ ученыхъ и докторовъ въ Египтѣ, бьетъ прямо въ Сорбонну. Нерѣдко даже при изображеніи какого-нибудь месопотамскаго султана писатель прямо имѣлъ въ виду короля Людовика XV, а разказывая объ любовницѣ султана, онъ очень прозрачно намекалъ на m-me де-Помпадуръ. Кромѣ того, нужно замѣтить, что на Востокъ и на его исторію смотрѣли гораздо съ большимъ расположеніемъ, чѣмъ напр. на средніе вѣка: на Востокъ видѣли старую цивилизацію, большіе города, дворы деспотовъ, обширныя торговыя сношенія, грандіозныя зданія и постройки; по-



этому брать сюжетъ восточный считалось, такъ сказать, приличнымъ; все-таки тутъ дѣло шло не о какихъ-нибудь «варварскихъ, медвѣжьихъ или волчьихъ нравахъ», а напротивъ—попадались бытовые отношенія, которыя можно было легко и удобно сопоставлять съ цивилизованнымъ ново-европейскимъ строемъ жизни. Вотъ причина распространенія и успѣха въ XVIII столѣтіи восточныхъ повѣстей, къ числу которыхъ принадлежитъ и *Задигъ*. Я не буду послѣдовательно рассказывать содержаніе этой повѣсти, а укажу только на главныя черты героя. Въ *Задигѣ* мы видимъ тотъ типъ разсудительнаго мужа, которому особенно симпатизировали люди прошлаго столѣтія.

Во времена царя Моабдара жилъ былъ въ Вавилонѣ молодой человекъ по имени *Задигъ*, надѣленный отъ природы прекрасными данными, которыя развиты и укрѣплены были въ немъ воспитаніемъ. Онъ умѣлъ умѣрять свои страсти, былъ простъ и добродѣтеленъ въ своемъ поведеніи и богатъ познаніями. *Задигъ* былъ знакомъ съ физическими началами природы и зналъ по части метафизики то, что во всѣ времена было извѣстно изъ этой области, т. е. очень мало. Несмотря на господствующую философію своего времени, *Задигъ* былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что годъ имѣеть 365 дней и что солнце находится въ центрѣ нашей планетной системы. Но маги и жрецы замѣчали ему на это, что его воззрѣнія неблагонадежны и опасны для государства. Съ особенной любовью изучалъ онъ природу и удалялся для занятій въ виллу, которую онъ имѣлъ на берегахъ *Ефрата*. Тамъ *Задигъ* не занимался измѣреніемъ количества воды, протекающаго въ теченіе одной секунды подъ сводами моста, не занимался онъ и рѣшеніемъ вопроса о томъ, выпадаетъ ли на кубическую линію больше дождя въ такой мѣсяцъ или другой. Онъ также не мечталъ добывать шелкъ изъ паутины или приготавливать фарфоръ изъ битыхъ бутылокъ. Но онъ внимательно изучалъ свойства животныхъ и растений и приобрѣлъ вскорѣ такую проницательность, что усматривалъ тысячу отличій тамъ, гдѣ другіе видятъ только однообразіе. Мудрость его скоро сдѣлалась извѣстной, и, хотя нѣсколько маговъ считали его достойнымъ сожженія за колдовство, но слухъ объ немъ дошелъ до самого царя и въ скоромъ времени, послѣ разныхъ случайностей, *Задигъ* приобрѣлъ царскія милости и сдѣланъ былъ первымъ министромъ. Онъ заставилъ всѣхъ уважать

священную власть закона, и въ то же время никому не давалъ чувствовать своего собственнаго ранга и высокаго положенія. Онъ не стѣснялъ подачи голосовъ въ диванѣ, и каждый вивирь могъ свободно высказывать свои мнѣнія. Когда Задигъ обсуждалъ дѣло, онъ держался закона; но если законъ былъ слишкомъ строгъ, онъ умѣрялъ его. Одинъ за другимъ представлялись случаи Задигу заявлять свою мудрость... Между прочимъ въ Вавилонѣ былъ большой споръ, который продолжался полторы тысячи лѣтъ и дѣлилъ все царство на двѣ враждебныя и упорствующія секты. Одна секта учила, что въ храмъ Митры нужно было входить не иначе, какъ съ лѣвой ноги; другая секта считала этотъ обычай злой пагубой и вступала въ храмъ съ правой ноги. Наступалъ торжественный праздникъ священнаго огня. Ожидали, какъ войдетъ въ храмъ Задигъ, какой сектѣ онъ отдастъ предпочтеніе. Весь міръ взиралъ на его обѣ ноги, градъ Вавилонъ былъ въ волненіи и нетерпѣливомъ ожиданіи. Задигъ вошелъ въ храмъ прыжкомъ—съ обѣихъ ногъ развѣ—и затѣмъ въ краснорѣчивой проповѣди доказалъ, что Богу неба и земли все равно—что правая, что лѣвая нога. Нѣкоторые недоброжелатели Задига находили, что въ его проповѣди не было достаточно риторическихъ украшеній; что въ его рѣчи не приходятъ въ колыханіе ни холмы ни горы: онъ сухъ, говорили они, и лишень вдохновенія; въ его рѣчи нѣтъ ни убѣгающаго моря, ни падающихъ стремглавъ звѣздъ, ни тающаго какъ воскъ солнца, нѣтъ у него хорошаго восточнаго стиля. Дѣйствительно, Задигъ довольствовался слогомъ разума.—Послѣ различныхъ приключеній Задигъ испытываетъ несчастія. Онъ принужденъ бѣжать изъ города и попадаетъ въ рабство. Но и тутъ онъ заявляетъ свою мудрость и приобретаетъ расположеніе своего господина. Его хозяинъ—арабъ—поклоняется солнцу и звѣздамъ. Задигъ разоблачаетъ передъ нимъ это заблужденіе. Затѣмъ, благодаря его вліянію, въ Аравіи исчезаетъ жестокій обычай, по которому вдовы публично предають себя сожженію надъ трупами своихъ мужей. Задигъ указываетъ, какъ этотъ обычай пагубенъ для блага рода человѣческаго: столько молодыхъ вдовъ, способныхъ давать дѣтей государству или воспитывать уже рожденныхъ, погибаетъ во цвѣтѣ лѣтъ. На это ему говорятъ, что обычай такой ведется испоконъ вѣку, что онъ освященъ временемъ, а можетъ ли быть что-нибудь почтеніе древняго обычая,

даже если онъ вреденъ. *Разумъ еще дремлетъ*, отвѣчаетъ Задигъ, и его усиліями жестокой законъ отмѣняется. Но за это жрецы обвинили Задига въ еретичествѣ. Они донесли на него, будто онъ утверждалъ, что звѣзды при своемъ заходѣ не погружаются въ море. Отъ такого богохульства судьи затрепетали; услышавъ подобныя нечестивыя рѣчи, они готовы были разодрать на себѣ свои ризы, и сдѣлали бы это, если-бъ Задигъ могъ за это заплатить,—но, въ избыткѣ своей горести, они приговорили его къ сожженію на маломъ огнѣ. Счастливый случай спасаетъ Задига... Затѣмъ слѣдуютъ другія его приключенія, и въ концѣ концовъ дѣло кончается благополучной развязкой. Онъ становится царемъ въ Вавилонѣ, и всѣ подданные прославляютъ его мудрое царствованіе...

Вы уже изъ этого можете видѣть, какъ влетаетъ Вольтеръ въ свои повѣсти разныя идеи, которыя онъ въ другихъ трактатахъ обставляетъ серіозными доводами <sup>1)</sup>). Повѣсть вся полна намековъ, указаній, сатирическихъ выходовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ обществу того времени. Изложеніе просто, игриво, пересыпано летучими остротами. Романы Вольтера сдѣлались во вторую половину XVIII вѣка одной изъ любимыхъ книгъ французскаго общества.

Здѣсь мы пока разстанемся съ Вольтеромъ. Я довелъ обзорніе его дѣятельности до конца 40-хъ годовъ. Это собственно періодъ его теоретическихъ работъ. Вскорѣ мы познакомимся съ его практической ролью, съ его неутомимой пропагандой во вторую половину XVIII столѣтія. Теперь обратимся къ другому просвѣтителю первой половины XVIII вѣка—къ Монтескьё.

---

## XI.

Монтескьё.—„Персидскія письма“.—„Духъ законовъ“.

Жизнь Монтескьё не богата эпизодами: она прошла среди занятій научными вопросами безъ оригинальныхъ столкновеній, безъ большого шума и хлопотъ. Монтескьё родился въ 1689 году близъ

---

<sup>1)</sup> Демзмъ, вѣротерпимость, вопросъ о происхожденіи зла, отношеніе къ метафизикѣ, государственная польза.

Бордо и получилъ по наслѣдству отъ дяди должность президента Бордосскаго парламента, которую онъ и занялъ 27 лѣтъ отъ роду. Это была въ то время довольно почетная должность, связанная съ извѣстными традиціонными привилегіями и не особенно безпокойная. Монтескьё исполнялъ ее въ теченіе десяти лѣтъ, затѣмъ продалъ свое мѣсто и посвятилъ себя научному труду. Вообще онъ никогда не чувствовалъ расположенія къ практической дѣятельности. «Я довольно хорошо понималъ существо дѣлъ», пишетъ онъ о своихъ парламентскихъ занятіяхъ; «но ничего не смыслилъ въ дѣлопроизводствѣ.— Впрочемъ я старался быть прилежнымъ, но всего болѣе отвращенія къ этой дѣятельности поселяло въ меня то обстоятельство, что я видѣлъ въ дуракахъ практическія способности, которыхъ у меня не было». Наклонность къ теоретическому труду и отсутствіе практичности составляетъ отличительную принадлежность Монтескьё. Просвѣтительное вліяніе эпохи охватило Монтескьё еще въ молодые годы. Онъ съ большою охотой занимался естественными науками и написалъ для Бордосской Академіи наукъ, членомъ которой онъ состоялъ, нѣсколько мелкихъ разсужденій по естествовѣдѣнію. Въ числѣ его опытовъ того времени мы находимъ одинъ проектъ физической исторіи земли. Въ то же время онъ занимался Декартомъ и изучалъ вопросы историческіе. Одна изъ самыхъ раннихъ работъ его касалась политики Римлянъ въ религіозныхъ дѣлахъ. Характеристической особенностью римской религіи Монтескьё считаетъ то, что она учреждена была *для государства*, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, по его мнѣнію, государство прилаживалось къ религіознымъ системамъ. Онъ указываетъ на политическую пользу, которую можно извлечь изъ религіи, рассматриваетъ ее, какъ средство управлять толпой и прославляетъ религіозную терпимость Римлянъ, которая, по его мнѣнію, вытекала изъ ихъ преданности государственнымъ политическимъ интересамъ и изъ равнодушія ихъ къ спеціальнымъ догматическимъ вопросамъ. Въ настоящее время такія историческія теоріи приняты быть не могутъ. Мы знаемъ, что и въ Римѣ, какъ и въ другихъ странахъ, религія вовсе не была произвольнымъ учрежденіемъ, которое законодатель будто бы придумалъ для государственныхъ цѣлей, а продуктомъ извѣстныхъ народныхъ воззрѣній и вѣрованій; мы знаемъ и то, что религіозная терпимость въ Римѣ вытекала не столько изъ лицемерія

или изъ желанія поддѣлаться подъ вкусы покоренныхъ націй, уступить имъ въ религіозныхъ дѣлахъ и подчинить ихъ политически,— сколько изъ природы самого политеизма: вѣра въ многобожіе, въ существованіе безчисленнаго множества мѣстныхъ боговъ, уже заключала въ себѣ признаніе чужихъ, иноплеменныхъ божествъ, которыми вѣрили такъ же, какъ и своимъ. Какъ бы то ни было, мы видимъ изъ этого, что Монтескье, подобно многимъ другимъ современникамъ, преимущественно заинтересованъ соціальной, политической стороною религіи. Съ этой точки зрѣнія онъ и въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ будетъ защищать религіозные принципы, но нечего и говорить, что онъ всегда останется холоденъ къ догматизму. Въ 1721 году Монтескье приобрѣлъ громкую извѣстность своими *Персидскими письмами*, былъ принятъ черезъ нѣсколько лѣтъ во Французскую Академію и затѣмъ въ 1728 году поѣхалъ путешествовать. Онъ побывалъ въ Германіи, Италіи и два года прожилъ въ Англіи. Послѣ этого слѣдуетъ указать въ его жизни еще на двѣ даты: въ 1734 году появились его *Разсужденія о причинахъ величія Римлянъ и упадка ихъ*, а въ 1748 году его знаменитый *Духъ законовъ*. Монтескье умеръ въ 1755 году.

Натура Монтескье представляетъ многія особенности, совершенно противоположныя личнымъ свойствамъ Вольтера. Монтескье—не боецъ, въ немъ нѣтъ духа пропаганды, въ немъ нѣтъ того задора, той подвижности и горячности, которыя мы видимъ въ Вольтерѣ. Мы встрѣчаемъ нѣкоторыя интересныя указанія на характеръ его умственного склада въ его перепискѣ и въ его отрывочныхъ размышленіяхъ. «Я читалъ», пишетъ Монтескье, «нѣкоторыя сочиненія милорда Болингброка, и если будетъ позволено высказать, какое впечатлѣніе произвели на меня эти сочиненія, то я замѣчу вотъ что: конечно, въ Болингброкѣ много таланта, много пламени; но мнѣ кажется, что онъ употребляетъ его на борьбу съ извѣстными предметами, а слѣдовало бы употреблять его только на изображеніе предметовъ». Вотъ какъ выразилъ Монтескье разницу между собственными приемами и манерой писателей преимущественно критическихъ и полемическихъ, какъ Болингброкъ и Вольтеръ: Монтескье занятъ объясненіемъ факта, всестороннимъ его освѣщеніемъ,— тѣ увлечены нападеніемъ, борьбой. Потому-то Монтескье не симпатизировалъ Вольтеру и смотрѣлъ на него свысока: онъ видѣлъ въ

немъ натуру противоположную своей,—мятежнаго, безпокойнаго-борца, проповѣдника, философа-сектанта. Онъ очень хорошо разгадалъ въ Вольтерѣ нѣкоторыя черты, которыя въ этомъ писателѣ въ первую половину столѣтія обозначались далеко не такъ полно, какъ во вторую. «Вольтеръ», замѣчаетъ Монтескьё, «никогда не напишетъ хорошей исторіи. Онъ—какъ монахи, которые пишутъ не изъ интереса къ самому сюжету, а для славы своего ордена. Вольтеръ пишетъ для своей обители». Здѣсь очень вѣрно опредѣленъ полемическій характеръ трудовъ Вольтера. Дѣйствительно, мы видѣли, что Вольтера въ историческихъ задачахъ занимала главнымъ образомъ критика предшественниковъ, борьба съ ихъ приемами; сверхъ того мы увидимъ впослѣдствіи, какъ онъ обращалъ историческія сочиненія въ орудія пропаганды и борьбы съ христіанствомъ. Но спокойный, тщательный анализъ историческихъ явленій Вольтеру не давался. Напротивъ, у Монтескьё не было развитой полемической жилки. Рѣзкое отрицательное отношеніе къ дѣйствительности, злое порицаніе настоящаго мы находимъ только въ первомъ его сочиненіи, въ *Персидскихъ письмахъ*. Затѣмъ онъ становится все болѣе и болѣе осторожнымъ. Борьба не была въ его натурѣ. Монтескьё наблюдалъ, собиралъ, группировалъ, анализировалъ факты, сводилъ ихъ къ обобщеніямъ и радовался на свои выводы, не особенно заботясь объ ихъ практическомъ значеніи для настоящаго. Къ человечеству онъ относился съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, и любимымъ писателемъ его былъ Монтэнъ, извѣстный скептикъ и индифферентистъ XVI вѣка. Въ немъ не было стремленія осуществить на практикѣ какіе-нибудь идеалы, привести въ исполненіе какія-либо задачи. Ему любо было изучать, рассматривать факты и объяснять ихъ смыслъ. «Умственные занятія», замѣчаетъ Монтескьё, «были для меня вѣрнымъ средствомъ противъ жизненныхъ огорченій; у меня никогда не было печали, которую бы не разогнала книга». Въ обществѣ Монтескьё былъ робокъ; онъ не блисталъ остроуміемъ и не обладалъ даромъ слова. Онъ не могъ вести въ публикѣ серьезныхъ продолжительныхъ разсужденій: «моя машина такъ устроена», пишетъ Монтескьё, «что мнѣ необходимо сосредоточиваться, когда дѣло идетъ объ чемъ-нибудь отвлеченномъ; иначе—мои мысли путаются, и если я чувствую, что меня слушаютъ, вопросъ внезапно затемняется для меня: я сразу вижу нѣсколько нитей и не въ состоя-

ніи слѣдить ни за одной изъ нихъ». Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что Монтескьё жилъ отшельникомъ, уединялся. Онъ съ большимъ презрѣніемъ, подобно другимъ просвѣтителямъ, относился къ кабинетной, схоластической наукѣ и не разъ въ своихъ сочиненіяхъ прохордится на счетъ цѣловыхъ ученыхъ, жрецовъ эрудиціи. Одно время Монтескьё очень часто посѣщалъ парижскіе салоны, гдѣ его любили за мягкость, добродушіе, за его провинцательныя замѣчанія и мѣткія сужденія. Но въ салонахъ онъ больше молчалъ и наблюдалъ, чѣмъ говорилъ. «Этотъ человекъ», говорила объ немъ одна изъ велико-свѣтскихъ дамъ того времени, «приходитъ въ общество сочинять свою книгу; онъ удерживаетъ въ памяти все, о чемъ говорится, а самъ бесѣдуетъ съ тѣми, изъ которыхъ хочетъ извлечь что-нибудь полезное». — «Я помню», рассказываетъ Монтескьё, какъ однажды я полюбопытствовалъ сосчитать, сколько разъ я услышу одну ничтожную исторію, которую передавали въ салонахъ: въ теченіе трехъ недѣль она ходила въ свѣтъ, я слышалъ ее 225 разъ, и остался этимъ очень доволенъ»... Такова своеобразная фигура этого писателя.

Первая книга, съ которой Монтескьё выступилъ передъ образованной публикой, носитъ заглавіе *Персидскія письма* и вышла въ свѣтъ въ 1721 году. Сразу она завоевала себѣ популярность. Въ тотъ же годъ вышло три новыхъ изданія, и книгопродавцы во что бы то ни стало требовали ихъ продолженія и обращались къ другимъ литераторамъ съ просьбами сочинять подобныя письма... Въ этой книгѣ Монтескьё гораздо бойчѣе, игривѣе и рѣзче, чѣмъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ; впоследствии онъ сдѣлался несравненно осмотрительнѣе и уже не позволялъ себѣ такихъ шутокъ и непочтительныхъ выходокъ, которыми наполнены «Персидскія письма». Когда въ 1752 году одинъ книгопродавецъ захотѣлъ вновь издать первое сочиненіе Монтескьё, авторъ считалъ нужнымъ исключить изъ него «юношескія» выходки. Вольнодумство и бойкость «Персидскихъ писемъ» онъ объяснялъ тѣмъ, что они составлены были имъ въ молодые годы, когда отецъ сажалъ его на цѣлый день за сводъ законовъ и онъ вечеромъ, для отдохновенія и развлеченія, забавлялся сочиненіемъ писемъ... Дѣйствительно, для того времени книга отличается очень рѣзкимъ отрицательнымъ направленіемъ. Содержаніе ея заключается въ перепискѣ двухъ персіанъ, которые передаютъ свои впечатлѣнія о парижской жизни; дѣло происходитъ въ концѣ цар-

ствования Людовика XIV и въ годы регенства. Эта часть книги и представляетъ для насъ значеніе; затѣмъ вставлены эпизоды эротическаго характера, письма изъ самой Персіи о разныхъ исторіяхъ въ гаремѣ, которыя приходились по вкусу современникамъ, но для насъ интереса имѣть не могутъ.

*Персидскія письма* касаются самыхъ разнообразныхъ явленій французской общественной жизни въ 10-хъ годахъ прошлаго вѣка. Авторъ изображаетъ сатирическими чертами придворную жизнь, правленіе Людовика XIV, финансовыя операціи Джона Ло, французскій судъ и законодательство, французскихъ ученыхъ и академиковъ. Съ другой стороны подвергаются сатирѣ и церковныя дѣла: отиѣна Нантскаго эдикта, религіозныя преслѣдованія, монашество, нѣкоторыя догматическія постановленія и особенно папство, которое характеризуется очень рѣзкими штрихами. Ко всѣмъ этимъ вопросамъ авторъ относится съ точки зрѣнія просвѣтителя, обнаруживаетъ свой дензмъ, прославляетъ религіозную терпимость, порицаетъ правительственный произволъ и господствующій антагонизмъ между общественными классами, и даже склоняется въ своихъ симпатіяхъ къ республиканской формѣ правленія; отъ этого послѣдняго взгляда, какъ мы увидимъ, Монтескье отступитъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Какъ высоко поднять тонъ этихъ *Писемъ*, какъ рѣзко проведено сатирическое направленіе, вы можете судить по одной выдержкѣ, которая познакомятъ васъ отчасти и съ литературной формой сочиненія. Отрывокъ, который я приведу, касается Людовика XIV. Отношеніе Монтескье къ этому королю совершенно согласно съ возрѣніями многихъ другихъ образованныхъ людей начала XVIII столѣтія (Бэйля, С. Пьера): они проникнуты духомъ рѣшительной оппозиціи всей политикѣ такъ называемаго «великаго» царствованія.

«Король Франціи старъ», пишетъ Узбекъ своему пріятелю въ Смирну. «Въ нашей исторіи нѣтъ примѣровъ, чтобъ монархъ такъ долго царствовалъ. Говорятъ, что онъ обладаетъ въ высокой степени развитой способностью повелѣвать и заставлять повиноваться: онъ съ одинаковымъ талантомъ управляетъ семьей, дворомъ, государствомъ; не разъ слышали, какъ онъ говорилъ, что изъ всѣхъ формъ правленія ему болѣе всего нравится турецкій режимъ или режимъ нашего августѣйшаго султана: такъ цѣнить онъ восточную политику. Я изучалъ его характеръ и нашелъ противорѣчія, которыя я



не въ силахъ согласить: напр. у него есть министр 18 лѣтъ отъ роду и любовница 80 лѣтъ (г-жа Мэнтенонъ); онъ любитъ свою религію, но терпѣть не можетъ тѣхъ, которые проповѣдуютъ строгое исполненіе ея предписаній (янсенистовъ); хотя онъ и удаляется отъ городского шума и мало сообщителенъ, однако онъ съ утра до вечера тѣмъ только и занятъ, что заставляеть о себѣ говорить; онъ любитъ трофеи и побѣды, но онъ столько же боится хорошаго генерала, стоящаго во главѣ его собственныхъ войскъ, сколько онъ могъ бы опасаться вождя враждебной арміи. Онъ любитъ награждать тѣхъ, которые ему служатъ; но онъ такъ же щедро платитъ своимъ придворнымъ за ихъ праздность, какъ и своимъ военачальникамъ за ихъ трудныя кампаніи; часто онъ предпочтаетъ человѣка, который его раздѣваетъ или подаетъ ему за столомъ салфетку, другому, который беретъ для него города и выигрываетъ сраженія; онъ не считаетъ себя подлежащимъ какому бы то ни было стѣсненію въ раздачѣ милостей, и, не обращая вниманія на дѣйствительныя заслуги того лица, которому онъ благодѣтельствуеть, онъ находитъ, что уже одинъ выборъ его дѣлаеть человѣка этого во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ; потому были примѣры, что онъ давалъ небольшую пенсію человѣку, пробѣжавшему двѣ мили съ поля сраженія, и прекрасное губернаторство другому, пробѣжавшему цѣлыхъ четыре мили>... «Король этотъ большой волшебникъ,—пишетъ Рика, другой персіанинъ. Онъ направляетъ само разумѣніе своихъ подданныхъ и заставляеть ихъ думать такъ, какъ ему хочется. Если у него въ казнѣ всего тысяча экю, а ему нужно двѣ тысячи, онъ убѣждаетъ ихъ, что одинъ экю имѣеть стоимость двухъ, и они этому вѣрятъ (извѣстно, что французскіе короли иногда устанавливали монетный курсъ по собственному усмотрѣнію)... Если онъ затѣялъ войну и у него нѣтъ денегъ, ему только стоитъ внушить своимъ подданнымъ, что клочокъ бумаги имѣеть цѣнность металла, и они въ этомъ тотчасъ же убѣждаются. Но то, что я тебѣ говорю объ этомъ государѣ не должно удивлять тебя: есть еще другой болѣе сильный волшебникъ»,—и персіанинъ Рика переходитъ къ злой характеристикѣ папы...

Вы видите, какъ рѣзко Монтескье отнесся къ Людовику XIV; точно такъ же безцеремонно онъ разсматриваетъ всѣ французскіе порядки, строеніе французскаго общества, состояніе законодательства,

церковные институты и проч. Но въ то же время насъ поражаютъ въ «Персидскихъ письмахъ» нѣкоторыя замѣчанія, которыя плохо вяжутся со всѣмъ отрицательнымъ направленіемъ книги, но которыя можно легко объяснить изъ характера и наклонностей самого автора. Когда вопросъ выходитъ изъ области теоретическаго обсуждения и переносится на почву практическую, когда сама задача напрашивается на практическое разрѣшеніе, Монтескьё останавливается и робѣетъ. Мы находимъ, напримѣръ, подобное замѣчаніе: «Правда, иногда приходится удовлетворять нѣкоторымъ страннымъ наклонностямъ человѣка, которыя вытекаютъ не столько изъ его разума, сколько изъ его темперамента, — и тогда становится необходимымъ измѣнять нѣкоторые законы. *Но это рѣдкій случай*; и когда онъ встрѣчается, слѣдуетъ касаться законовъ лишь дрожащей рукою; нужно при этомъ обставить дѣло столькими торжественными церемоніями, столькими предосторожностями, чтобъ народъ пришелъ въ убѣжденію въ святости законовъ, такъ какъ отмѣна ихъ соединена съ такимъ множествомъ формальностей» <sup>1)</sup>). Такимъ образомъ Монтескьё допускаетъ отмѣну законовъ въ какихъ-то *исключительныхъ* случаяхъ; притомъ она должна быть произведена дрожащею рукою и окружена торжественными формальностями. Подобное отношеніе къ дѣлу мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ; мы встрѣтимся съ нимъ и въ *Духъ законовъ*. Обличая недостатки существующаго, Монтескьё не чувствуетъ однако настоящей потребности ихъ исправить и преобразовать ненормальныя отношенія. Онъ останавливается на полпути и, натѣшившись вдоволь, какъ теоретикъ, какъ человѣкъ анализа, — указавши на нелѣпость и негодность тѣхъ или другихъ общественныхъ условій, онъ отступаетъ передъ практикой, воздерживается отъ практическаго рѣшенія и мирится съ дѣйствительностью. Его не волнуетъ и не возмущаетъ зло; онъ не вступаетъ съ нимъ въ схватку, какъ Вольтеръ. И эта нота въ Монтескьё все болѣе и болѣе усиливалась съ годами. Онъ довольствовался группировкой явленій, приводилъ ихъ въ связь, объяснялъ ихъ смыслъ, съ удовольствіемъ посматривалъ на свои теоретическія обобщенія и устранялъ отъ себя дальнѣйшую заботу. Такой практическій индифферентизмъ Монтескьё стоялъ въ связи съ его скептическимъ отношеніемъ

<sup>1)</sup> Lettre 129.

къ человѣчеству вообще: онъ мало надѣялся на возможность существенныхъ измѣненій въ общественныхъ отношеніяхъ, не особенно хлопоталъ о такихъ измѣненіяхъ, не носился съ идеалами, и предпочиталъ спокойно обсуждать общественныя явленія въ ихъ происхожденіи, развитіи, осложненіи, взаимодействіи. Въ трудахъ по *исторіи обществъ* и состоитъ великая заслуга Монтескье. Практическіе выводы дѣлали за него другіе, воспользовавшись его научными изслѣдованіями. Вообще онъ и въ жизни былъ очень покойный и покладливый человѣкъ. Никогда онъ не подвергалъ себя преслѣдованію, никогда не испытывалъ такихъ нападковъ, какимъ подвергался напр. Вольтеръ. Когда зашла рѣчь объ избраніи Монтескье въ члены Академіи и по поводу этого возникли затрудненія, ибо въ немъ видѣли автора бойкихъ *Персидскихъ писемъ*, Монтескье обязался никогда публично не признавать себя авторомъ этого сочиненія. «Покорность г. президента Монтескье была полная», пишетъ объ этомъ кардиналъ Флѣри, и смиренный сочинитель сатирическихъ писемъ былъ принятъ въ число академиковъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ просвѣтителей XVIII столѣтія Монтескье (да еще Бюффонъ) отличался наибольшимъ практическимъ консерватизмомъ; и потому-то менѣе всѣхъ другихъ онъ возбуждалъ противъ себя въ послѣдствіи ненависть реакціонеровъ, которые всегда выгораживали его изъ сонна вольнодумцевъ.

Для насъ онъ важенъ, какъ историкъ, какъ глубокой изслѣдователь общественныхъ явленій. Уже въ «Персидскихъ письмахъ» мы замѣчаемъ историческіе задатки этого писателя, его склонность сопоставлять и сличать различныя общественныя явленія, раскрывать ихъ взаимоотношенія, изучать ихъ, какъ опытыя данныя. Черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ прилежныхъ историческихъ занятій, онъ выпустилъ свои «Разсужденія» о римской исторіи. Эта книга въ настоящее время устарѣла и сама по себѣ научнаго значенія имѣть не можетъ. Монтескье не особенно внимательно разбираетъ источники, не вникаетъ въ ихъ большую или меньшую достовѣрность, и въ этомъ случаѣ онъ стоитъ ниже Вольтера: очищать матеріалъ, свѣрять источники, разсматривать подлинность извѣстій—въ этомъ Монтескье силенъ не былъ <sup>1)</sup>. Но зато уже въ этомъ самомъ сочи-

<sup>1)</sup> И въ «Духѣ законовъ» то же самое: путешественники, апокрифическія мѣста.

ненія мы находимъ общія философско-историческія воззрѣнія, которыя характеризуютъ направленіе трудовъ Монтескьё и приготавливаютъ насъ къ его знаменитому *Духу законовъ*. Вотъ, что пишетъ Монтескьё по поводу измѣненія въ строѣ Римскаго государства <sup>1)</sup>: «Не слѣпая судьба управляетъ міромъ. Можно узнать объ этомъ отъ Римлянъ, исторія которыхъ заключается въ непрерывномъ рядѣ удачъ и благополучій, пока государственная жизнь ихъ опредѣлялась однимъ извѣстнымъ планомъ, и затѣмъ — въ такомъ же рядѣ бѣдствій и потерь, когда этотъ общій планъ измѣнился. Существуютъ общія причины, какъ моральныя, такъ и физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждомъ государствѣ, возвышаютъ его, поддерживаютъ или разрушаютъ; всѣ случайности подчинены этимъ причинамъ; и если исходъ какого-нибудь сраженія, т. е. причина частная, разорила государство, то существовала причина общая, въ силу которой это государство должно было именно погибнуть — жертвой одного неудавшагося сраженія. Однимъ словомъ, господствующее теченіе увлекаетъ за собой всѣ частныя случайности. Мы видимъ, напримѣръ, что около двухъ вѣковъ датская армія была почти постоянно разбиваема шведскими войсками. Независимо отъ храбрости обѣихъ націй и военныхъ шансовъ, обстоятельство это должно обуславливаться какимъ-нибудь внутреннимъ порокомъ въ военномъ или гражданскомъ устройствѣ Даніи; и я думаю, что этотъ внутренній порокъ не особенно трудно открыть». Въ этихъ размышленіяхъ заключается цѣлая программа философіи исторіи. Какъ далеко стоитъ въ этомъ случаѣ Монтескьё отъ Вольтера, приписывающаго самыя крупныя событія мелкимъ случайнымъ причинамъ. Напротивъ того, Монтескьё выставляетъ здѣсь на первомъ планѣ общія коренныя условія историческихъ явленій, и въ анализѣ этихъ условій, этой почвы полагаетъ задачу историческаго изслѣдованія. Таковъ былъ дѣйствительно общій планъ, по которому онъ сталъ работать при составленіи своего *Духа законовъ*. Надъ этой книгой онъ трудился неутомимо и съ наслажденіемъ, съ ревностью ученаго любителя. Подъ конецъ зрѣніе Монтескьё стало ослабѣвать, онъ почувствовалъ утомленіе, опасался не кончить своей книги и занимался еще съ большимъ напряженіемъ. Въ началѣ 1748 года Монтескьё писалъ: «Послѣдніе

---

<sup>1)</sup> Considérations, chap. XVIII.

три мѣсяца я распинался, чтобъ кончить отдѣлъ о происхожденіи и развитіи нашего французскаго законодательства. Можно будетъ прочитать его въ три часа времени, но увѣряю васъ, что работа эта требовала отъ меня такого усиленнаго труда, что я посѣдѣлъ». Когда наконецъ въ томъ же 1748 году *Духъ законовъ* былъ оконченъ и изданъ въ Женевѣ, авторъ говорилъ: «Признаюсь, что этотъ трудъ чуть-чуть не свелъ меня въ могилу; теперь я отдохну и ужъ больше работать не стану». Такимъ образомъ *Духъ законовъ* является главнымъ и послѣднимъ сочиненіемъ Монтескьё, его завѣщаніемъ потомству, сводомъ всѣхъ его многолѣтнихъ занятій. Когда нѣсколько позже Даламберъ просилъ его доставить для Великой Энциклопедіи, первые томы которой тогда начинали выходить, статьи о *демократіи* и *деспотизмъ*, Монтескьё отвѣтилъ отказомъ. «Объ этихъ предметахъ», писалъ онъ Даламберу «я извлекъ изъ своего мозга все, что тамъ было, и новаго я вамъ сказать ничего не могу». вмѣсто этого онъ обѣщалъ написать Даламберу для Энциклопедіи статейку о *Вкусъ*, что и дѣйствительно исполнилъ.

При появленіи своемъ въ свѣтъ *Духъ законовъ* надѣлалъ много шума. Въ первые полтора года книга имѣла 22 изданія, ее можно было найти у всѣхъ ученыхъ, литераторовъ, свѣтскихъ дамъ и петиметровъ. Она сразу овладѣла умами и немало способствовала направить и сосредоточить вниманіе публики на вопросахъ государственныхъ. Дѣйствительно, около 1750 года задачи общественныя начинаютъ сильно возбуждать интересъ французскихъ образованныхъ классовъ. Новая философія проникаетъ въ область политики, начинается переворотъ въ политическихъ воззрѣніяхъ общества... Обратимся теперь къ разсмотрѣнію капитальнаго сочиненія Монтескьё.

Вотъ какъ объясняетъ Монтескьё задачу своего сочиненія. Изученіе человѣчества, пишетъ онъ въ предисловіи, привело меня къ убѣжденію, что это безконечное разнообразіе законовъ и нравовъ обуславливается не однѣми фантазіями и прихотями людей. Я установилъ принципы, подъ которые сами собой подошли всѣ частные случаи, изъ которыхъ какъ бы вытекли исторіи всѣхъ націй; я увидѣлъ, что каждый частный законъ связанъ съ другимъ закономъ или зависитъ отъ третьяго, болѣе общаго. Законы, говоритъ онъ дальше <sup>1)</sup>, находятся въ извѣстномъ отношеніи къ самой природѣ и

<sup>1)</sup> Chap. III.

принципу образа правленія; они стоятъ въ связи съ физической обстановкой страны, съ ея климатомъ, съ качествомъ ея почвы, съ ея положеніемъ и величиной, съ образомъ жизни народовъ, со степенью установленной свободы, съ религіей жителей, съ ихъ склонностями, съ ихъ богатствомъ, съ ихъ численностью, съ ихъ торговлей, нравами и привычками. Сверхъ этого, они имѣютъ взаимныя отношенія между собой; они зависятъ отъ характера своего происхожденія, отъ цѣли законодателя, отъ порядка вещей, при которомъ они установлены. Слѣдуетъ подвергнуть разсмотрѣнію законы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Я предпринимаю сдѣлать это въ настоящемъ сочиненіи. Я изучу всѣ эти отношенія, совокупность которыхъ и есть то, что называется *духомъ законовъ*. Такова широкая и оригинальная задача Монтескье.

Какъ вы видѣли, планъ великаго сочиненія Монтескье состоялъ въ томъ, чтобъ разсмотрѣть законодательство народовъ въ его зависимости отъ прочихъ сторонъ общественнаго быта и опредѣлить такимъ образомъ взаимныя отношенія различныхъ элементовъ государственной жизни. Законы были поставлены въ связь съ образомъ правленія, климатомъ, религіей, торговлей, количествомъ народонаселенія; авторъ задался цѣлью изучить ихъ отношеніе къ обстановкѣ, другими словами—объяснить самыя условія ихъ существованія, ихъ смыслъ, ихъ значеніе, ихъ духъ. Никто изъ изслѣдователей до Монтескье не относился такъ серіозно къ отправленіямъ общественной жизни и не проводилъ такъ настойчиво мысль о необходимости изучать эти отправленія въ ихъ взаимныхъ связяхъ, скрещиваніяхъ и перехватахъ. Потому-то трудъ Монтескье привлекаетъ особенное вниманіе со стороны изслѣдователя... Конечно, въ наше время, очень многіе выводы Монтескье уже приняты быть не могутъ; съ тѣхъ поръ общественная наука ушла далеко впередъ. Тѣмъ не менѣе мы должны цѣнить общій планъ всего сочиненія, руководящую мысль, основную идею писателя, которая въ XIX столѣтіи получила полное признаніе и всестороннее примѣненіе въ новѣйшей исторической наукѣ: *явленія общественной жизни подлежатъ изученію въ ихъ взаимныхъ связяхъ и отношеніяхъ*.

Отъ общаго плана перейдемъ къ составу сочиненія, къ его различнымъ отдѣламъ. Въ первой книгѣ *Духа законовъ* излагается

программа всего труда и общія воззрѣнія автора. Въ двѣнадцати слѣдующихъ (II—XIII) разсматриваются отношенія законодательства къ образу правленія страны. Это собственно та часть сочиненія, которая надѣлала болѣе всего шума, имѣла болѣе всего практическихъ послѣдствій и болѣе всего цѣнится политическими писателями, теоретиками государственнаго права. Когда говорятъ о политической доктринѣ Монтескьё, имѣютъ въ виду собственно эти XII книгъ, трактующихъ о зависимости законодательства отъ политическаго строя. На нихъ мы пока и остановимся. Излагать по главамъ всего содержанія *Духа законовъ*—не входитъ въ мою задачу, книга эта должна быть прочитана всякимъ историкомъ, и потому ваши собственные занятія приведутъ васъ къ личному знакомству съ сочиненіемъ Монтескьё. Я постараюсь представить только общую характеристику этого сочиненія, главныя выдающіяся его положенія и затѣмъ сообщу вамъ нѣсколько замѣчаній, къ которымъ долженъ придти изслѣдователь нашего времени при изученіи книги Монтескьё. Итакъ, сначала о тѣхъ XII книгахъ, на которыя я указалъ, т. е. о политическихъ формахъ.

Монтескьё различаетъ три образа правленій: республиканскій, монархическій и деспотическій. Республиканскій подраздѣляется на демократическій, гдѣ верховная власть принадлежитъ всему народу, и аристократическій, гдѣ она находится въ рукахъ одной части народа. Въ монархіяхъ управляетъ одно лицо, но на основаніи постоянныхъ, утвержденныхъ законовъ; въ деспотіи властвуетъ также одно лицо, но руководствуется не законами, а собственнымъ произволомъ. Указавши на эти формы правленія, Монтескьё разсматриваетъ основные законы, вытекающіе изъ самой природы политическаго устройства.

Изъ самой природы демократіи, гдѣ верховная власть принадлежитъ всей массѣ народа, явствуетъ, что съ одной стороны министры, исполнители, а съ другой—члены сената, совѣтники и руководители, должны быть назначаемы народомъ. Демократическому образу правленія приличествуетъ болѣе назначеніе должностныхъ лицъ по жребію, такъ какъ этотъ способъ никого не огорчаетъ и никого не лишаетъ надежды послужить отечеству; аристократіи болѣе свойственно начало выбора, ибо тамъ отличія уже и безъ того существуютъ и не возбуждаютъ такой зависти. Основные законы въ республикахъ должны регулировать устройство выборовъ, опредѣ-

лить классы избирателей и указать самую форму подачи голосовъ, которая можетъ быть тайная или явная. Въ демократіяхъ, въ случаяхъ избранія, подача голосовъ, по мнѣнію Монтескьё, должна быть явная, ибо здѣсь масса народа нуждается въ руководствѣ со стороны образованныхъ классовъ; въ аристократіи, среди замкнутой корпораціи, подача голосовъ должна быть тайная, во избѣжаніе интригъ. — Такъ какъ природа монархіи состоитъ въ правленіи одного лица, но по опредѣленнымъ законамъ, то необходимой принадлежностью монархіи является существованіе посредствующихъ *политическихъ тѣлъ*, каналовъ и органовъ, черезъ которые дѣятельность монарха сообщается государству правильнымъ, опредѣленнымъ путемъ. Эти посредствующія тѣла—дворянство (*noblesse*), которое, по мнѣнію Монтескьё, составляетъ эссенцію монархіи, духовенство и магистратура, судебное сословіе, охраняющее законы (парламентъ во французскомъ смыслѣ этого слова). Существованіе подобныхъ политическихъ тѣлъ есть основной законъ монархической формы правленія; уничтожьте ихъ, говорятъ Монтескьё, и вы получите либо деспотію, либо демократію. Даже власть духовенства, и та, по его мнѣнію, пожезна въ монархіи, ибо все-таки служатъ извѣстной преградой, извѣстной сдержкой и гарантіей противъ деспотизма государя. — Основнымъ закономъ въ деспотіяхъ, по мнѣнію Монтескьё, является визиратъ, сосредоточеніе всего управленія въ рукахъ одного прикащика—визиря. Такъ какъ самъ властитель имѣетъ въ виду только себя, свои прихоти и капризы, а другихъ ставитъ ни въ грошъ, то онъ и предается лѣни, сладострастію, и мало заботится о дѣлахъ. Еслибъ дѣла были переданы нѣсколькимъ лицамъ, то они враждовали бы между собой; потому лучше вручить ихъ одному визирю, который и завѣдуетъ всей администраціей. — Опредѣливши такимъ образомъ основные законы различныхъ образцовъ правленія, Монтескьё указываетъ на ихъ *принципы*, подъ которыми онъ разумѣетъ нравственную силу государственнаго строя, движущее начало, главную пружину политическаго организма. Онъ находитъ, что въ демократіяхъ основное начало есть *доблестъ* (*vertu*), т. е. преданность всѣхъ и cadaго общему дѣлу, въ аристократіяхъ — *умѣренность* въ средѣ правящаго класса, члены котораго съ одной стороны должны другъ друга поддерживать и не возвышаться—одинъ на счетъ другаго, съ другой — не угнетать подчиненные классы и



сдерживать свое властолюбіе. Въ монархіяхъ, по мнѣнію Монтескьё, движущей пружиной служить *честь*, т. е. сословный духъ, поддерживающій самостоятельность посредствующихъ политическихъ тѣлъ и корпорацій. Наконецъ, въ деспотіяхъ все основано на *страхѣ* передъ властью, который поддерживаетъ всеобщее повиновеніе.

Затѣмъ, изъ природы каждаго образа правленія и его принципа Монтескьё выводитъ характеръ законодательствъ, дѣйствующихъ въ различныхъ государствахъ. Онъ находитъ, что законы о воспитаніи въ монархіяхъ имѣютъ цѣлью развивать чувство чести и личное достоинство, въ республикахъ—внушать любовь къ родинѣ, въ деспотіяхъ—пріучать къ безотвѣтному повиновенію. Точно также формы правленія оказываютъ вліяніе на права имущественныя. Въ демократіяхъ обнаруживается склонность къ равенству и умѣренности состояній, устанавливается болѣе или менѣе равное наследованіе между дѣтьми и ограничивается возможность скоплять богатства въ однѣхъ рукахъ. Напротивъ, въ монархіяхъ законы должны поддерживать бытіе политическихъ тѣлъ и ихъ имущественныя привилегіи: потому съ духомъ монархій совершенно согласны маіораты и субституціи, сохраняющіе имущества въ однѣхъ и тѣхъ же фамиліяхъ. Монтескьё считаетъ также полезной продажу судебныхъ должностей, которая сообщаетъ корпораціямъ больше независимости отъ правительства. Въ деспотіяхъ управленіе самое простое, политическая и гражданская власть отличаются произволомъ, имѣютъ характеръ домашній. Нерѣдко государь объявляетъ себя собственникомъ всѣхъ земель и наследникомъ всѣхъ подданныхъ. Сверхъ того, въ деспотіяхъ обычны взятки и подарки, въ которыхъ не нуждается республиканская доблесть, безъ которыхъ обходится честь въ монархіяхъ: напротивъ, тамъ, гдѣ нѣтъ ни доблести, ни чести, гдѣ кромѣ того дѣлъ бываетъ мало и приходится рѣдко обращаться съ просьбами къ начальству, — тамъ нельзя явиться передъ высокопоставленное лицо безъ какого-нибудь подарка.—Въ монархіяхъ законы болѣе сложны, необходима правильная организація судебныхъ учреждений, законодательство должно охранять не только жизнь и собственность, но и честь гражданъ. Затѣмъ—въ монархіяхъ приходится имѣть дѣло съ разнообразными титулами, съ различнымъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ лицъ, и эти административныя или родовыя отличія влекутъ за собой часто отличія въ характерѣ са-

мого владѣнія: владѣнія могутъ быть дворянскія и мѣщанскія, благопріобрѣтенныя и родовыя, отцовскія и матернія и проч.; согласно съ этими различіями измѣняются имущественныя права, и всѣ эти особенности долженъ имѣть въ виду законодатель.—Въ деспотіяхъ очень мало обращаютъ вниманія на жизнь, имущество и честь гражданъ, всѣ процессы кончаются быстро и однообразно—по большей части, палочными ударами. Было бы опасно, еслибъ въ деспотіяхъ допускались оживленныя судоговоренія: въ правленіи, гдѣ все основано на страхѣ и полномъ повиновеніи, неумѣстны страстныя, бурныя рѣчи и пренія тяжущихся сторонъ. Въ деспотіяхъ можетъ судить и рѣдить самъ князь, что несогласно съ духомъ монархическаго правленія, ибо въ такомъ случаѣ была бы ослаблена роль посредствующихъ политическихъ корпорацій и законъ былъ бы замѣненъ произволомъ; придворные овладѣли бы монархомъ и оказывали бы вліяніе на его приговоры.—Затѣмъ, деспотическому государству приличны суровыя и жестокія наказанія. Въ деспотіяхъ нѣтъ тѣхъ мотивовъ—любви къ отечеству, стыда, страха порицанія—которые играютъ такую роль въ умѣренныхъ государствахъ. Наказанія отличаются тѣмъ меньшей жестокостью, чѣмъ болѣе страна подвинулась на пути къ свободѣ. Въ деспотическихъ странахъ люди такъ несчастны, что тамъ больше боятся смерти, чѣмъ на самомъ дѣлѣ дорожатъ жизнью: потому и казни должны быть лютыя, нужно брать страхомъ. Въ умѣренныхъ государствахъ болѣе цѣнятъ саму жизнь, и въ нихъ достаточно простой смертной казни безъ запугивающихъ и застрашивающихъ аксессуаровъ... Далѣе Монтескье говоритъ объ отношеніи образа правленія къ роскоши, къ положенію женщинъ, къ оборонительной и наступательной политикѣ государствъ. Я не буду слѣдить за всѣми частностями его изложенія. Сказаннаго достаточно, чтобъ составить себѣ понятіе объ характерѣ этихъ 12 книгъ Монтескье, посвященныхъ отношеніямъ политическихъ формъ къ законодательству.

Я постараюсь теперь освѣтить этотъ отдѣлъ нѣсколькими замѣчаніями...

Приступая къ изученію означеннаго отдѣла, изслѣдователь прежде всего долженъ обратить вниманіе на слѣдующее указаніе самого автора, которое мы встрѣчаемъ въ концѣ первой книги и которое служить какъ бы введеніемъ и программой ко всему отдѣлу: «я

рассмотрю сначала тѣ отношенія, въ которыхъ находятся законы съ природой и принципомъ каждаго правленія, и такъ какъ этотъ принципъ оказываетъ *верховное вліяніе* (*suprême influence*) на законодательство, я постараюсь основательно его изучить, когда онъ будетъ твердо установленъ, мы увидимъ, что всѣ законы вытекаютъ изъ него, какъ изъ своего источника. Я перейду затѣмъ къ другимъ отношеніямъ, которыя, какъ кажется, имѣютъ болѣе частное значеніе». Это указаніе самого автора очень характерно и сразу обозначаетъ намъ его точку зрѣнія. Вы видите, что, по мнѣнію Монтескьё, характеръ законодательства *главнымъ образомъ* опредѣляется формой правленія, которая оказываетъ на него «верховное вліяніе». Такимъ образомъ различные образы правленія Монтескьё постановляетъ въ первомъ рядѣ историческихъ факторовъ; другіе, какъ-то климатъ, почва, богатство, народонаселеніе и проч., имѣютъ для него значеніе второстепенное. И этому вліянію образа правленія на юридическій бытъ посвящены цѣлыхъ 12 книгъ всего сочиненія. По всему видно, что Монтескьё съ особенной любовью занимался этимъ отдѣломъ и придавалъ ему особенное значеніе... Такъ ли это на самомъ дѣлѣ и можно ли отводить образу правленія первое мѣсто въ ряду всѣхъ социальныхъ факторовъ?

Для того, чтобъ провѣрить положеніе Монтескьё, посмотримъ, составляютъ ли указанные имъ черты бытовыхъ отношеній непремѣнную принадлежность той или другой формы правленія.— Возьмемъ деспотизмъ. Вы помните, какъ изъ природы этого образа правленія авторъ выводитъ визиратъ, простоту администраціи, законодательства и судопроизводства, жестокость законовъ, отсутствіе опредѣленныхъ имущественныхъ отношеній и наследственныхъ правъ. Неужели всѣ эти явленія обуславливаются только деспотической формой правленія и составляютъ отличительную принадлежность деспотій?— Взглядъ на исторію различныхъ обществъ покажетъ намъ противоположное. Всмотриваясь внимательно въ тѣ бытовые отношенія, которыя Монтескьё приписывалъ деспотіямъ, мы найдемъ тождественныя или подобныя имъ черты у многихъ другихъ народовъ, совершенно чуждыхъ деспотическому образу правленія. Простоту въ законодательствѣ, отсутствіе разнообразныхъ формальностей при судопроизводствѣ, несложное и крайне грубое управление мы

найдемъ и у древнихъ Германцевъ, и у Франковъ, и у Славянъ, и у многихъ дикихъ племенъ, доселѣ существующихъ. Едва ли кто-нибудь назоветъ сложными и вообще представляющими удовлетворительныя гарантіи личной безопасности и собственности гражданъ— постановленія въ родѣ *leges barbarorum*,—въ родѣ салическаго или рипуарскаго закона. Страшную жестокость въ наказаніяхъ и быстроту въ судоговореніи мы находимъ также у древнегерманскихъ и франкскихъ вольницъ, у тѣхъ племенъ, о *свободѣ* которыхъ говоритъ самъ Монтескьё. Весь Григорій Турскій наполненъ злодѣйствами и лютыми казнями, которыя можно свободно поставить на одну доску съ восточными варварствами. Точно также въ древнѣйшемъ правѣ всѣхъ народовъ мы не найдемъ опредѣленныхъ законовъ о владѣніи, о частной собственности, о наслѣдованіи. Дѣло въ томъ, что эти бытовые черты распределены въ болѣе или менѣе равной степени между всѣми общественными союзами, *стоящими на низкой ступени культуры*. Всѣ онѣ сводятся къ слабости государственной организаціи, которая въ свою очередь опредѣляется первобытнымъ строемъ общественной жизни. На первой ступени народной жизни общественныя расчлененія еще не успѣли обозначиться, не произошло обособленія отдѣльныхъ группъ, не послѣдовало раздѣленія труда и образованія классовъ. Какъ интересы, такъ и потребности, такъ и самыя отношенія просты и несложны. Мы видимъ отсутствіе солидарности, прочныхъ общественныхъ связей, видимъ гуртовое однообразіе племени, господство родовыхъ понятій. Отсюда простота управленія, публичнаго и частнаго законодательства, отсутствіе судебного процесса, жестокость наказаній, стоящая въ связи съ первобытными суровыми нравами. Дѣло вовсе не заключается въ формѣ неограниченнаго никакими законами единодержавія, а въ томъ состояніи возрѣній и матеріальныхъ интересовъ, въ которомъ находится народъ.

Точно также, переходя къ той характеристикѣ монархической формы, которую представляетъ Монтескьё, мы видимъ, что существованіе обособленныхъ политическихъ тѣлъ, правящихъ классовъ, вовсе не составляетъ исключительной принадлежности монархіи. Нельзя сказать, что дворянство или лучше боярство (*noblesse*) есть эссенція монархіи и *вытекаетъ* изъ ея природы. Нѣтъ монарха, говоритъ Монтескьё, нѣтъ и дворянства, нѣтъ дворянства — нѣтъ

и монарха. При этомъ авторъ имѣлъ въ виду Францію XVII и XVIII вѣка, ея монархическое устройство и ея аристократическій дворъ, и съ этого образца онъ перенесъ черты на всякую монархію вообще. Между тѣмъ господство въ обществѣ развитой родовой аристократіи, т. е. могучаго класса воиновъ съ наслѣдственнымъ землевладѣніемъ, можетъ существовать и внѣ монархіи или же играть роль, совершенно противоположную той, которая указана у Монтескьё, т. е. не поддерживать и не подкрѣплять монарха, а подрывать его власть и вести ее къ политическому ничтожеству. Можно ли, напр., назвать *монархіей* феодальную и строго-аристократическую Францію въ какомъ-нибудь X вѣкѣ, когда король Франціи былъ мелкимъ и ничтожнымъ помѣщикомъ, владѣльцемъ городка Лаона, а вся страна находилась въ рукахъ мощныхъ и задорныхъ феодаловъ. Въ этомъ случаѣ вѣрно замѣчаніе Вольтера, написавшаго очень любопытный комментарий къ *Духу законовъ*: «Желательно было бы отъ автора точнаго объясненія, почему дворянство составляетъ эссенцію монархическаго правленія. Можно скорѣе подумать, что оно—эссенція *феодалнаго правленія*, какъ въ Германіи, или аристократическаго, какъ въ Венеціи»... Опять-таки дѣло въ томъ, что тѣ общія черты, которыми характеризуетъ Монтескьё монархическое государство, стоятъ въ связи не съ формой правленія, а съ извѣстнымъ *умственнымъ и матеріальнымъ состояніемъ общества*. На извѣстной ступени исторической жизни мы застаемъ общества, расколовшіяся на касты, на отдѣльныя группы—съ своими интересами, правами, предрассудками, съ своими разнообразными стремленіями и потребностями. Результатомъ исторической жизни, раздѣленія труда и занятій, внутренней борьбы за извѣстные интересы, опредѣлившагося экономического антагонизма, а также умственнаго превосходства являются эти «посредствующія тѣла», о которыхъ говоритъ Монтескьё. У каждой группы развивается побужденіе во что бы то ни стало отстаивать свои интересы, ревниво охранять и приумножать ихъ. Каждая группа дорожитъ своими преимуществами, и чѣмъ этихъ преимуществъ больше, тѣмъ болѣе члены ея проникаются сословными привязанностями и предрассудками. *Собственно монархическая форма здѣсь ни при чемъ*. Ноппеиг, честь, т. е. вѣрность извѣстнымъ понятіямъ своего класса, сословный духъ, мы встрѣчаемъ вовсе не въ однихъ монархіяхъ. Въ древнихъ республикахъ

мы находимъ напр. необыкновенно сильно развитое уваженіе къ *гражданину*, и мы не должны забывать значенія этого слова. Древнее *civis* и *πολιτης*, какъ вамъ извѣстно, находило приложеніе только въ средѣ одного класса, класса свободныхъ людей. Античный гражданскій духъ носилъ печать касты; онъ соединялся съ презрѣніемъ къ рабу, къ илоту, къ низшему классу населенія, это была своего рода вольность дворянская, сословная кичливость. Нечего и говорить, что отличія, ранги, титулы, которые Монтескье относитъ къ принадлежностямъ монархіи, были въ большомъ ходу и въ аристократическихъ республикахъ древняго міра. Все это определяется не столько формой правленія, сколько тѣмъ раздѣленіемъ интересовъ и понятій, которое образовалось въ обществѣ. Понятно, что съ обособленіемъ интересовъ, съ развитіемъ и усложненіемъ потребностей, должно усложняться и само законодательство.

Важность, которую Монтескье придаетъ *формамъ правленія*, очень рѣзко и характеристично обнаруживается въ XIII книгѣ его сочиненія, которая трактуетъ объ отношеніяхъ политическихъ формъ къ государственнымъ налогамъ и доходамъ. «Общее правило», говоритъ Монтескье, «такое: чѣмъ болѣе свободы въ странѣ, тѣмъ выше могутъ быть подати; по мѣрѣ того, какъ увеличивается степень политической зависимости жителей, приходится сбавлять налоги. Такъ всегда было, и такъ всегда будетъ. Это—правило неизмѣнное, извлеченное изъ самой природы вещей». Въ деспотіяхъ, замѣчаетъ Монтескье, налоги должны быть очень легкіе, иначе—никто не будетъ обрабатывать земли; притомъ, возможно ли платить значительную подать правительству, которое въ замѣнъ этого ничего не доставляетъ съ своей стороны подданнымъ. Характеристическою особенностью азіатскихъ деспотическихъ государствъ Монтескье считаетъ между прочимъ то, что тамъ рѣдко конфискуютъ товары и не наказываютъ купцовъ конфискаціями за ложное показаніе о ввозимыхъ товарахъ. Въ Китаѣ даже вовсе не разсматриваютъ тюковъ, которые принадлежать не купцамъ. Татарскіе князья почти вовсе не берутъ пошлины съ привозимыхъ товаровъ. Въ Турціи пошлину берутъ только однажды при ввозѣ, послѣ чего вся страна открыта купцамъ. Обстоятельство это объясняетъ Монтескье тѣмъ, что въ Европѣ купецъ, въ случаѣ притѣсненія со стороны чиновника, можетъ обращаться къ суду; въ азіатскихъ деспотіяхъ, гдѣ всѣ обя-

занности соединены въ однѣхъ рукахъ и господствуетъ произволъ, купецъ былъ бы отданъ въ полное распоряженіе чиновника, еслибъ только дозволена была конфискація. Такимъ образомъ, говоритъ Монтескьё, *самоу деспотизму приходится умѣрять себя*: въ замѣнъ свободы, тамъ сравнительно незначительныя подати, очень рѣдкіе таможенные штрафы и конфискаціи... Напротивъ, въ умѣренныхъ странахъ, по мнѣнію Монтескьё, *налоги увеличиваются пропорціонально съ свободой, ибо свобода вознаграждаетъ жителей за матеріальныя лишенія*. Это правило общее, и мы находимъ его, говоритъ Монтескьё, во всѣхъ странахъ, въ Англіи, Голландіи, и во всѣхъ другихъ государствахъ, гдѣ степень свободы уменьшается, вплоть до Турціи. Наконецъ Монтескьё находитъ, что деспотіи болѣе соответствуетъ поголовная подать, а государствамъ свободнымъ причествуетъ болѣе косвенный налогъ, налогъ на товаръ, на потребленіе, ибо, говоритъ Монтескьё, *онъ не имѣетъ такого прямого отношенія къ лицу...*

Таковы куріозныя финансовыя соображенія автора *Духа законовъ*. Вы видите, что всё они коренятся въ одномъ главномъ положеніи, будто *сумма налоговъ и бремя ихъ возрастаетъ вмѣстѣ съ политической свободой*. Положеніе это вытекло изъ неполнаго и невѣрнаго обобщенія нѣсколькихъ фактовъ, бросившихся въ глаза писателю. Онъ видѣлъ въ современной Англіи, въ странѣ, пользовавшейся очень почтенной долей политической свободы, весьма сложное финансовое управленіе, развитую систему налоговъ, организацію таможенъ и пошлинного сбора, конфискацію товаровъ и проч. Нѣчто подобное усматривалъ онъ и въ Голландіи. Напротивъ, въ Турціи и азіатскихъ деспотіяхъ онъ не замѣчалъ ни правильной финансовой администраціи, ни организованныхъ таможенныхъ учреждений, ни того разнообразія податей и налоговъ, съ которыми встрѣчался въ Европѣ. Это различіе Монтескьё приписалъ разницѣ въ формахъ правленія и пришелъ къ тѣмъ страннымъ соображеніямъ, которыя я сейчасъ приводилъ: будто въ свободныхъ странахъ налоги значительнѣе, такъ какъ чувство свободы вознаграждаетъ за матеріальныя потери, будто свободнымъ странамъ причествуютъ косвенные налоги, ибо они не имѣютъ прямого отношенія къ лицу, не ставятъ его въ очевидную зависимость, будто въ деспотіяхъ налоги слабѣе и менѣе обременительны, ибо этимъ самымъ

уравновѣшиваются политическія невыгоды этихъ странъ и проч. Для насъ ясно, что суть дѣла заключается въ данномъ случаѣ не въ формѣ правленія, а въ культурномъ состояніи страны. Тамъ, гдѣ промышленность стоитъ на низкой ступени развитія, гдѣ нѣтъ развитаго экономическаго быта, не можетъ быть и рѣчи о сложномъ финансовомъ управленіи или о точномъ экономическомъ законодательствѣ. Тамъ, гдѣ вся административная механика отличается слабостью и первобытностью, нечего искать таможенныхъ институтовъ и организованныхъ пошлинъ. Напротивъ, въ государствахъ съ сильно развитыми экономическими интересами, гдѣ торговля и промышленность достигли известной степени развитія и втянули въ свой кругъ цѣлые классы населенія, гдѣ трудъ завязался въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, тамъ необходимо является сложность и разнообразіе въ финансовомъ законодательствѣ; тамъ и самыя формы налоговъ разнообразнѣе, затѣйливѣе, хитрѣе; тамъ вся государственная машина работаетъ съ большимъ искусствомъ и болѣе интенсивностью. Въ подобномъ государствѣ цифра государственныхъ доходовъ гораздо выше цифры доходовъ въ деспотіяхъ, потому что *само народное богатство гораздо значительнѣе, само народное хозяйство стоитъ на высшей ступени развитія*. Это вовсе не потому, что напр. въ Англіи граждане такъ чувствительно относятся къ своей свободѣ, что всегда готовы оплачивать ее деньгами, а какіе-нибудь азіаты, лишеныя свободы, не имѣютъ охоты жертвовать на алтарь отечества. Суть въ томъ, что въ первомъ случаѣ больше матеріальныхъ средствъ, больше богатствъ, болѣе развитые экономическіе интересы и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе умѣнья со стороны государства эксплуатировать эти интересы; во второмъ случаѣ наоборотъ: бѣдность экономическихъ источниковъ, матеріальныхъ средствъ въ самомъ населеніи и затѣмъ административная безпомощность. Когда Монтескье говоритъ объ отсутствіи на Востокѣ конфискацій, таможенъ, организованной системы тарифовъ, то это опредѣляется вовсе не *стремленіемъ деспотизма сдерживать самого себя*, а немошью государственной организаціи. Имѣй деспотическое правительство въ своемъ распоряженіи искусную администрацію, сѣтъ государственныхъ учрежденій, оно разумѣется ни въ какомъ случаѣ не отказалось бы ни отъ конфискацій, ни отъ пошлинныхъ сборовъ, ни отъ всевозможныхъ налоговъ, ни вообще



отъ всѣхъ прелестей цивилизаціи, которыя оно было бы въ состояніи эксплуатировать въ свою пользу, и ужъ конечно оно перешагнуло бы въ этомъ отношеніи правительства умѣренныхъ государствъ. Но, если деспотическое государство стоитъ на низкой ступени государственнаго и промышленнаго развитія, когда въ немъ нѣтъ ни раздѣленія труда, ни обособленныхъ общественныхъ классовъ, ни успѣшной торговли, когда все населеніе погружено въ азіатскую спячку, понятно, не можетъ быть и рѣчи о запретительной системѣ, о тарифахъ, конфискаціяхъ и т. п.

Изъ этихъ замѣчаній вы можете усмотрѣть, какое непомѣрное значеніе Монтескьё придавалъ формамъ правленія. По его собственному признанію, *политическая форма* занимаетъ первое мѣсто въ ряду историческихъ факторовъ и оказываетъ верховное вліяніе на юридическія отношенія въ странѣ... На самомъ дѣлѣ мы видимъ иное. Явленія юридической жизни, которыя Монтескьё старался приурочить къ опредѣленнымъ формамъ правленія, встрѣчаются у націй, имѣющихъ разные политическіе костюмы. Явленія эти мало зависятъ отъ политическихъ формъ, которыя въ историческомъ развитіи являются второстепеннымъ факторомъ. Назвавши политическую форму страны, сказавши слова: республика, монархія, демократія, — вы сказали очень мало, не сообщили о странѣ ничего опредѣленнаго. Подъ эти общіе, блѣдные термины могутъ быть подставлены самыя разнообразныя представленія. [Есть *монархія* Великобританская, была монархія Македонская, монархія или имперія Римская, монархія Карла Великаго... Что между ними общаго, кромѣ наружности, кромѣ того обстоятельства, что во всѣхъ случаяхъ во главѣ господства стоятъ или стояло одно лицо. Политическая форма еще ни къ чему не обязываетъ. Точно также, что общаго между греческими республиками, первой французской республикой и республикой флорентійской? Случайное клеймо, штемпель, внѣшній признакъ.... Съ другой стороны, возьмите Францію въ XIX вѣкѣ. Въ текущемъ столѣтіи она десять разъ мѣняла форму правленія (консульство, первая имперія, Бурбоны, сто дней, опять Бурбоны, июльская монархія, республика безъ президента, республика съ президентомъ, вторая имперія, республика), не считая мелкихъ измѣненій въ родѣ либеральной имперіи, септенната, республики Казиміра Перье. И однако эти политическія метаморфозы во Франціи не

коснулись сущности внутреннихъ юридическихъ отношеній. Съ 1803 года и по сіе время дѣйствуетъ тотъ же кодексъ Наполеона, тѣ же гражданскіе и уголовные законы...

Суть дѣла не въ политической формѣ, а въ строеніи самого общества, во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ, въ распредѣленіи богатствъ и матеріальныхъ средствъ между этими классами, въ степени ихъ образованности, въ ихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ. Для историка нашего времени становится все болѣе и болѣе очевиднымъ тотъ фактъ, что умственное и экономическое положеніе общества несравненно важнѣе его политической формы; точно также для современнаго практическаго дѣятеля ставится все менѣе и менѣе возможнымъ благодушно успокаиваться на такихъ бессодержательныхъ словахъ, какъ напр. *республика*: историческій опытъ все болѣе и болѣе разъясняетъ ему, что сама по себѣ политическая форма далеко не есть конечная цѣль преобразованія, далеко не есть условіе общественнаго благоденствія.

---

Отъ политическихъ формъ Монтескьё переходитъ къ другимъ факторамъ, опредѣляющимъ характеръ законодательства и общественной жизни народовъ; рассмотрѣнію этихъ остальныхъ факторовъ, какъ-то: климата, почвы, національнаго склада, торговли, денежныхъ знаковъ, количества народонаселенія, религіи, посвящены слѣдующія 13 книгъ *Духа законовъ*. Наконецъ послѣднія пять книгъ имѣютъ болѣе спеціальный характеръ: онѣ касаются римскихъ законовъ о наследованіи, развитія французскаго законодательства и феодальнаго права, и кромѣ того въ одной книгѣ (именно въ 29-й) говорится о способѣ составлять законы. Всѣхъ книгъ—31. Въ числѣ тѣхъ факторовъ исторической жизни, которые изучаетъ Монтескьё, мы замѣчаемъ однако весьма существенный пробѣлъ, отсутствіе одного очень важнаго фактора, и этотъ пробѣлъ, это отсутствіе отзывается на характерѣ всего сочиненія. Именно: авторъ не разсматриваетъ зависимости законодательства и общественныхъ отношеній отъ *умственнаго состоянія народа*, отъ общаго склада его цивилизаціи, или другими словами — отъ количества знаній, выработанныхъ и усвоенныхъ обществомъ и отъ степени приложенія этихъ знаній къ борьбѣ съ природой, т. е. къ удовлетворенію ма-

теріальныхъ потребностей. Этотъ *культурный* факторъ оставленъ Монтескьё безъ должнаго вниманія, а между тѣмъ въ наше время, въ глазахъ новѣйшихъ историковъ, этотъ культурный факторъ приобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, возбуждаетъ все большій и большій интересъ. Накопленіе знаній въ народѣ и приложеніе этихъ знаній къ обстановкѣ, успѣхи техники и промышленности, представляетъ въ исторіи человѣчества элементъ, оказывающій особенно сильное вліяніе на перемены въ общественныхъ отношеніяхъ. Отбросьте его, выключите изъ исторіи человѣчества, и — для насъ останется непонятнымъ вѣковое развитіе обществъ, мы перестанемъ отличать ступени и эпохи роста въ жизни народовъ, мы потеряемъ ту нить, которая связываетъ между собой поколѣнія. Упустивъ изъ виду этотъ важный историческій факторъ, Монтескьё сталъ придавать непомерное значеніе причинамъ и условіямъ второстепеннымъ. Мы уже видѣли, какую рѣшающую роль онъ приписываетъ такимъ побочнымъ явленіямъ, какъ политическія формы.

Въ послѣдующихъ книгахъ мы находимъ знаменитую теорію климатовъ, которая страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ. Заслуга автора въ этомъ случаѣ состояла въ томъ, что одинъ изъ первыхъ онъ обратилъ вниманіе и затѣмъ очень рѣшительно высказалъ мысль о необходимости извѣстной связи между климатическими условіями страны и ея общественной исторіей. Но въ приложеніи своей теоріи Монтескьё отнесъ на счетъ климата такія явленія, которыя обусловливались совершенно другими причинами, и придалъ географическимъ условіямъ такое значеніе, какого они на самомъ дѣлѣ вовсе не имѣютъ. Я приведу примѣръ. Дѣло идетъ о географической и климатической обстановкѣ Индіи и о вліяніи ея на торговлю. «Иногда», пишетъ Монтескьё, «мы находимъ извѣстныя физическія причины — характеръ почвы или климата, — которыя *навсегда* опредѣляютъ самыя свойства торговли. Такъ — издревле Западныя народы возили въ Индію денежные знаки, драгоценныя металлы и привозили оттуда товаря. Такъ дѣлали римляне, то же самое происходитъ теперь, *и то же самое будетъ всегда*: всегда тѣ, которые будутъ вести торговлю съ Индіей, будутъ доставлять туда только деньги и вывозить товары. Климатъ и природа Индіи дѣлаютъ то, что тамошніе жители въ предметахъ нашего производства не нуждаются, и потому намъ нечего привозить имъ наши товары; хо-

дять они почти голые и питають отвращеніе къ нашей пищѣ вслѣдствіе своихъ религіозныхъ понятій; всѣ потребности свои они могутъ удовлетворять собственнымъ производствомъ, и въ нашихъ издѣліяхъ не нуждаются. Имъ нужны только наши металлы, наши денежные знаки». Такимъ образомъ положеніе Индіи представляется для Монтескье неизмѣннымъ: онъ даже не предполагаетъ возможности того, что въ тамошнемъ населеніи возникнутъ новыя потребности и новыя интересы, образуются новыя понятія, завяжется какое-нибудь значительное мѣстное производство. Климатическія условія, по его мнѣнію, заковали Индію на вѣки вѣчные въ одни колдовки. Вообще въ жизни народовъ Монтескье болѣе склоненъ замѣчать *постоянныя условія*, неизмѣнныя данныя, чѣмъ подвижной элементъ. Точно также, по его мнѣнію, извѣстная климатическая и географическая обстановка можетъ обрезать народности на свободу и на рабство. Онъ проводитъ очень хитрую параллель между Азіей и Европой. Азія, говоритъ онъ, не имѣетъ умѣреннаго пояса, и страны съ очень холоднымъ климатомъ соприкасаются съ мѣстностями очень жаркими. Потому въ Азій народы сильные (сѣверные) непосредственно граничатъ съ народами вялыми и робкими (южными); слѣдовательно — одни должны быть завоевателями, другіе — побѣжденными. Напротивъ, въ Европѣ сильныя націи граничатъ съ подобными же сильными націями. Вотъ, по мнѣнію Монтескье, главная причина слабости Азій и силы Европы, свободы Европы и рабства Азій, — «и эту причину», прибавляетъ Монтескье, «доселѣ, кажется, никто еще не замѣтилъ»... Такимъ образомъ категорически выведено правило о различіяхъ азіатской и европейской исторіи и при этомъ устранено множество обстоятельствъ, которыя противорѣчатъ соображеніямъ Монтескье. Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить завоеванія Арабовъ въ Европѣ, нашествіе Татаръ, движеніе варваровъ изъ Азій въ Европу и т. п.? — Отъ подобныхъ общихъ, рѣзкихъ, изолированныхъ заключеній отказывается современная историческая наука; она избѣгаетъ такихъ сужденій съ плеча, такихъ формулъ и догматовъ, и выставляетъ свои соображенія съ крайней осмотрительностью и послѣ тщательной прѣвѣрки фактовъ.

Недостатки труда Монтескье въ значительной долѣ объясняются самимъ временемъ его возникновенія. Такъ — значеніе того *культурнаго* фактора, о которомъ я говорилъ, въ первую половину XVIII сто-

лѣтія далеко не бросалось въ глаза, далеко не было такъ очевидно, какъ во вторую половину XVIII вѣка и въ наше время, послѣ великихъ техническихъ открытій. Затѣмъ мы уже имѣли случай замѣтить, по поводу аббата С. Пьера, какъ въ прошломъ столѣтіи изолированныя отвличенія и дедукціи нерѣдко препятствовали внимательному изученію фактовъ. Фактическимъ матеріаломъ далеко не дорожили такъ, какъ въ наше время: довольствовались самымъ незначительнымъ количествомъ фактовъ, для возведенія рискованныхъ гипотезъ и обобщеній. Въ этомъ случаѣ Монтескьё стоялъ гораздо выше многихъ современниковъ, онъ гораздо внимательнѣе другихъ относился къ факту, но и онъ не прочь былъ подтягивать данныя подъ искусственныя схемы и толковать ихъ для оправданія заранѣе придуманной теоріи; и онъ любилъ выставять *принципы, законы, общія правила, категорическія положенія* — тамъ, гдѣ современный исследователь ограничивается осторожнымъ замѣчаніемъ, а иногда и простымъ вопросительнымъ знакомъ. Въ *Духъ законовъ* мы встрѣчаемъ множество очень рѣзкихъ утвержденій, параллелей, аналогій, на которыя бы не рѣшился историкъ въ наше время.

Такимъ образомъ, изучая произведеніе Монтескьё въ его частностяхъ, мы находимъ выводы, гипотезы, положенія, которые въ настоящее время приняты быть не могутъ, которые опровергаются фактами или не достаточно защищены доказательствами. Какъ вы видѣли, главный недостатокъ всего сочиненія заключается въ томъ, что авторъ не обратилъ должнаго вниманія на культурный факторъ, на постепенную капитализацію знаній и на ихъ распространеніе. Потому мы встрѣчаемъ въ его сочиненіи самыя причудливыя сравненія и аналогіи: берутся совершенно различныя бытовыя формы и сравниваются по какимъ-нибудь внѣшнимъ общимъ признакамъ, — какъ напримѣръ по образу правленія, или по какимъ-нибудь отдѣльнымъ, изолированнымъ чертамъ — по торговлѣ и свойствамъ территоріи. Между тѣмъ устраняются историческіе прецеденты явленій, пройденный народомъ историческій путь, культурная ступень, на которой стоитъ народъ, его міросозерцаніе, его запасъ знаній, его общественное строеніе. Эта общая подкладка авторомъ не принимается въ расчетъ, и существующія общественныя отношенія выводятся имъ *діалектически* изъ какого-нибудь изолированнаго факта.

Какъ бы то ни было, возвращаясь къ *общему* плану сочиненія, къ руководящей мысли автора, нужно признать ея вѣрность и глубину. Приложенія ея къ частностямъ, ея развитіе — для насъ, въ глазахъ позднѣйшей науки, оказывается недостаточнымъ, но ея суть, общая задача всего труда, общая точка зрѣнія автора заслуживаетъ полного признанія. Въ этомъ смыслѣ *Духъ законовъ* — первый опытъ научной социологіи. Монтескьё старается привести историческія явленія въ зависимость, объяснить условія ихъ существованія, изучить ихъ почву. Отсюда великое значеніе *Духа законовъ* для философіи исторіи.

Но трудъ Монтескьё имѣеть, кромѣ чисто научнаго, еще другое значеніе — значеніе практическое, политическое. Вы уже знаете, что самъ Монтескьё практикомъ не былъ, не задавался цѣлями широкихъ общественныхъ преобразованій, не рассчитывалъ на успѣхъ какихъ-нибудь коренныхъ измѣненій въ общественномъ бытѣ и сверхъ того всячески избѣгалъ безпокойной полемики или рискованныхъ нападеній. Когда ему случалось высказывать свои личныя политическія желанія, онъ настаивалъ на своей преданности существующимъ порядкамъ и на своемъ всегдашнемъ повиновеніи господствующему режиму. Сочиненіе его проникнуто непріязненнымъ отношеніемъ къ насильственнымъ переворотамъ и общественнымъ потрясеніямъ; онъ готовъ даже примириться со всевозможными злоупотребленіями, лишь бы избѣжать рѣзкой, рѣшительной перестановки общественныхъ отношеній. Одинъ изъ параграфовъ *Духа законовъ* носитъ заглавіе: *Не нужно всего исправлять*; этотъ параграфъ имѣеть прямое отношеніе къ Франціи и начинается словами: пусть оставляютъ насъ такими, какими мы теперь, сама природа все исправляетъ и т. д. Можно привести множество другихъ мѣстъ, изъ которыхъ видно, какъ мало склоненъ былъ Монтескьё къ радикальнымъ измѣненіямъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. *Государственный порядокъ* былъ для него всегда на первомъ планѣ: «Я убѣжденъ въ томъ, что излишекъ, крайность не всегда желательны даже въ самомъ разумѣ и что люди почти всегда лучше ладятъ съ середками, чѣмъ съ крайностями»<sup>1)</sup>). Монтескьё всегда былъ далекъ отъ революціоннаго титанизма... Но, если у Монтескьё не было никакихъ широкихъ преобразовательныхъ плановъ, если онъ не занимался ни-

<sup>1)</sup> Д. З. IX, 6.

какими социальными построениями, то у него все-таки были политическія симпатіи и антипатіи. Антипатіей его былъ произволъ, и онъ постарался изобразить самыми мрачными красками восточныя деспотіи, именно, какъ царство произвола. Его симпатіи принадлежали Англии. Во время своего пребыванія въ Англии онъ познакомился съ тамошними политическими учрежденіями, и нѣкоторыя стороны англійскаго управленія пришлись ему особенно по душѣ. Руководствуясь своими собственными наблюденіями и политическимъ ученіемъ Локка, онъ начертилъ въ XI книгѣ *Духа законовъ* картину англійской конституціи. Абрисъ англійской конституціи, выведенный Монтескьё, получилъ во Франціи громадную популярность и сдѣлался образцомъ, по которому стали кроить свои политическіе идеалы многіе образованные люди того времени. Англійская конституція, въ изображеніи Монтескьё, пришлась по душѣ цѣлому обществу классу того времени — образованной бюрократіи и зажиточной, степенной буржуазіи: XI книга *Духа законовъ* отвѣчала на стремленія и надежды этого класса, вторила его желаніямъ и сдѣлалась его политическимъ кодексомъ. Когда въ 1789 году созваны были генеральныя штаты, обратившіеся въ законодательное собраніе, цѣлая фракція этого собранія держалась болѣе или менѣе ученія Монтескьё и стремилась привить къ Франціи англійскія политическія формы. Къ тому же ученію вернулись либералы и доктринеры временъ реставраціи: іюльская монархія и конституція 1830 года были сколкомъ съ доктрины Монтескьё, сколкомъ, разумѣется, приложеннымъ къ измѣнившимся потребностямъ. И доселѣ не только французскій, но и европейскій либерализмъ взираетъ на Монтескьё, какъ на своего старѣйшаго наставника и съ благоговѣніемъ относится къ его ученію... Теперь мы и остановимся на этомъ очеркѣ англійской конституціи, представленномъ Монтескьё, — другими словами, на его ученіи *о политической свободѣ*.

«Свобода» — одно изъ тѣхъ словъ, которыя понимаются весьма различно и которымъ даютъ самыя разнообразныя толкованія. Можно встрѣтить очень многихъ людей, которые соединяютъ со словомъ *свобода* представленіе о какомъ-то неопредѣленномъ, туманномъ общественномъ благосостояніи, когда всѣ живутъ мирно, всѣмъ хорошо и спокойно и все на свѣтѣ обстоитъ благополучно. И вы сплошь да рядомъ услышите, какъ это многострадальное слово упо-

требуется вкривь и вкось, въ приложеніи къ вещамъ очень не схожимъ, а иногда и диаметрально противоположнымъ. Нерѣдко *борьбой за свободу* оправдываются и мотивируются самыя разнообразныя движенія. Потому-то со всѣми подобными словами слѣдуетъ обращаться какъ можно осмотрительнѣе, и когда говорятъ о свободѣ, необходимо, во избѣжаніе недоразумѣній, развѣдать и допросить, что въ данномъ случаѣ подъ этимъ разумѣютъ и какія представленія съ этимъ связываютъ. — Понятія объ общественномъ благѣ различны, смотря по лицамъ, по классамъ и по состояніямъ. Каждый классъ, имѣетъ обыкновеніе толковать объ общественномъ благѣ по-своему, сообразно съ собственными выгодами и интересами, и очень часто выходитъ, что *свобода* по понятіямъ одного класса вовсе не согласна съ идеалами другаго класса. Все это слѣдуетъ помнить въ данномъ случаѣ. Ученіе о политической свободѣ, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь и которое развивается у Монтескьё, не есть какой-нибудь абсолютный политическій идеалъ, соотвѣтствующій желаніямъ и нуждамъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ общественныхъ классовъ, — а извѣстная политическая доктрина, выросшая въ Англіи и затѣмъ получившая въ XVIII и XIX столѣтіи особенную популярность въ средѣ извѣстныхъ общественныхъ классовъ. Это *относительный* идеалъ извѣстнаго времени и извѣстнаго общественнаго слоя. Итакъ, посмотримъ, какъ объясняютъ Монтескьё значеніе и условія политической свободы?

Монтескьё даетъ нѣсколько опредѣленій свободы, не особенно точныхъ и ясныхъ... «Свобода», говоритъ онъ сначала, «есть право дѣлать все то, что дозволяютъ законы; и еслибъ гражданинъ могъ совершать то, что они запрещаютъ, онъ не былъ бы свободенъ, ибо въ такомъ случаѣ другіе граждане точно также обладали бы этой возможностью — и получилась бы анархія». То же самое понятіе о свободѣ Монтескьё развиваетъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ: «политическая свобода въ гражданинѣ есть — спокойствіе духа, вытекающее изъ увѣренности каждаго въ собственной безопасности; и для того, чтобъ обладать этой свободой, нужно такое правительство, которое бы не давало повода одному гражданину бояться другаго гражданина». Оградить лицо отъ произвола и злоупотребленій власти, развязать ему руки, сообщить ему увѣренность въ безопасности, освободить его дѣятельность отъ правительствен-



наго вмѣшательства — таково общій смыслъ этихъ опредѣленій. Какія же необходимыя условія для существованія политической свободы? Политическая свобода, по мнѣнію Монтескьё, не соответствуетъ природѣ демократіи и аристократіи; она приличествуетъ наиболѣе умѣренному монархическому правленію, но и въ умѣренныхъ государствахъ ей грозитъ опасность отъ злоупотребленій власти. Вѣчный опытъ, говоритъ Монтескьё, показываетъ, что всякій человекъ, облеченный властью, стремится злоупотреблять ею, пока не находитъ границъ. Слѣдовательно, нужны предѣлы, нужны сдержки для самой власти, нужно, по выраженію Монтескьё, чтобы *власть удерживала власть*. Эта цѣль и достигается учрежденіями, основанными на раздѣленіи властей. Итакъ, для того, чтобы обезпечить свободу гражданина, чтобы дать ему возможно большій просторъ, возможность безопасно и спокойно заниматься своими дѣлами, — слѣдуетъ ослабить вліяніе правительства на личность, затормозить это вліяніе, устроить всю правительственную механику наименѣе чувствительной для лица. Это достигается раздѣленіемъ властей.

Въ противоположность деспотическимъ правительствамъ, гдѣ всѣ обязанности соединены въ однѣхъ рукахъ, гдѣ одни и тѣ же лица издають законы, приводятъ ихъ въ исполненіе, произносятъ судебныя приговоры, — Монтескьё находитъ необходимымъ раздѣлить обязанности управленія между нѣсколькими политическими тѣлами, болѣе или менѣе независимыми другъ отъ друга и самостоятельными. Онъ различаетъ три власти: законодательную, исполнительную (въ дѣлахъ международныхъ и административныхъ) и судебную (исполнительную въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ). Когда двѣ изъ нихъ соединены въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, свободѣ грозитъ опасность. Если въ одномъ лицѣ или въ одномъ политическомъ тѣлѣ соединены власть законодательная и исполнительная, то свободы нѣтъ, ибо можно опасаться, что монархъ или сенатъ, въ рукахъ котораго находятся обѣ власти, будутъ издавать тиранническіе законы и затѣмъ будутъ тираннически исполнять эти законы. Если судебная власть не отдѣлена отъ законодательной, то опять-таки свободы нѣтъ: ибо въ такомъ случаѣ судья есть законодатель, онъ въ каждомъ обстоятельствѣ можетъ поступать по усмотрѣнію, онъ самъ будетъ и составлять законъ и прилагать его. Соединеніе судебной власти съ административной даетъ судѣ возможность быть при-

тѣснителемъ. Какъ же распредѣлить эти обязанности для достиженія наиболѣе цѣлесообразнаго политическаго устройства?

Во-первыхъ, судебная власть должна быть ввѣряема лицамъ, избраннымъ изъ среды народа, для временнаго исправленія обязанностей; она не должна быть принадлежностью постояннаго сената, постояннаго званія или профессіи. Такимъ образомъ судебная власть, переходящая изъ рукъ въ руки и не прикованная къ извѣстному классу, становится почти невидимой и неопасной для гражданъ (*invisible et nulle*). Гражданинъ не имѣетъ судей постоянно передъ своими глазами; онъ не боится чиновниковъ, а суда вообще. Приговоры должны строго сообразоваться съ текстомъ закона и не носить печати личнаго мнѣнія судьи. Судьи должны быть равные подсудимаго, его перы: онъ не долженъ видѣть въ нихъ начальства, лицъ высшихъ, притѣснителей. Подобная организація судебной власти ограждаетъ людей отъ насилія со стороны судей. Этимъ самымъ уже вносится въ государство одинъ элементъ политической свободы.

Затѣмъ слѣдуетъ организовать власть законодательную и исполнительную. Законодательная власть должна быть распредѣлена между двумя тѣлами, которыя сдерживали бы и останавливали бы другъ друга. Одно тѣло, одна палата, должна состоять изъ представителей, избранныхъ всѣмъ народомъ, для составленія законовъ и для надзора за ихъ исполненіемъ. Другая коллегія состоитъ изъ людей, — выдающихся по своему рожденію, богатству или почетному положенію. Роль этой коллегіи сдерживать увлеченія депутатовъ отъ народа точно такъ же, какъ и камера народныхъ представителей можетъ сдерживать стремленія вельможъ. Третья — исполнительная власть — принадлежитъ монарху, который собираетъ и распускаетъ законодательное собраніе и можетъ также останавливать его рѣшенія: этимъ самымъ сдерживаются злоупотребленія законодательной власти. Въ свою очередь законодательная власть можетъ наблюдать за исполнительною и призывать къ отвѣтственности не самого монарха, а его совѣтниковъ, министровъ. Сверхъ того, въ предупрежденіе злоупотребленій со стороны исполнительной власти, которая распоряжается деньгами и войсками, законодательныя камеры дѣлаютъ по этимъ предметамъ *временныя* постановленія (относительно налоговъ и численности войска); притомъ войско должно быть, по возможности, проникнуто народнымъ духомъ и сливаться съ народомъ...

Таковы условия политической свободы, которые Монтескье выводил из наблюдений надъ английскими учреждениями. Какъ его самого, такъ и современныя ему поколѣнія особенно поражало въ английской конституціи сравнительное могущество закона, отсутствие произвола и свобода личности. Французское образованное и зажиточное общество должно было особенно прельститься английской политической свободой при взглядѣ на свои французскіе порядки, на постоянные произвольные аресты частныхъ лицъ, на постоянныя вмѣшательства властей въ частную дѣятельность гражданъ, на несправедливости и оскорбленія, которымъ подвергались граждане со стороны привилегированныхъ классовъ. По ту сторону Ламанша ихъ плѣняли гарантіи, окружавшія личную независимость, знаменитый актъ Habeas Corpus, устранявшій произвольные, немотивированные заключенія и аресты, право петицій, свобода печати. Въ этихъ-то условіяхъ личной безопасности со стороны власти образованная буржуазія XVIII вѣка и видѣла *верховное политическое благо*. Ей тягостенъ былъ тотъ гнетъ, которому она подвергалась со стороны высшихъ классовъ, тотъ назойливый контроль, которому подчинена была вся ея дѣятельность со стороны правительства: она хотѣла свободнаго движенія, политической независимости, спокойной увѣренности въ своемъ положеніи. Для этого, на мѣсто произвола, привилегій, монополій, нужно было утвердить общее для всѣхъ законодательство и ослабить власть, раздробить ее, отвлечь ее отъ тягостной опеки надъ классомъ, который день ото дня становился все сильнѣе и сильнѣе и все болѣе и болѣе чувствовалъ свое тягостное положеніе.

Вотъ тѣ заключенія, къ которымъ приходило французское общество того времени, читая привлекательное изображеніе английской конституціи у Монтескье. Въ его сознаніи начиналъ складываться новый политическій идеалъ, соответствовавшій его новымъ нуждамъ и интересамъ. Это былъ идеалъ конституціоннаго правленія, основаннаго на юридическомъ равенствѣ, на участіи зажиточнаго и образованнаго класса въ управленіи и на свободной, по возможности — безконтрольной дѣятельности этого класса въ преслѣдованіи своихъ интересовъ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что этотъ политическій идеалъ, это представленіе о политическомъ строѣ не раздѣлялось всѣми писателями XVIII вѣка. Уже тогда, а еще болѣе въ наше время, стали

находить его недостаточнымъ, узкимъ, исключительнымъ. Стали говорить, что онъ соотвѣтствуетъ только интересамъ одного класса — зажиточнаго, матеріально обеспеченнаго. Только такой классъ могъ обрѣсти въ парламентскомъ механизмѣ и раздѣленіи властей *конечную цѣль общественныхъ преобразованій*. Стали указывать на то, что политическая свобода далеко не удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ большинства. Позднѣе мы встрѣтимся съ этими политическими писателями, которые стали привлекать къ разсмотрѣнію новыя стороны общественной жизни и выступили съ иными программами.... Пока будемъ помнить, что политическій идеалъ Монтескьё вовсе не есть абсолютная норма для всѣхъ вѣковъ и для всѣхъ классовъ, что это — доктрина только извѣстнаго общественнаго слоя и извѣстнаго періода. Признавъ ея относительное значеніе, слѣдуетъ сказать, что для того времени въ ней было очень много новаго, свѣжаго, образовательнаго. Она подрывала феодализмъ, она наносила послѣдніе удары средневѣковымъ патріархальнымъ ученіямъ, внушала уваженіе къ закону и призывала цѣлый многочисленный классъ общества къ политической дѣятельности. Она должна занять видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія.

Обозрѣвши дѣятельность Вольтера до 1750 года и труды Монтескьё, мы познакомились съ тѣми общими философскими и политическими началами, которыя въ первую половину XVIII столѣтія обозначились во французскомъ обществѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему развитію этихъ началъ, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію самого французскаго общества того времени, его строенія, его нравовъ, его стремленій и потребностей; слѣдуетъ изучить ту почву, которая восприняла просвѣтительныя начала, дала имъ укрѣпиться и распуститься пышнымъ цвѣтомъ....

---

## ХІІ.

### Французское общество въ половинѣ XVIII вѣка.

Третье сословіе. — Общественная жизнь. — Литература и книги. — Всеобщее броженіе.

Для того, чтобъ какая-нибудь идея была воспринята обществомъ для того, чтобъ она получила распространеніе, чтобъ она пріобрѣла вѣрныхъ служителей и горячихъ послѣдователей, недостаточно одной

истины этой идеи. Необходимо, чтобъ она соответствовала общественному настроенію, чтобъ она затрагивала нужды и потребности общества, чтобъ она опиралась на матеріальные интересы. Извѣстныя идеи, извѣстное литературное направленіе можетъ овладѣть умами подъ условіемъ извѣстнаго расположенія самихъ умовъ. Понятія, доктрины могутъ быть истинны, возвышенны, прекрасны — и тѣмъ не менѣе теряться, пропадать въ обстановкѣ; проповѣдь можетъ раздаваться подобно гласу вопіющаго въ пустынѣ. Въ томъ-то и заключается трагизмъ человѣческой исторіи, что истина, поскольку она истина, побѣждаетъ очень рѣдко: ей страшно трудно пробиваться сквозь толщу общественныхъ нелѣпостей <sup>1)</sup>). Для успѣха извѣстнаго литературнаго направленія нужно, чтобъ оно нашло въ обществѣ воспріимчивую почву, чтобъ оно нашло матеріаль для собственнаго горѣнія, нужно взаимодѣйствіе общества и литературы, идей и жизненной практики. Изучая литературную исторію Франціи въ XVIII столѣтіи, мы находимъ именно такое взаимодѣйствіе, тѣсную связь между литературой и стремленіями самого общества. Просвѣтительныя понятія жадно вбираются обществомъ, развиваются и распространяются въ немъ съ необыкновенной быстротой, овладѣваютъ умами всѣхъ образованныхъ людей. На книгу просвѣтителя откликается общество, книга попадаетъ въ больное мѣсто, усиливаетъ броженіе, которое въ свою очередь вызываетъ новые трактаты, порождаетъ новыя пояснительныя сочиненія.

Возьмите Англію XVIII вѣка. Въ Англіи гораздо раньше, чѣмъ во Франціи, появились вольнодумцы. Какъ я уже говорилъ вамъ, вольные мыслители въ Англіи, благодаря извѣстной свободѣ общественныхъ отношеній, успѣли выработать цѣлыя системы, цѣлыя законченныя ученія уже въ XVII и началѣ XVIII вѣка, когда во Франціи дѣло ограничивалось отрывочными протестаціями. Но затѣмъ — въ англійскомъ обществѣ просвѣтительныя начала развиваются медленно и туго, британское общество оказывается неподатливымъ, недостаточно воспріимчивымъ. Идеи вольнодумцевъ остаются въ извѣстныхъ кружкахъ и не пускаютъ глубокихъ корней въ общественномъ сознаніи; онѣ не находятъ здѣсь многочисленныхъ, страстныхъ адептовъ, ревностныхъ пропагандистовъ. Страна пользуется сравнительнымъ

---

<sup>1)</sup> См. «Робертъ Овенъ» А. И. Герцена.

покоемъ, бытовья формы прочны, не видно сильнаго возбужденія и недовольства. Потому-го знаменитый Боркъ не безъ основанія за- жѣтилъ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка: «Кто изъ англичанъ, родившихся въ послѣднія сорокъ лѣтъ, прочелъ хоть строчку изъ Коллинса, Толанда, Тиндала или кого-нибудь другаго изъ всей этой породы людей, которые называютъ сами себя свободными мыслителями». Напротивъ — во Франціи ученія вольнодумцевъ разлились по всему образованному обществу; ихъ книгами зачитывались отъ мала до велика всѣ, читавшіе книги и интересовавшіеся литературой; объ нихъ спорили, судили и рядили во всѣхъ салонахъ, въ кофейныхъ, на улицахъ. Литература сдѣлалась страшной силой, литераторы стали во главѣ всего общества. Броженіе все увеличивалось и завершилось революціей.

Посмотримъ, какія же условія въ самомъ французскомъ обществѣ того времени содѣйствовали развитію и распространенію просвѣтительной литературы, на какія общественныя стремленія она была отвѣтомъ и поясненіемъ....

Вамъ извѣстно, что средневѣковое государство распадалось на три сословія: на духовенство, дворянство и ротюру, т. е. горожанъ и крестьянъ. Послѣдній классъ, т. е. ротюра, иначе назывался третьимъ классомъ (*tiers-état*), противопоставался первымъ двумъ, находился въ подчиненномъ положеніи, не пользовался ни юридическими привилегіями, ни почетной общественной ролью, которыя предоставлялись духовенству и дворянству. Дворянство, по понятіямъ средневѣковаго общества, служило государству своей кровью, духовенство своими молитвами, ротюра своимъ имуществомъ. На третій классъ падала вся тяжесть государственныхъ повинностей; онъ несъ все бремя налоговъ, отъ котораго дворянство было почти совершенно свободно въ силу своихъ привилегій; духовенство отъ своихъ громаднѣхъ богатствъ благоволило отъ времени до времени приносить королю добровольный даръ, цифра котораго мѣнялась по усмотрѣнію самого духовенства. Каковы были взаимныя отношенія этихъ трехъ общественныхъ слоевъ въ XVII вѣкѣ, лучше всего видно изъ преній, которыя подняты были во время послѣднихъ генеральныхъ штатовъ въ 1614 году. По поводу возникшихъ недоразумѣній де-Мемъ, ораторъ третьяго сословія, заявилъ слѣдующее. Три сословія подобны тремъ братьямъ, дѣтямъ одной матери — Франціи; духовенство — старшій

братъ, дворянство — второй братъ, третій классъ — меньшакъ. Третій классъ признаетъ, что дворянство стоитъ выше его на іерархической лѣстницѣ, но дворянство должно также признать, что третій классъ — его братъ, оно не должно почитать его за ничто, презирать его; часто случается въ семьяхъ, что старшій братъ разоряетъ домъ отца своего, а меньшей снова воздвигаетъ его. — На эти соображенія мѣщанскаго оратора привилегированныя сословія отвѣчали негодованіемъ и горькими жалобами. Баронъ Сенесе, отъ лица дворянъ, объявилъ королю: «Третій классъ состоитъ изъ горожанъ и поселянъ. Поселяне почти всё подчинены власти и юрисдикціи высшаго сословія; горожане, это—мѣщанство, купцы, ремесленники и чиновники. И эти-то люди смѣютъ равняться съ нами. Я стыжусь, Государь, повторять тѣ выраженія, которыми они насъ недавно глубоко оскорбили. Они называютъ себя нашими меньшими братьями. Въ какое же низкое положеніе низведены мы, если слова эти справедливы. Неужели заслуги, съ незапамятныхъ временъ оказанныя дворянствомъ, наслѣдственныя почести и званія могли унижить дворянство до братскихъ отношеній къ подлому люду? Воздайте, Государь, намъ справедливость, напомните имъ объ ихъ долгѣ». Дворяне повторяли за своимъ ораторомъ: «мы не хотимъ, чтобы сыновья сапожниковъ и башмачниковъ называли насъ братьями. Между нами и ними такая же разница, какъ между господами и слугами». Вотъ что говорилось въ 1614 г. Вы видите, какъ робко третій классъ заявляетъ свои права, какъ покорно онъ проситъ себѣ снисхожденія, какъ обзываетъ онъ себя меньшимъ братомъ во французской сословной семьѣ. Съ другой стороны, привилегированныя чины и слышать не хотятъ о какомъ-нибудь родствѣ, о какой-нибудь близости ихъ съ ротюрой. Они прямо заявляютъ себя господами и видятъ въ людяхъ третьяго чина своихъ служителей. — Болѣе чѣмъ черезъ 150 лѣтъ послѣ этого, въ 1788 году, вышла громовая брошюра Сіеса *О привилегіяхъ*. Въ заключеніе авторъ привелъ рѣчь барона Сенесе, произнесенную въ 1614 году, и присоединилъ къ этой рѣчи знаменитую цитату изъ Тита Ливія: «чувствуете ли вы, въ какомъ презрѣннн вы доселѣ живете? Еслибъ было возможно, они отняли бы у васъ часть солнечнаго свѣта. Они приходятъ въ негодованіе, что вы дышите, что вы говорите, что вы имѣете человѣческое подобіе». Въ 1789 году тотъ же

авторъ выпустилъ знаменитый свой памфлетъ подъ заглавіемъ: *что такое третій классъ?* — Отвѣтомъ на это значилось: третій классъ есть *все*, это — цѣлая французская нація. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнула революція.... За эти полтора вѣка измѣнился тонъ и сознаніе третьяго класса: изъ младшаго брата, которымъ онъ почиталъ себя прежде, онъ преобразился въ цѣлую націю, сплотился, проникся сознаніемъ своего значенія и всей массой грозно требовалъ себѣ новаго юридическаго положенія.

Восемнадцатое столѣтіе и есть эпоха усиленнаго роста третьяго класса, впрочемъ — не всего класса, а его верхняго пласта. Третій классъ обнималъ все непривилегированное населеніе, какъ горожанъ, такъ и крестьянъ. Но въ немъ существовало множество подраздѣленій, опредѣлявшихся родомъ занятій и, главнымъ образомъ, степенью зажиточности гражданъ. Верхній пласть, о которомъ я говорю и который въ XVIII столѣтіи все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ своего государственнаго значенія, состоялъ изъ болѣе или менѣе зажиточной буржуазіи; низшіе пласты составляли народъ (*le peuple*). Вотъ эта болѣе или менѣе обезпеченная буржуазія и овладѣваетъ въ теченіе XVIII вѣка исторіей и постепенно отвоевываетъ себѣ преобладающее значеніе въ обществѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на два крупные факта въ исторіи буржуазіи XVIII вѣка: 1) на развитіе ея экономической мощи и 2) на успѣхи ея въ умственномъ отношеніи, въ образованности.

Богатство буржуазіи возрастало вмѣстѣ съ развитіемъ торговли и мануфактуры. По мѣрѣ того, какъ торговья сношенія принимали все болѣе и болѣе широкіе размѣры, по мѣрѣ того, какъ совершенствовалась промышленность и техника производства, должно было усиливаться значеніе класса, въ рукахъ котораго сосредоточивались всѣ предпріятія. Земледѣліе теряло въ общественной экономіи первенствующее значеніе. Земля перестала быть главнымъ источникомъ народнаго богатства, и классъ феодаловъ-землевладѣльцевъ постепенно сравнивался и затмѣвался классомъ промышленниковъ-капиталистовъ. Особенно послѣ Кольбера, дѣятельно оберегавшаго интересы промышленности и покровительствовавшего торговлѣ, движимая собственностью пріобрѣтаетъ громадное значеніе, и обогащеніе буржуазіи идетъ исполнскими шагами. Вольтеръ въ своемъ *Взгль Людовика XIV* слѣдующими чертами характеризуетъ экономическіе



успѣхи буржуазіи: «Промышленность увеличивается съ каждымъ днемъ; глядя на роскошь, которую позволяютъ себѣ частныя лица, на это изумительное число прекрасныхъ домовъ въ Парижѣ и провинціяхъ, на это количество экипажей, на эти удобства, на весь комфортъ, можно подумать, что богатство увеличилось въ 20 разъ противъ прежняго. Все это еще болѣе плодъ изобрѣтательнаго труда, чѣмъ достатка.... Средній классъ обогатился промышленностью. Выгоды и прибыли торговли увеличились. Теперь мы находимъ въ высшемъ классѣ менѣе богатства, чѣмъ прежде, напротивъ — въ среднемъ больше, и это самое обстоятельство уменьшило разстояніе между людьми. Въ прежнее время весь доходъ меньшей братіи заключался въ службѣ вельможамъ, теперь промышленность открыла тысячу путей, неизвѣстныхъ сто лѣтъ тому назадъ». Капиталь становится силой. Буржуазія не только заготовляетъ издѣлія, вращаетъ предпріятіями, ведетъ торговлю, но она сверхъ того направо и налѣво ссужаетъ деньги; ея должниками состоятъ аристократы, безъ нея не можетъ обойтись государство, то и дѣло приходится знатному лицу клянчить и просить въ долгъ у какого-нибудь пролаза безъ рода и племени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазія запасается знаніями и умственнымъ развитіемъ. Дворянство издавна пренебрегало наукой и книжнымъ дѣломъ. Даже въ XVII вѣкѣ мы находимъ вельможъ, какъ Монлюкъ, который мечталъ о томъ, чтобъ вовсе не было книгъ, чтобъ жили на свѣтѣ одни господа дворяне и занимались бы военнымъ дѣломъ. Буржуазію долго держали въ черномъ тѣлѣ, ей нужно было учиться, наука была для нея сначала хлѣбомъ и средствомъ къ наживѣ, потомъ сдѣлалась привычнымъ и любезнымъ занятіемъ. Притомъ, само производство въ то время, сами занятія промышленностью требовали подготовки. Промышленныя операціи далеко не были такъ упрощены, какъ въ наше время, когда капиталистъ можетъ, не стукнувши пальца о палецъ, вести свои предпріятія при помощи цѣлой іерархіи подчиненныхъ и располагать несметными фалангами рабочихъ. Тогда приходилось самому предпринимателю знакомиться съ деталями производства, осваиваться съ техническими приемами: дѣло было вновѣ, трудное, рискованное, притомъ недоставало рабочихъ рукъ, цехи и корпораціи мѣшали дѣлу.... Такимъ образомъ въ среднемъ классѣ знанія постоянно прибывали, и бур-

жуазія сдѣлалась носительницей образованія. Въ 1789 году стало очевиднымъ, что знанія, необходимыя для депутатовъ, можно найти въ среднемъ классѣ, и этихъ знаній лишено громадное большинство въ привилегированныхъ слояхъ. Серіозныхъ, свѣдущихъ министровъ можно было опять-таки найти только въ среднемъ сословіи. Наконецъ, возьмите литераторовъ, просвѣтителей, философовъ. Кто они такое? — Вольтеръ, свѣтло всего столѣтія, — сынъ нотариуса, Дидро — сынъ мелкаго провинціального ремесленника, Руссо — сынъ часовщика, Даламберъ — человекъ безродный, бастардъ, Гельвеційсъ — сынъ врача, Ламеттри, Кене, Тюрго, Некзеръ, Бомарше — все ротюра; иногда попадаются въ числѣ нихъ чиновныя имена, въ родѣ Монтескьё, и рѣдко — старыя аристократическія фамиліи. — Такимъ образомъ мы видимъ, какъ въ теченіе XVIII столѣтія съ одной стороны экономическая мощь переходитъ въ руки буржуазіи, съ другой — та же буржуазія овладѣваетъ наукой и образованіемъ. Она становится зерномъ всего общества, и ея государственное значеніе признается даже самими противниками. Безъ этого предприимчиваго, образованнаго, подвижнаго, безпокойнаго класса не можетъ обойтись цивилизованное государство XVIII вѣка. Аристократія отступила на второй планъ, духовенство уже давно выпустило изъ своихъ рукъ науку и потеряло авторитетъ. Напротивъ, средній классъ становится *de facto* преобладающимъ, необходимымъ сословіемъ, классомъ самой эпохи, самого историческаго момента.

Я приведу вамъ одинъ любопытный эпизодъ изъ нашей русской исторіи, поясняющій значеніе и роль, которую приобрѣла буржуазія въ XVIII вѣкѣ. Фавтъ просвѣтительной роли буржуазіи, ея общественной важности, ея государственной полезности — такъ рѣзко бросался въ глаза, что Екатерина II носилась съ мыслью учредить въ Россіи среднее сословіе или людей третьяго чина. Ее убѣждала въ этомъ между прочимъ г-жа Жоффрень, одна изъ парижскихъ образованныхъ дамъ того времени, съ которой императрица вела переписку. Вотъ что мы находимъ, между прочимъ, въ этихъ письмахъ Екатерины къ Жоффрень: «еще разъ я обѣщаю вамъ среднее сословіе, но за то и трудно же будетъ устроить его».... «среднее сословіе будетъ существовать, еслибъ даже ему пришлось носить ваше имя, такъ какъ вы убѣждены по опыту, что это сословіе самое счастливое. Нужно будетъ создать его: это соображеніе меня скоро

побудить дѣйствовать, такъ какъ я считаю осуществленіе его долгомъ моего сана». То же самое высказывалъ и посланникъ при французскомъ дворѣ, князь Голицынъ: «Средній классъ», писалъ онъ въ Петербургъ, и необходимое условіе для процвѣтанія наукъ и искусствъ». И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого мы находимъ попытки создать въ Россіи людей третьяго чина. Въ наказѣ Коммиссіи, созданной для составленія проекта новаго уложенія, Екатерина поставляетъ на видъ учрежденіе третьяго сословія, которое должно быть образовано изъ слѣдующихъ элементовъ: 1) не дворянъ и не хлѣбопашцевъ, упражняющихся въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, торговлѣ и ремеслахъ; 2) не дворянъ, вышедшихъ изъ воспитательныхъ домовъ и училищъ духовныхъ и свѣтскихъ; 3) дѣтей приказныхъ. Предполагали также отнести къ этому новому классу бѣлое духовенство, но противъ этого протестовалъ Синодъ. Понятно, что такого рода попытка не могла бы ни въ какомъ случаѣ привести къ образованію у насъ чего-либо подобнаго французской просвѣщенной и промышленной буржуазіи. Сословія складываются историческимъ путемъ и не могутъ быть организованы волей законодателя. Въ Россіи XVIII вѣка не было ни достаточно развитой промышленности, ни образованія. Россія была страна земледѣльческая, были въ ней дворяне — помѣщики и мужики — хлѣбопашцы. Учредить однимъ росчеркомъ пера новый классъ было невозможно. Но самый фактъ интересенъ, какъ примѣръ того значенія, которое приобрѣла западная буржуазія, и того впечатлѣнія, которое она производила на умы всѣхъ образованныхъ людей вообще...

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе французской буржуазіи XVIII столѣтія *de facto*. Вы видѣли ея экономическую мощь и ея умственные силы. Посмотримъ, каково было ея положеніе *de jure* и ея нравственное состояніе. *De jure*, передъ закономъ, буржуазія XVIII столѣтія была на прежнемъ положеніи. Законъ попрежнему проводилъ черту между нею и привилегированными классами. Въ столкновеніяхъ, происходившихъ между нею и аристократіей или духовенствомъ, законъ въ большинствѣ случаевъ стоялъ на сторонѣ привилегированныхъ слоевъ. На каждомъ шагѣ буржуазія встрѣчала препятствія, становилась лицомъ къ лицу съ преимуществами, монополіями, исключительными правами, которыми пользовались высшіе классы. Ей былъ прегражденъ путь къ почетнымъ и прибыльнымъ

должностямъ. Военныя, офицерскія должности почти исключительно отдавались дворянамъ. Доходныя церковныя мѣста — богатые аббатства и епископства — также распредѣлялись между сынами аристократіи. Въ администраціи всё синеуры отданы были знати. Трудныя служебныя обязанности, требовавшія извѣстныхъ познаній, извѣстнаго прилежанія, исправлялись ротюрой, а доходами, пенсіями, наградами пользовались родовитые люди. Такъ — губернаторскія мѣста принадлежали дворянамъ, но губернаторъ самъ по себѣ не имѣлъ никакихъ обязанностей, онъ даже не всегда жилъ въ округѣ, начальникомъ котораго числился, — и это вовсе не было со стороны губернаторовъ злоупотребленіемъ, а такая праздность освящалась самимъ закономъ. Губернаторъ только получалъ громадное жалованье, а собственно управленіе было въ рукахъ интенданта, чернаго человѣка, изъ крапивнаго сѣмени. Точно также члены древнихъ родовъ, старыхъ фамилій числились аббатами и настоятелями богатѣйшихъ обителей и пользовались съ нихъ громаднымъ доходомъ; но они, по большей части, не входили ни въ какія распоряженія, вполне игнорировали свои монастыри и жили въ Парижѣ; *реальнымъ* настоятелемъ былъ маленькій аббатъ, темный человѣкъ, жившій на мѣстѣ, занимавшійся управленіемъ и получавшій незначительное жалованье. Аристократія въ XVIII вѣкѣ получала чудовищныя пенсіи, кормилась государствомъ и считала это кормленіе своимъ природнымъ правомъ, при этомъ, разумеется, была далека отъ всякихъ трудовъ и занятій.

Во время революціи была напечатана любопытная роспись пенсій, выдававшихся правительствомъ при Людовикѣ XVI, изъ которой мы узнаемъ самые диковинные факты. Такъ напр. знатная фамилія Ноулей получала ежегодно до 2 милліоновъ пенсіона. Маркиазъ д'Отишанъ получалъ четыре пенсіона: первый, какъ значилось въ росписи, за заслуги его покойнаго отца; второй — за то же самое; третій — на тѣхъ же основаніяхъ; четвертый — по тѣмъ же причинамъ. Одинъ нѣмецкій принцъ получалъ также четыре пенсіи, мотивированныя слѣдующимъ образомъ: первую — за его заслуги въ должности полковника, вторую — за его заслуги въ должности полковника, третью — за его заслуги въ должности полковника, четвертую за его заслуги, помимо должности полковника. Создавались безчисленныя званія только для того, чтобы найти ка-

кой-нибудь предлогъ для пенсiи. Когда званiе придумать было трудно, то изобрѣтался самый вадорный мотивъ и безцеремонно заносился въ официальный реестръ. Нѣкто М. de Rouillé огорченъ тѣмъ, что онъ не принималъ участiя въ заключенiи Вѣнскаго трактата; его нужно утѣшить, и потому даютъ 6 тысячъ пенсiи его племянницѣ и 10 тысячъ пенсiи его дочери.—Маркизъ де Ледъ дали пенсiю въ 10 тысячъ ливровъ за то, что она не понравилась цесаревнѣ и подѣ тѣмъ условiемъ, чтобъ убиралась.—Я привелъ вамъ образчики изъ «сферы пенсiй». Перечислять другiя привилегiи, всевозможныя права и монополiи дворянства, разнообразныя доходы, которыми оно пользовалось то съ того, то съ другаго производства, то съ какой-нибудь подати, то съ какихъ-нибудь кораблей, — не хватило бы времени.

Совокупность всѣхъ этихъ пенсiй, привилегiй, преимуществъ, монополiй, которыми распоряжались высшiе классы, составляла значительную долю всего бюджета. Вся государственная организациа эксплуатировалась въ то время родовой аристократiей, юридически господствующимъ классомъ. Это господство возбуждало въ буржуазiи глубокую зависть, она сознавала свое собственное умственное превосходство, она видѣла въ своихъ рукахъ значительныя матеріальныя средства, и ей рѣзалъ глаза тотъ фактъ, что все-таки, на зло ея образованiю, на зло ея экономическому значенiю, старые феодалы занимаютъ первыя мѣста въ государственной iерархiи, живутъ на счетъ государства, даютъ своими преимуществами и правами низшее сословіе, мѣшаютъ его росту, тормозятъ и его экономическое развитiе. При своихъ достаткахъ, буржуазiя желала однако еще большихъ прибылей, болѣе свободнаго обращенiя капиталовъ, менѣ стѣснительнаго производства, отменны привилегiй и монополiй. Наконецъ она беспокоилась за своихъ должниковъ, которые то и дѣло обманывали и водили ее за носъ. Подобную же ненависть, если не болѣшую, возбуждало высшее духовенство, набравшееся изъ родовой аристократiи и пользовавшееся, кромѣ всѣхъ юридическихъ преимуществъ феодаловъ, обширной недвижимой, неотчуждаемой собственностью—церковными имѣнiями. И у аристократiи, и у духовенства, были своя суды, къ нимъ прилагали особые законы, а буржуазiя *юридически* продолжала оставаться въ служебномъ положенiи, ко-

торое ощущалось ею тѣмъ больнѣе, чѣмъ болѣе она сознавала свое умственное превосходство и свои экономическія силы.

Но къ этому присоединялось еще другое обстоятельство. Буржуазія страдала *кравственно*, для нея становилось невыносимымъ презрительное высокоумное отношеніе къ ней высшихъ классовъ. На протяженіи XVIII столѣтія мы находимъ множество столкновеній между этими обѣими общественными породами. Вы уже знаете исторію Аруэ и Рогана. Чѣмъ дальше въ столѣтіе, чѣмъ ближе къ революціи, тѣмъ подобныя столкновенія все больше и больше возбуждаютъ буржуазію. Сначала эти выходки вызывали глухой ропотъ, потомъ все болѣе и болѣе громкія протестаціи со стороны оскорбленныхъ. У Тэна приведено нѣсколько любопытныхъ примѣровъ. — Молодой Барнавъ, впоследствии извѣстный депутатъ Учредительнаго Собранія, былъ съ матерью въ ложѣ провинціального театра. Мѣстный губернаторъ, герцогъ Тонерръ, которому ложа понадобилась, велѣлъ выпроводить изъ нея семейство Барнавъ. Выходя изъ ложи, отецъ Барнавъ громко, на весь театръ, объявилъ: «я выхожу по приказанію губернатора». Вся буржуазная публика исполнена была негодованія и вышла изъ театра, который пустовалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока сама М-ше Барнавъ не согласилась снова придти въ ложу. Впоследствии будущій депутатъ вспомнилъ понесенное оскорбленіе и поклялся поднять ту касту, къ которой онъ принадлежалъ, изъ унижительнаго положенія, на которое она, казалось, была обречена. Другой случай—тоже въ театрѣ. При выходѣ молодой вельможа толкаетъ Лакруа, того самаго, который впоследствии сдѣлался членомъ Конвента. Лакруа громко жалуется. Вы кто такой? спрашиваетъ у него молодой феодалъ... Лакруа наивно и странно выкладываетъ свое имя, фамилію, свое званіе и занятія. — Это все очень хорошо, отвѣчаетъ феодалъ, а я просто графъ Шабаннъ, и я долженъ спѣшить (мнѣ некогда). Графъ со смѣхомъ садится въ карету и оставляетъ на бобахъ оскорбленнаго имъ средняго человѣка. Вотъ, говорилъ Лакруа, рассказывая съ негодованіемъ о своемъ приключеніи, вотъ то страшное разстояніе, которое гордость и предрасудки установили между людьми. — У герцога Шентьевра «благородные» обѣдаютъ съ хозяиномъ, а ротюру кормятъ особо и пускаютъ въ салонъ только послѣ обѣда, къ кофе. Въ салонѣ среднихъ людей встрѣчаютъ съ снисходительными и покрови-

тельственными улыбками: они это запоминаютъ, и со временемъ за это отплатятъ. — И такихъ случаевъ было пропасть. Всѣ подобныя личныя оскорбленія, колкости, толчки, пиньки, презрительныя улыбки, покровительственные взгляды, милостивыя бесѣды—осѣдаютъ густымъ слоемъ въ душѣ средняго человѣка и разливаютъ въ немъ черную желчь. Въ прежнее время все это прошло бы незамѣтно, на это не обратили бы вниманія, многое пропустили бы мимо ушей, но теперь, когда сами обстоятельства, сама исторія выводила средній классъ изъ его подчиненнаго положенія, когда этотъ классъ выросъ, окрѣпъ, оперился и въ умственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, когда онъ сталъ сознавать свое государственное значеніе и, съ другой стороны, видѣлъ умственное ничтожество высшихъ слоевъ,—теперь подобныя выходки были для него острымъ ножомъ, вызывали его на протестъ, вселяли въ немъ глубокое недовольство. Это моральное положеніе сословія не мало содѣйствовало революціи, и Ривароль, одинъ изъ современниковъ и очевидцевъ всей бурной исторіи конца XVIII вѣка, дѣлаетъ слѣдующее знаменательное замѣчаніе: «Кто бы подумалъ? Налоги, ни произвольные аресты, ни всякія другія злоупотребленія власти, ни притѣсненія со стороны интендантовъ, ни разорительныя проволочки при отправленіи правосудія не ожесточили націю въ такой степени, какъ аристократическій предразсудокъ, *къ которому она обнаружила болѣе всего ненависти*. Буржуазія, литераторы, финансисты, всѣ тѣ, которые исполнены были зависти къ дворянству, подняли на него низшіе городскіе и сельскіе классы».

---

Въ прошедшій разъ я представилъ вамъ общую характеристику французской буржуазіи въ XVIII столѣтіи. Вы видѣли, какъ рѣзко противорѣчили другъ другу экономическое и умственное состояніе средняго класса съ его юридическимъ и нравственнымъ положеніемъ. Это противорѣчіе между его реальными, фактическими силами, значеніе которыхъ онъ сознавалъ, и господствовавшими государственными учрежденіями возбуждало въ немъ глубокое недовольство и вызывало его на протестъ. Такому тревожному, мятежному, оппозиционному настроенію буржуазіи какъ нельзя болѣе соответствовало просвѣтительное направленіе въ литературѣ. Литература, отрицательно относившаяся къ вѣковымъ традиціямъ, подрывавшая ста-

ринные авторитеты и вѣрованія, находила отголосокъ въ стремленіяхъ недовольнаго класса, который съ жадностью зачитывался ею, ею питался и въ свою очередь окрылялъ ее, давалъ ей новыя силы. При такихъ условіяхъ понятна успѣшная пропаганда просвѣтительныхъ понятій.

Но было и другое обстоятельство, содѣйствовавшее быстрому распространенію просвѣтительной литературы, именно: необыкновенное развитіе общественной жизни. Пресловутая французская централизація оказала въ этомъ случаѣ дѣйствительную услугу просвѣщенію: она стягивала въ Парижъ лучшія силы страны, собирала въ одинъ пунктъ всѣ выдающіеся таланты. Всякое движеніе, всякая доктрина, для своего успѣшнаго развитія, требуетъ совмѣстныхъ обсужденій и толкованій. По старой пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше. Въ мировыхъ центрахъ, гдѣ населеніе сбито и скучено, гдѣ постоянно сталкиваются разнородные интересы и съ другой стороны — сближаются, группируются однородныя стремленія, — въ такихъ центрахъ вопросы легче выясняются и скорѣе рѣшаются. Городъ всегда воспримчивѣе къ новой мысли, чѣмъ деревня; столица болѣе жива, чѣмъ губернія, а мировой центръ въ родѣ Парижа представляетъ особенно удобную почву для оборота понятій. Этому еще болѣе помогала социальная общительная натура французовъ. Наконецъ не малую услугу оказалъ самъ французскій языкъ, ясный, точный, опредѣленный, академически правильный, особенно пригодный для популяризаціи и пропаганды самыхъ отвлеченныхъ доктринъ... Такимъ образомъ въ Парижѣ просвѣтительная литература находитъ готовыя и вѣрныя средства для своего распространенія. Во множествѣ образуются кружки, открываются салоны, въ которыхъ просвѣтительныя ученія обсуждаются, оспариваются, развиваются и затѣмъ разносятся во всѣ углы образованнаго общества. Потому-то историки литературы XVIII вѣка обыкновенно и останавливаются на парижскихъ салонахъ того времени, которые представляютъ важные органы распространенія понятій, каналы и проводники этихъ идей въ общество. Во главѣ нѣсколькихъ салоновъ стояли дамы: такъ собирались у г-жи Жоффренъ, у М-мъ Дюдеффанъ, у М-ле Леспинассъ. Кромѣ того собирались у многихъ философовъ и государственныхъ людей. Едва ли не самый знаменитый и самый бойкій салонъ былъ у Гольбаха, у котораго перебивало множество политическихъ, литературныхъ и уче-



ныхъ извѣстностей XVIII вѣка. Здѣсь бывали Дидро, Руссо, Гельвеціусъ, Дюкло, Реналь, Мармонтель, С. Ламберъ и другіе. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Парижъ, всячески старались попасть въ модные философскіе салоны. Юмъ, Гиббонъ, Адамъ Смитъ, Франклинъ и множество другихъ посѣщали парижскіе кружки и увлекались французской общественной жизнью. Компанія, собиравшаяся два раза въ недѣлю у Гольбаха, представляла, по рассказамъ Морелле, особенно оживленное и безцеремонное общество. Бесѣда велась вполне свободно и была очень поучительна: она касалась всякихъ вопросовъ — философскихъ, религіозныхъ, политическихъ, научныхъ; изгнаны были только темы двусмысленнаго, фривольнаго характера. Иногда кто-либо изъ присутствовавшихъ спокойно развивалъ какую-нибудь самостоятельно выработанную имъ теорію; въ другой разъ завязывалось между двумя сторонами стройное препирательство. Подъ часъ происходили горячія пренія между деистами и атеистами, которыхъ было очень много въ кружкѣ Гольбаха. Впрочемъ, до брани дѣло никогда не доходило. Морелле, отстаивавшій однажды бытіе верховнаго существа, изложилъ затѣмъ свои соображенія письменно и началъ письмо къ своему противнику куріозной апострофой: Милостивый государь и любезный атеистъ (*monsieur et cher athée*). Въ философскихъ салонахъ жили между собой очень ладно и сору изъ избы не выносили. Такъ въ многочисленномъ обществѣ, собиравшемся у Гольбаха, очень хорошо знали, что знаменитую и страшную въ свое время книгу о *Системѣ природы*, проникнутую рѣзкимъ, догматическимъ атеизмомъ, написалъ самъ Гольбахъ; но никто не проговаривался, никто не выдалъ Гольбаха, и только гораздо позже, послѣ его смерти, публикѣ сдѣлалось извѣстнымъ истинное имя автора «Системы природы».

Вотъ тѣ средства, которыми располагала литература: она опиралась на цѣлый общественный классъ, за нее было общественное мнѣніе, ее поддерживали и пускали въ оборотъ кружки и салоны. Противъ нея были власти, ее постоянно преслѣдовали старья, отжившія свой вѣкъ учрежденія, какъ Сорбонна (парижскій богословскій факультетъ), парламентъ и проч. Но чѣмъ дальше въ XVIII столѣтіе, тѣмъ преслѣдованія становятся безуспѣшнѣе; напротивъ — преслѣдованія помогаютъ даже дѣлу литераторовъ: стѣсненія свободы, заключенія, показанія увеличиваютъ ихъ славу. Въ просвѣтительное

движеніе втягиваются постепенно всѣ элементы общества: все общество становится въ оппозицію къ официальному порядку вещей, къ господствующему государственному строю, къ существующимъ учрежденіямъ.

Для характеристики всеобщаго литературнаго и соціальнаго броженія, которое овладѣло Франціей во вторую половину XVIII столѣтія, остановимся на одномъ любопытномъ фактѣ: рассмотримъ *исторію книги* въ 60-хъ и 70-хъ годахъ,—обстоятельства, сопровождавшія ея зарожденіе и постепенное распространеніе въ обществѣ. Я постараюсь сгруппировать около этой темы нѣсколько характеристическихъ данныхъ, собранныхъ изъ различныхъ историческихъ источниковъ того времени. Замѣтите, что мы беремъ не какого-нибудь талантливаго оригинальнаго писателя, а рядового литератора того времени, добивающагося извѣстности и общественнаго расположенія...

По содержанію, книга должна быть написана въ духѣ оппозиціи: иначе, ее никто и читать не станетъ. Таково преобладающее направленіе въ литературѣ, таковы требованія среды, въ которой живутъ литераторы, таковы наконецъ условія обстановки, воспитавшей самого литератора. Книга должна быть направлена противъ той или другой религіозной, политической, общественной традиціи. Затѣмъ, она не должна имѣть схоластической, ученой внѣшности. Она предназначается для образованной публики вообще, не для ученаго цеха, не для кабинетныхъ тружениковъ, а для салона. Она должна быть написана гладко, просто и занимательно: поменьше цитатъ, поменьше ученаго мусора, поменьше деталей, побольше разсужденій и общихъ соображеній. Когда книга готова, въ дальнѣйшихъ судьбахъ ея представляются двѣ возможности.

Во-первыхъ, авторъ можетъ рискнуть и печатать ее во Франціи. Это дѣло хлопотливое и небезопасное. Нужно одобреніе и разрѣшеніе отъ цензоровъ и администраціи; нерѣдко случается, что печатаніе воспрещается, и сама рукопись конфискуется. Придраться можно было къ каждой книгѣ, можно было задержать и осудить ее безъ всякаго слѣдствія, безъ всякаго правильнаго судопроизводства, — на основаніи самаго ничтожнаго мотива. Извѣстны въ знаменитой пьесѣ Бомарше слова Фигаро о свободѣ книгопечатанія во Франціи XVIII вѣка: «если я въ моихъ сочиненіяхъ не касаюсь ни властей, ни вѣроисповѣданій, ни политики, ни морали, ни чиновныхъ лицъ, ни установленныхъ

учрежденій, ни оперы, ни другихъ спектаклей, вообще никого, кто къ чему-либо имѣлъ какое-либо отношеніе, я могу свободно печатать все подъ наблюдениемъ двухъ или трехъ цензоровъ». Это сухая правда, въ томъ смыслѣ, что, вслѣдствіе господствующаго административнаго произвола, можно было придаться ко всему, истолковать что угодно въ превратномъ смыслѣ, засудить за самую невинную статейку. Противъ произвола не было установленныхъ закономъ гарантій. Книгу могли задержать по проискамъ какого-нибудь знатнаго лица, епископа, фрейлины, куртизана. По книгопечатанію господствовало полное безправіе... Но благодаря новому общественному духу, благодаря извѣстному навыку въ подобныхъ обстоятельствахъ, можно было обойти Сциллы и Харибды оффиціального, административнаго міра. Бдительности и энергіи — въ управленіи не было. Сами по себѣ, чиновники, цензоры, если на нихъ не дѣйствовали какія-нибудь внушенія со стороны высокопоставленныхъ лицъ, если они не получали спеціального наказа — задержать ту или другую рукопись, — сами по себѣ они были народъ довольно покладливый. Ихъ также коснулось всеобщее движеніе, они были не прочь пропустить ту или другую просвѣтельную книгу. Такова была мода, этой модѣ невольно болѣе или менѣе подчинялись. Особенно благопріятенъ литераторамъ былъ самъ начальникъ управленія по дѣламъ печати — Мальзербъ. Онъ всячески покровительствовалъ литературному движенію и нерѣдко самымъ наивнымъ образомъ становился пособникомъ, сообщникомъ литераторовъ. Такъ, однажды Мальзербъ принужденъ былъ, вслѣдствіе распоряженія свыше и происковъ разныхъ темныхъ людей, дать приказъ арестовать всѣ бумаги Дидро и опечатать ихъ на квартирѣ философа. Наканунѣ онъ далъ объ этомъ знать Дидро. Въ отвѣтъ Дидро пишетъ Мальзербу, что онъ въ отчаяніи, что ему некуда спрятать бумаги. Пришлите ихъ ко мнѣ, пишетъ философу директоръ цензуры, и бумаги Дидро сохраняются у Мальзерба, между тѣмъ, какъ чиновники ничего не находятъ на квартирѣ философа и остаются съ пустыми руками. Нерѣдко за печатью Мальзерба пересылались корректуры опасныхъ сочиненій отъ авторовъ къ издателямъ... Такъ — господствующее движеніе втягивало въ свой потокъ представителей самой власти. Дѣйствительно, для напечатанія книги лучше всего было для автора войти въ сношенія съ почтеннымъ Мальзербомъ и попросить у него снисхожденія. — Затѣмъ, дѣятельное участіе въ подобныхъ затрудни-

тельныхъ обстоятельствахъ принимали издатели-книгопродавцы. Книгопродавецъ XVIII вѣка былъ человекъ азартный, — нѣчто въ родѣ контрабандиста. Сидѣть въ тюрьмѣ — было для него обычнымъ дѣломъ, но онъ не унывалъ; «философическая» книга была лучшимъ его товаромъ, и онъ готовъ былъ идти на всякія штуки, на всякія стратегическія тонкости, чтобъ раздобыть эту дорогую провизію.

Но еще лучше было — печатать книгу за границей, какъ это сплошь да рядомъ и дѣлалось литераторами XVIII вѣка. Печатали гдѣ-нибудь въ Голландіи, обыкновенно въ Амстердамѣ, но помѣчали на книгѣ *Лондонъ*. На заголовкѣ авторъ либо совсѣмъ не называлъ своей фамиліи, либо выставялъ какой-нибудь псевдонимъ. Такова была обычная заманчивая, таинственная наружность «философической» книги. Переправить все изданіе въ Парижъ не представляло особыхъ затрудненій, — и вотъ книга появлялась въ салонахъ. Ее начинали нюхать, читать. Но если это сочиненіе не отличалось особенной новизной, оригинальностью взглядовъ, оно скоро терялось въ массѣ другихъ книгъ, брошюръ и памфлетовъ зажигательнаго оппозиціоннаго содержанія, проникавшихъ изъ Голландіи и расходившихся въ Парижѣ. Для успѣха заурядной книги въ обществѣ, нужно было привлечь на нее вниманіе начальства. Малоизвѣстный авторъ отъ души радовался, если его книга попадалась на глаза какому-нибудь честному епископу: епископское посланіе или проповѣдь противъ какой-нибудь книги служила для общества рекомендаціей самаго сочиненія. Но еще лучше для славы автора, если книга подвергалась преслѣдованію со стороны прокурора или администраціи: кредитъ ея сразу поднимался въ общественномъ мнѣніи. Клотсъ, одна изъ самыхъ восторженныхъ годовъ конца XVIII столѣтія, фанатическій поклонникъ просвѣтительныхъ началъ, впоследствии «ораторъ рода человѣческаго» въ Учредительномъ Собраніи и затѣмъ — одна изъ жертвъ Робеспьера, — Клотсъ написалъ въ 1781 г. тенденціозную, ярую, но не особенно основательную книгу объ *истиннъ магометанской религіи*. Клотсъ жаждалъ литературной извѣстности, однако, книга его не расходилась. Тогда онъ пустился на штуку. Клотсъ самъ пишетъ и отсылаетъ прокурору Сегье письмо за подписью трехъ сокрушенныхъ сердцемъ отцовъ семействъ. Почтенные патріархи жалуются высокопоставленному лицу на недавно появившуюся пагубную книгу объ *истиннъ магометовой вѣрѣ* и умоля-

ютъ его употребить противъ означеннаго сочиненія всю строгость законовъ. Но и эта штука Клотсу не удалась. У Сегье и безъ него было много дѣла. Онъ въ это время предавалъ суду задорную *Исторію торговли* аббата Реналья. Шутники рассказывали при этомъ, что самъ Реналь угощалъ Сегье обѣдомъ и послѣ выпивки вымолилъ у него преслѣдованіе.

Итакъ—наряжалось слѣдствіе. Книга, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ рукою расходилась въ обществѣ, объ ней толковали и спорили, авторъ пріобрѣталъ извѣстность. Затѣмъ, парламентъ произносилъ надъ ней осужденіе и обрекалъ ее на торжественное сожженіе рукою палача. Это былъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка настоящій триумфъ для книги. Сожженіе книжки, по приказанію парламента, было завѣтною мечтой очень многихъ темныхъ литераторовъ. Въ сущности это сожженіе было только формальностью, палачъ дѣйствительно спаливалъ какую-нибудь ветошь, какіе-нибудь старыя корешки. А запрещенную и осужденную книгу расхватывали сами судьи и ставили къ себѣ на полку. Иногда присоединялось еще осужденіе со стороны Сорбонны. Для кредита книжки это было также недурно. Сорбонна во вторую половину XVIII столѣтія была для образованнаго общества диковинной, готической нелѣпостью, къ которой всѣ относились не то съ презрѣніемъ, не то съ ненавистью. «Сорбонна», писалъ Вольтеръ въ 1768 г., «пользуется авторитетомъ только на протяженіи 2,500 кв. футовъ, т. е. той залы, гдѣ она постановляетъ свои прекрасныя декреты». Для общества декретъ богословскаго факультета противъ книги только увеличивалъ достоинство сочиненія. Наконецъ (и это было большой удачей для автора, если онъ жаждалъ успѣха, славы, общественнаго сочувствія),—иногда отдавалось приказаніе преслѣдовать самого писателя и посадить его на извѣстный срокъ въ тюрьму. Это—послѣднее помазаніе, окончательное постриженіе въ чинъ литератора <sup>1)</sup>.

Я зашелъ нѣсколько впередъ, передавая вышеприведенные факты, которые относятся къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія; пока я еще ничего не говорилъ вамъ о пропагандѣ просвѣтительныхъ понятій, о крупныхъ литературныхъ произведеніяхъ 50 и 60-хъ годовъ. Но теперь мнѣ хотѣлось только указать на тѣсное взаимодѣйствіе обще-

<sup>1)</sup> Mém. de Morellet, I, ch. IV, p. 95. «Je voyais quelque gloire littéraire éclairer les murs de ma prison», etc.

ства и литературы въ половинѣ XVIII столѣтія. Вы видите, какъ оппозиціонное направленіе въ литературѣ поддерживалось и подогрѣвалось въ самомъ обществѣ, какъ оно съ одной стороны вліяло на общество, давало ему толчки, съ другой — испытывало само на себѣ общественное вліяніе, питалось общественными стремленіями и интересами.

И вотъ, броженіе все болѣе и болѣе усиливалось. Новыя идеи пускали глубокіе корни въ образованной буржуазіи. Но замѣчательно и то, что сами привилегированные классы потворствовали и невольно подчинялись общему движенію. Оппозиціонная струя обратилась въ какую-то стихійную, неудержимую силу, которая увлекала за собой все, попадавшееся на пути. Вы уже видѣли, какъ сами представители правительства принуждены были уступать напору новаго направленія. Вѣковыя, традиціонныя воззрѣнія ослабѣли во всѣхъ сферахъ общества, и тѣмъ рѣзче бросались въ глаза оставшіяся въ живыхъ старинныя учрежденія. На каждомъ шагу мы находимъ самые чудовищные контрасты: извѣстные институты, извѣстныя государственныя и церковныя формы, въ которыя никто не вѣритъ и къ которымъ всѣ относятся съ бѣльшимъ или меньшимъ презрѣніемъ; извѣстные законы, которые стоятъ въ полномъ противорѣчій съ новыми общественными понятіями. Привилегированные классы отдавались господствовавшей модѣ, перенимали верхушки и внѣшности новыхъ просвѣтительныхъ ученій, заводили сношенія съ философами, — и все это совершенно наперекоръ своимъ собственнымъ интересамъ. Какъ въ высшемъ духовенствѣ, такъ и въ старой аристократіи мы находимъ куріозныя примѣры потаканія и потворства новымъ понятіямъ. Очень многіе епископы и богатые аббаты открыто издѣвались надъ религіозными обрядами и относились къ положительному вѣроученію, какъ къ простонародному суевѣрію, совершенно неумѣстному въ свѣтскомъ и «порядочномъ» обществѣ. Такое отношеніе въ ихъ кружкѣ считалось бонтоннымъ, моднымъ, приличнымъ. Особенно интересенъ характеръ парижскихъ церковныхъ проповѣдей того времени. Такъ, въ 1767 г. аббатъ Бассине, Кагорскій викарій, произнесъ въ Луврской капеллѣ похвальное слово св. королю Людовику. Онъ настолько былъ бонтоненъ, что даже передъ проповѣдью креста не положилъ. Въ проповѣди его не было ни обычнаго текста, ни цитатъ изъ священнаго писанія, ни слова о Богѣ или о святыхъ. «При

личный» аббатъ разсматривалъ въ своемъ словѣ Людовика IX со стороны его политическихъ, военныхъ и нравственныхъ качествъ. Онъ показалъ безразсудство, жестокость, несправедливость крестовыхъ походовъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ отнесся къ римской куріи. Нѣкоторые священники были возмущены такимъ нечестіемъ, но нашлись и такіе, которые объявили, что они совершенно согласны съ аббатомъ и готовы подписаться подъ всеми его выходками противъ папы и крестовыхъ походовъ.—Епископъ Алэ въ своей проповѣди дѣлитъ общество на два класса, на имущихъ и неимущихъ, и ставитъ вопросъ о причинѣ такого несправедливаго неравенства.— Однажды, уходя съ проповѣди аббата Мори, Людовикъ XVI замѣтилъ: «какъ жалко, что аббатъ говорилъ намъ о всякихъ матеріяхъ за исключеніемъ одной, именно — религіи». Этотъ Мори подлаживался теперь къ тону. Послѣ революціи, которая многимъ раскрыла глаза, многихъ разбудила, которая указала и духовенству, и дворянству ихъ интересы, Мори заговорилъ другое: онъ сдѣлался ярымъ католикомъ и реакціонеромъ.

Подобное же отношеніе къ религіи можно встрѣтить и въ аристократіи, и при дворѣ. Но и не къ одной только религіи. Удивительное дѣло, что даже къ новымъ политическимъ ученіямъ высшіе классы относились снисходительно, опять-таки отчасти потому, что поддавались бессознательно господствующему направленію идей, отчасти и оттого, что все эти теоретическія соображенія казались имъ простымъ развлеченіемъ, одной забавой, которая не можетъ имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій. И рядомъ съ такимъ-то либерализмомъ на словахъ продолжалась прежняя эксплуатація государства, прежніе пенсіи, поборы, насилія, нелѣпые декреты...

Была въ XVIII столѣтіи и другая литературная струя, враждебная просвѣтительной философіи. Объ ней необходимо сказать нѣсколько словъ уже потому, что самый характеръ этой антифилософской литературы, дѣятельность писателей этой группы, пошибъ ихъ сочиненій, еще болѣе оттѣняетъ значеніе господствующаго просвѣтительнаго направленія. Мы видимъ новое подтвержденіе того факта, какъ тѣсно связана была просвѣтительная литература съ общественными потребностями и стремленіями того времени, какой поддержкой и какимъ сочувствіемъ она пользовалась. — Въ противоположномъ, очень малочисленномъ литературномъ лагерѣ темныхъ людей, враговъ

просвѣщенія, мы не находимъ ни талантовъ, ни сколько-нибудь порядочныхъ нравственныхъ дѣятелей. Все это—удивительно бездарные писавки, отребье и подонки литературнаго міра. Во-первыхъ, мы встрѣчаемъ въ ихъ числѣ нѣсколько газетчиковъ и журналистовъ, на чемъ свѣтъ ругающихъ Вольтера и энциклопедистовъ, нападающихъ на пагубныя нововведенія въ литературѣ, взывающихъ постоянно за помощью къ правительству и властямъ предержажимъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи XVIII вѣка за самое ремесло газетчика и журналиста могъ приняться только человекъ самой низкой пробы, самыхъ сомнительныхъ убѣжденій. Самостоятельность на этомъ поприщѣ была едва ли возможна. Для того, чтобъ издавать періодическій органъ, нужно было испросить привилегію, которая выдавалась по усмотрѣнію правительства. Но привилегія эта во всякое время могла быть отнята безъ всякаго предварительнаго слѣдствія и суда; достаточно было слова со стороны какого-нибудь вліятельнаго лица, министра, епископа, куртизанки,—и газета запрещалась, все предпріятіе издателя лопалось. Такимъ образомъ журналистъ вполнѣ зависѣлъ отъ произвола власти, и потому-то за это дѣло брались только такіе люди, которые способны были постоянно угождать правительству и слѣдовать всѣмъ его указаніямъ. Опредѣленныхъ правилъ, которыми могъ бы руководствоваться журналистъ, не было: онъ рабски долженъ былъ подчиняться всѣмъ измѣнчивымъ требованіямъ власти. Потому-то въ журналахъ XVIII вѣка мы находимъ анти-философское офиціозное направленіе, которое пытается, но тщетно, бороться съ мощной оппозиціонной литературой книгъ, брошюръ и памфлетовъ. Нѣкоторую, весьма печальную извѣстность приобрѣли два журналиста: Дефонтенъ и Фреронъ, отличавшіеся оба бездарностью и полной нравственной несостоятельностью.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну черту, которую можно постоянно встрѣтить у этихъ враговъ философіи и противниковъ новаго просвѣтительнаго движенія. Не говоря уже о томъ, что они лишены таланта, что они рѣшительно неспособны отстаивать какую-нибудь доктрину или обличать другую, интересно то, что въ большинствѣ случаевъ это люди безъ всякихъ убѣжденій, которые ведутъ атаку противъ философовъ или для того, чтобъ угодить правительству и поддержать въ его глазахъ свой журналъ, или для того, чтобъ удовлетворить какому-нибудь личному непріязненному



чувству къ тому или другому философу. Потому-то и нападки ихъ наполнены личныхъ намековъ, сплетень, анекдотовъ, собранныхъ ими о томъ или о другомъ лицѣ.

Самое извѣстное изъ произведеній антифилософской литературы XVIII вѣка, это комедія «*Философы*» написанная нѣкимъ Палиссо и представленная въ Парижѣ въ 1760 году, въ тотъ моментъ, когда правительство было особенно возбуждено противъ энциклопедистовъ. Пьеса въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимала публику и потомъ канула въ Лету. Какъ я сказалъ, это было все-таки одно изъ *самыхъ* популярныхъ произведеній антифилософскаго направленія. Что же мы видимъ въ этой пьесѣ?—Философы были изображены негоднями, плутами, обманщиками, чуть-чуть не карманными жуликами. При этомъ Палиссо и не подумалъ о какихъ-нибудь типахъ или характерахъ: онъ прямо мѣтилъ въ того или другого литератора; въ его пьесѣ дѣйствуютъ — Дортидіусъ, въ образѣ котораго онъ хотѣлъ выставить Дидро; Теофрастъ, которымъ онъ билъ на Дюкло; Криспенъ исправлялъ въ пьесѣ должность Руссо, и вбѣгалъ на сцену на четверенькахъ; да и эту насмѣшку надъ Руссо и его теоріей «первобытнаго состоянія» Палиссо укралъ у самого Вольтера. Какъ мало Палиссо понималъ принципы людей, противъ которыхъ онъ возставалъ, или же скорѣе, какъ мало дорожилъ онъ во всемъ этомъ дѣлѣ убѣжденіемъ, какъ мало заботился о самихъ доктринахъ и ученіяхъ, видно уже изъ того, что одновременно съ представленіемъ своей комедіи онъ посылалъ лъстивыя, униженныя посланія Вольтеру. Вольтеръ отвѣчалъ ему, что онъ принадлежитъ къ одному лагерю съ энциклопедистами и считаетъ авторовъ энциклопедіи своими наставниками.— Затѣмъ, обращаясь къ обстоятельствамъ, породившимъ эту пьесу, мы также видимъ, что она вовсе не вытекла изъ страстнаго желанія обличить философское направленіе, а написана и сыграна на парижской сценѣ по настоянію двухъ знатныхъ барынь, которыя за какой-то грѣхъ были недовольны Дидро и хотѣли ему насолить. Все—грязныя, личныя исторіи. Пьеса нашла поддержку при дворѣ, въ Версали, но вся образованная публика была за философовъ. Аббатъ Морелле написалъ въ отвѣтъ на комедію злоую сатиру, подъ заглавіемъ *Видѣніе Палиссо*. Его засадили за это въ Бастилью, и весь Парижъ отнесся съ глубочайшимъ сочувствіемъ къ пострадавшему аббату. По свидѣтельству одного современника,

даже тѣ самыя высокопоставленныя лица, которыя втайнѣ покровительствовали комедіи Палиссо, считали долгомъ публично высказывать совершенно противоположное мнѣніе и отречься, какъ отъ какого-нибудь безчестія, отъ своего пособничества пьесѣ... И вся эта шайка журналистовъ внушала порядочнымъ людямъ отвращеніе и терпѣла самое безцеремонное отношеніе. — «Къ чему вы занимаетесь этимъ грязнымъ ремесломъ», спрашивалъ Даржанталъ у Дефонтена, уличеннаго въ самой гнусной клеветѣ. — «Вѣдь мнѣ нужно чѣмъ-нибудь жить», отвѣтилъ журналистъ. — «Я не вижу въ этомъ необходимости», возразилъ министр... Въ томъ же 1760 году другой субъектъ Помпіньянъ напалъ на секту философовъ въ своей вступительной рѣчи въ Академію. Онъ облачалъ ихъ презрѣніе къ религіи, ихъ ненависть къ властямъ, ихъ порочную мораль. Узнавши объ этомъ, Вольтеръ уничтожилъ Помпіньяна своими сатирическими статейками. Между прочимъ онъ откопалъ переводъ одного фрагмента изъ Попа, сдѣланный въ 1738 году Помпіньяномъ, — фрагментъ, проникнутый деистическими воззрѣніями. Тотъ же Помпіньянъ въ былое время писалъ грозное посланіе противъ аристократіи, наслѣдственныхъ почестей и продажи должностей. И вотъ послѣ всего этого онъ выступилъ защитникомъ традицій.

Такъ ничтожно, такъ шатко было это направленіе. Оно еле держалось, подкрѣпляемое искусственными средствами, пособіями свыше, покровительствомъ власти, а иногда отвѣтами изъ противоположнаго лагеря, какой-нибудь злой тирадой Вольтера, которая напоминала публикѣ о существованіи этихъ темныхъ писакъ и рептилій литературнаго міра. Всѣ общественные классы были противъ нихъ. Буржуазія была проникнута оппозиціей, привилегированные классы тянули въ ту же сторону ради моды. Реакція просвѣщенію пресмыкалась въ литературныхъ подпольяхъ и грушобахъ Парижа, пока она не была призвана на историческую сцену самими измѣнившимися обстоятельствами. Это случилось гораздо позже, уже когда разыгралась революція. Теперь, въ разгаръ XVIII вѣка, все образованное общество увлечено было потокомъ просвѣщенія и оставалось глухо къ реакціонному вою всякихъ Фрероновъ и Помпіньяновъ.

---

### ХІІІ.

#### Великая Энциклопедія.

Вторая половина XVIII столѣтія въ литературной исторіи Франціи открывається изданіемъ Великой Энциклопедіи. Съ Энциклопедіи начинается новый періодъ въ исторіи просвѣтительнаго движенія. Это грандіозное предпріятіе собираетъ разсѣянные и разрозненные стремленія просвѣтителей, соединяетъ и сплачиваетъ между собою литераторовъ на работу одному дѣлу. Образуется кружокъ философовъ, лагерь энциклопедистовъ, о которомъ въ 50-хъ годахъ начинаютъ говорить, какъ о цѣлой общественной партіи. Просвѣтительныя начала въ Великой Энциклопедіи были приведены въ систему и сгруппированы. Литераторы сблизались, сталкивались и сосчитали свои силы.

Сначала я расскажу внѣшнюю исторію Энциклопедіи. Въ 1728 году нѣкто Чэмберсъ издалъ въ Дублинѣ справочный словарь наукъ и искусствъ, появившійся въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ Cyclopaedia. Сочиненіе это въ Англіи было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ и получило распространеніе. Въ 40-хъ годахъ задумали перевести его на французскій языкъ, но предпріятіе нѣсколько затянулось, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Наконецъ въ 1746 году книгопродавецъ, завѣдывавшій изданіемъ, обратился къ молодому литератору Дидро, который тогда только что начиналъ свою писательскую карьеру, съ предложеніемъ взять на себя редакцію энциклопедическаго словаря. Дидро согласился, и дѣло закипѣло. При этомъ первоначальный планъ былъ оставленъ, и проектъ принялъ иную форму. По новому проекту, дѣло шло уже не о простомъ переводѣ книги Чэмберса, а объ самостоятельномъ колоссальномъ изданіи, цѣлью котораго было подвести итогъ всѣмъ приобрѣтеннымъ познаніямъ человѣчества, собрать выработанныя наукой данныя по всѣмъ отраслямъ вѣдѣній и освѣтить факты человѣческаго познанія съ новой—просвѣтительной—точки зрѣнія. «Цѣль Энциклопедіи», писала редакция, «собрать воедино разсѣянные свѣдѣнія, раскрыть общую систему ихъ передъ современниками и передать ихъ грядущему поколѣнію, — для того, чтобъ работа вѣковъ предшествовавшихъ не осталась втунѣ для будущихъ временъ, чтобъ наши дѣти

стали образованнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ добродѣтельнѣе и счастливѣе, и чтобъ мы сами не прожили вѣкъ свой даромъ и потрудились бы на пользу рода человѣческаго». — Была открыта подписка, на которую публика отозвалась съ большимъ сочувствіемъ: собрали четыре тысячи подписчиковъ, — громадная цифра для того времени, особенно если принять во вниманіе, что цѣна изданія была назначена въ тысячу франковъ. Добыли отъ правительства привилегію, въ дѣлѣ приняли участіе четыре издателя-книгопродавца и болѣе сотни сотрудниковъ. Первый томъ вышелъ въ 1751 году подъ заглавіемъ: «Энциклопедія или Толковый словарь наукъ, искусствъ и ремеслъ, составленный обществомъ литераторовъ подъ редакціей г. Дидро, члена Прусской Академіи Наукъ и изящной словесности и — въ отдѣлахъ математическихъ — подъ редакціей г. Даламбера, члена Парижской Королевской Академіи Наукъ, Прусской Академіи и Лондонскаго Королевскаго общества». Энциклопедія издавалась отъ 1751 до 1771 года. Въ двадцать лѣтъ вышло 17 громадныхъ томовъ in-folio текста и 11 томовъ съ пояснительными таблицами (собственно изданіе текста было окончено уже въ 1766 году). Затѣмъ, въ теченіе 70-хъ годовъ было выпущено еще 5 томовъ приложений и дополненій. — Два раза предпріятіе было приостанавливаемо правительствомъ; первая остановка продолжалась отъ 1752 до 1753 года, второй перерывъ былъ отъ 1757 до 1765 года. Редакторы постоянно подвергались нападкамъ со стороны властей, но они рассчитывали на общественное сочувствіе, которое вполне оправдало ихъ ожиданія. Дѣйствительно, въ публикѣ успѣхъ Энциклопедіи былъ полный. Быстро разошлись отпечатанныя тысячи экземпляровъ, выходили контрафакціи въ Итали и Швейцаріи и, несмотря на эту конкуренцію, книгопродавцы выручили съ предпріятія до 2½ миллионъ чистаго барыша. По замѣчанію Вольтера, Энциклопедія пустила въ обращеніе до 8 миллионъ ливровъ, и эта сумма превышала сумму торговыхъ оборотовъ Остъ-Индской компаніи. Что касается до сотрудниковъ, до самихъ писателей, то за свои страшные труды они выручили самый ничтожный гонорарій. Никогда, пишетъ Вольтеръ, не трудились съ такой преданностью къ дѣлу и съ болѣе благодарнымъ безкорыстіемъ. Литераторы увлечены были служеніемъ общественной пользѣ, ихъ даже не прельщала личная слава, имена многихъ сотрудниковъ такъ и остались неизвѣстными.

Посмотримъ теперь на самихъ сотрудниковъ, на армию энциклопедистовъ. Душою всего предпріятія, главнымъ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ былъ Дидро, — одна изъ самыхъ привлекательныхъ фигуръ XVIII столѣтія. Такой именно человекъ и нуженъ былъ для успѣшнаго изданія Энциклопедіи: безкорыстный, ревностный, упорный въ своихъ начинаніяхъ, исполненный самыхъ многостороннихъ интересовъ и самыхъ разнообразныхъ познаній, и неутомимый въ работѣ.

Дидро родился въ Лангрѣ, въ 1713 году, гдѣ его отецъ занимался выдѣлкой ножей. Юношей Дидро попалъ въ Парижъ, учился въ коллегіи іезуитовъ, учился хорошо, но не ровно и не по школьному. Между тѣмъ въ немъ было пропасть любознательности, страсти къ наукѣ. По выходѣ изъ училища онъ занимался всякой всячиной, учился языкамъ, изучалъ математику, которую любилъ со страстью, много читалъ и не думалъ ни о какомъ опредѣленномъ общественномъ положеніи. Когда прокуроръ, къ которому онъ былъ прикомандированъ, спросилъ его наконецъ: Да къ какой же должности вы себя готовите? — Дидро отвѣчалъ ему: Право, ни къ какой. Я люблю науку, я очень счастливъ, очень доволенъ, и больше мнѣ ничего не надо. — И вотъ Дидро повелъ вольную жизнь ученаго диллетанта. Ему приходилось очень плохо въ матеріальномъ отношеніи. Отецъ сердился на него и не посылалъ денегъ. Самъ онъ не получалъ ни откуда опредѣленнаго жалованья, жилъ изо дня въ день, иногда страшно бѣдствовалъ, давалъ уроки, писалъ по заказу переводы или церковныя проповѣди, что было особенно выгодно. Попробовалъ онъ опредѣлиться гувернеромъ къ одному финансисту: матеріальныя условія были очень выгодны, жалованье было хорошее, но Дидро не выжилъ и трехъ мѣсяцевъ въ должности гувернера; для него не въ моготу было съ утра до ночи ходить за ребятами, утромъ обучать ихъ всякимъ премудростямъ, потомъ вести гулять, вечеромъ опять съ ними возиться. Дидро отказался отъ мѣста и опять повелъ жизнь вольнаго ученаго. Эта черта осталась за нимъ на всю жизнь. Онъ былъ вѣчнымъ студентомъ, никогда не бралъ опредѣленнаго служебнаго положенія и никогда не пользовался большимъ матеріальнымъ достаткомъ. Скоро Дидро женился — по любви, на дѣвушкѣ безъ состоянія, на своей сосѣдкѣ, которую онъ плѣнилъ своими золотыми рѣчами (такъ выражалась мать его возлю-

бленной, которая была не особенно довольна бракомъ своей дочери). Дѣйствительно, Дидро прекрасно говорилъ, и въ послѣдствіи его блестящія импровизаціи возбуждали восторгъ въ парижскихъ салонахъ. Пришлось еще сильнѣе работать. Онъ перевелъ для книгопродавцевъ о дну исторію Греціи и затѣмъ одинъ англійскій медицинскій словарь. Англійская просвѣтительная литература привлекала его особенный интересъ и оказала, вмѣстѣ съ сочиненіями Бэйля, значительное вліяніе на его умственный складъ. Въ 1745 году Дидро передѣлалъ одно изъ сочиненій Шэфтсбюри и затѣмъ выступилъ съ нѣсколькими самостоятельными философскими трудами, которые обратили на него вниманіе образованной публики. Именно, въ 1748 году вышли «Философическія Размышленія» Дидро и были сожжены по приказанію парламента, а имя автора сдѣлалось извѣстнымъ, и второе изданіе его книжки втихомолку распространялось въ обществѣ. Вскорѣ послѣ этого за другое сочиненіе Дидро угодили въ Венсенскую тюрьму. Литературная извѣстность его все увеличивалась. Объ философскихъ воззрѣніяхъ Дидро я скажу въ послѣдствіи и пока ограничусь замѣчаніемъ, что первые опыты его были написаны въ духѣ умѣренныхъ англійскихъ деистовъ. Въ это время, какъ мы видѣли, Дидро принялъ предложеніе редактировать Энциклопедію и взялся за дѣло съ необыкновенной ревностью.

Какъ я уже сказалъ, Дидро былъ душою всего предпріятія. Ему приходилось не только редактировать всѣ отдѣлы Энциклопедіи, за исключеніемъ математическаго, но и сноситься съ сотрудниками, втягивать литераторовъ въ затѣянное дѣло, возиться съ книгопродавцами, держать корректуры, слѣдить за правительственнымъ барометромъ, отстаивать Энциклопедію передъ начальствомъ. Для великаго словаря онъ писалъ статьи самаго разнообразнаго содержанія: по философіи, грамматикѣ, риторикѣ, политикѣ, морали, по древностямъ и эстетикѣ; его же перу принадлежали всѣ статьи по исторіи философіи. Но кромѣ этого на немъ лежалъ отдѣлъ техники, описаніе ремеслъ и техническихъ производствъ, и такихъ статей было написано имъ до тысячи. Въ этой области приходилось Дидро бороться со страшными трудностями. Руководствъ по технологіи и механикѣ почти не было. Между тѣмъ вопросы эти пріобрѣтали все болѣе и болѣе важное значеніе для подраставшаго поколѣнія. Эпоха становилась промышленной; цѣлый классъ людей, и именно тотъ классъ,

значеніе котораго усиливалося съ каждымъ годомъ, который начиналъ заявлять свою экономическую и умственную мощь,— особенно интересовался индустріей, какъ той областью, которая имѣла тѣсное соприкосновеніе съ его интересами. Дидро не пожалѣлъ труда. Онъ самъ отправлялся въ мастерскія, изучалъ на практикѣ процессъ производства, осваивался съ нимъ въ такой степени, что въ результатѣ у него получалось ясное представленіе о всѣхъ его подробностяхъ. Нужно было описывать машины. Для того, чтобы лучше познаться съ механизмомъ нѣкоторыхъ машинъ, онъ заказывалъ себѣ небольшія модели, разбиралъ ихъ на составныя части, изучалъ каждую пружину, каждый винтъ. При всемъ этомъ ему приходилось испытывать препятствія и неприятели со стороны фабрикантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ боялись посвятить его въ тайны производства: во-первыхъ они опасались конкуренціи, а во-вторыхъ имъ казалось, что правительство, развѣдавъ о прибыляхъ производства, обложить ихъ болѣе высокими налогами. Со всеми этими затрудненіями Дидро неутомимо боролся, не унывалъ, настаивалъ на своемъ, и въ результатѣ получился блестящій для того времени рядъ статей по технологіи. По замѣчанію одного изъ его биографовъ, Розенкранца, Дидро, первый, поставилъ въ связь технологію съ культурнымъ развитіемъ человѣчества вообще. Онъ не только составилъ тщательныя изслѣдованія различныхъ формъ и способовъ производства, но сверхъ того внесъ въ свои описанія, въ свои разсужденія новый духъ—духъ уваженія къ труду: онъ какъ бы опозитивировалъ трудъ.

Съ философскими статьями въ Энциклопедіи была новая возня. Тутъ приходилось всячески лавировать, пускаться на всякія военныя хитрости, чтобы не попасться въ просакъ, не погубить неосторожностью всего предпріятія. Съ этой цѣлью и пущены были въ дѣло хитрыя уловки. Самъ Дидро въ специальной статьѣ, озаглавленной *Энциклопедія*, въ которой онъ говоритъ о различныхъ энциклопедическихъ сборникахъ, объ задачахъ этихъ сборниковъ, о томъ, какъ составлять энциклопедію, — самъ Дидро поясняетъ читателю свои приемы: когда какой-нибудь предразсудокъ признается всѣмъ обществомъ, требуетъ къ себѣ уваженія, — слѣдуетъ въ самой статьѣ, посвященной этому предразсудку, касаться его съ осторожностью и объяснять его такъ, какъ принято, а затѣмъ—сослаться на другія

статьи, гдѣ выведено на твердыхъ основаніяхъ и разъяснено противоположное ученіе. Такой приемъ, по мнѣнію Дидро, очень успѣшно дѣйствуетъ на хорошія головы, притомъ — дѣйствуетъ тайно, безъ всякой показки, и не влечетъ за собой неприятныхъ послѣдствій для автора. Какой-нибудь схоластикъ, желавшій изловить энциклопедистовъ на вольнодумствѣ, обращался прежде всего къ такимъ статьямъ, въ которыхъ онъ навѣрное ожидалъ найти поживу, такъ — онъ раскрывалъ словарь подъ рубрикой *Душа* или *Свобода*, — и не находилъ ничего предосудительнаго... Между тѣмъ въ другихъ менѣе замѣтныхъ статейкахъ дѣло было исправлено и проведено именно то, чего хотѣлъ редакторъ. Разумѣется, со временемъ противники энциклопедіи догадались, въ чемъ вся механика, но все-таки приемъ уже сдѣлалъ свое дѣло... Конечно, такая работа, такое двуязычье было мучительно: приходилось сплошь да рядомъ кривить душой. Но иначе нельзя было въ то время вести великое предпріятіе Энциклопедіи, и когда Вольтеръ съ горестью жаловался на такого рода статьи въ словарь, Даламберъ писалъ ему въ утѣшеніе: время поможетъ отличить то, что мы думали, отъ того, что мы говорили.

За свои гигантскіе труды по Энциклопедіи Дидро получалъ отъ издателя самое незначительное вознагражденіе. Но онъ былъ вполне безкорыстный человекъ и такъ увлекался общественнымъ значеніемъ своего дѣла, что пренебрегалъ матеріальными выгодами работы. Съ другой стороны, его не могли запугать никакія преслѣдованія, никакія опасности. Вы уже знаете, что одно время, около 1760 года, надъ философской партіей собрались тучи. Правительство было противъ энциклопедистовъ, въ просвѣтителей бросали грязью всякіе писакі въ родѣ Палиссо и Помпийяновъ, на нихъ возводили самыя гнусныя клеветы. Даламберъ, другой редакторъ Энциклопедіи, струсилъ и отдалился отъ предпріятія. Но Дидро не оставилъ дѣла. Печатаніе было пріостановлено властью, но онъ все-таки продолжалъ трудиться дальше надъ редакціей, писать дальнѣйшія статьи и готовить къ болѣе благоприятному времени слѣдующіе томы Энциклопедіи. Въ 1766 году издателя-книгопродавца засадили въ Бастилію, 20 экземпляровъ Энциклопедіи было послано въ Версаль на просмотръ. Въ томъ же году погибъ мученикомъ фанатизма молодой Лабарръ, съ исторіей котораго мы скоро познакомимся. Парламентъ кричалъ о распространявшемся нечестіи. Въ это время Вольтеръ, такъ



глубоко принимавшій къ сердцу все человѣческое, страшился за судьбу Дидро. Онъ обратился къ редактору Энциклопедіи съ анонимнымъ мемуаромъ, въ которомъ убѣждалъ его покинуть неблагодарную Францію, перенести свою дѣятельность за границу—въ Голландію, не рисковать такимъ образомъ талантомъ, который еще долгое время можетъ служить наукѣ и обществу. Но—покинуть Францію, своихъ друзей, свою философическую компанію, своихъ книгопродавцевъ и рабочихъ, которые были связаны съ нимъ интересами,—Дидро не могъ. Онъ остался въ Парижѣ на рискъ, и, дѣйствительно, скоро небо нѣсколько разъяснилось, опасность прошла.

Съ такимъ упорствомъ, съ такой настойчивостью, Дидро ведетъ дѣло. Онъ вполне увлеченъ своимъ трудомъ и именно его практическими результатами для общества. Къ собственному авторству, къ собственной литературной извѣстности, Дидро относился довольно равнодушно. Онъ вообще никогда не страдалъ литературнымъ себялюбіемъ: истинно богатая, плодovitая натура, онъ не дорожилъ своими произведеніями, не трясся надъ своими статейками, и сыпалъ на-право и на-лѣво идеями, замыслами, творческими проектами. Дидро постоянно писалъ для другихъ. Аббатъ Реналь состряпалъ философическую и политическую исторію торговли; она была довольно суха и незанимательна. Онъ подсовываетъ свою рукопись Дидро, который вписываетъ отъ себя одну огненную страницу за другой, такъ что первоначальный трудъ Реналья возрастаетъ на цѣлую половину. Дидро пишетъ для Гельвеціуса, для Гольбаха, пишетъ для Гримма—цѣлые отдѣлы въ его корреспонденціи, длинные отчеты о художественной выставкѣ. Когда ему указывали на его расточительность, Дидро отвѣчалъ: «суть не въ томъ, чтобъ дѣло было сдѣлано именно мною, а не другимъ, а чтобъ оно вообще было сдѣлано, и хорошо сдѣлано». Потому-то и на своихъ сочиненіяхъ Дидро обыкновенно не выставялъ имени. Часто ему приписывали чужія сочиненія, и наоборотъ—его сочиненія приписывали другимъ. Ему это было рѣшительно все равно, онъ не заботился о своихъ авторскихъ правахъ. Результатъ оказался очень печальнымъ... только для записныхъ библиографовъ нашего времени, которымъ пришлось несказанно возиться надъ опредѣленіемъ подлинности того или другаго произведенія, приписываемаго Дидро. Самъ Дидро даже не позаботился о томъ, чтобъ издать полное собраніе своихъ сочиненій. Какъ я уже сказалъ, онъ.

слишкомъ мало цѣнилъ литературное мастерство само по себѣ и придавалъ значеніе главнымъ образомъ практическимъ результатамъ литературной дѣятельности.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о другихъ сотрудникахъ Энциклопедіи. Однимъ изъ самыхъ усердныхъ былъ Жокуръ, человѣкъ очень образованный, много путешествовавшій, хорошо владѣвшій иностранными языками. Это былъ тоже полигисторъ и энциклопедистъ въ родѣ Дидро. Онъ работалъ по всевозможнымъ матеріямъ, писалъ по философіи, археологіи, исторіи, юриспруденціи, естествовѣдѣнію. Не доставало статьи, какой-нибудь сотрудникъ не присылалъ своей работы, — Жокуръ бралъ на себя его трудъ. Онъ не щадилъ ни времени, ни хлопотъ, ни здоровья. «Вотъ уже 6 — 7 лѣтъ», писалъ Дидро, «какъ этотъ человѣкъ работаетъ по 13 — 14 часовъ въ сутки, окруженный полдюжиной секретарей, — читаетъ, пишетъ, диктуетъ. Не бойтесь, что ему надобно заготовливать статьи: его самъ Богъ на это сотворилъ. Посмотрѣли бы вы на него, когда у него кончается работа или скорѣе, когда ему говорятъ, что пора кончить: у него вытягивается вся фисіономія, онъ точно въ воду опущенный». Жокуръ въ концѣ концовъ продалъ даже свой домъ издателю Энциклопедіи Лебретону для того, чтобъ имѣть возможность содержать своихъ секретарей. Таково было рвеніе энциклопедистовъ.

Математической частью, какъ я вамъ говорилъ, завѣдовалъ осторожный, скептическій Даламберъ. Его перу принадлежатъ сверхъ того нѣкоторыя философскія статьи и, главное, предварительное разсужденіе, предпосланное Энциклопедіи, въ которомъ Даламберъ выводитъ систему человѣческихъ познаній. Въ своихъ отношеніяхъ къ человѣческому познанию Даламберъ слѣдуетъ Бэкону и Локку, ученія которыхъ приняты были всѣми просвѣтителями. По своему положенію академика и по связямъ своимъ въ ученомъ мірѣ того времени, Даламберъ былъ важнымъ приобретеніемъ для Энциклопедіи. — Затѣмъ, всѣ извѣстные литераторы того времени принимали большее или меньшее участіе въ великомъ словарѣ. Какъ я вамъ говорилъ прежде, Монтескьё написалъ для Энциклопедіи статью о *вкусъ*, Бюффонъ сообщилъ статью о *природѣ*, многія другія статьи по естествовѣдѣнію составилъ помощникъ Бюффона, извѣстный натуралистъ Добантонъ. Руссо завѣдовалъ въ словарѣ отдѣломъ теоріи музыки и кромѣ того написалъ статью о политической экономіи. Сотрудничали также

Дюкло, Мармонтель, С.-Ламберъ, Гольбахъ, Форбонне, Дюмарсэ. Поступило нѣсколько фрагментовъ отъ новой школы физіократовъ, именно отъ Кене и Тюрго. Но довольно затруднительно было прискаты покладливыхъ богослововъ, а между тѣмъ и этотъ отдѣлъ долженъ былъ имѣть также представителей въ Энциклопедіи. Набрали болѣе или менѣе просвѣщенныхъ аббатовъ, но имъ не особенно посчастливилось. «Мы сдѣлали новое и прекрасное приобрѣтеніе, а именно аббата Морелле», пишетъ Даламберъ Вольтеру. «Это четвертый богословъ, къ которому мы обращаемся со времени начала Энциклопедіи. Первый былъ отлученъ отъ церкви, второй изгнанъ изъ Франціи, третій просто умеръ, такъ что намъ рѣшительно не удастся выхолить при Энциклопедіи ни одного теолога». Однако Морелле, о которомъ пишетъ здѣсь Даламберъ, былъ счастливѣе другихъ. Онъ долгое время работалъ въ Энциклопедіи и занимался не только статьями богословскаго содержанія, но и философіей, и политической экономіей. Морелле былъ однимъ изъ ревностныхъ физіократовъ. Въ религіозномъ отношеніи онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія просвѣтителей и былъ чистымъ деистомъ. Въ какомъ направленіи Морелле писалъ статьи для Энциклопедіи, видно изъ его собственныхъ замѣчаній: «я разсматривалъ теологическіе вопросы съ исторической точки зрѣнія, устраняя всякій догматизмъ и мои личныя отношенія къ предмету. Въ такомъ трудѣ, какъ Энциклопедія, предназначенномъ для различныхъ націй съ различными мнѣніями, нужно дать исторію и описаніе христіанскихъ догматовъ совершенно такъ же, какъ исторію браманизма или жагометанства».

Сверхъ сонма просвѣтителей, работавшихъ въ Энциклопедіи, было множество сотрудниковъ специалистовъ, приглашенныхъ Дидро для статей чисто спеціальнаго содержанія: были стратеги, моряки, инженеры, откушники, фабриканты. Вообще всѣ ученые, литераторы и общественные дѣятели съ большой готовностью предлагали свои услуги Энциклопедіи. И вотъ предпріятіе разрасталось и все болѣе и болѣе сплачивало вокругъ себя умственныя силы Франціи. Подъ знаменемъ Энциклопедіи образовалась цѣлая научная и литературная секта. Осуществилось желаніе, высказанное полторасти лѣтъ тому назадъ Бэкономъ: «Для того, чтобъ расширить сферу наукъ и литературы, желательно было бы, чтобы между людьми свѣдущими въ различныхъ областяхъ знанія завязались тѣсныя сношенія. Дружное

ихъ содѣйствіе озарить блестящимъ свѣтомъ міръ наукъ и художествъ. Придетъ время, когда философы вдохнутся чудной идеей подобнаго заговора и рѣшатъ соединиться на такое предпріятіе». Но Энциклопедія XVIII вѣка имѣла и другой оттѣнокъ. Она далеко не была простымъ сводомъ научныхъ данныхъ и выводовъ, собранныхъ писателями изъ одного ученаго рвенія. Она была кромѣ того боевымъ, военнымъ предпріятіемъ, орудіемъ философской пропаганды. Она назначалась не для однихъ ученыхъ, а для всего образованнаго общества: она вела борьбу съ общественными предрасудками и суевѣрїями. Энциклопедисты были общественными бойцами, популяризаторами и пропагандистами; по прекрасному выраженію Кабаниса, это была святая конфедерація противъ фанатизма и тираннїи.

Слѣдуетъ указать еще на одну черту, которая поражаетъ современнаго ученаго въ Великой Энциклопедїи прошлаго вѣка: это — разнообразіе статей, написанныхъ одними и тѣми же сотрудниками. Главные и наиболѣе дѣятельные участники въ Энциклопедїи не были записными специалистами по какому-либо отдѣламъ, не занимались исключительно одной опредѣленной отраслью знанія, а отличались самыми широкими познаніями и интересами. Они были философами, были знакомы со всѣми существенными задачами мышленія, не уходили по-уши въ какую-нибудь спеціальность, были чутки ко всѣмъ вопросамъ—философскимъ, моральнымъ, политическимъ. Мы видѣли, какимъ многостороннимъ сотрудникомъ является Дидро. И Даламберъ не просто математикъ, но и философъ, и моралистъ, и литераторъ. Его статья, посвященная описанію Женевы и характеристикѣ швейцарскаго духовенства, была настоящимъ манифестомъ, вызвавшимъ цѣлую бурю въ литературномъ мірѣ того времени. Руссо — философъ и политическій писатель — доставляетъ статьи по теорїи музыки и по политической экономїи. Тюрго сообщаетъ статьи о *ярмаркахъ*, о *рынкахъ*, и въ то же время объ *этимологїи* и о *существованїи*. Монтескьѣ, какъ вы знаете, даетъ статью о *вкусь*, Вольтеръ присылаетъ фрагменты самаго разнообразнаго содержанія. Въ самихъ людяхъ науки былъ въ то время энциклопедизмъ, который довольно рѣдко встрѣчается въ ученыхъ нашего времени. Отчасти это объясняется тѣмъ, что различныя отрасли знанія въ XVIII столѣтїи далеко не имѣли того объема, какой онѣ получили съ теченіемъ времени, послѣ продолжительныхъ изслѣдованій и многочисленныхъ открытїй XVIII и

XIX вѣка. Въ то время можно было скорѣе и легче освоиться съ каждой научной вѣтвью, не требовалось для этого такой специальной подготовки, какъ теперь. Общее, всестороннее образованіе въ наше время дается труднѣе; тѣмъ желательнѣе, чтобы оно встрѣчалось чаще. Исключительная спеціализація имѣетъ то печальное послѣдствіе, что она замыкаетъ каждаго изслѣдователя въ избранную имъ сферу, отдаляетъ его отъ общихъ вопросовъ знанія и жизни, суживаетъ его понятія, притупляетъ его способности...

Съ 5-го тома Энциклопедіи въ ней начинаютъ появляться статьи Вольтера, который становится однимъ изъ самыхъ ея усердныхъ сотрудниковъ и кромѣ того дѣлается вождемъ и руководителемъ всей партіи. Потому-то мы должны вернуться теперь къ Вольтеру и рассмотреть его дѣятельность послѣ 1750 года.

---

#### XIV.

Вольтеръ послѣ 1750 г. — Его пребываніе при дворѣ Фридриха Великаго.

По смерти своей пріятельницы М-ше Дю-Шатле, Вольтеръ сталъ серьезно подумывать о своемъ переселеніи въ Берлинъ, куда уже давно его убѣдительно приглашалъ Фридрихъ Великій. Вы знаете, что переписка съ Фридрихомъ завязалась у Вольтера еще въ 30-хъ годахъ. Въ 40-хъ годахъ литераторъ и король познакомились лично и имѣли нѣсколько свиданій. Вольтеръ ѣздилъ въ Пруссію, гостилъ у Фридриха и еще болѣе плѣнилъ короля своими дарованіями. Впрочемъ, ихъ отношенія уже въ это время не были вполне искренни. Вольтеръ имѣлъ тайныя порученія отъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и сообщалъ въ Парижъ кой-какія политическія извѣстія; вообще, одно время его очень прельщала мысль занять какую-нибудь дипломатическую должность, онъ искалъ практической дѣятельности. Фридрихъ кое-что провѣдалъ о порученіяхъ, данныхъ Вольтеру, но вовсе не думалъ вслѣдствіе этого разрывать свои связи съ литераторомъ. Умъ Вольтера, его литературная извѣстность, продолжали очаровывать короля, который изъ всѣхъ силъ добивался окончательно перетянуть Вольтера въ Берлинъ и привязать его къ своему двору. Обстоятельства помогли замысламъ Фридриха: во-пер-

выхъ смерть М-ше Дю-Шатле, которая дала возможность Вольтеру свободно распоряжаться своей судьбой, во-вторыхъ немилость, которой писатель подвергся въ концѣ 40-хъ годовъ со стороны французскаго двора. У великаго литератора было много враговъ, противъ него велись интриги, ему особенно досаждало покровительство, которое оказывалось свыше бездарному пинту Кребилльону. Не мало также косились на Вольтера за его вольномысліе. И вотъ, въ 1750 году онъ принялъ наконецъ предложеніе Фридриха и пріѣхалъ на житье въ Берлинъ. Отъ Прусскаго короля онъ получилъ очень значительное жалованье, титулъ камергера и сдѣлался однимъ изъ его приближенныхъ.

При дворѣ Фридриха образовался въ то время цѣлый кружокъ литераторовъ и вольнодумцевъ. Это былъ *просвѣщенный* дворъ, совершенно во вкусъ XVIII столѣтія. Въ прошломъ вѣкѣ подобное явленіе встрѣчается довольно часто и служитъ характеристическимъ признакомъ времени. Мы видимъ, что очень многіе монархи открыто покровительствуютъ вольнодумцамъ, вступаютъ съ ними въ личныя сношенія, всячески заискиваютъ въ нихъ и привлекаютъ къ своему двору. Такъ было одно время у Фридриха Великаго, ту же черту мы находимъ и въ Екатеринѣ II: всѣмъ извѣстны ея сношенія съ энциклопедистами, ея любезныя письма къ Вольтеру, ея милостивыя бесѣды съ Дидро, ея собственныя занятія просвѣтительной философій. Иосифъ II Австрійскій также потворствовалъ вольнодумству, и въ ту же сторону тянули нѣкоторые второстепенные нѣмецкіе дворы. Наконецъ, аналогическія черты мы замѣчаемъ и въ Даніи при Густавѣ III, даже въ Тосканѣ и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Разумѣется, подобное увлеченіе теоріями вольнодумцевъ не могло быть глубокимъ и серіознымъ со стороны властей. Обстоятельства, которыми оно опредѣлялось, заключаются въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, потворство вольнодумству было рекомендаціей въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы. Философы пользовались несомнѣннымъ сочувствіемъ образованнаго общества, и государи, искавшіе славы, стремившіеся къ популярности, хотѣвшіе прослыть просвѣщенными, оказывали вниманіе людямъ науки и литературы; это было модой. Притомъ, нужно замѣтить и то, что нѣкоторые государи на самомъ дѣлѣ были нѣсколько заинтересованы новыми доктринами, о которыхъ гремѣлъ міръ, и хотѣли познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

Къ этому присоединилось другое важное обстоятельство. Въ половинѣ XVIII вѣка вольнодумство вовсе не пользовалось такой страшной репутаціей, какую оно приобрѣло впоследствии, послѣ французской революціи. Очень многія правительства смотрѣли на вольныхъ мыслителей, какъ на теоретиковъ, какъ на любопытныхъ и занятыхъ людей, съ которыми интересно было побесѣдовать, но ученія которыхъ не могли имѣть опасныхъ для самихъ властей практическихъ послѣдствій. Подобныя отношенія мы находимъ и у Фридриха, и у Екатерины. Общество философовъ ихъ развлекало, книжки утѣшали ихъ; имъ казалось, что съ философами можно благодушно совѣтоваться о томъ-о-сѣмъ, можно принимать тотъ или другой ихъ выводъ, отбросивъ остальное. Такое отношеніе къ вольномуыслию со стороны властей рѣзко измѣнилось послѣ французской революціи. Тогда увидали, къ какимъ практическимъ результатамъ могутъ вести эти новыя ученія, и стали смотрѣть на просвѣтителей, какъ на зачатыхъ враговъ государственнаго строя, какъ на прямыхъ предшественниковъ якобинцевъ. Въ 1789 году Екатерина считала нужнымъ оправдываться въ своей прежней перепискѣ съ Вольтеромъ: она утверждала, что вела ее, заботясь единственно о славѣ Россіи. Но въ половинѣ XVIII вѣка вольнодумецъ далеко не представлялся такимъ грознымъ и опаснымъ, какъ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго. И въ этомъ случаѣ правительство впадало въ ту же ошибку, какъ и привилегированные классы: оно слѣдовало модѣ, втянуто было въ общее движеніе, не подозревая его дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ Потсдамѣ, любимой резиденціи Фридриха около Берлина, Вольтеръ нашелъ уже кружокъ вольныхъ мыслителей, или, лучше сказать, — людей, тянувшихся въ вольнодумство. Здѣсь былъ во-первыхъ *Даржансъ*, сатирической писатель, получившій нѣкоторую извѣстность своими скептическими и фривольными сочиненіями, и трудившійся надъ «Исторіей человѣческаго духа». Здѣсь былъ венеціанецъ *Алгаротти*, особенный любимецъ Фридриха, популяризаторъ Ньютонова ученія, которое онъ изложилъ весьма поверхностно и очень изысканно въ итальянскомъ сочиненіи, носившемъ заглавіе: «Ньютоніанство для дамъ». Онъ былъ старый знакомый маркизы Дю-Шатле, у которой онъ въ прежнее время гостилъ въ Сире. Въ Берлинѣ жилъ и знаменитый ньютоніанецъ *Мопертюи*, который

также пользовался особенными милостями Фридриха и состоялъ въ должности президента Берлинской Академіи. Около литераторовъ и ученыхъ вертѣлось сверхъ того нѣсколько царедворцевъ, зараженныхъ поверхностнымъ вольномысліемъ и вторившихъ господствующему тону.

Но гораздо интереснѣе этихъ господъ былъ фізіологъ *Ламеттри*. Только въ самое послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи стали справедливѣе относиться къ Ламеттри. И въ прошломъ столѣтіи, и особенно въ XIX вѣкѣ, на него съ ожесточеніемъ нападали со всѣхъ сторонъ; даже открытые вольнодумцы, и тѣ не щадили этого писателя и отзывались о немъ то съ необыкновенной рѣзкостью, то страннѣе незаслуженнымъ пренебреженіемъ. Основательную и спокойную оцѣнку ученой дѣятельности его можно найти въ прекрасной «Исторіи матеріализма» Фридриха Ланге. Ламеттри съ молодости съ большимъ рвеніемъ изучалъ фізіологію и анатомію. Онъ прилежно занялся въ Лейденѣ медициной у знаменитаго въ то время Бюргавы и затѣмъ издавъ нѣсколько самостоятельныхъ медицинскихъ трактатовъ. Получивши мѣсто полковаго врача, Ламеттри участвовалъ въ одномъ походѣ и во время похода схватилъ горячку. Это было рѣшительнымъ моментомъ въ его жизни. Вотъ что говоритъ самъ король Фридрихъ Великій въ похвальномъ словѣ, которое онъ написалъ въ честь Ламеттри: «болѣзнь для философа—своего рода школа. Ламеттри усмотрѣлъ, что способность мышленія не болѣе какъ продуктъ организаціи нашей машины, и что разстройство нашихъ органовъ имѣетъ значительное вліяніе на тотъ элементъ, который метафизики называютъ душой. Такими соображеніями онъ былъ занятъ во время своего выздоровленія, и, вооружившись свѣточемъ опыта, онъ смѣло понесъ его въ сумрачную область метафизики. Онъ попытался объяснить съ помощью анатоміи строеніе органовъ познанія и нашелъ одну механику тамъ, гдѣ другіе предполагали нематеріальную субстанцію. Свои философскія соображенія онъ напечаталъ подъ заглавіемъ «Естественной исторіи души». Въ этихъ немногихъ словахъ очень вѣрно опредѣлено направленіе трудовъ Ламеттри. Та же идея, которая проведена въ его «Естественной исторіи души», развивается дальше въ его пресловутой книгѣ: *Человѣкъ-машина*, вышедшей въ 1748 году. Собственно мысль о тѣсной связи нашихъ духовныхъ отправленияхъ съ строеніемъ нашего организма въ наше



время уже не встрѣчаетъ серьезныхъ противниковъ. Да и въ половинѣ XVIII вѣка она уже сквозила во многихъ изслѣдованіяхъ. Нѣсколько позже — ее развивали Гольбахъ, Гельвеційусъ и многіе другіе вольнодумцы. Припомнимъ, что Вольтеръ и Локкъ проводили въ сущности то же ученіе. И они выводили все наше познаніе изъ опыта, изъ ощущеній, а когда заходила рѣчь о томъ, что же такое сама способность воспринимать ощущенія, какъ происходитъ то, что мы ощущаемъ, и Локкъ, и Вольтеръ говорили, что этого они объяснить не въ состояніи, но что изъ этого вовсе не слѣдуетъ — принимать абсолютно-неизвѣстное намъ духовное начало, которое одно можетъ мыслить, помнить и проч. независимо отъ тѣла. Развѣ не можетъ точно также мыслить, помнить, ощущать сама матерія? Отрицать это, — значить, говорилъ Локкъ, отказываться Провидѣнію въ его всемогуществѣ: Провидѣніе, конечно, могло сообщить такія способности и самой матеріи. Изучать мы можемъ только эту въ широкомъ смыслѣ матеріальную сторону нашего познанія — при помощи опыта и наблюденія... Къ этой матеріальности нашего мышленія ведетъ свою аргументацію и Ламеттри. Но онъ выражается гораздо рѣзче другихъ писателей, онъ неумолимъ и прямѣ въ своихъ выводахъ. Мало того: по справедливому замѣчанію Ланге, въ сочиненіяхъ Ламеттри есть какое-то радикальное ухарство, какой-то ненужный, вызывающій задоръ, стремленіе порисоваться, пощеголять своимъ вольномысліемъ. Вотъ этотъ тонъ Ламеттри, соединенный съ его рѣшительными и категорическими выводами, особенно раздражалъ его противниковъ и до сихъ поръ продолжаетъ раздражать многихъ историковъ. За нимъ не хотятъ признать никакихъ достоинствъ, въ его сочиненіяхъ совершенно несправедливо усматриваютъ одни софизмы, между тѣмъ какъ въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, есть очень много вѣрныхъ замѣчаній, не говоря уже объ основной мысли. Ламеттри объясняетъ, напр., преступленіе, какъ болѣзнь, видитъ въ ней послѣдствія извѣстной организаціи, говоритъ о необходимости болѣе снисходительнаго отношенія къ преступленіямъ, настаиваетъ на необходимости медицинской точки зрѣнія на преступленія, — и на основаніи его доводовъ поднимаются нелѣпые крики: онъ оправдываетъ преступленія, побуждаетъ къ нимъ! — Противники Ламеттри рады также придратъ къ одной біографической случайности, именно къ формѣ его смерти. Онъ вылъчилъ въ

Берлинъ французскаго посланника, на радостяхъ посланникъ устроилъ обѣдъ, Ламеттри поѣлъ неумѣренно паштета съ трюфелями, быстро заболѣлъ и умеръ. Эту смерть приводятъ въ примѣръ, какъ заслуженный конецъ гнуснаго матеріалиста, погибшаго жертвой своего чревоугодія... Своими фізіологическими сочиненіями, особенно своей книжкою о *Человѣкъ-машинѣ* и своими злыми памфлетами противъ шарлатанизма врачей, Ламеттри навлекъ на себя преслѣдованія не только во Франціи, но и въ Голландіи. Фридрихъ узналъ объ его бѣдѣ и написалъ Мопертю: «мнѣ бы очень хотѣлось имѣть этого Ламеттри, о которомъ вы мнѣ говорили. Онъ—жертва теологовъ и глушцовъ. Здѣсь онъ будетъ имѣть возможность писать съ полной свободой. Я чувствую особенное состраданіе къ гонимымъ философамъ. Напишите ему, сдѣлайте ему предложенія на условіяхъ, которыя я предоставляю вашему усмотрѣнію». Такимъ образомъ, Фридрихъ пріютилъ Ламеттри. Впослѣдствіи онъ хвастался этимъ въ похвальному словѣ, произнесенномъ по смерти злополучнаго медика: «титულъ философа и несчастливца былъ вполне достаточенъ для того, чтобы Ламеттри обрѣлъ въ Пруссіи пристанище и получилъ пенсію отъ короля». Въ обществѣ самого короля Ламеттри велъ себя очень непринужденно. Современники рассказываютъ, какъ онъ ложился на диваны, разстегивался, когда ему было жарко, бросалъ на полъ парикъ и относился къ Фридриху, какъ къ товарищу. Я привожу эту подробность, чтобъ указать вамъ на тонъ, который былъ допущенъ въ кружкѣ Фридриха. Понятно, что подобныя отношенія долго продолжаться не могли. Самый фактъ близкаго сообщества короля съ вольными литераторами уже заключалъ въ себѣ нѣкоторую искусственность, которая съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе выступала наружу. Дѣйствительно, Фридрихъ впослѣдствіи разошелся съ пріятелями, и вся компанія понемногу разбрелась. Но все-таки фактъ сближенія остается характеристичнымъ. Таково было господствующее настроеніе, такова была мода, увлекавшая въ философскій и литературный міръ самихъ монарховъ. Еще болѣе интересно то обстоятельство, что по смерти Ламеттри—этого отиѣтаго матеріалиста и нечестивца въ глазахъ очень многихъ людей того времени—Фридрихъ самъ сочинилъ ему похвальное слово.

Знаменитые ужины, которые Фридрихъ давалъ своимъ вольнодумцамъ, отличались замѣчательною свободой рѣчи. Бесѣда была

крайне оживленная. Продукты мѣстной германской фауны, солидные, тяжелые нѣмецкіе ученые приходили въ изумленіе отъ того блестящаго остроумія, съ которымъ велись дебаты между королемъ, Вольтеромъ, Даржансомъ и Альгаротти. Нѣмцы вообще мало допускались въ эту компанію. Говорили на всемірномъ языкѣ, по-французски. «Никогда», рассказываетъ Вольтеръ, «нигдѣ въ мірѣ не бесѣдовали такъ свободно обо всѣхъ человѣческихъ суевѣріяхъ, никогда не относились къ нимъ съ бѣльшимъ презрѣніемъ и съ бѣльшей шутливостью. Божество было почитаемо, но всѣ тѣ, которые именемъ его обманывали людей, не имѣли пощады». Дѣйствительно, и Фридрихъ, и Вольтеръ, и Мопертюи, и другіе (за исключеніемъ развѣ Ламеттри) стояли на точкѣ зрѣнія деизма. — Такъ беззаботно философствовали въ Прусскомъ королевскомъ дворцѣ въ половину XVIII вѣка. Не было еще революціи, не было того историческаго опыта, который заставилъ многихъ очнуться и отнестись иначе къ тѣмъ самымъ ученіямъ, которыя до тѣхъ поръ представлялись невиннымъ развлеченіемъ благовоспитанныхъ людей.

Первые мѣсяцы пребыванія Вольтера у Фридриха пролетѣли весело. Но скоро пошли недоразумѣнія, непріятности и вполне понятныя столкновенія между монархомъ и литераторомъ. Къ этому періоду въ жизни Вольтера относится одна очень невзрачная, частная исторія, на которой съ особеннымъ удовольствіемъ любятъ останавливаться біографы, противники Вольтера. Они съ большимъ стараніемъ раскопали множество подробностей, касающихся этой исторіи и проливающихъ весьма невыгодный свѣтъ на частную жизнь литератора; разумѣется, къ истиннымъ подробностямъ присоединены были произвольные анекдоты и выдумки. Какъ бы то ни было, нельзя отрицать того, что Вольтеръ дѣйствительно запутался въ одномъ нечистомъ дѣлѣ. Я уже и прежде вамъ говорилъ, что великій писатель не отличался безукоризненностью въ нравственномъ отношеніи: у него были грѣхи и страстишки, были моральные недуги, которые онъ раздѣлялъ съ своими сверстниками, — съ тѣмъ поколѣніемъ маркизовъ, вельможъ, откупщиковъ, среди которыхъ онъ вращался. Прибавьте къ этому его безпокойную, живую натуру, которая иногда увлекала его на поступки двусмысленнаго характера. Въ детали того некрасиваго дѣла, въ которое онъ замѣшался въ Берлинѣ, я входить не стану, вы найдете ихъ у Геттнера. Скажу только, что Вольтеръ

вошелъ въ сношенія съ однимъ евреемъ Гиршемъ, при посредствѣ котораго онъ хотѣлъ устроить недозволенную въ Пруссіи денежную операцію—съ саксонскими акціями. Исторія эта усложнилась, дошла до короля и привела его въ негодованіе. Разумѣется, дѣло уладилось бы, еслибъ къ этому не присоединились другія личныя столкновенія. Вольтеръ былъ неостороженъ на языкъ, искусственность взаимныхъ отношеній—литератора и короля—должна была обнаружиться. Такъ, одной изъ его обязанностей было исправлять французскіе стихи Фридриха и выглаживать слогъ въ «Исторіи Бранденбурга», надъ которой работалъ прусскій король. Вольтеръ — нѣтъ, нѣтъ — да и придется на счетъ короля. Однажды, когда ему принесли поправлять стихи, онъ замѣтилъ: да скоро ли король перестанетъ присылать мнѣ для стирки свое грязное бѣлье. А тутъ подоспѣла ссора Вольтера съ Мопертюи, президентомъ Академіи, которымъ Фридрихъ очень дорожилъ. Мопертюи въ это время нѣсколько рехнулся. Онъ написалъ куріозныя письма объ успѣхахъ знанія, которыя сообщили Вольтеру матеріаль для самыхъ злыхъ насмѣшекъ. Въ этихъ письмахъ Мопертюи развивалъ самые вадорные проекты: онъ предлагалъ взорвать египетскую пирамиду, для того, чтобы посмотреть, какія тайны заключены въ пирамидахъ; или прорыть дыру къ центру земного шара также для удовлетворенія ученаго любопытства; устроить латинскій городъ, гдѣ бы говорили, писали и проповѣдовали только по-латыни; подвергать вивисекціи преступниковъ для того, чтобы проникнуть въ отношенія духа и тѣла, и проч. Вольтеръ всеиъ этимъ воспользовался для злого пасквиля на Мопертюи, который вышелъ подъ заглавіемъ: *Diatribes du docteur Akakia*. Фридрихъ велѣлъ публично сжечь этотъ пасквиль, и т. д., и т. д. Наконецъ, разрывъ сдѣлался полнымъ, и Вольтеръ выбрался изъ Берлина. На пути, во Франкфуртѣ его заарестовали по приказанію Фридриха и обыскали: прусскій король велѣлъ отобрать у Вольтера рукопись своихъ стиховъ; онъ боялся, какъ бы Вольтеръ не обнародывалъ этой рукописи или вообще не воспользовался бы ею съ какой-нибудь цѣлью, враждебной для Фридриха. Обращеніе, которому Вольтеръ и его племянница были подвергнуты во Франкфуртѣ, отличалось грубымъ производомъ. Наконецъ, продержавши нѣсколько мѣсяцевъ, ихъ отпустили. Кто во всѣхъ этихъ дѣлахъ виноватъ, — судить нечего; это частныя исторія,

не имѣющія особенной общественной важности; очевидно, что и съ той, и съ другой стороны была неправда. Но ужъ если пошло дѣло на вопросъ о виновности, то я замѣчу, что бѣольшая доля вины во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ падаетъ на Вольтера. Его поведеніе гораздо болѣе предосудительно, чѣмъ поведеніе Фридриха, отъ котораго нечего было и ожидать иного. Вообще все трехлѣтнее пребываніе писателя въ Берлинѣ — періодъ въ его жизни печальный въ нравственномъ отношеніи и мало плодотворный — въ умственномъ. Это совсѣмъ не то, что его пребываніе въ Англии или золотые, трудовые годы его жизни въ Сире. Какъ ни смотрѣть на дѣло, а все-таки онъ былъ въ это время придворнымъ потѣшникомъ, игралъ роль философа-куртизана,—и самъ долженъ былъ поплатиться за такое положеніе, совершенно несовмѣстное съ занятіями истинно свободнаго мыслителя и литератора. Еще болѣе непріятно насъ поражаетъ то, что чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ возобновилъ переписку съ Фридрихомъ, которая, правда, была гораздо сдержаннѣе прежняго, но все-таки наполнена всякими любезностями. Отъ этого темнаго эпизода въ жизни Вольтера, отъ берлинской интермедіи, перейдемъ къ блестящему и плодотворному періоду его дѣятельности въ роли главы философской партіи.

Возвратиться въ Парижъ Вольтеръ не могъ. Дворъ былъ имъ по-прежнему недоволенъ. Онъ сначала жилъ попеременно въ разныхъ мѣстностяхъ южной Германіи, въ Эльзасѣ и Пфальцѣ. Затѣмъ, съ 1755 года Вольтеръ окончательно поселился въ Швейцаріи. У него были очень хорошія матеріальныя средства. Сперва онъ купилъ себѣ одно имѣніе на Женевскомъ озерѣ, которое прозвано имъ было *Les Délices*, а потомъ другое — подъ самой Женевой, на французской границѣ — знаменитый замокъ Ферне. Здѣсь Вольтеръ прожилъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни. Послѣ Парижа Ферне сдѣлался въ то время вторымъ сборнымъ пунктомъ всей образованной, просвѣтительной Европы. Сюда стекались отовсюду къ Вольтеру, какъ на богомолье. Отсюда рассылалъ онъ свои философскіе манифесты и руководилъ парижскими философскими кружками.

XV.

Борьба Вольтера съ католичествомъ.—Дѣло Маласа.—Завѣщаніе Жана Мелье.

Какъ я сказалъ, съ 1755 года Вольтеръ становится ревностнымъ сотрудникомъ Энциклопедіи. Онъ ведетъ постоянную оживленную переписку съ Даламберомъ, слѣдитъ за ходомъ энциклопедическихъ работъ, посылаетъ статьи, рекомендуетъ сотрудниковъ, даетъ указанія, пароли—всему энциклопедическому движенію. «Пока я сохраню послѣднее дыханіе жизни», пишетъ Вольтеръ Даламберу въ самомъ началѣ своихъ сношеній съ энциклопедистами, «я останусь на службѣ у славныхъ редакторовъ Энциклопедіи. Я считаю за особенный почетъ приносить свое посильное содѣйствіе сооруженію самаго великаго и самаго прекраснаго памятника нашей націи и литературы». Статьи, которыя слалъ Вольтеръ, касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ, преимущественно философіи, морали и языка. При этомъ посылая ихъ цѣлыми кучами, Вольтеръ предоставлялъ на полное усмотрѣніе редакторовъ исправлять, сокращать, дополнять его статьи. Особенно занимала его статья, посвященная *Истории*, надъ которой онъ возился дольше обыкновеннаго, нѣсколько разъ передѣлывалъ и исправлялъ; корректуры то и дѣло летаютъ изъ Швейцаріи въ Парижъ съ адресомъ директора цензуры Мальзерба. Говоря о характерѣ энциклопедическихъ статей, Вольтеръ настаиваетъ на необходимости возможно большей краткости и сжатости: поменьше многословія, поменьше частныхъ мнѣній, гипотезъ, и побольше опредѣленности; объясните значеніе слова, пишетъ онъ, покажите происхожденіе и развитіе того или другаго явленія, и все это сжато и точно. Въ то же время Вольтеръ переписывается съ Даламберомъ о дѣлахъ энциклопедическаго кружка. Постояннымъ приѣвомъ въ его письмахъ былъ призывъ къ единенію между философами. «Собирайте ваше стадо», пишетъ онъ Даламберу, «сплывайтесь по возможности противъ фанатизма. Братья, будьте же дружны!—Ахъ, бѣдные братья, вѣрные христіане первыхъ вѣковъ вели себя лучше вашего!»—«Мнѣ бы хотѣлось», пишетъ онъ, чтобы философы составили дружную, тѣсную общину изъ членовъ, посвященныхъ въ дѣло,—и я умеръ бы довольнымъ». И эта мысль о сектѣ все чаще и чаще представляется уму Вольтера. Онъ видитъ, что прежде всего, для успѣшной пропаганды просвѣтительныхъ уче-

ній, необходимо единеніе, необходимъ плотный кружокъ, который бы имѣлъ силы бороться съ противниками. Онъ и призываетъ постоянно энциклопедистовъ къ миру и согласію. Въ глубочайшее негодованіе приводитъ Вольтера поведеніе Жанъ Жака Руссо, бывшаго сотрудника Энциклопедіи, который съ конца 50-хъ годовъ взялъ на себя роль перебѣжчика изъ философскаго лагеря и открыто заявлялъ свое несогласіе съ просвѣтителями. «Ахъ, если-бъ истинные философы», писалъ Вольтеръ въ Парижъ, «составили бы между собой братскій союзъ въ родѣ масонскаго, если-бъ они собирались, поддерживали другъ друга, были бы вѣрны братству, тогда я полѣзъ бы за нихъ въ огонь и въ воду. Эта тайная академія была бы лучше Аѳинской академіи и всѣхъ парижскихъ вмѣстѣ взятыхъ; но у насъ каждый думаетъ только о себѣ и забываетъ первый существенный долгъ—уничтожать поворное суевѣріе». Вольтеру приходитъ въ голову дѣятельность апостоловъ, которая также была направлена къ пропагандѣ новаго ученія и упраздненію старыхъ вѣрованій. «Неужели», восклицаетъ онъ, «пять-шесть достойныхъ и порядочныхъ людей, согласившихся между собою въ преслѣдованіи опредѣленной цѣли, не достигнуть ея, послѣ того, какъ успѣли въ своихъ начинаніяхъ двѣнадцать рыбаковъ (выраженіе другое)?»—Имѣйте въ виду, что письма, посылаемыя Вольтеромъ, читались въ Парижскихъ салонахъ, объ нихъ говорилось въ публикѣ, это были своего рода философскіе манифесты и бюллетени. *Écrasez l'infâme* — такая знаменитая формула, которой Вольтеръ любилъ заканчивать свои многочисленные письма. Этимъ самымъ онъ хотѣлъ непрестанно напоминать существенную задачу времени — борьбу съ предрасудкомъ. Существительное, къ которому относится эпитетъ *infâme* (постыдный, позорный, пагубный), обыкновенно подразумѣвалось, но иногда философы приводили и самое существительное и соединяли эпитетъ «позорный» съ словами: суевѣріе, фанатизмъ и католическая церковь. Впрочемъ, вся партія хорошо знала смыслъ этихъ словъ, сдѣлавшихся ея паролемъ.

Когда Энциклопедія была приостановлена въ 1757 году и Даламберъ, утомленный постоянными непріятностями и ожидавшій новыхъ опасностей, рѣшилъ бросить редакторство, Вольтеръ глубоко былъ огорченъ всѣмъ положеніемъ дѣлъ. Но онъ не держался мнѣнія Дидро, который настаивалъ на томъ, чтобъ продолжать все-таки

работу при существующих тяжелых обстоятельствах. Напротив, у Вольтера была другая политика, и нельзя отказать в тонкости его плану. Он находил нужным, чтоб все члены философской церкви были соединены крепкими узами, и, по его мнению, вслед за Даламбером должен был оставить издание Энциклопедии и Дидро, и все другие сотрудники. «Подождите только один год», писал Вольтер, «и все общество, вся публика поднимется и потребует от вас продолжения работы на свободных началах»... «Пусть все бросят дело, и ваши три тысячи подписчиков призовут вас к вашей работе, и тогда общественное мнение будет вашей протекцией. Если вы сплочены воедино, если вы настаиваете на своем,—вы будете хозяевами, иначе вам придется рабствовать под волей книгопродавцев, цензоров и дураков». Расчет Вольтера был очень дальновиден, он знал, как выросла сила общественного мнения во Франции и надеялся на эту силу. Чуткость Вольтера к общественному мнению, которое он никогда не терял из вида и с которым всегда считался, была одной из причин его громадного влияния на общество.—Наконец, Вольтер советует перенести издание Энциклопедии в Лозанну, в более свободную Швейцарию. Но, как мы видели, Дидро повернул дело иначе и предпочел продолжать работу *quand même*, в Париже, и на зло преследованиям: это не мало ему стоило хлопот, возни с книгопродавцами и комиссарами с цензурой.—Оставив участие в редакции Энциклопедии, Даламбер не разрывал связей с философами. Он продолжал быть деятельным корреспондентом Вольтера и одним из усердных посредников между Вольтером и энциклопедистами. Нечего и говорить, что Вольтер продолжал принимать самое горячее участие в судьбах Великого Словаря. Много в нем казалось ему недостаточным, он не раз указывал на пробелы, на несообразности, вкравшиеся в Энциклопедию, на поспешность, нестройность и многословие многих статей, но он вполне ценил общее значение великого памятника и видел трудности для образцового выполнения такого громадного предприятия. Между тем философы сгруппировались, и все более или менее внимательно следили за указаниями Вольтера.

Полемическая страсть развивалась в нем все сильнее и сильнее. Очень скоро, в 1762 году, она нашла новый горючий материал



въ одномъ происшествіи, случившемся въ Тулузѣ. Это—знаменитое дѣло Каласа.

Въ концѣ 50-хъ годовъ аббатъ Морелле, о которомъ я вамъ уже нѣсколько разъ говорилъ, сотрудникъ Энциклопедіи по части богословія и ревностный приверженецъ просвѣтительныхъ понятій, путешествовалъ по Италіи. Зрѣлище произведеній искусства, картинъ, фресковъ, статуй вызывало въ странствующемъ рационалистѣ сравнительно очень слабый интересъ. Архитектура привлекала его вниманіе нѣсколько болѣе, но очень скоро и это искусство наскучило сосредоточенному и разсудительному аббату, который заперся въ библіотекѣ и сталъ разсматривать старыя теологическія и каноническія сочиненія. Перебирая этотъ хламъ, рассказываетъ Морелле, я попалъ на *Directorium inquisitionum*, написанное Николаемъ Эймерикомъ, великимъ инквизиторомъ XIV вѣка. Эта книга была во время оно руководствомъ для инквизиторовъ всей христіанской Европы. Морелле сталъ внимательно изучать фоліантъ и проникся ужасомъ: онъ попалъ на самыя скандальные образчики средневѣковаго церковнаго судопроизводства. Находка была удачная, и аббатъ со временемъ ею воспользовался. Онъ собралъ наиболѣе возмутительныя подробности, разсѣяныя въ руководствѣ, привелъ ихъ въ систему и составилъ очеркъ всей инквизиціонной процедуры; къ этому онъ присоединилъ извлеченіе изъ другой книги,—изъ исторіи инквизиціи въ Португаліи. Въ Парижѣ Морелле сообщилъ свою рукопись извѣстному намъ Мальзербу, который, прочитавъ, вернулъ ее аббату со слѣдующими словами: «вы, вѣроятно, предполагаете, что открыли неслыханныя вещи, чудовищныя, исключительныя факты; такъ знайте, что эта процедура Эймерика и его инквизиціи почти тождественна со всѣмъ нашимъ уголовнымъ судопроизводствомъ». Слова Мальзерба смутили Морелле: онъ не могъ повѣрить возможности такого сходства. Однако, въ общихъ чертахъ замѣчаніе Мальзерба было вѣрно. *Руководство для инквизиторовъ*, извлеченное изъ архивнаго мусора трудами просвѣщеннаго аббата, появилось въ печати въ 1762 году и надѣлало много шума. Въ томъ же, 1762 году, въ Тулузѣ, былъ казненъ Жанъ Каласъ послѣ процесса, который подтверждалъ слова Мальзерба и обставленъ былъ ужасами средневѣковаго производства.

Вотъ вкратцѣ исторія этого знаменитаго дѣла, о которомъ Вольтеръ протрубилъ на всю Европу и которое возбудило глубокое негодованіе во всемъ образованномъ европейскомъ обществѣ. Въ Тулузѣ жило одно почтенное протестантское семейство—Каласовъ. Одинъ изъ сыновей, Луи Каласъ, перешелъ въ католическую вѣру. Другой—Маркъ-Антуанъ—занимался литературой. Онъ былъ наклоненъ къ меланхоли и душевнымъ болѣзнямъ. Практическія неудачи разстроили его окончательно: къ торговлѣ онъ способностей не имѣлъ, поступить на службу было для него также затруднительно, такъ какъ онъ былъ протестантъ; къ тому же у него были долги. Маркъ-Антуанъ рѣшилъ покончить съ жизнью, и однажды вечеромъ его нашли повѣсившимся на двери. Побѣжали за врачами и полиціей. Между тѣмъ около дома собралась толпа. Народъ Тулузскій отличался въ то время очень рѣзкимъ фанатизмомъ. Въ толпѣ кто-то сказалъ, что это самъ старикъ Каласъ повѣсилъ своего сына, который будто бы по примѣру своего меньшого брата хотѣлъ перейти въ католичество. Слово было подхвачено, и черезъ нѣсколько минутъ никто уже не сомнѣвался въ томъ, что дѣйствительно Маркъ-Антуанъ палъ жертвою еретическаго рвенія своего отца, предпочитавшаго умертвить сына, чѣмъ допустить его обращеніе къ католицизму. Дѣло такимъ образомъ приняло оборотъ, который представлялъ удобный случай духовенству въ него вмѣшаться. Семейство Каласовъ заключено было въ тюрьму, а пока производилось слѣдствіе, въ тулузскихъ церквахъ проповѣдники гремѣли съ своихъ кафедръ противъ протестантовъ и выставляли старика Каласа убійцей его собственнаго сына. Повѣсившагося Маркъ-Антуана похоронили съ большимъ торжествомъ, какъ мученика за католическую вѣру. Церковныя братства устроили по случаю похоронъ церемоніальныя процессіи. Въ церкви, подъ великолѣпнымъ катафалкомъ, укрѣпили скелетъ, представлявшій Марка-Антуана, — съ пальмовой вѣтвью въ одной рукѣ и въ другой рукѣ—съ перомъ, которымъ онъ якобы долженъ былъ подписать свое отреченіе отъ протестантской ереси. Весь народъ Тулузскій относился къ покойнику, какъ къ святому: ходили молиться на его могилу, рассказывали о его чудесахъ, одна богомолка слышала нѣкій колокольный звонъ, одинъ монахъ вырвалъ у покойнаго Каласа нѣсколько зубовъ для мощей. Среди такихъ обстоятельствъ дѣло было разсматриваемо въ Тулузскомъ парламентѣ, который послѣ

суммарнаго и крайне произвольнаго слѣдствія приговорилъ старика отца къ колесованію, а одного изъ сыновей къ пожизненному изгнанію. Разаумѣется, въ ходъ были пущены всякія пытки: Каласу вытягивали и разбивали члены, но онъ продолжалъ настаивать на своей невинности, которую онъ еще разъ заявилъ на самомъ мѣстѣ казни. Сына заперли въ монастырь и прилагали стараніе къ его насильственному обращенію въ католицизмъ. Дочерей отняли у матери и также заключили въ монастырь.

Провѣдавъ о Тулузскомъ происшествіи, Вольтеръ сталъ объ немъ собирать свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ. Онъ получалъ извѣстія какъ изъ того, такъ и изъ другаго лагеря, пришлось распутывать множество подробностей, такъ какъ вся исторія была затемнена процедурой. Но дѣло слишкомъ близко касалось самыхъ завѣтныхъ мыслей Вольтера. Онъ видѣлъ, что это процессъ религіозный, что главная пружина всей исторіи—фанатизмъ: если правда, что Каласъ повѣсилъ своего собственнаго сына, то это фанатизмъ яраго протестанта; если же Каласъ невиненъ, то орудіями фанатизма являются Тулузскій парламентъ и тамошнее населеніе вообще. И вотъ Вольтеръ не находитъ покоя, пока исторія для него не выяснилась: онъ писалъ о ней къ своимъ корреспондентамъ, адресовался по начальству, обращался къ высокопоставленнымъ лицамъ, наводилъ справки въ самой Тулузѣ. Послѣ тщательной провѣрки всѣхъ источниковъ процесса, всѣхъ свѣдѣтельскихъ показаній, Вольтеръ пришелъ къ убѣжденію въ невинности казненнаго Каласа и поднялъ бурю противъ парламента. Онъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои связи съ парижской знатію и съ французскимъ обществомъ того времени: пишетъ Даламберу, пишетъ адвокатамъ, министрамъ, рассылаетъ брошюры съ отчетомъ о возмутительномъ процессѣ и положительно втягиваетъ все образованное общество въ дѣло Каласовъ. Ему нужно—возстановить честную память старика Каласа, оправдать его семейство и сверхъ того заклеймить позоромъ въ глазахъ всей образованной Европы Тулузскій парламентъ въ частности и французское судопроизводство вообще. Общественное мнѣніе, раздутое Вольтеромъ, громко заговорило въ пользу Каласа. Тулузскій процессъ былъ подвергнутъ ревизіи въ Парижскомъ верховномъ судѣ, и три года послѣ казни Каласа, въ самый день его смерти, рѣшеніе Тулузскаго парламента было объявлено несостоятельнымъ и семейство Каласовъ

было оправдано. Душою всего дѣла былъ Вольтеръ. «Вамъ обязаны Каласы», писалъ ему Даламберъ, «тѣмъ, что они выиграли свой процессъ. Вы одни подняли за нихъ на ноги всю Францію и всю Европу». Дѣйствительно, стараніями Вольтера исторія Каласовъ приняла характеръ общеевропейскій. Въ подпискѣ, открытой въ пользу пострадавшей семьи, принимала участіе вся образованная Европа, императрица Екатерина подписала 5,000 ливровъ. Слово «Калась» сдѣлалось синонимомъ жертвы фанатизма и суевѣрія. Сюжетъ исторіи въ концѣ XVIII столѣтія нѣсколько разъ служилъ темой для драматической обработки: укажу между прочимъ на драму М. Ж. Шенье.

Въ тѣсной связи съ дѣломъ Каласа стоитъ трактатъ Вольтера о *въротерпимости*, изданный имъ въ 1763 году. По поводу этого трактата, въ которомъ Вольтеръ рассказываетъ исторію Каласа и затѣмъ сообщаетъ историческія данныя о въротерпимости и религіозныхъ преслѣдованіяхъ у разныхъ народовъ, переписка Вольтера съ Даламберомъ даетъ очень характеристическія разъясненія самаго вопроса о религіозной терпимости; изъ нихъ мы знакомимся съ нѣкоторыми общими приемами пропаганды Вольтера. «Составляя свой трактатъ о религіозной терпимости», пишетъ Вольтеръ, «авторъ долго размышлялъ, слѣдуетъ ли просто проповѣдовать снисходительность и милосердіе, или внушать индифферентизмъ. Авторъ пришелъ къ заключенію, что представляется необходимость говорить вещи, которыя неизбѣжно приведутъ къ этому роковому индифферентизму, потому что никогда нельзя будетъ достигнуть того, чтобы люди, исполненные фанатизма, сдѣлались снисходительны: нужно научить ихъ презирать, относиться съ ужасомъ и отвращеніемъ къ тѣмъ самымъ заблужденіямъ, за которыя они ратуютъ. Преслѣдованія не кончатся до тѣхъ поръ, пока люди не убѣдятся въ нелѣпости самихъ заблужденій»... Этимъ замѣчаніемъ Вольтера вторить съ своей стороны и Даламберъ; онъ соглашается съ Вольтеромъ въ томъ, что нельзя составить трактата о въротерпимости, не внушая въ немъ читателю индифферентизма къ догматическимъ спорамъ, который и представляетъ самое прочное ея основаніе.—Такимъ образомъ и Вольтеръ, и Даламберъ признавали необходимой подкладкой для религіозной терпимости равнодушіе къ извѣстнымъ религіознымъ мнѣніямъ, а равнодушіе къ догматизму развивается вслѣдствіе

сомнѣній въ его истинѣ, въ его состоятельности. Потому-то для успешной пропаганды вѣротерпимости лучше всего раскрывать несостоятельность, логическія противорѣчія тѣхъ самыхъ доктринъ, изъ-за которыхъ поднимаются преслѣдованія. Вотъ это обращеніе къ разуму, къ логикѣ, это стремленіе прежде всего выяснить, разобрать, рассмотреть со всѣхъ сторонъ несообразность того или другаго предразсудка и составляетъ характеристическую особенность Вольтера и энциклопедистовъ, въ противоположность Руссо, который, какъ мы увидимъ, опирался въ своей пропагандѣ на другія средства и обращался не столько къ разуму, сколько къ чувству и настроенію...

Съ начала 60-хъ годовъ, параллельно съ заботами по дѣлу Каласовъ, Вольтеръ поднимаетъ ожесточенную борьбу съ католицизмомъ. Мы уже знаемъ нѣкоторыя обстоятельства, содѣйствовавшія развитію и усиленію въ немъ полемической страсти. Такъ, я вамъ говорилъ о преслѣдованіяхъ энциклопедистовъ около 1760 года. Въстѣ съ тѣмъ вся общественная атмосфера, общественное броженіе становилось все болѣе и болѣе оппозиционнымъ. Прежнія, сравнительно мирныя времена 30-хъ и 40-хъ годовъ, когда критическая мысль только начинала поднимать голову, миновали. Протестъ крѣпнеть и расширяется. Одними теоретическими сочиненіями болѣе не довольствуются. Требуютъ приложенія общихъ доктринъ къ частнымъ случаямъ. Вольтеръ несется вслѣдъ за этимъ всеобщимъ движеніемъ, и открываетъ борьбу сразу на нѣсколькихъ пунктахъ—въ мелкихъ памфлетахъ, въ популярныхъ философскихъ трактатахъ, въ историческихъ статьяхъ и драматическихъ произведеніяхъ. Весь этотъ литературный запасъ переправляется въ цѣлыхъ тюкахъ изъ Швейцаріи въ Парижъ. Теперь, уже почти всѣ сочиненія Вольтера проникнуты мыслью *Écrasez l'infâme*, почти всѣ они направлены къ уничтоженію позорнаго суетврія. Драмы Вольтера, написанныя имъ въ это время, дѣйствительно тенденціозны... «Я выбралъ этотъ сюжетъ», пишетъ Вольтеръ Даламберу объ одной драмѣ, «не столько для самой трагедіи, сколько для примѣчаній, которыя я къ ней присоединяю: въ этихъ примѣчаніяхъ я говорю о различныхъ догматахъ, о мистеріяхъ древности, о жрецахъ, о самоубійствѣ и т. п.». Около этого же времени онъ выпустилъ въ печать драму *Саулъ*, написанную на библейскую тему,—драму, въ которой проведена рѣзкая характеристика царя Давида, напоминающая статью о Давидѣ въ

словарѣ Бэйля, но отличающаяся еще болѣе непочтительнымъ тономъ.

Въ массѣ полемическихъ сочиненій, написанныхъ Вольтеромъ противъ католичества, мы будемъ останавливаться только на нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся и надѣлавшихъ наиболѣе шума. Сначала я скажу объ одномъ любопытномъ произведеніи, которое, по содержанію своему, не принадлежитъ Вольтеру, но которое было имъ найдено, исправлено и издано въ свѣтъ въ 1762 году, это именно *Завѣщаніе Жана Мелье*. Вотъ исторія этого весьма поучительнаго въ культурномъ отношеніи памятника.

До насъ дошли самыя скудныя біографическія извѣстія о Жанѣ Мелье, объ авторѣ того сочиненія, редакторомъ котораго явился Вольтеръ, но то, что мы знаемъ объ Мелье, вполне гармонируетъ съ духомъ его сочиненія и заставляетъ насъ отнестись съ нѣкоторой симпатіей къ этой оригинальной личности, затерявшейся въ французской провинціальной глуши начала XVIII столѣтія. Біографія Мелье, переданная Вольтеромъ, — во всей своей простотѣ и сжатости, — отмѣчена характеромъ неподдѣльнаго трагизма. Жанъ Мелье, сельскій священникъ въ Шампани, былъ сыномъ бѣднаго ремесленника, по волѣ отца поступилъ въ духовное званіе и учился въ провинціальной семинаріи. Онъ усердно изучалъ философію Декарта; любимымъ писателемъ его былъ Монтанъ. Кромѣ того, по его смерти, у него нашли старый справочный словарь Морери, сочиненія Фенелона и размышленія іезуита Турнемина объ атеизмѣ; понятно, что сельскій священникъ не могъ имѣть богатаго книжнаго запаса. Мелье отличался безупречною нравственностью и благотворительностью: онъ отказывался отъ денегъ за исполненіе требъ и по своему завѣщанію отдалъ все имущество своимъ прихожанамъ. Въ теченіе своей жизни Мелье является защитникомъ своей паствы отъ всякихъ хищниковъ — бароновъ, епископовъ, администраціи. Баронъ, владѣлецъ помѣстья, въ которомъ Мелье состоялъ священникомъ, причинилъ насиліе крестьянамъ. Мелье, въ слѣдующее воскресенье, отказался помянуть барона въ своихъ молитвахъ за обѣдней, по обычаю. Помѣщикъ пожаловался архіепископу Реймскому, по приказанію котораго Мелье и долженъ былъ поправить свою ошибку, но онъ поступилъ при этомъ слѣдующимъ образомъ. Вошедши на каѳедру, онъ сообщилъ своимъ прихожанамъ волю архіепископа и сказалъ: «такова обычная участь

бѣдныхъ сельскихъ священниковъ: архіепископы — эти знатные господа — презираютъ и не слушаютъ ихъ. Будемъ же молиться о нашемъ баронѣ, чтобы Богъ обратилъ его на путь истинный и подалъ бы ему милость — не угнетать бѣдныхъ и не грабить сиротъ». Послѣ этого, разумѣется, новыя неприятели постигли Мелье. Баронъ и архіепископъ вслѣски досаждали ему и свели его въ могилу своими преслѣдованіями. Мелье оставилъ завѣщаніе въ трехъ копіяхъ, изъ которыхъ одну онъ отправилъ къ самому канцлеру, а другую помѣстилъ въ мѣстномъ нотаріатѣ. Въ этомъ завѣщаніи Мелье раскрывалъ свои истинныя убѣжденія, все свое міросозерцаніе. Противорѣчіе между его положеніемъ, его должностью, его обязанностями священника и его понятіями — точило и мучило его въ теченіе всей жизни. Онъ не былъ настолько смѣлъ, чтобы бросить свое званіе и открыто заявить свои воззрѣнія. Заброшенный судьбою въ провинціальное захолустье, безъ близкихъ друзей, безъ кружка товарищей по убѣжденію, забитый и угнетенный съ молодю, Мелье не обладалъ той энергіей, которая пріобрѣтается среди разнообразныхъ жизненныхъ столкновеній, которая поддерживается партіей, десяткомъ — даже пяткомъ единомышленниковъ, которая шире всего развертывается на людяхъ, въ обществѣ. Нельзя требовать отъ всѣхъ титанизма... Но Мелье вынесъ страшную, внутреннюю, фаустовскую борьбу, вполне освободился духомъ, и захотѣлъ оставить, по крайней мѣрѣ, посмертную отповѣдь. Въ своемъ завѣщаніи Мелье объявлялъ, что званіе, которое онъ принужденъ былъ носить въ теченіе всей своей жизни, что ученіе, которое ему приходилось проповѣдовать по обязанности, — не согласны съ его внутреннимъ убѣжденіемъ. Онъ отрекался отъ официальной догмы и развивалъ новое міровоззрѣніе, которое насъ поражаетъ своей трагической рѣзкостью и оригинальностью. Видно, какъ страшно бился сельскій священникъ съ своими помыслами, какихъ страшныхъ усилій ему стоило пробраться изъ густого мрака средневѣковыхъ предрасудковъ на вольный свѣтъ разума. Остановимся теперь на «Завѣтѣ» патера Мелье.

Аргументація Жана Мелье совпадаетъ сначала съ доводами деистовъ. Она направлена прежде всего противъ откровенія и рассматриваетъ различныя религіозныя вѣроисповѣданія, какъ дѣло челоувѣческаго измышленія. Ни одно изъ положительныхъ вѣроученій, по мнѣнію Мелье, не носитъ очевидныхъ — для всѣхъ людей — при-

знаковъ божественнаго происхожденія; челоѣчество раздѣлено въ своихъ религіозныхъ воззрѣнїяхъ на толки и секты, оно блуждаетъ, путается—то въ той, то въ другой системѣ. Если-бъ дѣйствительно существовала одна *истинная*, религіозная доктрина, то истина ея предстала бы для всѣхъ съ полной очевидностью. Но этого мы не находимъ: всѣ системы безъ исключенія, по мнѣнїю Мелье, опираются не на логическіе, рациональные доводы, а на одни предположенія, на чудеса, предсказанія или на нравственное превосходство своего содержанія. Въ такомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія рационализма, Мелье разсматриваетъ самые источники господствующаго вѣроученія, т. е. писаніе, и приходитъ къ заключенію объ его полнѣйшей несостоятельности. Анализъ этотъ поражаетъ насъ своей рѣзкостью, безцеремонностью и озлобленнымъ тономъ. Еврейскія древности подвергнуты самой злой критикѣ, еврейскія сказанія признаются исполненными противорѣчій, басенъ, заблужденій; по мнѣнїю Мелье, они не могутъ выдержать никакого сравненія съ произведеніями греческихъ и римскихъ писателей, и даже самыя басни Эзопа гораздо поучительнѣе и искуснѣе памятниковъ еврейской литературы. Особенной рѣзкостью проникнуть разборъ Новаго Завѣта. При сличенїи четырехъ евангельскихъ текстовъ Мелье указалъ тѣ самые пункты, о которыхъ доселѣ идетъ препирательство между критиками и апологетами... Хотя всѣ эти воззрѣнія, какъ я уже замѣтилъ, проведены съ поразительною дерзостью, однако нужно сказать, что пока, т. е. въ критикѣ откровенія и положительныхъ вѣроученій, онъ сходится въ главныхъ своихъ положеніяхъ съ деистами. И вотъ именно этой частью «Завѣщанія» патера Мелье и воспользовался Вольтеръ: онъ ее обработалъ и издалъ.

Но затѣмъ Мелье идетъ гораздо дальше деистовъ. Онъ подвергаетъ критикѣ понятіе о верховномъ существѣ самихъ деистовъ и находитъ его празднымъ, безсодержательнымъ, не связаннымъ ни съ какимъ представленіемъ. Онъ отвергаетъ цѣлесообразность, видитъ въ движеніи простое свойство матерїи и отказывается понять, какъ можетъ верховное нематеріальное существо сообщать матерїи движеніе: нематеріальное существо, говоритъ Мелье, само по себѣ не можетъ давать движенія, оно и не имѣетъ движенія, ибо движеніе предполагаетъ уже матеріальность, толчокъ предполагаетъ твердость, непроницаемость. Сверхъ того, телеологія, т. е. ученіе о разумныхъ



цѣляхъ, противорѣчить, по его мнѣнію, существованію въ мірѣ зла. «Я могу постичь зло, какъ необходимость, вытекающую изъ строения и свойствъ природы, но я не могу предположить совершенное существо источникомъ этого зла, не могу же я признать зла — результатомъ разумнаго плана». Такимъ образомъ Мелье идетъ со страшной для того времени смѣлостью отъ одного отрицанія къ другому. Выводы картезіанцевъ подавно его не могутъ удовлетворить. Особенно возмущаетъ его ихъ отношеніе къ животнымъ. Картезіанцы считали мышленіе и чувствованіе принадлежностью одного человѣка, обладающаго нематеріальной душой, и отказывали животнымъ въ мышленіи и ощущеніи. Животныя, по ихъ мнѣнію, были просто безчувственныя машины. Мелье приходитъ въ негодованіе отъ этихъ заключеній картезіанскаго спиритуализма. Онъ не можетъ постигнуть такого дуализма въ природѣ, такой пропасти между человѣкомъ и остальной тварью. Животныя для него — вѣрныя слуги, сожителі, товарищи людей и проч.

Я указываю только на нѣкоторыя черты завѣщанія этого оригинальнаго сельскаго священника. Передавать подробности затруднительно: онѣ изумляютъ своей рѣзкостью. Но уже изъ сообщеннаго вы можете видѣть, какъ неудержимо слѣдовалъ Мелье по пути отрицанія, какъ беспощадно ломалъ онъ исконныя представленія, какъ рѣшительно переходилъ онъ отъ одного вопроса къ другому и подвергалъ неумолимой критикѣ — одну за другой — старинныя традиціи. Если вы припомните, что это было въ самомъ началѣ XVIII столѣтія (Мелье умеръ въ 1733 году), когда самыя передовыя мыслители стоятъ еще на точкѣ зрѣнія осторожнаго деизма, когда систематическій атеизмъ былъ диковинкой, рѣдкимъ исключеніемъ, и если вы сопоставите этотъ фактъ съ біографическими данными Мелье, съ его жизнью въ провинціальной глуши, съ его скромной должностью сельскаго священника, — такая дерзость, такое упорство въ развитіи антирелигіозныхъ началъ съ перваго раза представляется поистинѣ феноменомъ. Правда, мы знаемъ, что онъ прилежно читалъ Монтэня, этого великаго скептика XVI вѣка, что онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми философскими сочиненіями XVII столѣтія. Но для того, чтобы тѣ намеки, тѣ фрагментарныя указанія и выдержки, на которыя онъ натыкался въ немногихъ книгахъ, бывшихъ въ его распоряженіи, — для того, чтобы эти отрывочныя соображенія переплави-

лись въ цѣлую систему и выступили въ этой системѣ съ такой угловатой рѣзкостью, — нужно было вліяніе особыхъ обстоятельствъ, стеченіе особыхъ благопріятныхъ условий. Кое-что разъяснить намъ сама біографія, если вникнуть въ нее поглубже, а еще болѣе свѣта на генезисъ доктрины Мелье проливаетъ ея дальнѣйшее развитіе въ «Завѣщаніи», именно тѣ соціальныя выводы, къ которымъ приходитъ сельскій патеръ и которые-то собственно и составляютъ подкладку всего его міросозерцанія.

Мелье, какъ сельскому священнику, хорошо было извѣстно бѣдственное соціальное положеніе французскаго крестьянства XVIII вѣка. Мы уже знаемъ его столкновенія съ феодализмомъ того времени. Онъ вдоволь насмотрѣлся въ глуши Шампани на тягостную обстановку, среди которой проходила жизнь французскаго чернаго люда. Немногія указанія, вычитанныя имъ изъ книгъ и возбудившія его критическое отношеніе къ окружающему, при столкновеніи съ ужасающей дѣйствительностью, — разростались, разъяснялись, систематизировались. Онъ бился надъ причиной народныхъ золъ и печалей, которыхъ онъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ. Онъ искалъ корня зла, ему показалось, что онъ нашелъ его, и протестъ сдѣлался еще рѣзче, еще неумолимѣе. *Завѣтъ* Мелье, — не просто философскій трактатъ, не просто изложеніе его отношеній къ вселенной, къ верховному существу, къ природѣ; этотъ *Завѣтъ* проникнуть горькимъ соціальнымъ протестомъ. Французское государство XVIII вѣка, старый режимъ, съ его привилегированными паразитами, съ его гнетущей администраціей, съ его насиліями и поборами, ложившимися всѣмъ бременемъ своимъ на низшее населеніе — вызвало Жана Мелье на критическую провѣрку всѣхъ вообще людскихъ понятій, отношеній и традицій; къ этому присоединилось вліяніе Монтэня и Фенелона. Въ господствующемъ католицизмѣ Жанъ Мелье видѣлъ государственное учрежденіе, поддерживающее существующія несправедливости, оправдывающее произволь и эксплуатацію низшихъ классовъ. Такое вѣроученіе, говоритъ Мелье, не можетъ быть истинно. Вотъ гдѣ корень протеста сельскаго священника. «На васъ, бѣдные люди», пишетъ онъ, «падаетъ все бремя государственной организаціи. Васъ гнетутъ не только ваши владыки, ваши тираны, но и все дворянство, все духовенство, все монашество, всѣ законники — кривотолки, всѣ кровопійцы — откушники и сборщики податей, всевозможные празднолюбы

и бездѣльники. Плодами вашего тяжкаго труда живутъ всѣ эти люди, со всей своей челядью; вы одни доставляете не только потребное для нихъ содержанія, но и для ихъ веселья, для ихъ забавъ». Такимъ рѣзкимъ тономъ соціального протеста проникнуто все завѣщаніе. Отъ стараго режима, отъ Людовика XIV, правленіе котораго возбуждаетъ въ Мелье особенную ненависть, онъ переходитъ къ прославленію Брута и Кассія, и затѣмъ къ отрицанію не только наслѣдственной іерархіи въ обществѣ, но и всякихъ частныхъ интересовъ. Шампанскій священникъ проповѣдуетъ общинное владѣніе и общинное пользование дарами природы, царство всеобщаго мира, братства и согласія на землѣ. Онъ доходитъ даже до отрицанія неразрывнаго брака и къ призванію свободнаго сожитія половъ по выбору... За всѣми этими теоретическими построеніями патера Мелье я слѣдить не буду. Да и вообще въ мою задачу, какъ я вамъ уже сказалъ, не входитъ моральная оцѣнка его доктрины. Я указалъ вамъ только, какъ страшно смѣлая протестація Мелье отчасти объясняется тѣмъ столкновеніемъ, которое явилось въ немъ результатомъ философическихъ чтеній и ужасающаго зрѣлища стараго режима во всей его наготѣ, во всѣхъ чудовищныхъ проявленіяхъ, на которыя могъ насмотрѣться деревенскій священникъ.

Таковъ характерный и въ своемъ родѣ одинокій памятникъ французскаго протеста въ началѣ XVIII столѣтія. Вольтеръ узналъ объ оригинальномъ завѣщаніи Шампанскаго священника еще въ 1735 году. Въ это время онъ пишетъ изъ Сирея къ своему пріятелю Тьеріо: «что это за сельскій священникъ, о которомъ вы мнѣ рассказываете? Какъ? Деревенскій пасторъ, французъ и философъ на манеръ Локка? Не можете ли вы мнѣ прислать рукопись?» — Но въ 30-хъ годахъ нечего было и думать печатать подобное произведеніе. Въ 60-хъ годахъ обстоятельства измѣнились. Въ виду окрѣпшаго общественнаго мнѣнія и подстрекаемый выходками обскурантовъ, Вольтеръ рѣшилъ воспользоваться для печати «Завѣтомъ» патера Мелье. Онъ очень хорошо понималъ, какое впечатлѣніе должна была произвести отходная исповѣдь священника и какое пособничество окажетъ этотъ памятникъ пропагандѣ вольнодумцевъ. Но печатать дѣликомъ исповѣдь Мелье Вольтеръ не хотѣлъ. Очень многое въ размышленіяхъ сельскаго священника противорѣчило его собственнымъ воззрѣніямъ. Какъ вамъ извѣстно, въ теченіе всей жизни Вольтеръ оставался

убѣжденнымъ деистомъ, и атеистическія соображенія Мелье не могли ему придтись по душѣ. Еще менѣе раздѣлялъ онъ социальныя теоріи Шампаньскаго священника, еще менѣе сочувствовалъ онъ его рѣзкимъ выходкамъ противъ общественной іерархіи, имущественной аристократіи и въ пользу всеобщаго равенства. На социальныхъ воззрѣніяхъ Вольтера я останавлиюсь впоследствии подробнѣе. Теперь ограничусь замѣчаніемъ, что свою пропаганду онъ ограничивалъ главнымъ образомъ областью вопросовъ философскихъ, религіозныхъ и моральныхъ. На социальныя отношенія Вольтеръ придерживался иного взгляда и сверхъ того считалъ социальную и политическую пропаганду несвоевременной. Потому-то въ извлеченіи, которое Вольтеръ приготовилъ для печати изъ «Завѣта» Мелье, онъ остановился на его критикѣ откровенія, на его разборѣ положительныхъ вѣрученій вообще и христіанскаго въ частности. Атеистическій и коммунистическій элементы въ сочиненіи Мелье были имъ совершенно опущены. Затѣмъ Вольтеръ исправилъ слогъ священника и придалъ его изложенію болѣе гладкую форму.

Дѣйствительно, *Завѣтъ* патера Мелье въ обработкѣ Вольтера произвелъ эффектъ. Вольтеръ ревностно заботился объ распространеніи своей брошюры и въ томъ же году выпустилъ ее вторымъ изданіемъ въ 5 тысячъ экземпляровъ, которые онъ разсылалъ безвозмездно по своимъ пріятелиамъ для дальнѣйшаго распространенія. Съ легкой руки Вольтера Мелье пошелъ въ ходъ во вторую половину XVIII столѣтія. Десять лѣтъ спустя *Завѣщаніе* его было снова издано барономъ Гольбахомъ, но уже въ новой редакціи подъ заглавіемъ *Здравый смыслъ священника Мелье*. Гольбахъ сообщилъ публикѣ и другія стороны міросозерцанія Мелье, обойденныя молчаніемъ въ редакціи Вольтера. Затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько другихъ обработокъ того же памятника. Такъ, въ 1789 году появился *Катехизисъ* священника Мелье. Въ 1793 году Анахарсисъ Клотсъ внесъ въ конвентъ предложеніе воздвигнуть патеру Мелье монументъ, какъ первому священнику, имѣвшему честность и мужество отречься отъ догматическихъ заблужденій; однако предложеніе это было передано въ комиссію и замято. Нѣсколько разъ въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи, и даже въ самое послѣднее время, *Завѣтъ* Мелье подвергался новымъ переработкамъ. Подлинный полный текстъ напечатанъ въ 1864 году въ Амстердамѣ.

По справедливому замѣчанію Давида Штраусса, которому я теперь слѣдовалъ въ исторіи этого памятника, *Завѣщаніе* Жана Мелье имѣло вліяніе на дѣятельность самого Вольтера и еще сильнѣе побуждало его къ полемикѣ съ господствующимъ положительномъ вѣроученіемъ. — Теперь мы и перейдемъ къ анализу полемическихъ трудовъ Вольтера по еврейскимъ и христіанскимъ древностямъ.

## XVI.

### Полемическіе труды Вольтера по еврейскимъ и христіанскимъ древностямъ.

Дальнѣйшему обзору полемическихъ трудовъ Вольтера я предпошлю нѣсколько словъ о двухъ новыхъ эпизодахъ изъ французскаго общественнаго быта, которые напоминаютъ намъ уже извѣстную исторію Каласа. Эпизоды эти поучительны не только по отношенію ихъ къ исторіи французскаго общества, но и потому, что они еще сильнѣе подогрѣвали въ Вольтерѣ полемическую страсть и поддерживали въ немъ рвеніе пропагандиста. — Одна изъ исторій случилась опять въ той же южной Франціи, въ Тулузскомъ судебномъ округѣ, въ 1762 году, и снова въ протестантской семьѣ. Именно — епископъ Кастрскій заключилъ въ монастырь младшую дочь изъ семейства Сирвеновъ и принималъ мѣры для насильственнаго обращенія ея въ католичество. Мѣры эти были настолько цѣлесообразны, что имѣли слѣдствіемъ разстройство умственныхъ способностей у дѣвушки, надъ обращеніемъ которой трудились. Она была выпущена изъ монастыря и скоро послѣ этого бросилась въ колодезь. Фактъ ея смерти, какъ и въ дѣлѣ Каласовъ, отнесли на счетъ отца, который будто бы потопилъ дочь, желая воспрепятствовать переходу ея въ католицизмъ. Духовенство поддерживало ходившую въ народѣ фабуду, и рѣшено было арестовать всю семью. Къ счастью, Сирвены успѣли обратиться въ бѣгство и перекочевали въ Швейцарію. Между тѣмъ во Франціи заочно приговорили стариковъ Сирвеновъ къ смертной казни, а дочерей къ изгнанію. Вольтеръ приобрѣлъ уже въ то время извѣстность, какъ покровитель Каласовъ. Сирвены обратились къ нему, и великій писатель поднялъ новую исторію. По его хода-

тайству была оказана матеріальная помощь семьѣ Сирвенонъ со стороны Россіи, Пруссіи, Даніи и многихъ другихъ правительствъ. Онъ сталъ хлопотать и объ самомъ процессѣ, и послѣ долгихъ передрагъ достигъ того, что все производство было пересмотрѣно и несправедливый приговоръ былъ отмѣненъ. — Другая исторія произошла на сѣверѣ Франціи, въ Пикардіи, въ 1765 году. Двое молодыхъ людей — Лабарръ и д'Эталлондъ были обвинены въ томъ, что не сняли шляпъ во время одной процессіи капуциновъ и пѣли фривольныя пѣсни. Къ этому обвиненію примѣшали различныя грязныя, личныя исторіи, и результатомъ всего былъ милостивый приговоръ, по которому оба молодые человека были осуждены на смертную казнь; изъ нихъ Эталлонду присуждено было вырѣзать языкъ, отнять правую руку и затѣмъ сжечь его живьемъ на городской площади. По счастью, онъ убѣждалъ къ Вольтеру, который далъ ему рекомендацію къ Прусскому королю и пристроилъ его въ Прусскую армію. Но Лабарръ, оставшійся въ рукахъ власти, былъ подвергнутъ пыткѣ и затѣмъ преданъ смертной казни. Это страшное злодѣйство дало Вольтеру новый поводъ къ неутомимой пропагандѣ. Его стараніями на этотъ разъ не удалось кассировать приговоръ, произнесенный надъ Лабарромъ, но за то онъ познакомилъ весь міръ съ ужасами французскаго уголовнаго процесса. Раздраженіе Вольтера, его полемическій задоръ достигли въ это время высшей степени напряженія. Переписка его съ Даламберомъ исполнена страшной ненависти къ господствующему фанатизму. Немудрено, что именно къ этому моменту относятся самыя злыя его сочиненія противъ религіозной нетерпимости. На скептически успокоительныя, индифферентныя письма Даламбера, Вольтеръ отвѣчаетъ пламенными посланіями, которыя дышатъ глубокимъ негодованіемъ. «Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ, я не потерплю, чтобы вы заканчивали ваши письма словомъ: смѣшно! Другъ мой, время ли теперь смѣяться! Неужели смѣялись тогда, когда раскалывали мѣдный быкъ Фаларида? Обнимаю васъ, съ яростью въ душѣ». — «Не время больше шутить», пишетъ онъ ему въ другой разъ, «каламбуры» не ладятся съ рѣзней. Какъ! Новые Бувириды (египетскіе тиранны) предали казни послѣ страшныхъ истязаній — шестнадцатилѣтнихъ ребятъ, и нація допускаетъ это варварство! Здѣсь колесуютъ Каласа, тамъ готовы повѣсить Сирвена, двѣ недѣли спустя пять молодыхъ людей осуждены на сожженіе за пустяки,

которые заслуживаютъ только ареста въ исправительной тюрьмѣ! И это—страна философіи и довольства! Нѣтъ, это страна Варееоломеевской ночи!» — «Вы, чудовища преслѣдователи, пусть мнѣ дадутъ только подъ команду семь — восемь человѣкъ, — и я васъ уничтожу!» — Среди такихъ-то обстоятельствъ, въ такомъ настроеніи, Вольтеръ работалъ надъ еврейскими и христіанскими древностями.

Въ области тѣхъ вопросовъ, которымъ Вольтеръ посвятилъ теперь свое особенное вниманіе, онъ имѣлъ уже нѣсколько предшественниковъ. Надъ библейской и христіанской исторіей трудились многіе англійскіе деятели конца XVII и начала XVIII вѣка; нерѣдко обращался къ этимъ вопросамъ и знакомый намъ Пьеръ Бэйль. Но главнымъ образомъ три писателя приобрѣли извѣстность на означенномъ поприщѣ: Толандъ, Болингброкъ и Вульстонъ; на нихъ-то и любитъ ссылаться Вольтеръ въ своихъ полемическихъ трактатахъ. Труды Томаса Вульстона отличались особенной рѣзкостью: въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка онъ издалъ свои разсужденія объ евангельскихъ чудесахъ, и крайне непочтительный тонъ этихъ разсужденій вызвалъ со стороны властей преслѣдованія противъ писателя: англійскій королевскій судъ приговорилъ Вульстона къ тюремному заключенію и денежной пенѣ. Въ указаніяхъ, которыя Вольтеръ почерпнулъ изъ своихъ предшественниковъ, онъ присоединилъ собственные трудолюбивыя разысканія. Его сочиненія свидѣтельствуютъ о громадной для того времени эрудиціи: онъ познакомился со множествомъ средневѣковыхъ каноническихъ произведеній, проштудировалъ отцовъ церкви, не полѣнился перерыть груду схоластическаго матеріала. Отмѣчу наиболѣе выдающіяся сочиненія Вольтера въ этой области. Во-первыхъ — трактатъ о библейской и христіанской исторіи, изданный имъ въ 1767 году подъ заглавіемъ: *Examen important de milord Bolingbrocke*. Для бѣльшей безопасности онъ отнесъ эту книгу на счетъ Болингброка и помѣтилъ ее 1736 годомъ. Затѣмъ — также крайне рѣзкій трактатъ, осужденный французскимъ парламентомъ и выпущенный въ 1769 году подъ заглавіемъ: «*Bois et ljudi*, сочиненіе доктора Оберна, произведеніе теологическое, но разсудительное». Въ томъ же году Вольтеръ издалъ для публики собраніе апокрифическихъ евангелій. Въ 1776 году онъ выпустилъ въ свѣтъ обширный подстрочный комментарий къ книгамъ Ветхаго Завета. Не говорю о массѣ мелкихъ статей, брошюръ, памфлетовъ,

касающихся той же темы и наводнявших парижскій книжный рынокъ того времени. Въ любопытной лѣтописи Башомона еженедѣльно упоминается о какомъ-нибудь новомъ полемическомъ сочиненіи Вольтера: «этотъ странный человѣкъ», пишетъ лѣтописецъ въ 1765 году о Вольтерѣ, «охваченъ маніей ниспровергнуть католическую религію; это какой-то новый родъ славы, къ которому онъ чувствуетъ неутолимую жажду. Произведенія его расхвываются съ какимъ-то эпидемическимъ увлеченіемъ»...

Характеръ полемическихъ трудовъ Вольтера опредѣляется слѣдующими соображеніями. Господствующее положительное вѣроученіе основывается на откровеніи. Источниками откровенія признаются извѣстные памятники, еврейскіе и христіанскіе. Вольтеръ задается цѣлью раскрыть человѣческое, естественное происхожденіе этихъ памятниковъ и предать отрицанію тотъ сверхъестественный, откровенный характеръ, который имъ приписывали. Средства для достиженія этой цѣли онъ употребляетъ слѣдующія: во-первыхъ, онъ указываетъ на противорѣчія, логическія несообразности, раціональную несостоятельность данныхъ, передаваемыхъ памятниками; во-вторыхъ, онъ обнаруживаетъ несогласіе этихъ памятниковъ съ моралью, обличаетъ безнравственность дѣяній, въ нихъ изображаемыхъ. Памятники, по его мнѣнію, несостоятельны какъ въ логическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Отсюда Вольтеръ заключаетъ объ ихъ чисто человѣческомъ происхожденіи.—Такова сущность аргументаціи Вольтера, и къ этимъ двумъ пунктамъ—къ логической и моральной неспособности вѣковыхъ источниковъ—онъ постоянно возвращается. Онъ разсматриваетъ множество отдѣльныхъ подробностей, множество чудесъ, пророчествъ, предсказаній, отмѣчаетъ въ нихъ какъ отсутствіе раціональности, такъ и отсутствіе строгаго моральнаго характера. И такую работу Вольтеръ неутомимо продѣлываетъ для каждаго чуда, для каждаго прорицанія, для каждаго сверхъестественнаго эпизода въ отдѣльности. Какъ я уже вамъ не разъ замѣчалъ, оцѣнка подобныхъ пріемовъ съ теологической точки зрѣнія меня отнюдь не касается. Но я скажу, что въ наше время, съ точки зрѣнія научной, такая страшная работа надъ отдѣльными частными случаями—надъ похождениями царя Фараона или царя Давида, надъ войнами Филистимлянъ съ евреями, надъ рассказами о поголовномъ истребленіи вражьихъ племенъ іудеями—въ наше время такой анализъ вѣропо-



добности или моральности всѣхъ этихъ эпизодовъ не можетъ представлять серіознаго интереса. Въ настоящее время никто, съ научной точки зрѣнія, не будетъ опровергать какого-нибудь отдѣльнаго чудодѣянія, изумляться передъ нелѣпостью какого-нибудь мистическаго сказанія или серіозно доказывать несостоятельность того или другаго пророчества. Мы очень хорошо знаемъ, что наука вообще — въ самомъ принципѣ — не можетъ допустить въ *своей* (разумѣется) области — никакихъ сверхъестественныхъ факторовъ. Для насъ какой-нибудь мистическій эпизодъ изъ далекаго прошлаго представляетъ любопытный матеріалъ для оцѣнки общественныхъ воззрѣній или бытовыхъ отношеній того времени, но мы уже не будемъ тратить времени на бесполезную полемику съ его мнимымъ сверхъестественнымъ характеромъ. Но въ прошломъ столѣтіи задачи были нѣсколько иныя. Традиція давала себя несравненно сильнѣе чувствовать и въ общественныхъ понятіяхъ, и въ наукѣ. Въ глазахъ общества, да и въ глазахъ ученыхъ, цѣлая область фактовъ была поставлена въ особое, привилегированное положеніе. Къ этой области нужно было относиться просто, трезво, непредубѣжденно. Чудодѣянія въ прошломъ столѣтіи, во Франціи XVIII вѣка, были еще явленіями довольно обыкновенными. До насъ дошло множество свѣдѣній о чудесахъ, игравшихъ большую роль въ кружкахъ французскихъ яansenистовъ прошлаго столѣтія. Потому-то и полемика была умѣстна и цѣлесообразна. — Притомъ, работа Вольтера надъ деталями, надъ конкретными случаями бросалась рѣзче въ глаза рядовому читателю, чѣмъ отвлеченные принципы. Анализомъ конкретныхъ фактовъ Вольтеръ приучалъ относиться съ новой точки зрѣнія ко всѣмъ извѣстнымъ мистическимъ сказаніямъ, усвоеннымъ съ дѣтства. «Спиноза прекрасно разсуждалъ», пишетъ Вольтеръ Даламберу, «но его никто не можетъ читать. Отвлеченныя метафизическія теоріи не образуютъ людей: ихъ нужно убѣждать фактами и примѣрами». И вотъ Вольтеръ неутомимо разбираетъ отдѣльныя данныя издревле патентованныхъ источниковъ. Значеніе такихъ приѣмовъ для пропаганды не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ сказаннаго выясняется и другая сторона трудовъ Вольтера по еврейскимъ и христіанскимъ древностямъ, именно: ихъ специальное значеніе для исторіографіи. Для насъ историческія изслѣдованія Вольтера *сами по себѣ* поучительными быть не могутъ. Историкъ еврейскаго народа или первыхъ вѣковъ христіанства, въ наше время,

вовсе не будетъ заниматься тѣмъ, что въ данномъ случаѣ интересовало Вольтера. Во-первыхъ онъ не станетъ, само собой разумѣется, опровергать сверхъестественность какого-нибудь факта въ прошедшемъ, и на мѣсто ожесточенной полемики съ чудесами поставитъ простое объясненіе этихъ чудесъ, какъ народныхъ мнѳовъ или какъ закономѣрныхъ психическихъ явленій. Во-вторыхъ онъ также не будетъ въ такой степени настаивать на моральной слабости лицъ и дѣяній, это для него также не нужно, ибо онъ заранѣе знаетъ, что имѣетъ дѣло съ простыми смертными, съ дѣлами рукъ человѣческихъ и съ обыкновенными историческими источниками — плодами *человѣческой* памяти. Усилія свои онъ сосредоточитъ на полномъ и по возможности всестороннемъ выясненіи и освѣщеніи фактовъ прошедшаго. — Для наглядности, мы остановимся на одномъ примѣрѣ, по которому вы лучше всего измѣрите разницу между приемами Вольтера и современныхъ изслѣдователей. Я возьму одинъ фактъ изъ перваго вѣка христіанской эры и приведу вамъ сначала характеристику этого факта у Вольтера, и затѣмъ историческую оцѣнку его у одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Именно, я возьму *обращеніе Павла*.

Апостоль Павелъ—одно изъ тѣхъ лицъ въ христіанской исторіи, къ которымъ Вольтеръ чувствовалъ особенную неприязнь. Неприязнь эта мотивировалась съ одной стороны нетерпимостью Павла, его религиознымъ рвеніемъ, его успѣхами въ пропагандѣ христіанства, и затѣмъ всеѣмъ складомъ его ученія. Павелъ, какъ извѣстно, первый догматикъ христіанства, притомъ догматикъ очень темный и спутанный. Его схоластическое изложеніе вызывало нерѣдко злыя насмѣшки со стороны Вольтера. Онъ любитъ сопоставлять несообразности и противорѣчія въ посланіяхъ Павла, и, дѣйствительно, нужно признать, что подборъ выдержекъ, приводимыхъ Вольтеромъ, сдѣланъ весьма удачно: нѣкоторые цитаты диаметрально противоположны по своему смыслу. Но Вольтеру было мало отмѣтить логическую несостоятельность лавлиніанской доктрины. Въ глубокой враждѣ своей къ Павлу, онъ всячески старается развѣнчать его въ нравственномъ отношеніи, лишить ореола, уваженія<sup>1)</sup>. Увлеченный полемической страстью,

<sup>1)</sup> *De Volt. à Frédéric* (Correspondance, № 274): «Sire, votre majesté m'a favorisé de quatre volumes du plus parfait galimatias, qui soit jamais sorti d'une tête théologique. L'auteur doit descendre en droite ligne de Saint Paul»...

Вольтеръ изображаетъ Павла обманщикомъ, рассказывающимъ о своихъ путешествіяхъ на небо. Онъ напоминаетъ, какъ Савль сторожилъ плащи тѣхъ, которые побии камнями первомученика Стефана: «значитъ, Савль», говоритъ Вольтеръ, «состоялъ въ должности слуги и, притомъ, слуги палача Гамалиила» (Valet, valet de bougreau). Изъ одного апокрифическаго памятника онъ передаетъ весьма невыгодное для Павла описаніе его наружности. Но обращеніе Савла, о которомъ рассказываютъ старые памятники, вызываетъ въ немъ цѣлый потокъ насмѣшекъ. «Какъ!» восклицаетъ Вольтеръ, «въ самый полдень небесный свѣтъ низвергъ Павла съ коня и онъ услышалъ небесный голосъ, обращенный къ нему со словами: Савль, Савль, почто мя гониши? И послѣ этого Савль сейчасъ же мѣняетъ свое имя на Павла и изъ жида—преслѣдователя становится христіаниномъ—преслѣдуемымъ! Что за странная, невообразимая исторія, и кто-жь можетъ повѣрить такой фабулѣ?» (Многу смягчены всѣ выраженія).— И Вольтеръ въ замѣнъ этого выставляетъ другую—*раціональную*—причину обращенія Савла, которую онъ также нашелъ въ апокрифахъ, а именно: Савль имѣлъ дерзость предложить свою руку дочери господина своего Гамалиила, получилъ отказъ, и съ досады бросился въ противоположный лагерь навореевъ. Какъ вы видите, Вольтеръ, дѣйствительно, подыскалъ такую пружину для объясненія факта, которая лишена всего сверхъестественнаго.

Остановимся теперь на рассказѣ позднѣйшаго изслѣдователя, современнаго ученаго XIX вѣка. Сначала онъ развертываетъ передъ нами, на основаніи тщательно собранныхъ фактическихъ данныхъ, блестящую характеристику знаменитаго апостола. Онъ знакомитъ насъ съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ Павла и съ тѣми условіями, среди которыхъ онъ растетъ и дѣйствуетъ. Передъ нами возникаетъ живомъ эта фанатическая, экзальтированная, раздражительная натура. Павелъ самъ свидѣтельствуетъ о своей болѣзни, которую онъ называетъ демонической и припадки которой, по временамъ, лишаютъ его сознанія. У него нерѣдко бывали видѣнія; бывали минуты, когда на него находило такое настроеніе, что онъ самъ не зналъ «во плоти ли онъ своей или внѣ плоти». Въ связи съ этими экстатическими наклонностями стоятъ тѣ взрывы восторженнаго, неопредѣленнаго краснорѣчія, которымъ обладалъ Павелъ. Такого рода патологическія особенности, по мнѣнію изслѣдователя, живо напоминаютъ

намъ нѣкоторыя характеристическія черты Магомета и другихъ великихъ визионеровъ. У этихъ болѣзненно-чувствительныхъ натуръ, говоритъ исследователь, въ минуты душевнаго потрясенія весь жизненный процессъ сосредоточивается въ распаленномъ мозгу, усиленная дѣятельность котораго производитъ такое раздраженіе въ зрительныхъ и слуховыхъ нервахъ, что имъ чудятся образы и звуки; вслѣдъ за тѣмъ наступаетъ эпилептическій припадокъ, дѣятельность нервовъ движенія прерывается, человѣкъ ослабѣваетъ и погружается въ глубокій сонъ. Такого рода факты рассказываютъ обо всѣхъ въ сильной степени религіозныхъ натурахъ, о Бернгардѣ, Францискѣ, Катеринѣ Сиенской, такъ что трудно было бы отрицать связь между порывами религіознаго гения и такъ часто слѣдующимъ за ними ослабленіемъ органовъ... Виѣсть съ тѣмъ исследователь съ большимъ стараніемъ характеризуетъ умственный складъ Павла и отмѣчаетъ вліяніе на него раввинской, схоластической образованности. Одного письма апостола Павла достаточно, чтобъ видѣть, какъ все его мышленіе построено на цитатахъ. Онъ такъ проникся писаніемъ, такъ коротко освоился съ его текстомъ, такъ увлекся его толкованіемъ, что всякій фактъ, всякое явленіе представляется ему непремѣнно въ связи съ священными изреченіями. Писаніе говоритъ и Богъ говоритъ: для него это одно и то же. Онъ бьется надъ различными смыслами текста, со страстью отдается экзегезѣ, съ любовью оперируетъ надъ разнообразными примѣненіями буквы священнаго закона. Онъ привыкъ усматривать всюду символизмъ, сокровенный смыслъ, тайныя аллегоріи, и все прошедшее представляется для него сплошнымъ пророчествомъ и мистическимъ первообразомъ будущаго. Недаромъ освоилъ онъ себѣ приемы раввинской школы, которая весь методъ своихъ доказательствъ основывала на авторитетныхъ текстахъ и самому простому умозаключенію предпочитала долгіе и хитрые переходы отъ одной цитаты къ другой, отъ одного священнаго реченія къ другому.

Отъ общей характеристики Павла исследователь переходитъ къ эпизоду его обращенія. Чудо на пути изъ Іерусалима въ Дамаскъ онъ относитъ на счетъ природы самого Павла: это было однимъ изъ тѣхъ видѣній, къ которымъ была такъ сильно расположена его натура. Затѣмъ исследователь старается раскрыть тотъ внутренній психологическій процессъ въ Павлѣ, который предшествовалъ видѣ-

нію на пути въ Дамаскъ. Впечатлѣнія, полученныя Павломъ въ Іерусалимѣ, тревожили его и вызывали въ немъ тяжкія думы. Онъ слышалъ доводы преслѣдуемыхъ назореевъ, видѣлъ религиозное рвеніе и просвѣтленные лики мучениковъ. Христіане приводили столь любезныя Павлу священные тексты отъ писанія въ пользу Мессіи — Іисуса. Онъ самъ до этого долго бился надъ этими текстами, и теперь не могъ не признать искусныхъ толкованій назореевъ... И вотъ историкъ, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за настроеніемъ Савла. Онъ находитъ, что именно на пути изъ Іерусалима въ Дамаскъ, куда Савлъ ѣхалъ на новыя преслѣдованія, онъ долженъ былъ задуматься надъ спорными текстами. Для него постепенно уяснялось родство своихъ собственныхъ схоластическихъ толкованій съ доводами христіанъ: убѣдительность ихъ ученія дѣлалась для него все болѣе и болѣе очевидной: «Слышатся ему старые голоса, поднимаются новые голоса, встаютъ страшныя картины недавнихъ преслѣдованій, раздаются крики страждущихъ жертвъ, грезятся ему ихъ экстатические взоры, — роемъ собираются недавно полученныя впечатлѣнія. А между тѣмъ, съ приближеніемъ къ Дамаску, ему мерещится предстоящее дѣло: кровавыя преслѣдованія, заключенія, пытки, приговоры, въ которыхъ ему придется лично принимать участіе, и снова — съ этимъ-то душевнымъ раздвоеніемъ — онъ будетъ видѣть просвѣтительныя лики мучениковъ, взирающіе на разверстыя небеса. И вотъ — говорится въ писаніи: приблизившись къ Дамаску, Савлъ былъ озаренъ небеснымъ свѣтомъ и услышалъ гласъ: Савлъ, Савлъ, почто ты меня гониши». Даже, говорятъ изслѣдователь, отвлекаясь отъ личныхъ свойствъ самого Павла, нельзя не признать, что условія къ видѣнію были здѣсь самыя благоприятныя. Видѣніе Павла сопровождалось, какъ и въ другихъ случаяхъ экстаза, паденіемъ на землю, временнымъ ослѣпленіемъ, полнымъ расслабленіемъ. Къ внутреннимъ условіямъ — чисто психологическаго свойства — присоединились внѣшнія: Савлъ путешествуетъ по голой пустынѣ; чистая, эластическая атмосфера пустыни возбуждительно дѣйствуетъ на духъ; обстановка однообразна, не даетъ смѣняющихся образовъ, не отвлекаетъ вниманія, не представляетъ предметовъ, на которыхъ можно было бы отдохнуть воображенію, человѣкъ сосредоточивается въ себя и легко поддается галлюцинаціямъ.

Въ такомъ свѣтѣ представляется первоначальная легенда объ

обращеніи Савла въ глазахъ новѣйшаго изслѣдователя. Вы видите, какая значительная разница между его приемами и приемами Вольтера. Вольтеръ возмущается несообразностями легенды, новѣйшій изслѣдователь ограничивается ихъ выясненіемъ. Вольтеръ развѣнчиваетъ и осмѣиваетъ чудо; нашъ историкъ сводитъ его къ психическому процессу. Вольтеръ выставляетъ *раціональную* причину обращенія Савла, находитъ эту причину въ его личномъ столкновеніи съ Гамалииломъ. Дѣйствительно, въ причинѣ, указываемой Вольтеромъ, нѣтъ ничего сверхъестественнаго, но все-таки она едва ли выдерживаетъ вѣроятіе. Цѣлая религіозная карьера, долгая дѣятельность — въ качествѣ ревностнаго пропагандиста — вытекаютъ, по его мнѣнію, изъ мелкой, личной дразни. Вы видѣли, какъ поясняется тотъ же фактъ новѣйшимъ изслѣдователемъ. Я вовсе не хочу сказать, что новѣйшій историкъ въ своихъ предположеніяхъ заслуживаетъ полное признаніе, и у него есть гипотезы, есть догадки, но нужно согласиться съ тѣмъ, что въ своихъ заключеніяхъ онъ опирается на солидный фактической матеріалъ, что онъ принимаетъ въ расчетъ самыя разнообразныя условія и мотивы явленій. Онъ ступаетъ осторожно, съ оглядкой и постепенно раскрываетъ значеніе факта тамъ, гдѣ Вольтеръ просто ломитъ, отрицаетъ, издѣвается, полемизируетъ.

И при всемъ томъ, если для насъ, привыкшихъ къ исторической точкѣ зрѣнія, приемы Вольтера представляются грубыми и недостаточными, — нужно помнить, что въ его время были иныя задачи, и что его-то задача, его работа была необходимымъ, предварительнымъ условіемъ для повдѣйшаго, болѣе осторожнаго, болѣе всесторонняго изслѣдователя. Подвергнуть извѣстное явленіе спокойному научному анализу можно только тогда, когда оно поставлено въ рядъ обычныхъ, естественныхъ, историческихъ или физическихъ явленій, когда оно уже лишено сверхъестественнаго ореола, когда оно развѣнчано и стоитъ передъ изслѣдователями во всей простотѣ природнаго факта. Теперь мы можемъ анатомировать, разбирать на составныя части, спокойно изслѣдовать любой эпизодъ изъ еврейской и христіанской исторіи, потому что всѣ эти эпизоды введены въ науку, что всѣ они поставлены на одну доску, въ одинъ рядъ съ другими историческими явленіями прошедшаго. Мы можемъ надъ ними безопасно изощряться въ историческомъ остроуміи. Во время Вольтера задача была труднѣе. Такіе факты занимали особое положеніе,

считались неприкосновенными, их не дерзали касаться непредубѣжденный анализъ историка, объ нихъ говорили на особомъ языкѣ, объ нихъ писали и разсуждали по особому нечеловѣческому складу. Англійскіе деисты, французскіе энциклопедисты, и больше всего Вольтеръ — свели эти факты съ пьедестала, приучили къ нимъ относиться просто, трезво, почеловѣчески, съ точки зрѣнія здраваго смысла. Это былъ великій шагъ впередъ, и въ то время подобная задача была *гораздо труднѣе*, чѣмъ тонкія историческія выкладки и комментаріи современныхъ изслѣдователей. Въ то время развѣнчивать привилегированныя традиціи было рискованнымъ и опаснымъ предпріятіемъ. Теперь, когда традиція сведена къ роли простого объекта научнаго изслѣдованія, анализомъ ея можетъ безъ всякой помѣхи заниматься изслѣдователь. Научный, трезвый анализъ подобныхъ явленій вошелъ уже въ привычку; уже мало кто оспариваетъ самый методъ, самые критическіе приемы при изученіи означенныхъ фактовъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что характеристика Павла, которую я вамъ сейчасъ приводилъ, принадлежитъ какъ бы вы думали, — кому? Не какому-нибудь современному еретіку, не какому-нибудь задорному вольнодумцу, а ординарному профессору богословскаго факультета Гейдельбергскаго университета — Гаусрату.

Таковы успѣхи непредубѣжденнаго историческаго отношенія къ тѣмъ самымъ явленіямъ прошедшаго, которыя прежде выдѣлялись изъ области науки и пользовались своеобразнымъ положеніемъ. Этимъ мы обязаны великимъ борцамъ прошлаго столѣтія, и едва ли не болѣе всего Вольтеру... Потому-то нечего современнымъ изслѣдователямъ съ высокоумнымъ пренебреженіемъ относиться къ полемическимъ трудамъ Вольтера и вольнодумцевъ прошлаго вѣка: они дали намъ возможность, проложили намъ путь къ научной оцѣнкѣ явленій дѣйствительности. Благодаря ихъ усиліямъ, мы можемъ свободно говорить и писать объ этихъ явленіяхъ, не подвергаясь инквизиціоннымъ трибуналамъ и свѣтскимъ судилищамъ. Не говорю уже объ общественныхъ заслугахъ полемистовъ: они для всякаго очевидны.

---

## Вліяніе Вольтера на современниковъ.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, одновременно съ занятіями христіанскими и еврейскими древностями, Вольтеръ издавалъ множество философскихъ популярныхъ сочиненій, въ коихъ онъ пропагандировалъ воззрѣнія просвѣтительной школы Локка. Къ этому періоду относятся его блестящія статья: *Le philosophe ignorant* (1766), *Письма Меммія къ Цицерону* (1771), *Le principe d'action* (1772) и его *Философическій словарь*, который служилъ дополненіемъ къ Великой Энциклопедіи и надъ которымъ Вольтеръ сталъ работать уже съ 50-хъ годовъ. «Философическій словарь» имѣлъ громадный успѣхъ въ обществѣ того времени: одно изданіе слѣдовало за другимъ, онъ осужденъ былъ парламентомъ и подвергался всяческому преслѣдованіямъ со стороны властей. Это одно изъ самыхъ бойкихъ и остроумныхъ произведеній великаго писателя. Въ словарь собраны разнообразныя статьи по философіи, морали, литературѣ и древностямъ. Сочиненіе прямо рассчитано на пропаганду: въ немъ нѣтъ стройности, систематичности, — изложеніе переполнено умышленными отступленіями, авторъ переходитъ отъ одного предмета къ другому и втягиваетъ читателя въ самые различные вопросы знанія и жизни. Вольтеръ любитъ повторяться, натверживать, вдалбливать одно и то же: такой приѣмъ онъ считаетъ необходимымъ условіемъ для успѣха пропаганды... Тонъ всѣхъ этихъ философскихъ трактатовъ Вольтера изъ 60-хъ и 70-хъ годовъ значительно разнится отъ его прежнихъ изслѣдованій изъ періода 30-хъ годовъ. Основныя мысли, содержаніе доктрины, въ главныхъ чертахъ, осталось то же, но приемы сдѣлались рѣзче, отношеніе къ традиціямъ сдѣлалось еще враждебнѣе. И такую разницу слѣдуетъ, въ извѣстной степени, отнести на счетъ вліянія самой измѣнившейся обстановки. Вольтеръ увлеченъ былъ усиливавшимся броженіемъ умовъ, и смѣлость его въ нападеніяхъ на существующія традиціи возрастала пропорціонально съ тѣмъ сочувствіемъ, съ той поддержкой, которую онъ находилъ въ образованномъ обществѣ. Весьма поучительно, читая «Философическій словарь», вспомнить переписку Вольтера съ Фридрихомъ изъ конца 30-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ измѣнился не только тонъ философскихъ обсужденій, но и самый подборъ задачъ и вопросовъ. Робкое



сомнѣніе обратилось въ рѣшительное отрицаніе. Разверните корреспонденцію Вольтера съ Фридрихомъ въ 30-хъ годахъ, — этихъ двухъ передовыхъ людей того времени, слывшихъ отчаянными вольнодумцами: вы находите самыя серіозныя пренія о такихъ вопросахъ, какъ о предопредѣленіи, о предвѣдѣніи; въ самыхъ сочиненіяхъ Вольтера изъ того времени (напр., въ его «Основаніяхъ ньютоновой философіи») вы встрѣчаетесь еще съ различными схоластическими терминами и метафизическими тонкостями. Вы помните, какъ въ то время Вольтеръ относился къ вопросу о свободѣ воли. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ отношеніе Вольтера къ прежнимъ системамъ дѣлается еще рѣзче, еще свободнѣе, онъ еще болѣе отрѣшается отъ прежнихъ традиціонныхъ привычекъ. «Ньютонъ», пишетъ Вольтеръ въ своемъ словарѣ <sup>1)</sup>, «видитъ въ пространствѣ *Sensorium* божества. Въ прежнее время мнѣ казалось, что я понимаю это слово; я былъ еще молодъ. Теперь оно для меня столь же непонятно, какъ и толкованіе апокалипсиса. Пространство—*Sensorium* божества, органъ божества! — Печально, что гений, подобный Ньютону, говоритъ такія непонятныя вещи!» Въ «Философическомъ словарѣ» Вольтера мы находимъ самыя злостныя выходы противъ метафизиковъ и схоластиковъ древнихъ и новыхъ временъ; здѣсь мы встрѣчаемся съ блестящими, побѣдоносными статьями противъ безплодной фразеологіи и риторики ходячихъ ученій. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ Вольтера изложеніе, стиль — достигаетъ изумительной простоты и ясности.

Между тѣмъ просвѣтительная пропаганда Вольтера и энциклопедистовъ приносила плоды. Переписка великаго литератора съ Даламберомъ представляетъ интересныя данныя для характеристики того переворота въ общественныхъ понятіяхъ, который все яснѣе и яснѣе обозначается въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Признаки новыхъ воззрѣній, распространявшихся въ обществѣ, были для Вольтера важной опорой въ его дѣятельности, подкрѣпленіемъ и утѣшеніемъ его въ борьбѣ съ предрасудкомъ. То и дѣло онъ указываетъ Даламберу на приближеніе царства разума, на водвореніе въ обществѣ болѣе трезвыхъ понятій, на вліяніе, оказываемое просвѣтительной философіей на весь строй общественныхъ воззрѣній.

---

<sup>1)</sup> Art. *espace*.

Онъ видитъ всходы «новаго поколѣнія, которое съ ужасомъ и отвращеніемъ относится къ фанатизму». Философическая церковь все дальше и дальше простираетъ свое владычество. Даже въ провинціальную глушь, даже въ консервативную среду парламентской бюрократіи проникаютъ понемногу лучи просвѣщенія. Пророчески пишетъ Вольтеръ Даламберу въ 1766 году: «Какъ вы думаете, къ какимъ результатамъ приведетъ лѣтъ черезъ тридцать тотъ переворотъ въ умахъ, который совершается теперь отъ Неаполя и до Москвы?— Я разумѣется не имѣю въ виду ученыхъ въ Сорбоннѣ или толпы на рынкахъ, но я говорю о порядочныхъ людяхъ изъ средняго круга. Самъ я слишкомъ старъ и не могу надѣяться что-либо увидеть, но я обращаю ваше вниманіе на поколѣніе, которое теперь складывается». И эта надежда постоянно проскальзывается въ письмахъ Вольтера: «въ Англии», пишетъ онъ, «выпустили вторымъ изданіемъ разсужденія лорда Болингброка; это второе изданіе гораздо полнѣе перваго, оно продается очень дешево, и всѣ читаютъ его. Въ послѣдніе два года болѣе тридцати подобныхъ трактатовъ распространилось по всей Европѣ. Въ концѣ концовъ должно же все это произвести какія-нибудь полезныя преобразованія въ государственной организаціи. Тотъ, кто первый сказалъ, что люди будутъ счастливы только подъ управленіемъ королей-философовъ, былъ совершенно правъ. Я слишкомъ старъ, чтобъ увидеть такую прекрасную переимѣну, но вы увидите по крайней мѣрѣ ея начало». «Нѣкое демоническое вѣянiе», пишетъ Вольтеръ въ другой разъ, «охватило за послѣднія 15 лѣтъ три четверти Европы. Скоро будутъ у насъ *новыя небеса и новая земля*».

Воодушевленный такими надеждами, Вольтеръ неутомимо продолжаетъ свою пропаганду во всевозможныхъ литературныхъ формахъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно онъ пускался на хитрости и рѣдко издавалъ свои сочиненія подъ собственнымъ именемъ. Вольтеръ постоянно твердилъ Даламберу, что мученичества не нужно: роль духовника, скромнаго исповѣдника, анонимнаго пропагандиста гораздо предпочтительнѣе и безопаснѣе роли мученика. Полемическія сочиненія свои Вольтеръ обыкновенно пускалъ подъ чужимъ именемъ, и, лишь только до него доходилъ слухъ о какихъ-нибудь преслѣдованіяхъ противъ вновь изданной имъ книги, онъ готовъ былъ отречься отъ авторства и убѣдительно просилъ Далам-

бера опровергать тѣ толки, благодаря которымъ ему приписывали сочиненіе. Такого рода манера, разумѣется, не свидѣтельствуетъ въ пользу героизма Вольтера; но, съ другой стороны, нужно помнить, что у него не мало было враговъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, готовы были навлечь на него всевозможныя неприятности. Когда «Философическій словарь» Вольтера сталъ въ Парижѣ ходить по рукамъ, и вся публика признала Вольтера въ авторѣ опаснаго сочиненія, Фернейскій старецъ умолялъ Даламбера отвергать ходячее мнѣніе. «Увѣряйте всѣхъ, что я непричастенъ этому сатанинскому словарю. Братья выдаютъ меня своими похвалами *Словарю* и своими восторгамъ въ мою честь. Приписывая мнѣ это сочиненіе, вредятъ какъ мнѣ лично, такъ и самому дѣлу. Пожалуйста увѣдомьте меня, когда будетъ малѣйшая опасность, чтобъ я успѣлъ отречься отъ книги во всѣхъ газетахъ со свойственнымъ мнѣ чистосердечіемъ и простодушіемъ». Когда вышла злая повѣсть Вольтера *L'ingénu*, вся публика, разумѣется, узнала автора и по направленію, и по слогу. «Публика», пишетъ Вольтеръ, «работаетъ на руку обскурантамъ. Лишь только появляется какая-нибудь брошюра съ двумя-тремя крупинками остроумія, всякъ человѣкъ кричитъ: это—онъ, я узнаю его, это его стиль; какъ онъ жилъ, такъ и умретъ въ своей шкурѣ. Но что бы тамъ ни кричали, прошу васъ вѣдать, что не я писалъ эту повѣсть, не мнѣ она принадлежитъ, никогда не сталъ бы я ее писать. Я чистъ, какъ голубь, и хочу быть мудрымъ, какъ змѣя». Въ другой разъ Вольтеръ опять твердитъ то же самое: «Мистеріи Митры не должны быть разоблачаемы: не все ли равно, изъ какихъ рукъ идетъ истина, лишь бы она свѣтила! Братья, вы должны были бы на всѣхъ перекресткахъ кричать: это не онъ!—Нужно сто рукъ, сто невидимыхъ рукъ, которыя поражали бы чудовище,—и пусть оно свалится, наконецъ, подъ тысячами ударовъ. Аминь». Съ нравственной стороны не представляется возможности оправдывать подобныя трусливыя увертки. Можно только помнить, что это пишетъ семидесятилѣтній старикъ, у котораго много враговъ, на котораго косятся не только французскія власти, но и Женевское правительство. — Какъ, однако, ни хлопоталъ Вольтеръ, его памфлеты отличить было не трудно, и образованная публика сейчасъ узнавала его ясную прозу, его сжатую, краткую рѣчь, его оригинальный сатирическій пошибъ. Псевдонимы, подъ которыми Вольтеръ выпускалъ свои

сочиненія, никого не обманывали; всё угадывали истиннаго автора, но въ то же время, скрывая на заглавномъ листѣ свое имя, Вольтеръ этимъ самымъ находилъ возможность отговариваться передъ властями и отвергиваться отъ официальныхъ преслѣдованій.

Для Парижской публики новый памфлетъ Вольтера былъ цѣлымъ событіемъ: его быстро расхватывало и съ жадностью читало все общество. Популярность великаго писателя въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ все возрастала. Слава его основывалась не только на его обширной литературной дѣятельности. Уже давно онъ былъ извѣстенъ всему образованному міру, какъ глава французскихъ литераторовъ; его роль пропагандиста, его значеніе въ кружкѣ энциклопедистовъ еще болѣе расширяли его знаменитость. Но къ этому присоединялось еще другое обстоятельство. Исторіи Каласовъ, Сирвеновъ и Лабарровъ и многія другія житейскія несправедливости, которыя были раскрыты, возвѣщены всему міру и преданы позору стараніями Вольтера, доставили ему репутацію заступника страждущихъ и угнетенныхъ. Со всѣхъ сторонъ образованной Европы встрѣчалъ онъ сочувствіе къ своей дѣятельности. Съ нимъ переписывались Фридрихъ, Екатерина, многіе второстепенные государи, въ немъ заискивали высокопоставленныя особы того времени, ему кланялись политическія и ученые знаменитости. Въ Фернейскомъ замкѣ перебивало за это время множество извѣстностей того времени. Вольтеръ подчасъ жалуется, что многолюдное общество, собирающееся въ Ферне, мѣшаетъ его занятіямъ. Онъ рассказываетъ какъ-то въ письмѣ къ Даламберу, что у него за ужиномъ сходится 49 человекъ, въ томъ числѣ очень высокопоставленныя лица изъ міра административнаго. Въ Ферне, къ философу, обращались со всѣхъ концовъ Франціи за совѣтами, за разрѣшеніемъ сомнительныхъ вопросовъ. «Я вамъ расскажу», пишетъ однажды Вольтеръ къ Даламберу, «какого я приобрѣлъ куріознаго прозелита. Одинъ отставной офицеръ, а нынѣ—помѣщикъ (маркизъ Даржансъ де Диракъ), совершенно мнѣ незнакомый, пишетъ мнѣ о своихъ сомнѣніяхъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ изъ-за 150 лье для разъясненія этихъ спорныхъ пунктовъ, разрѣшаетъ ихъ и даетъ мнѣ обѣщаніе просвѣтитъ своихъ друзей и свое семейство». Это не единственный примѣръ философскихъ консультацій у Вольтера. Такъ, мы находимъ въ его корреспонденціи забавное письмо къ M-me Du Deffand, въ которомъ онъ шуточно рассказываетъ слѣдующее:

«одинъ бургомистръ изъ Миддлебурга, котораго я знать не знаю, прислалъ мнѣ письмо, гдѣ онъ по-пріятельски спрашиваетъ меня, есть ли Богъ, и если онъ дѣйствительно существуетъ, то думаетъ ли онъ о насъ; вѣчна ли матерія; можетъ ли матерія мыслить; и затѣмъ проситъ меня немедленно отписать ему отвѣтъ. Подобныя письма я получаю еженедѣльно». — Я бы не сталъ останавливаться на этихъ анекдотахъ, если-бъ они не служили свидѣтельствомъ той обширной репутаціи, которую пріобрѣлъ въ то время Вольтеръ. Онъ былъ какимъ-то Папой, философскимъ Далай-Ламой въ Европѣ. Какъ новый примѣръ громкой славы и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженнаго сочувствія, которымъ пользовался Вольтеръ во французскомъ обществѣ того времени, я приведу одинъ случай, рассказанный лѣтописцемъ второй половины XVIII вѣка *Башомономъ* и относящійся къ 1769 году. На почтѣ нашли письмо съ слѣдующимъ адресомъ: «Царю поэтовъ, философу народовъ, Меркурію Европы, оратору отечества, историку королей, панегиристу героевъ, верховному судѣ въ дѣлахъ вкуса, покровителю искусствъ, благодѣтелю талантовъ, цѣнителю генія, бичу всѣхъ преслѣдователей, врагу фанатиковъ, защитнику угнетенныхъ, отцу сиротъ, примѣру для подражанія богатымъ людямъ, опорѣ для людей нуждающихся, бессмертному образцу всѣхъ высшихъ добродѣтелей». Таковъ былъ эмфатическій адресъ. Почтамтскіе чиновники, съ проницательностью, приличествующею чиновникамъ философической эпохи, отправили письмо къ Вольтеру, потому что къ нему одному были приложимы всѣ эпитеты громкаго адреса.

Если Вольтеръ пользовался такимъ сочувствіемъ со стороны публики, то нечего и говорить, какъ почитала его философская братія. Парижскіе философы и литераторы воздвигли Вольтеру еще въ 1772 году, при его жизни статую, и въ подписей на эту статую принимали участіе Екатерина II, Фридрихъ Великій, король Даніи и многіе германскіе принцы. До какой степени доходилъ культъ Вольтера во французской образованной средѣ, видно, напр., изъ словъ такого независимаго и неподкупнаго въ своихъ сужденіяхъ человѣка, какъ Дидро. Дидро говорилъ: «Если-бъ я могъ допустить въ комъ-либо непогрѣшимость сужденія, то этимъ человѣкомъ былъ бы Вольтеръ». Мы скоро увидимъ, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ многіе энциклопедисты стали расходиться съ Вольтеромъ и по вопросамъ

философскимъ, и особенно — по вопросамъ политическимъ. Мы увидимъ, какъ самъ Дидро очень рѣзко отдалился въ своихъ воззрѣніяхъ отъ Вольтера, но при всемъ томъ почти всѣ вольнодумцы того времени сходились въ глубокомъ уваженіи къ мощному таланту Вольтера, въ признаніи его громаднхъ заслугъ въ дѣлѣ просвѣщенія, почти всѣ они считали его своимъ главой и патріархомъ всего просвѣтительнаго движенія XVIII столѣтія. — Литераторы, начинавшіе свою карьеру, юные философы и поэты обращались къ Вольтеру за совѣтами и наставленіями, посылали ему свои опыты, и нужно дивиться, какъ семидесятилѣтній старикъ успѣвалъ каждому дать какое-нибудь полезное указаніе. Корреспонденція его по-истинѣ изумительная. До насъ дошло семь тысячъ писемъ Вольтера, но, по мнѣнію библіографовъ, эта коллекція далеко не отличается полнотой: она, вѣроятно, меньше половины всего количества его писемъ. Когда ему присылали особенно интересную книгу, авторъ которой касался особенно близкихъ для него вопросовъ, этотъ вѣчно юный, вѣчно бодрый Вольтеръ строчилъ неутомимый комментарий, исписывалъ поля сочиненія своими замѣтками. Трезвость и ясность мысли онъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни.

Въ 1778 году въ Парижѣ пронесся слухъ, что скоро пріѣдетъ Вольтеръ. Дѣйствительно, послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ своихъ бургонскихъ и швейцарскихъ имѣніяхъ, Вольтеръ рѣшился, наконецъ, отправиться въ Парижъ, гдѣ теперь все общество съ нетерпѣливой радостью ожидало его прибытія. Людовикъ XV умеръ за нѣсколько лѣтъ. Новый король — смиренный и бездарный Людовикъ XVI, не симпатизировалъ Вольтеру, но уже прошло то время, когда Версаль правилъ Парижемъ. Общественное мнѣніе въ послѣдніе годы страшно выросло и окрѣпло. Версаль и дворъ окончательно ступевались передъ «городомъ» (la ville), передъ образованнымъ парижскимъ обществомъ. Вольтеръ пріѣхалъ посмотреть на плоды своей пропаганды. 84-хъ лѣтнимъ старцемъ, послѣ десятковъ лѣтъ неутомимой дѣятельности и долгаго изгнанія, онъ вступалъ теперь съ триумфомъ въ Парижъ, — царемъ той философской партіи, которая въ это время уже сдѣлалась органомъ стремленій и надеждъ образованной французской буржуазіи. До насъ дошло много рассказовъ объ этомъ торжественномъ пребываніи Вольтера въ Парижѣ. Въ Февралѣ и Мартѣ 1778 года весь Парижъ только и говорилъ, что о Вольтерѣ. Пріемъ, который былъ ему оказанъ, былъ въ XVIII столѣтія, передъ рево-

люційей, самымъ сильнымъ взрывомъ общественнаго мнѣнія во Франціи; до этихъ поръ оно никогда не высказывалось съ такой рѣшительностью и съ такой восторженностью. Я приведу вамъ характеристическій разсказъ объ этомъ эпизодѣ изъ писемъ Д. И. Фонъ-Визина. Какъ извѣстно, Фонъ-Визинъ недоброжелательно относился къ французскому просвѣщенію XVIII столѣтія, и его сужденія о великихъ людяхъ Франціи того времени, объ ея философахъ и энциклопедистахъ, отличаются подчасъ крайней несправедливостью и грубостью. Съ своими идеалами стародума, Фонъ-Визинъ совсѣмъ не понималъ всемірно-историческаго значенія французскаго просвѣщенія, великаго научнаго и общественнаго смысла всего просвѣтительнаго движенія. Онъ называетъ Дидро шарлатаномъ, у Даламбера онъ находитъ «премерзкую фигуру и преподленькую фizioномію». Тѣмъ любопытнѣе для насъ его разсказъ о прїездѣ Вольтера въ Парижъ и объ его прїемѣ со стороны французской публики. Мы знаемъ, что Фонъ-Визинъ не захочетъ разрисовывать или преувеличивать популярность Вольтера: онъ не философскій сектантъ, не раздѣляетъ восторговъ поклонниковъ Вольтера, долженъ относиться къ дѣлу холоднѣе. Однако фактъ общественнаго значенія Вольтера такъ рѣзко бросался въ глаза, что подтвержденіе этого факта мы находимъ у самого Фонъ-Визина. Вотъ извлеченіе изъ его письма къ графу Панину: «Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого-нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничѣмъ не разствуется отъ обожанія. Я увѣренъ, что если-бъ глубокая старость и немощи его не отягчали, и онъ захотѣлъ бы проповѣдовать теперь новую какую секту, то-бъ весь народъ къ нему обратился. Ваше сіятельство изъ послѣдующаго усмотрѣть изволите, можно ль иное заключить изъ пріема, который сдѣлала ему публика.—По прибытіи его сюда, сколько стихотворцы, ему преданные, пишутъ въ его славу, столько ненавидящіе его посылаютъ къ нему безыменныя сатиры. Первыя печатаются, а послѣднія нѣтъ; ибо правительство запретило особливымъ указомъ печатать то, что Вольтеру предосудительно быть можетъ. Такое уваженіе сдѣлано ему сколько за великіе его таланты, столько и ради старости <sup>1)</sup>. Сей 85 лѣтній старикъ сочинилъ

<sup>1)</sup> На поляхъ рукописи замѣтка автора: «Что тутъ вѣрнаго? Les employés».

новую трагедію: *Ирена или Алексій Комнинъ*, которая была и представлена. Нельзя никакъ сравнить ее съ прежними; но публика приняла ее съ восхищеніемъ. Самъ авторъ за болѣзнію не видалъ первой репрезентации. Онъ только вчера въ первый разъ выѣхалъ; былъ въ академіи, потомъ въ театрѣ, гдѣ нарочно представили его новую трагедію.—При выѣздѣ со двора карета его препровождена была до академіи безчисленнымъ множествомъ народа, непрестанно рукоплескавшего. Всѣ академики вышли на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорскомъ мѣстѣ и минуя обыкновенное балотированіе, избранъ единодушнымъ восклицаніемъ въ директоры на апрѣльскую четверть года. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобъ всѣ снимали шляпы. Отъ академіи до театра препровождали его народныя восклицанія. При вступленіи въ ложу, публика аплодировала многократно съ неопи- саннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ, старшій актеръ, Бризаръ, вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который и надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и съ радостными слезами въ слухъ сказалъ Бризару: *Ah, Dieu! vous voulez donc me faire mourir!* Трагедія играна была гораздо съ бѣльшимъ совершенствомъ, нежели въ прежнія представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Занавѣсъ опять былъ поднятъ. Всѣ актеры и актрисы, окружа бують Вольтера, увѣчивали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе публика препроводила рукоплесканіемъ, продолжавшимся близъ четверти часа. Наконецъ, представлявшая Ирену актриса, г-жа Вестрисъ, обратясь къ Вольтеру, читала похвальные стихи. Для показанія своего удовольствія, публика велѣла повторить чтеніе стиховъ и аплодировала съ великимъ крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ сѣлъ въ свою карету, то народъ, остановивъ кучера, закричалъ: *des flambeaux, des flambeaux!* По принесеніи факеловъ, велѣли кучеру ѣхать шагомъ, и безчисленное множество народа съ факелами проводило его до самаго дома, крича непрестанно: *Vive Voltaire!* — Сколь ни много торжествъ имѣлъ г. Вольтеръ въ теченіе вѣка своего, но вчерашній день былъ безъ сомнѣнія наилучшій въ его жизни, которая однако скоро пресѣчется, ибо сколь онъ теперь благообразенъ, ваше сіятельство увидѣтъ изво- лите по приложенному здѣсь его портрету, весьма на него похожему».

Съ этимъ разсказомъ Фонъ-Визина согласно и повѣствованіе,



сообщенное Гриммомъ въ его литературной корреспонденціи, которое вы можете прочесть у Геттнера. Фонъ-Визинъ рассказываетъ и о другомъ представленіи, на которомъ присутствовалъ Вольтеръ. Онъ отправился съ женой смотрѣть *Альзиру*. «За нашею каретою ѣхалъ Вольтеръ, сопровождаемый множествомъ народа. Вышедъ изъ кареты, жена моя остановилась со мной на крылечкѣ, посмотрѣть на славнаго человѣка. Мы увидѣли его почти на рукахъ несомого двумя лакеями. Оглянувшись на жену мою, примѣтилъ онъ, что мы нарочно для него остановились, и для того имѣлъ аттенцію, къ ней подойдя, сказать съ видомъ удовольствія и почтенія: *Madame, je suis bien votre serviteur très humble*. При сихъ словахъ сдѣлалъ онъ такой жестъ, который показывалъ, будто онъ самъ дивится своей славѣ. Сидѣлъ онъ въ ложѣ *m-me Lebert*; но публика не прежде его усмотрѣла, какъ между четвертымъ и пятымъ актомъ. Лишь только примѣтила она, что Вольтеръ въ ложѣ, то зачала аплодировать и кричать, потерявъ всю благопристойность: *Vive Voltaire!* Сей крикъ, отъ котораго никто другъ друга разумѣть не могъ, продолжался близъ трехъ четвертей часа. *M-me Vestris*, которая должна была начинать пятый актъ, четыре раза принималась, но тщетно! Вольтеръ вставалъ, жестами благодарилъ партеръ за его восхищеніе и просилъ, чтобъ позволилъ онъ кончить трагедію. Крикъ на минуту утихалъ. Вольтеръ садился на свое мѣсто, актриса начинала, и крикъ поднимался опять съ большимъ стремленіемъ. Наконецъ, всѣ думали, что пьесъ вѣкъ не кончиться. Господь вѣдаетъ, какъ этотъ крикъ прервался, а *Vestris* преуспѣла заставить себя слушать. Трагедія играна была отменно хорошо... Послѣ трагедіи, нѣкто заслуженный офицеръ и кавалеръ *Лескюръ* возгорѣлъ жаромъ стихотворства и, вошедъ въ ложу къ Вольтеру, подаль ему сочиненные имъ въ тотъ же моментъ стихи. Вольтеръ отвѣчалъ *Лескюру* экспромптомъ...»

Такое торжество, въ преклонныхъ лѣтахъ Вольтера, должно было потрясти весь его организмъ. Къ этому присоединилась лихорадочная дѣятельность, которой онъ предавался въ послѣднее время въ Парижѣ: такъ, въ одну ночь, 84 лѣтній старикъ аранжировалъ для сцены свою новую трагедію; онъ наставлялъ актеровъ, работалъ надъ словаремъ для академіи, и сверхъ того приходилось съ утра до ночи принимать визиты. Въ эти дни за каждымъ его словомъ,

за каждымъ шагомъ слѣдило все французское общество. Передъ домомъ его стояла толпа <sup>1)</sup>). Философы, литераторы, актеры, одинъ за другимъ являлись къ нему — отдавать свое почтеніе. Франклинъ, бывшій тогда посланникомъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ во Франціи, привелъ къ Вольтеру своего внука и просилъ старца благословить его. Философъ возложилъ на Франклина внука руки со словами: *God and liberty* (Богъ и свобода). Эти быстрыя смѣны ощущеній окончательно разстроили здоровье Вольтера: онъ заболѣлъ и умеръ 30-го мая 1778 года. Объ его кончинѣ до насъ дошли разнообразныя извѣстія. Вся публика была въ высшей степени заинтересована тѣмъ, какъ отнесется Вольтеръ къ предсмертному христіанскому обряду, — къ исповѣди и причащенію. Мы знаемъ, что въ бытность свою въ Ферне Вольтеръ нѣсколько разъ ходилъ на исповѣдь, отчасти чтобъ предупредить клерикальные навѣты, отчасти изъ другихъ политическихъ соображеній (онъ хотѣлъ подать примѣръ своимъ вассаламъ). Мы знаемъ также, что онъ даже числился настоятелемъ мѣстныхъ капуциновъ и утвержденъ былъ въ этой должности въ 1770 году генераломъ ордена, проживавшимъ въ Римѣ, — странное обстоятельство, доставлявшее Вольтеру неисчерпаемый матеріалъ для остротъ и возможное только въ XVIII столѣтіи, въ эту эпоху, исполненную противорѣчій между понятіями и учрежденіями, между идеями и фактами, когда при самой римской куріи, при дворѣ самого папы можно было найти «философствующихъ» кардиналовъ и вольнодумцевъ-прелатовъ. Вольтеръ въ своихъ письмахъ къ пріятелямъ иногда шутливо подписывался: Франсуа, недостойный капуцинъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Вольтеръ не былъ ригористомъ и всегда готовъ былъ на уступки, на компромиссы, на лицемеріе во избѣжаніе скандала. За два мѣсяца передъ смертью онъ продиктовалъ вполне ортодоксальное исповѣданіе вѣры и вручилъ его священнику. Затѣмъ, передъ самой смертью, въ послѣдніе дни, къ нему ходили духовныя лица, но тутъ, видимо, Вольтеръ уже не считалъ нужнымъ поддаваться: письменное, формальное исповѣданіе было имъ сдѣлано, и, какъ кажется, другихъ устныхъ заявленій онъ больше не давалъ. Вообще, точныхъ данныхъ объ этомъ эпизодѣ мы не имѣемъ. Какъ бы то ни было,

---

<sup>1)</sup> «L'homme aux Calas».

несмотря на письменное удостовѣреніе Вольтера въ своемъ католичествѣ, духовенство рѣшило не допускать тѣла великаго еретика до погребенія въ самый Парижъ. Тѣло Вольтера отвезли въ Шампань, и тамъ погребли въ аббатствѣ Селльеръ.

Нѣкоторыя подробности о кончинѣ Вольтера я приведу вамъ изъ одного любопытнаго документа, который характеризуетъ разсматриваемое нами время. Смерть Вольтера была въ главахъ всей просвѣщенной Европы міровымъ событіемъ. Русскій посолъ въ Парижѣ, князь Барятинскій, сначала сообщилъ Екатеринѣ II извѣстіе о кончинѣ великаго писателя, а черезъ двѣ недѣли послалъ подробное донесеніе обо всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть Вольтера. Барятинскій, для болѣе точныхъ свѣдѣній, обратился къ одному изъ своихъ «пріятели», и вотъ письмо этого пріятели о кончинѣ Вольтера онъ и препровождаетъ въ копіи императрицѣ Екатеринѣ. Ограничусь двумя выдержками: «...Слухъ о болѣзни Вольтера и объ его опасномъ положеніи скоро разнесся по Парижу. Попы и набожные люди очень обрадовались; всѣ порядочные люди были глубоко огорчены. Можно даже сказать, что друзей разума и просвѣщенія оказалось гораздо болѣе, чѣмъ лицеѣровъ и простофиль. Но поповская ненависть, которая никогда не прощаетъ, проявилась во всей своей дѣятельности. Ханжи стали адресоваться къ архіепископу Парижскому. Изъ этихъ ханжей по профессіи двѣ особенно отличались своимъ фанатизмомъ, герцогиня де-Нивернуа и г-жа де-Живоръ, ея дочь; эти дамы, прихожанки св. Сульпиція, въ приходѣ котораго также и г. Вольтеръ, отправились къ приходскому священнику и вынудили у этого неразумнаго пастыря, такого же фанатика, какъ эти двѣ богомолки, обѣщаніе не хоронить г. Вольтера, если онъ умретъ. Онъ обѣщаль имъ это торжественно, не страшась даже власти Парижскаго парламента, имѣющаго высшую полицію въ этомъ городѣ»... «Г. Вольтеръ диктовалъ нѣсколько писемъ въ послѣдніе дни своей жизни, но окончилъ только одно, именно къ сыну несчастнаго Лалли, съ поздравленіемъ по поводу отмѣны парламентскаго приговора, которымъ отецъ его былъ приговоренъ къ отрубленію головы на эшафотѣ. Г. Вольтеръ, горячо принимавшій къ сердцу это дѣло и составившій даже записку для сына Лалли, былъ очень тронутъ успѣхомъ своихъ стараній объ этомъ. Онъ даже велѣлъ повѣсить въ своей комнатѣ рѣшеніе Совѣта въ пользу сына Лалли. Съ удо-

вольствіемъ припоминалъ онъ, что послѣднія искры его краснорѣчія и талантовъ были еще употреблены имъ на защиту невиннаго. Послѣ онъ хотѣлъ продиктовать еще нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ, но никакъ не могъ ихъ окончить, лишаясь по временамъ памяти. Въ самый день смерти онъ почти ни на минуту не терялъ своего обыкновеннаго присутствія духа, и т. д... Къ этому великому чело-вѣку можно примѣнить слова, сказанныя Тацитомъ о тестѣ его Агри-колѣ: «Потеря его, горестная для семейства, прискорбная для друзей, не была безразличною даже для незнакомыхъ и постороннихъ. Всѣ, и даже та самая толпа, которую совсѣмъ иное занимаетъ, приходили узнавать объ его положенія. Онъ былъ предметомъ разговоровъ частныхъ и общественныхъ». Это мѣсто Тацита вполне прилагается къ г. Вольтеру... Всѣ попы обнаруживаютъ непристойную радость; они повторяютъ слова императора Виттелія: группъ врага всегда хорошо пахнетъ; но тому, кого они ненавидѣли, уже нечего бояться ихъ безсильной злобы, а имъ остается только трепетать отъ бѣшен-ства надъ его могилой».—Въ этомъ документѣ для насъ интересны не столько фактическія данныя, имъ сообщаемыя, сколько самый тонъ: вы видѣли сейчасъ и выходы противъ поповъ и прославленія Вольтера, и цитаты изъ Тацита. Припомните теперь, что все это значится въ письмѣ *пріятеля* кн. Барятинскаго, что князь Баря-тинскій — русскій посолъ въ Парижѣ, и пересылаетъ письмо своего *пріятеля* Екатерины II. Новый примѣръ того отношенія модныхъ правительствъ XVIII вѣка къ лицамъ и дѣламъ самихъ просвѣти-телей. Вольнодумство прокрадывается даже въ дипломатическую пе-реписку, по министерству иностранныхъ дѣлъ. Посолъ знаетъ вкусъ императрицы и свободно шлетъ ей сообщеніе своего пріятеля-радикала...

### XVIII.

Политическіе и соціальные вопросы у Вольтера.—Умственный его складъ.

Я уже говорилъ вамъ, что вопросы политическіе и соціальные привлекали вниманіе Вольтера въ меньшей степени, чѣмъ вопросы философскіе и религіозные. Его главной задачей была борьба съ господствующими католическими традиціями и пропаганда новыхъ воззрѣній на отношенія чело-вѣка къ божеству, къ природѣ, на его мѣсто въ ряду прочихъ твореній, на его способность познаванія, его

волю и мораль. Сообразно съ этимъ, въ исторіи просвѣщенія *главная роль* Вольтера заключается въ ломкѣ старинныхъ догматическихъ представленій и вѣковыхъ теологическихъ системъ. Задачи политики, администраціи, законодательства, государственнаго хозяйства — сначала, въ первую половину столѣтія, — отступаютъ для него на второй планъ. Онъ занимается Локкомъ и Ньютономъ, естественными науками, разработкой новыхъ философскихъ принциповъ. Во вторую половину столѣтія, какъ вамъ извѣстно, всѣ усилія его направлены къ популяризаціи этихъ новыхъ принциповъ и къ разрушенію стариннаго католическаго ученія. Онъ разбираетъ заповѣдные католическіе источники, воюетъ съ еврейскими и христіанскими древностями, пишетъ общедоступные философическіе трактаты. Это — главный предметъ его дѣятельности. Но въ то же время новыя философскія начала, которыя онъ проповѣдовалъ, его борьба съ авторитетами религиозными и схоластическими, его нападенія на господствующія суевѣрія, а затѣмъ — его практическія столкновенія съ окружающимъ должны были привести его къ анализу нѣкоторыхъ сторонъ быта политическаго и юридическаго. Кромѣ того, начиная со второй половины столѣтія, другіе писатели все чаще и чаще подвергаютъ обсужденію явленія политическія, юридическія и экономическія. И такимъ образомъ обстоятельства втягиваютъ Вольтера и въ этотъ кругъ новыхъ настоятельныхъ задачъ эпохи.

Въ тѣсной связи съ борьбой Вольтера противъ господствующихъ религиозныхъ понятій стоялъ вопросъ объ отношеніяхъ Церкви къ Государству. Вольтеръ высказывается рѣшительно въ пользу полного подчиненія Церкви Государству. Не можетъ быть въ государствѣ двухъ властей, свѣтской и духовной: это все равно, что государство въ государствѣ. Церковные интересы должны быть вполнѣ подчинены государственнымъ и общественнымъ. Только въ варварскія времена короли подвергаются анаемѣ, а подданные освобождаются отъ вѣрности государю — по распоряженію посторонней церковной власти. Въ просвѣщенныя эпохи государь долженъ быть абсолютнымъ владыкой во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ общественному порядку. Духовенство не должно пользоваться особыми привилегіями, не должно быть освобождено отъ налоговъ, не должно владѣть заповѣдными землями, не должно свободно распоряжаться цѣлыми массами населенія, которыя пребываютъ въ

праздности, безъ всякой пользы для общества, въ монастыряхъ... Вотъ этой враждой къ Церкви можно отчасти объяснить расположеніе, которое Вольтеръ питалъ къ свѣтской власти XVIII вѣка, — къ просвѣщеннымъ монархамъ. Не разъ указывали на льстивыя посланія Вольтера къ Фридриху, къ Екатеринѣ, на его искательство передъ государями, на его раболѣпство передъ монархической властью. Дѣйствительно, нѣкоторыя страницы въ корреспонденціи Вольтера съ европейскими государями поражаютъ насъ унижительной лестью, которой онъ пересыпаны, и внушаютъ чувство отвращенія. Такое подбострастіе со стороны Вольтера — результатъ его старыхъ привычекъ, которыя онъ усвоилъ себѣ еще съ юныхъ лѣтъ, вращаясь между куртизанами и вельможами времени регентства. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что симпатіи Вольтера къ монархамъ опредѣлялись и другой причиной. Для него Церковь была главнымъ врагомъ, и въ монархахъ онъ видѣлъ своихъ союзниковъ противъ притязаній духовенства. Въ самомъ дѣлѣ въ XVIII столѣтіи отношеніе правительствъ къ Церкви было нѣсколько иное, чѣмъ въ настоящее время. Католическое духовенство представляло въ то время очень сильную корпорацію, получившую въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ богатыя имущества, какъ движимыя, такъ и особенно недвижимыя — въ земляхъ, и ревниво охранявшую свои исконныя привилегіи. Государственной власти не разъ приходилось вступать въ борьбу съ этимъ сплоченнымъ замкнутымъ институтомъ, съ Папой во главѣ; стремленія Церкви были нерѣдко серіозной помѣхой правительственнымъ мѣропріятіямъ. Это замѣчалъ Вольтеръ, и вотъ, вмѣстѣ съ борьбой противъ Церкви, онъ проповѣдовалъ уваженіе къ свѣтскимъ главамъ общества. Однимъ изъ любимыхъ приемовъ его было раскрывать противоположность между интересами Церкви и монарховъ, а исторія католицизма давала ему обильный матеріалъ для такихъ сопоставленій. Онъ напоминаетъ вѣковыя распри между папами и Германскими императорами, онъ указываетъ на междоусобныя войны, порожденныя религиозными разногласіями, приводитъ эпизоды изъ времени Лиги, ссылается на католическихъ фанатиковъ XVI вѣка, проповѣдовавшихъ цареубійство, говоритъ объ Равальякѣ. Подобныя-то выходки не могли не найти сочувствія во Фридрихѣ или Екатеринѣ. Но и самъ Вольтеръ былъ дѣйствительно убѣжденъ въ противоположности интересовъ Церкви и королей. Эти самыя воз-

зрѣнія онъ проводилъ и въ своихъ интимныхъ письмахъ къ пріятелямъ. Задачи философовъ, писалъ онъ Даламберу, согласны съ задачами королей: мудрецы, которые отрицаютъ двойственность властей въ государствахъ, — лучшая опора для королевской власти. Точно также Вольтеръ очень нѣжно относится къ нѣкоторымъ барамъ именно потому, что видитъ въ нихъ союзниковъ противъ фанатизма. Когда Даламберъ, придерживавшійся иныхъ политическихъ воззрѣній, высказывалъ пріятелю свои болѣе либеральныя убѣжденія, Вольтеръ отвѣчалъ ему: «Любезный философъ, вы объявляете себя врагомъ высокопоставленныхъ лицъ и ихъ льстецовъ, и вы конечно правы; но эти высокопоставленные лица при случаѣ оказываютъ покровительство: они могутъ сдѣлать добро, они презираютъ суевѣріе, они не будутъ преслѣдовать философовъ, если только послѣдніе будутъ вѣжливо съ ними обходиться»... и Вольтеръ противопоставляетъ затѣмъ этимъ милостивымъ особамъ закоренѣлыхъ фанатиковъ изъ парламентской среды. — Такимъ образомъ, мягкое, подчасъ льстивое отношеніе Вольтера къ свѣтской власти, его монархическій консерватизмъ отчасти можетъ быть объясненъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во власти онъ видѣлъ союзника противъ Церкви. Другіе просвѣтители, его же ученики, стали относиться къ дѣлу иначе и переносили отрицаніе традиціи изъ области религіозной въ область политическихъ формъ.

Пропаганда религіозной терпимости, исторіи Каласа и Сирвена, а также новыя сочиненія въ литературѣ того времени, привели Вольтера къ разсмотрѣнію другаго общественнаго вопроса, вопроса объ уголовныхъ наказаніяхъ. Въ 1764 году вышла книга итальянскаго мыслителя Беккарія *О преступленіяхъ и наказаніяхъ*, въ которой начала просвѣтительной философіи были приложены къ уголовному праву. Беккарія самъ признавался, что всѣмъ своимъ философскимъ развитіемъ онъ обязанъ французскимъ книгамъ: предметъ моего постоянного изученія, пишетъ онъ, — безсмертныя сочиненія энциклопедистовъ. Книга Беккарія была переведена на французскій языкъ и нѣсколько передѣлана извѣстнымъ намъ просвѣтителемъ, аббатомъ Морелле; она встрѣчена была съ необыкновеннымъ сочувствіемъ во французскомъ обществѣ; въ полгода вышло семь изданій, и когда авторъ вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ, его принимали съ распростертыми объятіями во всѣхъ философическихъ салонахъ.

Вольтеръ, занятый въ это время дѣломъ Лабарра, привѣтствовалъ съ восторгомъ сочиненіе итальянскаго писателя, написалъ къ нему комментарий, и побуждаемый собственными впечатлѣніями, полученными изъ знакомства съ французскимъ уголовнымъ процессомъ, продолжалъ развивать и въ другихъ статьяхъ новыя просвѣтительныя воззрѣнія на преступленія и наказанія.

Французское уголовное судопроизводство того времени сохранило всѣ особенности средневѣковыхъ порядковъ. Съ привлеченнымъ къ слѣдствію, съ обвиняемымъ, обращались уже какъ съ преступникомъ, его заковывали въ колодки, стѣсняли всячески его защиту и подвергали пыткѣ. Наказанія прилагались совершенно непропорціонально. преступленіямъ: колесованію подвергались безразлично за воровство на большихъ дорогахъ и за убійство. Уголовное законодательство вѣдало множество проступковъ чисто религіознаго характера и относилось съ особенной суровостью къ преступленіямъ противъ догмы. Смертной казни обречены были еретики, богохульцы, колдуны, т. е. шарлатаны. Въ самый разгаръ XVIII вѣка были въ ходу утонченныя, изысканныя казни: не довольствовались просто лишить преступника жизни, но обставляли плаху всевозможными предварительными истязаніями. Всѣ эти черты средневѣковой процедуры стояли въ разрѣзъ съ начазами просвѣтительной философіи. Она учила относиться къ преступленію снисходительно, рассматривала его, какъ необходимый продуктъ извѣстной организаціи челоуѣка и обстановки, указывала не только на безчеловѣчность, но и на бесполезность пытки. Наказаніе должно основываться на общественномъ интересѣ, должно отвращать будущее зло, предупреждать возможность новыхъ преступленій, служить примѣромъ, или же обратиться въ исправительное средство для преступника. Оно должно потерять религіозный характеръ кроваваго возмездія за грѣхъ, якобы «свободно» совершенный челоуѣкомъ и нарушившій мистическую гармонию вещей. Къ этимъ общимъ заключеніямъ приходила просвѣтительная философія, ихъ приводилъ Беккарія, ихъ развивалъ въ своихъ статьяхъ по уголовному праву и Вольтеръ. И съ этими принципами дѣйствительность была въ полномъ разладѣ. Вольтеръ, въ своихъ статьяхъ, приводитъ вопіющіе случаи изъ уголовной практики того времени. Такъ—повѣсили осьмнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая украла полторы дюжины салфетокъ у своей хозяйки, не платившей ей жалованья.



Въ Парижѣ, въ 1757 году передъ ратушей предавали публичному истязанію помѣшаннаго Дамьена, покусившагося на жизнь Людовика XV; изъ Авиньона была по этому случаю выписана особая хитрая машина для пытокъ, при помощи которой и упражнялись самымъ варварскимъ образомъ надъ преступникомъ,—и это въ присутствіи многочисленныхъ зрителей, собравшихся какъ на спектакль. Мы уже знаемъ исторіи Каласа и Лабарра. Всѣмъ подобнымъ абсурдамъ и жестокостямъ Вольтеръ противопоставляетъ новыя понятія просвѣтителей и обуславливаетъ наказаніе общественнымъ интересомъ. «Разумно ли это, пишетъ Вольтеръ, что судьи, для того, чтобы внушать людямъ отвращеніе къ челоукоубійству, сами занимаются умерщвленіемъ людей при торжественной обстановкѣ. Нужна ли смертная казнь, когда можно наказывать иначе, цѣлесообразнѣе?— Я только въ одномъ случаѣ допускаю смертную казнь: когда нѣтъ другого средства охранить жизнь большинства,—въ родѣ того, какъ мы убиваемъ бѣшеную собаку. Во всѣхъ другихъ случаяхъ оставьте преступнику жизнь, чтобъ онъ могъ быть полезнымъ для общества: онъ принесъ вредъ своей странѣ, пусть работаетъ на ея пользу. Нужно поправить причиненный ущербъ: смерть ничего не поправляетъ». По поводу разсказанной имъ исторіи о дѣвушкѣ, повѣшенной за кражу салфетокъ, Вольтеръ замѣчаетъ, что такой безчеловѣчный законъ ведетъ только къ размноженію воровъ, такъ какъ рѣдко найдется хозяинъ, который рѣшится подавить въ себѣ всякое чувство состраданія и выдать судебной власти своего слугу за простую кражу: онъ предпочтетъ прогнать его, слуга пойдетъ красть въ другое мѣсто, и такимъ образомъ жестокость законодательства приучитъ его къ ремеслу вора... Вы видите, съ какой точки зрѣнія Вольтеръ смотритъ на наказаніе: онъ не признаетъ въ немъ какого-то мистическаго, очистительнаго акта, а простое средство ограждать общество отъ преступленій.

Отъ абсурдовъ средневѣковаго уголовного права Вольтеръ переходитъ къ критикѣ права гражданскаго и общаго положенія французскаго законодательства. Просвѣтителю рѣзко бросалась въ глаза средневѣковая пестрота и неопредѣленность юридическихъ отношеній. Вы знаете, что Франція стараго режима была раздроблена на провинціи, изъ которыхъ каждая имѣла свою оригинальную юрисдикцію, свои мѣстные обычаи (кутюмы) и спеціальныя законы. Единства во

французскомъ законодательствѣ не было. Житель Шампани тягался и судился по однимъ законамъ, житель Франшъ-Конте—по другимъ. Юридическое положеніе одной провинціи было совершенно непохоже на юридическое положеніе сосѣдней съ ней области. То, что почитается законнымъ въ Монмартрскомъ предмѣстьи (на сѣверной окраинѣ Парижа), пишеть Вольтерь, становится незаконнымъ въ С. Дени (на сѣверо-востокъ отъ Парижа). И такой хаосъ былъ какъ въ гражданскомъ законодательствѣ, такъ и въ финансовомъ управленіи. Въ Бретани, напр., соль вовсе не была обложена налогомъ, въ Артуа мѣра соли стоила 4 ливра, а тутъ же — въ Амьенѣ, та же мѣра стоила 62 ливра; въ нижней Оверни соль цѣнится въ 8 ливровъ, въ верхней Оверни въ 34 ливра. Вы путешествуете, рассказываетъ Вольтерь, по одной французской провинціи и закупаете себѣ одежду и пищу; затѣмъ вы переѣзжаете въ другую провинцію и оплачиваете всѣ ваши покупки пошлиной, точно вы пріѣхали изъ Африки. И когда вы задаете вопросъ, почему это такъ, то вамъ говорятъ, что вы пріѣхали изъ губерніи, которая числится *чужеземной*, а потому вы и должны платить для преуспѣянія торговли. Тщетно вы ломаете себѣ голову, чтобъ понять, какъ провинція французскаго королевства можетъ быть чужеземной для того же королевства. Я восхищался подобнымъ режимомъ, продолжаетъ Вольтерь, но былъ еще болѣе удивленъ, когда встрѣтилъ одного истца: онъ былъ въ полномъ отчаяніи и рассказывалъ мнѣ, какъ онъ проигралъ по одну сторону ручья такой же точно процессъ, какой онъ наканунѣ выигралъ на другой сторонѣ ручья. Я узналъ отъ него, что въ этой странѣ столько же различныхъ сводовъ законовъ, сколько городовъ. Наша нація исполнена такой мудрости, сказалъ онъ мнѣ, что она не устанавливаетъ никакихъ общихъ правилъ. Законы, кутюмы, права корпорацій, титулы — все произвольно, все предоставлено мудрой осторожности самого общества.—Неужели, восклицаетъ Вольтерь, всегда будутъ рѣшать тотъ же процессъ различно въ столицѣ и провинціи? Неужели одинъ и тотъ же человекъ будетъ правъ въ Бретани и неправъ въ Лангедокѣ? У насъ сколько городовъ, столько и юриспруденцій, и даже въ одномъ и томъ же парламентѣ разныя отдѣленія судятъ различно.—Но подобный юридическій безпорядокъ, подобное географическое многообразіе законовъ усложнялось еще другой принадлежностью средневѣковаго законодательства. Законы различались

не только по мѣстностямъ, но и по сословіямъ, по общественнымъ классамъ, по состояніямъ. Гражданское право крестьянства и ротюры было иное, чѣмъ гражданское право дворянства и духовенства. Различныя состоянія подлежали различнымъ судамъ и учрежденіямъ. Съ этимъ юридическимъ неравенствомъ, съ этой путаницей въ сословной юрисдикціи Вольтеръ не разъ сталкивался во время своей жизни въ Ферне и Турне, въ своихъ бургонскихъ помѣстьяхъ... Крѣпостная зависимость существовала еще во многихъ французскихъ провинціяхъ XVIII вѣка, и противъ нея съ большимъ рвеніемъ ратовалъ Вольтеръ. Особенно процвѣтала она во Франшъ-Контѣ, и по поводу кутюмовъ этой области Вольтеръ неоднократно писалъ памфлеты и мемуары. Крѣпостная зависимость во Франшъ-Контѣ, которую рисуетъ Вольтеръ, опредѣлялась слѣдующими условіями. Сеніоръ, феодальный владѣлецъ, былъ, согласно съ кутюмой, непремѣннымъ наслѣдникомъ всего имущества крѣпостного человѣка, если дѣти послѣдняго не жили при отцѣ, въ его жилищѣ, неотлучно отъ самаго своего рожденія до смерти отца. Если сынъ отлучался только на одинъ годъ отъ родительскаго крова и очага, его наслѣдственные права уже этимъ самымъ уничтожались, и все имущество переходило въ руки феодального владѣльца. Такимъ образомъ, дѣти крѣпостныхъ не могли ни заводить какого-нибудь отдѣльнаго заведенія, ни занимать гдѣ-нибудь самостоятельной должности; они должны были выжидать у очага родительскаго наслѣдства. Крѣпостные не могли отчуждать своего имущества ни продажей, ни дареніемъ, ни завѣщаніемъ; они не имѣли права закладывать свою собственность, не могли пользоваться никакимъ кредитомъ, не могли заниматься торговлей. Все ихъ право на землю ограничивалось арендой и въ вышеприведенныхъ случаяхъ арендуемая земля должна была возвращаться феодальному владѣльцу. Притомъ эта крѣпостная земля имѣла то свойство, что иностранецъ, прожившій на ней одинъ годъ, терялъ свободу и становился крѣпостнымъ. Половина всѣхъ земель Франшъ-Контѣ была на такомъ положеніи и находилась въ рукахъ монаховъ—феодалныхъ владѣльцевъ... Въ теченіе пятнадцати лѣтъ Вольтеръ работалъ надъ освобожденіемъ этихъ крѣпостныхъ отъ верховной власти монаховъ. Онъ писалъ для нихъ множество официальныхъ прошеній, мемуаровъ къ королю, къ канцлеру, воевалъ на пропалую съ монахами въ брошюрахъ. Вольтеръ пред-

лагаеть проектъ полного уничтоженія крѣпостной зависимости во всей Франціи. Онъ просить по крайней мѣрѣ замѣнить крѣпостную кабалу другими повинностями или вознаградить деньгами владѣльцевъ. Но старанія Вольтера въ этомъ случаѣ остались тщетными. Власти стараго режима не поддавались на его доводы. Впрочемъ бургонскимъ крѣпостнымъ не пришлось долго ждать освобожденія, которое наступило для нихъ съ революціей.

Сдѣлаемъ теперь общее заключеніе о тѣхъ реформахъ въ государственныхъ отправленияхъ, на которыхъ настаивалъ Вольтеръ. Вы видѣли, что онъ во-первыхъ рѣшительно высказывался въ пользу подчиненія Церкви государству и въ пользу возможно большаго ослабленія церковной власти; въ связи съ этимъ не разъ проводитъ онъ въ своихъ статьяхъ мысль о необходимости лишить Церковь обширныхъ земельныхъ владѣній и приобщить ихъ къ государству; затѣмъ—съ рѣшительнымъ отрицаніемъ относится къ монашеству и духовнымъ орденамъ. Въ области уголовного права онъ требуетъ отмѣны пытки, установленія рациональныхъ началъ въ процессѣ и соразмѣрности наказаній съ преступленіями. Въ области гражданского права Вольтеръ настаиваетъ на необходимости однообразнаго законодательства во Франціи, общаго свода законовъ для всего королевства и на отмѣнѣ *сословныхъ* правъ, на установленіи юридическаго равенства въ самомъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ Вольтеръ и понималъ равенство, какъ одинаковое для всѣхъ положеніе передъ закономъ. «Равенство», пишетъ Вольтеръ, «не есть уничтоженіе субординаціи; роль и участіе наше въ общественныхъ дѣлахъ различны, но всѣ мы должны пользоваться одними и тѣми же существенными правами; какъ султанъ, такъ и подданный должны по *однимъ и тѣмъ же* законамъ располагать своими личностями, имуществомъ, семействомъ. Лучшее правительство то, гдѣ всѣ состоянія одинаково охраняются законами»... Всѣми этими требованіями Вольтеръ попадалъ именно въ больное мѣсто общества того времени. Вы замѣчаете, что всѣ они сводятся къ полному уничтоженію феодальнаго сословнаго государства и къ развитію новоевропейскихъ государственныхъ началъ XIX вѣка. Это были главнымъ образомъ требованія образованныхъ и зажиточныхъ классовъ XVIII столѣтія, но такія требованія представляли и для большинства нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ неурядицей стараго режима. Буржуазіи

во что бы то ни стало нужно было сбросить оковы феодализма и развернуть свою свободную экономическую дѣятельность подъ эгидой равнаго для всѣхъ законодательства. Для большинства феодальная зависимость была также тяжестью, и потому оно могло вторить требованіямъ верхняго буржуазнаго слоя. Таковы были, въ самомъ дѣлѣ, задачи времени, ихъ нельзя было обойти, онѣ созрѣли, и это видно уже изъ того, что въ скоромъ времени онѣ были приведены въ исполненіе, вынуждены самимъ обществомъ. Въ настоящее время на этихъ преобразованіяхъ основалось новое государство XIX вѣка. Подчиненіе церкви государству было установлено Учредительнымъ Собраніемъ 89 года въ его гражданской конституціи духовенства, и затѣмъ, по прошествіи революціонныхъ бурь, тотъ же принципъ нашелъ освященіе въ Конкордатѣ Наполеона 1802 года, по которому церковь низводилась на роль подчиненнаго государственнаго института. То же національное собраніе 89 года секуляризировало церковныя имущества и отмѣнило монашескіе обѣты. Что касается до уголовного права, то начала, предложенныя Вольтеромъ и Беккариа, были въ извѣстной степени внесены въ законодательство еще до революціи, декретами Людовика XVI, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Необходимость единства въ законодательствѣ была признана всѣми революціонными собраніями и затѣмъ установлена окончательно Гражданскимъ Кодексомъ Наполеона въ 1802 году, въ которомъ вся Франція была сравнена передъ закономъ. Отмѣна всѣхъ сословныхъ правъ, въ томъ числѣ и крѣпостной зависимости, была окончательно проведена еще Учредительнымъ Собраніемъ. Такимъ образомъ программа Вольтера была осуществлена. Ею покрывались требованія образованныхъ и зажиточныхъ классовъ. Она доставила нѣкоторое облегченіе и большинству. Только для низшихъ классовъ такая программа была слишкомъ узка и не могла удовлетворить ихъ насущнымъ потребностямъ.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ одной непривлекательной сторонѣ возрѣвнй Вольтера, которая съ особенной рѣзкостью была изображена Луи Бланомъ въ 1-мъ томѣ его Исторіи Французской революціи. Я сообщу вамъ данныя, приведенныя у Луи Блана, дополню ихъ нѣкоторыми другими фактами и присоединю къ его выводамъ оговорку, ограниченіе. Дѣло идетъ объ отношеніи Вольтера къ большинству.

Анализомъ коренныхъ, матеріальныхъ условий благосостоянія большинства Вольтеръ не занимался. Онъ не шелъ далѣе тѣхъ юридическихъ преобразованій, которыя были мною рассмотрѣны, и не вникалъ въ существенныя экономическія потребности низшихъ классовъ. Нормальный общественный союзъ представлялся ему въ формѣ государства съ образованнымъ, зажиточнымъ верхнимъ слоемъ, принимающимъ большее или меньшее участіе въ управленіи, и съ трудящимся, малообразованнымъ большинствомъ, которое сверху опекается, отечески оберегается и пребываетъ (не въ личной, не въ феодальной), а въ экономической зависимости. Болѣе равномерное и справедливое распределеніе матеріальныхъ средствъ представлялось ему невозможностью. Признавая равенство передъ закономъ, Вольтеръ не допускалъ и возможности фактическаго уравнианія въ средствахъ и достаткахъ населенія. «Невозможно», пишетъ Вольтеръ, «чтобъ на нашемъ несчастномъ земномъ шарѣ общество не было подѣлено на два класса: на богачей повелителей и нищихъ слугъ». «Всѣ крестьяне не разбогачьютъ», замѣчаетъ Вольтеръ, говоря о послѣдствіяхъ нѣкоторыхъ предлагаемыхъ имъ преобразованій, — да этого и вовсе не надо. Нужно, чтобъ были люди, у которыхъ все имущество — въ рабочихъ рукахъ, да въ доброй волѣ. Но они будутъ свободно продавать свой трудъ тому, кто больше дастъ. Эта свобода заступитъ для нихъ мѣсто собственности»<sup>4)</sup>. Такимъ образомъ вы видите признаніе роковой неизбѣжности имущественнаго неравенства и встрѣчаетесь здѣсь съ терминомъ, который пользуется такой популярностью у современныхъ правовѣрныхъ экономистовъ: *свобода труда*, какъ будто можно назвать свободнымъ человѣка, *вынужденнаго* нищетой принимать условія, предписываемыя ему обезпеченнымъ нанимателемъ... Просвѣщеніе, по мнѣнію Вольтера, также недоступно для низшихъ классовъ, обреченныхъ на ручной трудъ. Въ его перепискѣ мы часто находимъ жесткія, обидныя замѣчанія о той роли, на которую, по его понятіямъ, осуждено большинство. Нечего просвѣщать сапожниковъ и башмачниковъ, пишетъ онъ Даламберу; публика, на которую слѣдуетъ дѣйствовать, это — меньшинство, болѣе обезпеченное, болѣе полированное (*les honnêtes gens*). Толпа безразсудна, за ней и останется суевѣріе. Новая земля и новыя не-

<sup>4)</sup> Dict. Phil. Art.: *Egalité, Propriété*.

беса будутъ для порядочныхъ людей; для сволочи, для черни нужно самое глупое небо и самая глупая земля. Разумъ восторжествовалъ у порядочныхъ людей, чернь для него не сдѣлана. Масса — это быки, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ.

Подобное отношеніе къ большинству обуславливалось въ Вольтерѣ нѣсколькими причинами. Прежде всего, нужно помнить, что въ этомъ чело­вѣкѣ остались старыя привычки начала столѣтія, наслѣдіе эпохи Людовика XIV, и въ томъ числѣ пренебреженіе къ простому народу, которое въ болѣе позднихъ поколѣніяхъ, въ просвѣтителяхъ второй половины столѣтія уже не замѣтно. Затѣмъ, какъ вамъ извѣстно, Вольтеръ главнымъ образомъ сосредоточивалъ свое вниманіе на религіозныхъ и философскихъ вопросахъ, и мало вникалъ въ собственно социальныя отношенія. Между тѣмъ пособниковъ въ своей борьбѣ съ Церковью онъ усматривалъ въ образованномъ меньшинствѣ и даже въ просвѣщенныхъ монархахъ. Напротивъ въ большинствѣ онъ видѣлъ элементъ, тормозящій просвѣтительное движеніе, органъ поповскаго фанатизма: «толпа» радовалась казни Каласа и Лабарра. Изъ этого дѣйствительнаго факта, т. е. изъ этого печальнаго умственнаго состоянія французскихъ низшихъ классовъ, онъ приходилъ къ заключенію о несвоевременности перестановки въ социальныхъ отношеніяхъ и мало того — къ совершенно ложному выводу о неспособности большинства къ просвѣщенію и о недоступности для него образованія. Потому-то, какъ мы видѣли, онъ и обработалъ на свой ладъ завѣщаніе Жана Мелье и опустилъ всю социальную его сторону. Все общественное благо должно было протекать, по мнѣнію Вольтера, свыше, отъ образованныхъ и обеспеченныхъ классовъ, — и вводить въ дѣло просвѣщенія новые элементы общества ему казалось несообразнымъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Луи Бланомъ, слѣдуетъ признать въ Вольтерѣ непониманіе потребностей большинства и жесткость по отношенію къ его судьбамъ.

Но заблужденіе Луи Блана состоитъ въ томъ, что эту темную сторону возрѣній Вольтера онъ выдвигаетъ впередъ, настаиваетъ на ней, сводитъ къ ней, какъ къ центру и фокусу, все ученіе Вольтера: «Вольтеръ», говоритъ Луи Бланъ, «по своимъ мнѣніямъ, по своимъ инстинктамъ, по своимъ прямымъ цѣлямъ, былъ чело­вѣкомъ буржуазіи, и *только одной буржуазіи* (par ses opinions, ses instincts, son but direct il fut l'homme de la bourgeoisie,

et de la bourgeoisie seulement)». Это неправда. Задачи Вольтера сосредоточивались на других вопросах, дѣятельность его главнымъ образомъ посвящена борьбѣ съ положительными вѣроученіями; и въ роли борца съ клерикальными преданіями онъ принесъ громадныя услуги всему человѣчеству и тому самому пролетариату, къ которому онъ презрительно относился. Своимъ неумолимымъ отрицаніемъ заповѣдныхъ традицій Вольтеръ проложилъ путь къ освобожденію самого большинства. Онъ работалъ не для буржуазіи, а для всего человѣчества. Истина пригодна для всѣхъ. — Что касается до его социальныхъ воззрѣній, до его отношеній къ простому народу, то замѣтите, что рѣзкія замѣчанія Вольтера по этому предмету высказываются имъ въ его частной корреспонденціи и въ немногихъ статьяхъ его словаря. Но пропагандой своихъ взглядовъ на большинство онъ не занимался; онъ не оставилъ ни одного трактата, ни одного цѣльнаго сочиненія, посвященнаго этому вопросу. Онъ ограничился одними фрагментарными замѣтками, и не въ этихъ замѣткахъ состоитъ литературное наслѣдіе, завѣщанное Вольтеромъ потомству.

Заслуги Вольтера, какъ борца съ преданіемъ, такъ необъятны, что мы должны отнестись съ снисхожденіемъ къ этой темной закраинѣ его социальныхъ воззрѣній.

Скажу нѣсколько словъ объ умственномъ складѣ Вольтера.

*Je vais droit au fait — c'est ma devise,*<sup>1)</sup> говорилъ Вольтеръ. Реальное явленіе, фактъ былъ для него не только исходнымъ пунктомъ мышленія, но и пробнымъ камнемъ, къ которому онъ постоянно возвращался, которымъ онъ то и дѣло провѣрялъ понятія. Онъ никогда не терялъ изъ вида того, что *слово* есть не болѣе, какъ знакъ для выраженія представленія о какомъ-либо реальномъ предметѣ и что оно само по себѣ становится пустымъ звукомъ, если съ нимъ не связано никакого опредѣленнаго представленія; что наши отвлеченія не имѣютъ дѣйствительнаго бытія и что единственнымъ надежнымъ критеріемъ нашихъ теорій могутъ быть только образы, полученные изъ опыта и наблюденія. Въ этомъ отношеніи Вольтеръ стоятъ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ вольнодумцевъ XVIII вѣка, въ полномъ разрѣзѣ со старой метафизической рутиной. Средневѣковая схоластика была наукой праздныхъ словъ, дутыхъ терминовъ, без-

<sup>1)</sup> Я иду прямо къ факту—это мой девизъ.



содержательныхъ силлогизмовъ. Извѣстно, до какой виртуозности доведено было это искусство играть въ слова, которое съ такой любовью поддерживалось замкнутыми учеными цехами и освящено было именемъ «науки божеской и человѣческой». Изученіе дѣйствительныхъ, реальныхъ, конкретныхъ данныхъ устранялось. Діалектическая мудрость могла свободно обходиться безъ фактической подкладки, и когда чувствовался недостатокъ въ понятіи, всегда было наготовѣ какое-нибудь услужливое слово, которое пускалось въ ходъ и исправляло должность дѣйствительнаго факта:

Denn eben wo Begriffe fehlen,

Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein. <sup>1)</sup>

Эти схоластическіе приемы сохранились и до нашего времени, и въ гораздо большей степени, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Только измѣнился подборъ словъ. А сколько диковинныхъ, непровѣренныхъ, непонятыхъ словъ срослось съ нашимъ міросозерцаніемъ, сколько пустыхъ терминовъ, на которыхъ люди успокоиваются, засыпаютъ, каменѣютъ. Мысль, серьезное разузнаніе, критика — требуетъ отъ человѣка неутомимой работы, подвижности, восприимчивости: она не даетъ успокоенія, не допускаетъ самодовольнаго прозябанія. Слово избавляетъ отъ мучительныхъ тревогъ, отъ ломки, отъ разрушительной перестановки понятій. Представляется ли сложный вопросъ, — и вотъ является желанное слово, точно вѣщее изреченіе Дельфійскаго оракула, точно *ultima ratio*, какое-то окончательное, безапелляціонное рѣшеніе задачи. И на этомъ словѣ стараются остановиться. Сплошь да рядомъ твердятъ о *требованіяхъ прогресса*, объ *общественномъ самосознаніи*, объ *растлѣніи эпохи*, объ *одностороннемъ развитіи народности*. Вслѣдъ за подобными іероглифами ставятъ точку, дѣло какъ будто въ шляпѣ, а въ сущности вопросъ по-прежнему открытъ, и вмѣсто отвѣта, вмѣсто анализа и изслѣдованія, вмѣсто дѣйствительнаго разъясненія стоитъ пустое слово... Такого рода приемы чужды Вольтеру. Онъ сейчасъ обращается къ дѣлу, къ факту, къ проверкѣ понятія. Онъ не удовлетворяется фразой, не успокоивается на терминѣ. Въ своихъ несравненныхъ діалогахъ Вольтеръ настойчиво преслѣдуетъ битыя и пошлыя реченія, тертые сказы, рутинныя, ходячія понятія. Ему отвѣчаютъ общепризнанной формулой, какъ

<sup>1)</sup> «И тамъ какъ разъ, гдѣ смыслъ искать напрасно.

Тамъ слово можетъ горю пособить» (Фаустъ. Пер. Цертелева).

непреложной, якобы очевидной аксіомой. Не понимаю, говорить Вольтеръ, объяснитесь, — что значать эти слова, какому представленію они соотвѣтствуютъ, къ какимъ предметамъ они относятся; и онъ идетъ къ факту, къ жизни, къ правдѣ, противопоставляетъ ее мертвой формулѣ и обнаруживаетъ всю призрачность и ложь формулы. Этой постоянной памятью о фактѣ, о конкретномъ данномъ и объясняется отчасти необыкновенная ясность изложенія Вольтера. Этой ненавистью къ фразѣ объясняется сжатость и опредѣленность его слога. Правда, въ Вольтерѣ нѣтъ «глубины», какъ говорятъ современные схоластики, другими словами — въ немъ нѣтъ той темноты и спутанности, которая считается принадлежностью всякой солидной метафизики. Ни заклинанія жрецовъ, ни діалектическія мистеріи метафизиковъ не могутъ устоять передъ его яснымъ, пронизывающимъ взоромъ.

Въ заключеніе я приведу вамъ характеристическій отрывокъ изъ «Философскаго словаря» Вольтера. Отрывокъ этотъ наглядно подтвердитъ вамъ сказанное мною о приемахъ писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомитъ васъ съ его отношеніемъ къ эстетическому вопросу. Означенная статья «Словаря» носитъ заглавіе: *Прекрасное* (le beau). «Можетъ быть, вы полюбопытствуете узнать, какъ рассуждалъ о прекрасномъ грекъ Платонъ, жившій болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Вотъ что толкуетъ Платонъ: «человѣкъ, очищенный священными мистеріями, когда онъ зреть прекрасный ликъ, запечатлѣнный божественностью или какую-нибудь невещественную форму, онъ чувствуетъ сначала тайный трепетъ и нѣкій почтительный страхъ; онъ созерцаетъ эту форму, какъ божество... Когда красота дѣйствуетъ на его душу черезъ посредство глазъ, онъ пламенѣетъ: орошены крылья его души, они теряютъ свою твердость, увлажняются; зародыши этихъ крыльевъ вздуваются и слятся пробиться сквозь все существо души».

Я переводилъ эту галиматью съ того текста, который приведенъ у Вольтера и съ подлинникомъ не свѣрялъ. Весьма вѣроятно, что Вольтеръ заострилъ здѣсь схоластическіе термины Платона и придалъ имъ еще болѣе несообразный характеръ, чѣмъ тотъ, какимъ они обладаютъ на самомъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что ученіе Платона о красотѣ отличается темнотой и преисполнено мистицизма. Къ Платону Вольтеръ всегда относился съ особенной

рѣзкостью: онъ не могъ выносить его туманныхъ, мистическихъ умствованій, и этотъ фантастическій пошибъ всей философіи Платона былъ настолько антипатиченъ Вольтеру, что онъ не могъ признать за системой греческаго философа даже относительное, историческое значеніе. Свойства прекраснаго у Платона, какъ и у другихъ эстетиковъ-метафизиковъ, выводятся отвлеченнымъ путемъ, — изъ нѣкоей божественной абсолютной идеи прекраснаго, до постиженія которой не подь силу возвыситься простому смертному.

Вольтеръ приступаетъ къ дѣлу иначе. «Я готовъ признать», продолжаетъ онъ, «что нѣтъ ничего прекраснѣе этихъ соображеній Платона; но онъ не сообщаетъ намъ никакихъ *ясныхъ* представленій о прекрасномъ. — Спросите у жабы, что такое красота, что такое верховное, абсолютное прекрасное, греческое *to kalon*? — Жаба вамъ отвѣтитъ, что прекрасное — это другая жаба съ двумя выкатившимися глазами, плоскимъ рыломъ, желтымъ брюхомъ, бурой спиной. Спросите о томъ же у Гвинейскаго негра: прекрасное для него — черная, лоснящаяся кожа, вдавленные глаза, сплюснутый носъ. Задайте этотъ вопросъ чорту; онъ вамъ скажетъ, что идеалъ прекраснаго — это пара рожекъ, лапы съ когтями и хвостъ. Вопросите философвъ, я они повесутъ вамъ галиматью; имъ непремѣнно нужно нѣчто, соответствующее первообразу, эссенціи прекраснаго, абсолютному *to kalon*. — Однажды я сидѣлъ въ театрѣ рядомъ съ однимъ философомъ и смотрѣлъ трагедію. Какъ это прекрасно! говорилъ философъ. Что находите вы прекраснаго? сказалъ я ему. То, отвѣтилъ онъ мнѣ, что авторъ достигъ своей цѣли. На слѣдующій день мой философъ принялъ лѣкарство, которое ему принесло облегченіе. Оно достигло цѣли, сказалъ я философу, какъ *прекрасно* это лѣкарство! Тутъ онъ понялъ, — что нельзя называть лѣкарство прекраснымъ, и что, для того, чтобъ приложить къ чему-либо эпитетъ *прекрасный*, нужно, чтобъ предметъ возбуждалъ въ насъ чувство удовольствія и восхищенія. Онъ признался, что трагедія возбудила въ немъ эти чувства, и что это и было *to kalon*, прекрасное. — Мы отправились въ Англію; тамъ играли ту же пьесу въ превосходномъ переводѣ, всѣ зрители зѣвали. А! замѣтилъ философъ, *to kalon* — не одно и то же для Франціи и для Англіи. И послѣ долгихъ размышленій онъ пришелъ къ заключенію, что прекрасное весьма часто очень относительно».

Вы видите, какъ Вольтеръ сводитъ разсматриваемый вопросъ къ анализу конкретныхъ, дѣйствительныхъ фактовъ; онъ оставляетъ абстрактныя произвольныя теоріи въ сторонѣ и указываетъ на правильный путь при изслѣдованіи явленій: беретъ одинъ, другой, третій *реальный* случай, сближаетъ ихъ общія черты, отдѣляетъ различія. Je vais droit au fait. — При этомъ не забудьте, что въ данномъ случаѣ—эти удары абсолютной эстетики наносятъ классику Вольтеръ. Какъ вы знаете, въ эстетической практикѣ, въ поэзіи, драмѣ, Вольтеръ держался строгихъ, опредѣленныхъ правилъ и допускалъ отступленія только въ рѣдкихъ случаяхъ. Но такова была въ немъ острота разумія, таково было стремленіе къ реальному, что, несмотря на классическія привычки и традиціи, среди которыхъ онъ былъ воспитанъ и которыя въ XVIII вѣкѣ признавались во всей Франціи, — въ философскомъ анализѣ красоты онъ сбросилъ всякія догматическія опредѣленія и сталъ на точку зрѣнія *относительности* и *измѣнчивости* прекраснаго...

Этимъ я закончу обзоръ дѣятельности Вольтера, но я еще разъ вернусь къ его личности, когда мнѣ придется говорить о Руссо: тогда нужно будетъ сопоставить историческое значеніе обоихъ просвѣтителей, и кромѣ того неизбежно будетъ провести между ними психологическую параллель.

### XIX.

Материалисты во вторую половину XVIII вѣка (Дидро, Гельвеціусъ, Гольбахъ).

Мы обратимся теперь къ тѣмъ писателямъ, которые во вторую половину XVIII столѣтія продолжали развивать и приводить къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ просвѣтительныя ученія Локка и Вольтера. Новыя поколѣнія не останавливаются на деизмѣ Вольтера, и все болѣе и болѣе склоняются къ рѣшительному атеизму и материализму.

Быстрота и легкость, съ какою деизмъ уступалъ мѣсто атеизму и материализму, объясняются двумя обстоятельствами. Во-первыхъ деизмъ, въ той формѣ, въ какой его проповѣдовали англійскіе вольнодумцы и затѣмъ Вольтеръ, представлялъ теорію, которая уже по самому характеру своему, долго держаться не могла и сама вела къ собственному уничтоженію. Въ силу этого ученія — откровеніе, цер-

ковные авторитеты, положительные религиозныя системы были отстранены, и разуму одному давалось право устанавливать новыя понятія. Сначала успокоились на признаніи верховнаго абсолютнаго существа, бытіе котораго старались вывести *раціональнымъ* путемъ изъ созерцанія порядка и гармоніи во вселенной. Но понятіе объ этомъ существѣ было крайне блѣдно и неопредѣленно: сами деисты утверждали только его бытіе и отказывались объяснять его свойства и качества; такое понятіе не говорило ничего ни чувству, ни воображенію, — и разстаться съ нимъ было очень не трудно, гораздо легче, чѣмъ съ положительнымъ вѣрованіемъ. При этомъ деизмъ, основываясь исключительно на разумѣ и отрицая обязательность какихъ бы то ни было другихъ авторитетовъ, самъ давалъ свободный просторъ дальнѣйшему анализу. Очень скоро подвергли критикѣ ту телеологию, то ученіе объ разумныхъ цѣляхъ въ природѣ, на которомъ онъ держался, — и съ устраненіемъ телеологіи оказался немощнымъ деизмъ. — Другое обстоятельство, способствовавшее быстрой смѣнѣ понятій и системъ, — это состояніе французскаго общества того времени. Какъ вамъ уже извѣстно, настроеніе французскаго общества было таково, что оно всячески поддерживало и укрѣпляло оппозицію господствовавшимъ традиціямъ; оно увлекало мыслителей на пути критики и отрицанія, усиливало броженіе идей и постоянно понуждало теоретиковъ къ дальнѣйшему анализу и развитію возникавшихъ ученій. Съ каждымъ годомъ духъ оппозиціи все болѣе и болѣе захватывалъ общество, отрицаніе становилось все рѣзче и неумолимѣе.

Процессъ перехода отъ прежнихъ воззрѣній къ новымъ, болѣе рѣзкимъ понятіямъ, яснѣ всего виденъ на Дидро, по сочиненіямъ котораго можно слѣдить за смѣнявшимися фазами просвѣтительнаго ученія. Въ первомъ своемъ сочиненіи, въ *Опытъ о достоинствѣ и добродѣтели*, которое было написано подъ вліяніемъ книги Шэфтсбюри и вышло въ 1745 году, Дидро еще стоитъ на точкѣ зрѣнія откровенія. Но уже очень скоро послѣ этого перваго опыта, въ его *Философскихъ размышленіяхъ* мы застаемъ Дидро отрѣшившимся отъ откровенія и признающимъ ученіе деизма, которое онъ противопоставляетъ традиціонному суевѣрію. Телеологическое доказательство занимаетъ въ «Философскихъ размышленіяхъ» видное мѣсто. Здѣсь мы находимъ то извѣстное мѣсто, которое обыкновенно

приводится въ учебникахъ исторіи литературы: механизмъ мельчайшаго животнаго, говоритъ Дидро, вынуждаетъ насъ къ признанію абсолютнаго интеллигентнаго существа, устроителя вселенной; крыло бабочки, глазъ мошки — представляютъ наглядное опроверженіе атеизма. — Прошло два-три года, и эта точка зрѣнія убѣжденнаго деиста поколебалась. Серіозныя занятія естествовѣдѣніемъ, особенно физиологіей, постепенно приводили Дидро къ иному образу мыслей, который и былъ имъ съ рѣшительностью высказанъ въ небольшомъ сочиненіи, носившемъ заглавіе: *Мысли объ истолкованіи природы* и появившемся въ 1754 году. Здѣсь мы уже находимъ очертанія новаго міровоззрѣнія, на которомъ и остановился Дидро и которое онъ продолжалъ разъяснять въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ. Основной темой этого новаго міросозерцанія служить мысль объ *единствѣ* всей природы; прежняя теорія дуализма окончательно замѣнена ученіемъ о *монизмѣ*.

Толковать и объяснять природу, по мнѣнію Дидро, слѣдуетъ изъ нея самой, изъ ея внутренняго строенія, не прибѣгая къ какимъ бы то ни было внѣшнимъ, внѣ-міровымъ факторамъ. Исслѣдованіе «конечныхъ, разумныхъ» цѣлей существующаго противорѣчитъ истинному знанію и ведетъ къ однимъ произвольнымъ предположеніямъ. Можно ли вести серіозную рѣчь о цѣляхъ и предназначеніяхъ въ природѣ? Нужно оставить подобныя исслѣдованія цѣлей, о которыхъ мы ровно ничего не знаемъ, которыя придумываются нами по личному усмотрѣнію и стоятъ въ разрѣзъ съ фактами. Естествоиспытатель долженъ покинуть вопросъ: *къ чему?* и заниматься вопросомъ: *какъ?* — Какъ происходитъ то или другое, мы узнаемъ изъ самой природы, изъ исслѣдованія самихъ явленій. Къ чему, для какихъ цѣлей устроено то или другое, — эти соображенія вытекаютъ изъ произвольныхъ системъ, изъ нашихъ предположеній и догадокъ, навязываемыхъ нами природѣ. Такимъ образомъ Дидро видитъ во всей теоріи цѣлей химерическую гипотезу; цѣль есть понятіе, приложимое къ сознательной дѣятельности человѣка, къ его работамъ, къ его дѣйствіямъ, и ложно перенесенное изъ этой области человѣческой дѣятельности на общую экономію всей природы. Обращаться только къ тѣмъ даннымъ, которыя мы находимъ въ самой природѣ, объяснять явленія — не обращаясь ни къ какимъ внѣшнимъ произвольнымъ факторамъ — такова мысль, которая сквозитъ

въ этихъ «Размышленіяхъ» Дидро и которая блистательно развивается имъ въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ, именно въ его знаменитомъ *Диалогъ между Даламберомъ и Дидро*. Дидро, какъ человѣкъ, страстно любившій устныя пренія и споры, любилъ излагать свои изображенія въ формѣ діалоговъ. Означенный діалогъ былъ написанъ имъ въ 1769 году, ходилъ по рукамъ пріятелей и напечатанъ былъ только въ 1830 году. Здѣсь Дидро развиваетъ въ формѣ бесѣды съ Даламберомъ свои физиологическія и философскія воззрѣнія. Къ діалогу онъ присоединилъ еще два фрагмента: *Сонъ Даламбера* и *Продолженіе бесѣды*, въ которыхъ та же тема развивается далѣе, при чемъ на сцену выведены новые собесѣдники: извѣстный врачъ и физиологъ того времени Бордѣ и пріятельница Даламбера, M-lle de Lespinasse. Въ этихъ трехъ блестящихъ фрагментахъ Дидро съ замѣчательной проникательностью и остроуміемъ характеризуются задачи философа и естествоиспытателя. Я приведу отрывокъ, по которому вы можете судить, какъ измѣнилась прежняя точка зрѣнія Дидро и какъ рѣшительно проводитъ онъ мысль о необходимости цѣльнаго, однообразнаго отношенія ко всѣмъ явленіямъ природы. Само собой разумѣется, самъ я не отвѣчаю за воззрѣнія автора и привожу ихъ только для характеристики новой ступени въ развитіи просвѣтительныхъ ученій XVIII столѣтія: «Видите ли вы это яйцо? Имъ можно низвергнуть всѣ школы теологовъ и всѣ храмы земли. Что такое это яйцо? Прежде, чѣмъ оно оплодотворено, это — безчувственная масса. И когда оно оплодотворено, то чѣмъ оно дѣлается? Безчувственной массой, потому что и сѣмя есть только мертвая и грубая жидкость. Какимъ образомъ эта масса переходитъ къ другой организаціи, къ чувствительности, къ жизни? — Посредствомъ теплоты. Что произведетъ теплоту? — Движеніе. Какіе будутъ постепенные результаты движенія? вмѣсто того, чтобъ отвѣчать мнѣ, присядьте и будете слѣдить за этими результатами. Сначала это — колеблющаяся точка, маленькая нить, которая растягивается и окрашивается, — образующееся мясо, носикъ, крылья, глаза, появляющіяся лапы, желтоватая матерія, которая отдѣляется и производитъ внутренности, — это животное. Животное движется туда и сюда, кричитъ, я слышу его крикъ черезъ скорлупу, оно покрывается пушкомъ, оно видитъ. Тяжесть его колеблющейся головы безпрестанно наталкиваетъ его носикъ на вну-

треннюю стѣнку его темницы; вотъ стѣнка пробита, оно выползаетъ на свободу, идетъ, летитъ, раздражается, бѣжитъ, подходитъ ближе, жаляется, страдаетъ, любитъ, стремится и наслаждается: оно имѣетъ всѣ ваши чувствованія, оно совершаетъ всѣ ваши дѣйствія. Неужели вы будете вмѣстѣ съ Декартомъ утверждать, что это только раздражительная машина. Надъ вами насмѣются малые ребята, а философы вамъ отвѣтятъ, что если это — машина, то вы въ свою очередь — другая машина. Если вы признаете, что между вами и животнымъ разница только въ организаціи, вы покажете этимъ вашу разсудительность и готовность принять очевидный фактъ; но тогда придется заключить, что изъ мертвой матеріи, извѣстнымъ образомъ расположенной, на которую подѣйствовало другое также мертвое вещество, — съ теплотой и съ движеніемъ можно получить чувствительность, жизнь, память, сознаніе, страсти, мысль. Вамъ остается только принять одно изъ двухъ: или думать, что въ бездѣйственной массѣ яйца скрывается элементъ, ожидающій развитія, чтобы обнаружить свое бытіе, — или предположить, что этотъ незамѣтный элементъ проникъ черезъ кору въ опредѣленный моментъ развитія. Но что же это за элементъ? — Занимаетъ онъ пространство или нѣтъ? Пришелъ онъ, не двигаясь? Былъ онъ сотворенъ въ минуту потребности или уже существовалъ прежде? Ожидалъ онъ гдѣ-нибудь своего жилища? Если онъ былъ одинаковъ съ даннымъ веществомъ, то онъ былъ матеріаленъ; а если онъ не одинаковъ, то нельзя понять ни его бездѣйствія передъ развитіемъ, ни его дѣятельности въ развившемся животномъ. Вдумайтесь, и пожалѣйте себя. Вы увидите, что для того, чтобы не допустить *просто* предположенія, которымъ все объясняется, именно чувствительности, какъ свойства самой матеріи или какъ продукта организаціи, вы отказываетесь отъ здраваго смысла и бросаетесь въ таинства, противорѣчія и абсурды. Будьте же логичны и не ставьте на мѣсто понятнаго фактора другой непонятный, — другую причину, связь которой съ результатами не постижима, которая порождаетъ множество затрудненій и не разрѣшаетъ ни одного»...

Вы видите, чего требуетъ Дидро отъ изслѣдователя: изученія явленій природы въ нихъ самихъ безъ помощи внѣшнихъ гипотетическихъ силъ. Вся вселенная, насколько она доступна челочеческому познанію, проникнута для него единствомъ. Въ мірѣ



твореній для него нѣтъ чудесныхъ перерывовъ, мистическихъ рубрикъ, нѣтъ двойственности. Всюду Дидро усматриваетъ разнообразныя, вѣчно смѣняющіяся формы, вѣчный круговоротъ единого вещества. И замѣчательно, что въ сочиненіяхъ Дидро мы находимъ уже намеки, указанія, предположенія, которыя тѣсно соприкасаются съ новѣйшей теоріей трансформизма. Разсматривая всѣ явленія въ ихъ взаимной зависимости, находя во всѣхъ міровыхъ процессахъ постепенную преемственность, Дидро долженъ былъ напасть на мысль о происхожденіи и объ историческомъ образованіи животныхъ породъ. Дѣйствительно, такія мысли мы находимъ какъ въ его трудѣ «объ истолкованіи природы», такъ и въ «Диалогѣ съ Даламберомъ». «Подобно тому», говоритъ Дидро, «какъ въ царствахъ животномъ и растительномъ каждый индивидуумъ, такъ сказать, зачинается, растетъ, длитъ свое существованіе, изводится и погибаетъ, — не совершается ли того же и въ цѣлыхъ видахъ? — Если-бъ вѣра не научала насъ, что всѣ животныя вышли изъ рукъ Творца такими, какими мы ихъ видимъ, философъ, предоставленный собственнымъ догадкамъ, могъ бы предположить, что элементы животной жизни извѣка были разбросаны и разсыяны въ массѣ матеріи; что затѣмъ эти элементы соединились, потому что на это была возможность; что зародышъ, образовавшійся изъ сочетанія элементовъ, прошелъ безчисленное множество стадій въ своей организаци и въ своемъ развитіи; что онъ послѣдовательно пріобрѣталъ ощущенія, представленія, понятія, мышленіе, сознаніе, чувства, страсти, жесты, звуки, языкъ, законы, науки, искусства; что между каждой изъ этихъ стадій протекли милліоны лѣтъ; что, можетъ быть, ему предстоитъ еще новое развитіе, новыя неизвѣстныя намъ формы и т. д.; что онъ наконецъ исчезнетъ изъ природы, или, лучше сказать, будетъ продолжать свое бытіе, но уже снабженный совершенно иными способностями, уже совершенно въ иномъ образѣ, чѣмъ въ настоящее время». — Понятно, что такого рода идеи не могли еще въ самомъ XVIII столѣтіи получить широкаго развитія и всеобщаго признанія между людьми науки, за недостаткомъ опытныхъ данныхъ и вслѣдствіе *сравнительно* низкаго уровня нѣкоторыхъ отраслей естествовѣдѣнія. Онѣ высказаны и у Дидро въ формѣ несмѣлыхъ предположеній. Намъ важно только указать на связь подобныхъ идей съ общими воззрѣніями писателя и съ той новой фазой, въ которую

вступила просвѣтительная философія. Мы видимъ, какъ благопріятствовали просвѣтительныя ученія всестороннему освѣщенію естественно-научныхъ данныхъ. Немудрено, что эти плодотворныя вліянія, эта оживленная атмосфера новыхъ идей, охватившая французское общество во вторую половину XVIII столѣтія, породила первыя начала теоріи трансформизма. Какъ извѣстно, трансформизмъ или ученіе о происхожденіи видовъ, въ научной и систематической формѣ, впервые было разработано французскимъ изслѣдователемъ Ламаркомъ, въ его «Философической Зоологіи», которая появилась въ свѣтъ въ 1809 году; но воззрѣнія Ламарка и общій планъ его труда сложился еще въ концѣ прошлаго столѣтія, во время всеобщаго броженія философскихъ и научныхъ доктринъ XVIII вѣка... Въ сочиненіяхъ Дидро иногда мы встрѣчаемся съ такими вопросами, которые поставлены были наукой гораздо позже. У него мы находимъ, напр., указанія на связь между тяжестью, магнетизмомъ и электричествомъ.

Такого рода идеи разносились въ философическихъ салонахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Вы видѣли, какъ мысли, которыя проводилъ Дидро, уже въ значительной степени разнились отъ ученія Вольтера. Деизмъ, за который Вольтеръ держался до самой своей смерти, въ парижскихъ передовыхъ кружкахъ второй половины XVIII вѣка былъ устраненъ. На доводы сторонниковъ цѣлесообразности о томъ, что движущаяся матерія указываетъ на интеллигенцію, сообщившую ей извнѣ движеніе и разумно устроившую ее, — противники утверждали, что они не могутъ себѣ представить матеріи, сначала лишенной движенія, а потомъ приведенной въ дѣятельность внѣшней нематеріальной силой. Движеніе, сила — присуща самому веществу. Какъ можетъ начало нематеріальное, отрѣшенное отъ всѣхъ принадлежностей матеріи, чуждое ей, — дѣйствовать на эту же самую матерію и устроить ее. — Этотъ новый образъ мыслей становился все болѣе и болѣе господствующимъ, приобреталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Дидро не мало содѣйствовалъ его распространенію, и не столько своими сочиненіями, сколько бесѣдами, рѣчами. Систематическаго изложенія своихъ воззрѣній онъ не оставилъ, ограничивался фрагментами, писалъ ихъ случайно и предпочиталъ устную проповѣдь печатному слову. Дидро былъ блестящимъ, увлекательнымъ импровизаторомъ, и, помимо громадныхъ тру-

довъ его по Энциклопедіи, роль его состояла собственно въ возбужденіи мысли. Вліяніе Дидро на кружки было очень значительно.

Два извѣстныхъ писателя того времени стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ Дидро и нерѣдко пользовались его соображеніями. Они принялись за систематизацію тѣхъ новыхъ матеріалистическихъ воззрѣній, которыя въ то время бродили въ парижскихъ кружкахъ. Нельзя сказать, что системы эти вышли особенно удачно. Въ нихъ очень много произвольнаго, онѣ проникнуты рѣзкимъ догматизмомъ и представляютъ, съ многими основательными замѣчаніями, немало заблужденій и ошибочныхъ, поспѣшныхъ выводовъ, не во-время подведенныхъ итоговъ. Писатели, о которыхъ я говорю, — Гельвеціусъ и Гольбахъ. Особенными, выдающимися умственными дарованіями они не отличаются. Но книги ихъ надѣлали много шума; ученіе, которое они развивали, находило сильный отголосокъ въ обществѣ, имѣло значительное распространеніе и представляетъ очень характеристическія данныя для исторіи общественной мысли въ XVIII столѣтіи. Потому они и заслуживаютъ серіознаго вниманія.

*Гельвеціусъ* родился въ 1715 году. Его отецъ былъ придворнымъ врачомъ, спасъ однажды жизнь Людовику XV, когда король былъ еще ребенкомъ, и имѣлъ обширныя связи въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Какъ Дидро, какъ Вольтеръ и многіе другіе просвѣтители, Гельвеціусъ получилъ воспитаніе и образованіе въ коллегіи іезуитовъ. Затѣмъ, благодаря своимъ связямъ, онъ получилъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду мѣсто генеральнаго откупщика. Это было одно изъ очень видныхъ и прибыльныхъ мѣстъ въ эпоху стараго режима. Въ старой Франціи сборъ податей отдавался на откупъ финансистамъ, которые, разумѣется, выжимали для себя изъ низшаго класса громадныя доходы. Но, по всѣмъ свидѣтельствамъ современниковъ, Гельвеціусъ не походилъ въ этомъ отношеніи на своихъ сотоварищей по ремеслу: онъ былъ очень снисходителенъ въ сборахъ, и ему самому случалось изъ собственныхъ средствъ выплачивать недоимки. — Очень рано Гельвеціусъ завязалъ сношенія съ извѣстными литераторами того времени. Онъ познакомился съ Монтескьё, которому сообщилъ замѣчанія по поводу «Духа Законовъ», вступилъ въ переписку съ Вольтеромъ, знавалъ Бюффона, затѣмъ сблизился съ Дидро и Даламберомъ. Кромѣ того его посѣщало множество второстепенныхъ литераторовъ. Литературныя связи Гельве-

ціуса для насъ важны въ томъ отношеніи, что ими отчасти объясняется генизисъ его собственныхъ сочиненій. Въ своемъ философическомъ кружкѣ онъ обыкновенно поднималъ тотъ или другой вопросъ, пускалъ его на обсужденіе, прислушивался къ преніямъ, вникалъ въ поднявшійся споръ, и затѣмъ уже передумывалъ и систематизировалъ то, что было обсуждено. Онъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ любитъ охотиться за идеями (*faire la chasse aux idées*). Результатомъ такой систематизаціи бродившихъ въ самомъ обществѣ возрѣвній явилось сочиненіе его *Объ умѣ*, изданное въ 1758 году. Книга эта получила громадный успѣхъ: во Франціи и за границей вышло до 50 изданій. Она была осуждена въ Римѣ, въ Парижской Сорбоннѣ и сожжена, по приказанію парламента. Въ виду преслѣдованія со стороны властей, авторъ долженъ былъ отречься отъ своего сочиненія, но за то получилъ извѣстность во всемъ образованномъ мѣрѣ того времени. Черезъ нѣсколько лѣтъ Гельвеціусъ снова принялся за писательство и составилъ новое сочиненіе, которое въ сущности представляетъ повтореніе или развитіе прежняго. Эта новая книга носила заглавіе: *о Человѣкѣ* и вышла уже послѣ смерти автора. Гельвеціусъ умеръ въ 1771 году. — Теперь я обращаюсь къ разсмотрѣнію нѣсколькихъ основныхъ взглядовъ, изложенныхъ у Гельвеціуса, и сопоставлю ихъ съ отношеніемъ Дидро къ тѣмъ же вопросамъ. Мы увидимъ разницу въ талантахъ, въ пріемахъ и въ выводахъ.

Я уже говорилъ вамъ, въ какомъ отношеніи для насъ важны и интересны сочиненія Гельвеціуса. Обѣ книги его представляютъ компиляцію, систематизацію, догматическое изложеніе взглядовъ, которые во второй половинѣ XVIII столѣтія имѣли большое распространеніе въ парижскихъ философическихъ салонахъ и съ которыми мы встрѣчаемся во множествѣ второстепенныхъ литературныхъ памятниковъ того времени. Идеи, получившія развитіе въ книгахъ Гельвеціуса, звучатъ на всемъ протяженіи второй половины прошлаго вѣка; мы находимъ ихъ въ корреспонденціяхъ, философскихъ трактатахъ, въ романахъ и повѣстяхъ, — а затѣмъ въ рѣчахъ революціонныхъ ораторовъ, въ проектахъ реформаторовъ, въ мѣропріятіяхъ правительствъ 90-хъ годовъ. Исслѣдователи очень часто говорятъ о догматизмѣ XVIII вѣка, объ крайностяхъ и заблужденіяхъ просвѣтителей, объ ихъ наивной вѣрѣ въ теоріи и о практической непри-

ложимости ихъ ученія. Дѣйствительно, въ подобныхъ замѣчаніяхъ есть доля правды,—и мы сейчасъ познакомимся съ тѣми воззрѣніями, къ которымъ они главнымъ образомъ относятся.

Вы знаете, какое рѣшительное вліяніе оказало на всю французскую просвѣтительную литературу ученіе Локка. Съ легкой руки Вольтера оно быстро распространялось во Франціи и приобрѣтало множество послѣдователей. Философствующая армія выстроилась подъ знаменемъ Локка. Подъ руководствомъ англійскаго мыслителя были нанесены жестокіе удары схоластической традиціи и проложенъ былъ путь къ простому, непредубѣжденному толкованію явленій умственной и психической жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта ревность по Локку и общее увлеченіе новыми просвѣтительными теоріями приводили второстепенныхъ представителей вольнодумства къ нѣкоторымъ крайнимъ и произвольнымъ выводамъ, несогласнымъ съ фактическими опытными данными. Такіе-то рѣшительные, категорическіе выводы, неоправдываемые дѣйствительностью, мы находимъ въ книгахъ Гельвеціуса.

Отправляясь отъ Локковой теоріи познаванія, Гельвеціусъ строить слѣдующій рядъ соображеній. Нашъ умъ не болѣе, какъ собраніе нашихъ идей. Идеи наши даются намъ чувствами. Количество чувствъ у всѣхъ людей одно и то же. Что касается до ихъ качества, до ихъ большаго или меньшаго совершенства и тонкости, то оно не имѣетъ вліянія на умъ. Слѣдовательно умъ—не даръ природы, а приобретеніе, одинаково доступное всѣмъ людямъ съ *обыкновенной* организаціей. Безконечное различіе умовъ, которое мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности, опредѣляется не природными данными, не организаціей, а всецѣло зависитъ отъ обстановки. Талантливость, геніальность—вовсе не обусловливаются природнымъ расположеніемъ; всѣ люди одинаково могутъ достигъ геніальности: для этого нужно стеченіе счастливыхъ случайностей, усиленная умственная сосредоточенность и прилежаніе. А эта сосредоточенность, это вниманіе и прилежаніе зависятъ отъ нашихъ интересовъ и страстей, возбуждающихъ и поддерживающихъ въ насъ вниманіе. Въ свою очередь страсти и интересы могутъ быть развиты въ каждомъ человѣкѣ силою обстановки.— Таково одно изъ основныхъ положеній Гельвеціуса: *всѣ люди съ обыкновенной организаціей въ умственномъ отношеніи равны*; природныхъ различій нѣтъ, и существующая разниа опредѣляется обстановкой. Это положеніе есть крайній и неосмотрительный выводъ

изъ теоріи Локка. Въ своей борьбѣ съ врожденными идеями, съ готовыми понятіями, насажденными въ насъ еще до рожденія какой-то мистической силой, Локкъ сосредоточилъ все свое вниманіе на естественномъ образованіи нашихъ понятій путемъ воспріятія ощущеній. Онъ совершенно вѣрно обозначилъ существенную роль, которую играетъ при созиданіи нашихъ представленій окружающая дѣйствительность, внѣшній міръ. Но занявшись анализомъ нашихъ впечатлѣній, Локкъ оставилъ безъ вниманія тотъ самый органъ, который служитъ центромъ и фокусомъ для нашихъ представленій, т. е. самый мозгъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что строеніе этого органа само по себѣ представляетъ уже извѣстныя матеріальныя условія для воспріятія и группировки представленій; отъ извѣстныхъ особенностей мозга должна зависѣть наша познавательная способность и различія въ складѣ этого органа должны отражаться на самихъ отправленіяхъ мышленія. То, что у Локка оставлено безъ должнаго вниманія, — у Гельвеціуса прямо устраняется: онъ не признаетъ различій въ природной организаціи нашего мозга и категорически относитъ *всю* разницу въ человѣческихъ возрѣніяхъ, понятіяхъ, умственныхъ способностяхъ ко влиянію обстановки. — Это положеніе Гельвеціуса нашло рѣшительнаго противника въ лицѣ Дидро. Я уже вамъ говорилъ, какъ близко стоялъ Дидро къ Гельвеціусу, какъ онъ самъ доставлялъ матеріалы для его книги и какъ Гельвеціусъ пользовался замѣчаніями Дидро. Но съ рѣзкими, угловатыми и догматическими заключеніями Гельвеціуса Дидро согласиться не могъ. До насъ дошелъ живой, бойкій комментарий, написанный имъ къ книгѣ Гельвеціуса *о Человѣкѣ*, и этотъ комментарий знакомитъ насъ съ отношеніями Дидро къ тѣмъ же вопросамъ. Дидро не можетъ допустить природнаго умственнаго тождества между людьми. Онъ настаиваетъ на томъ, что мозгъ самъ по себѣ, помимо обстановки, въ однихъ людяхъ имѣетъ отличія, особенности, свойства, которыхъ онъ не имѣетъ въ другихъ. Неужели мозгъ можетъ быть устроенъ такъ или иначе, можетъ быть здоровъ или ненормаленъ — безъ всякихъ послѣдствій для умственныхъ операций. Если вы допускаете, говоритъ Дидро, что человѣкъ съ большимъ глазомъ плохо видитъ, то вы должны допустить и то, что строеніе его мозга и черепа должно отражаться на его мышленіи. Правда, замѣчаетъ онъ, что изученіе этихъ органовъ только началось, что устройство мозга

для насъ малоизвѣстно, но развѣ вслѣдствіе этого можно пренебрегать его существованіемъ и воздвигать цѣлую систему, вовсе не принимая въ расчетъ такого важнаго фактора. Гельвеціусъ говоритъ, что, относя различія въ умахъ людскихъ къ различію въ организаціяхъ, мы снова прибѣгаемъ къ мистической силѣ, къ тайнымъ свойствамъ природы: мы говоримъ о какой-то организаціи и не называемъ самого органа. Но я вамъ прямо указываю и называю, замѣчаетъ Дидро, что это за органъ, о которомъ я говорю: это—голова, это мозгъ. Какъ, — самое ничтожное поврежденіе въ мозгѣ можетъ сдѣлать человѣка сумасшедшимъ, а все строеніе черепа и мозгового вещества не играетъ никакой роли въ умственныхъ отправленіяхъ! Вы должны ограничить ваше сужденіе, лишитъ его категорической формы. Дидро признаетъ громадное значеніе за обстановкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ также необходимымъ считаться съ природными различіями въ умственныхъ способностяхъ. Повдвѣншія теоріи *наслѣдственности* умственныхъ качествъ и особенно недостатковъ, на которые въ послѣднее время все болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе наука, подтвердили требованія Дидро.

Между тѣмъ Гельвеціусъ совершенно естественно переходилъ отъ своего положенія объ умственномъ равенствѣ людей, объ ихъ природной тождественности къ новому выводу. Все различіе какъ въ умственныхъ способностяхъ, такъ и въ нравственныхъ качествахъ опредѣляется обстановкой. Интересъ къ извѣстнымъ познаніямъ, прилежаніе къ извѣстнаго рода занятіямъ, склонность къ извѣстнаго рода добродѣтелямъ зависитъ отъ нашихъ страстей и влеченій, которыя существуютъ въ каждомъ человѣкѣ, но развиваются окружающими обстоятельствами. Какими же обстоятельствами главнымъ образомъ опредѣляются наши умственныя и нравственныя качества? — Условія климатическія Гельвеціусъ устраняетъ совершенно. Климатъ Італіи нисколько не измѣнился, между тѣмъ Римляне, отличавшіеся въ древности такимъ мужествомъ и такою доблестью, теперь слывуть своей изнѣженностью и женственностью. Греки и Египтяне, славившіеся нѣкогда мудростью и добродѣтелями, нынѣ находятся въ преарѣніи и т. д. Науки, искусства покинули Грецію, перешли въ Аравію, оттуда въ новую Европу. Во всѣхъ такихъ метаморфозахъ физическія условія ни при чемъ. Все зависитъ отъ различныхъ формъ правленія, подъ которымъ живутъ

общества. Качества народа всегда неизбежное слѣдствие законодательства. Отъ воли законодателя зависить произрастаніе добродѣтелей и талантовъ. Доблестныя дѣла, которыми наполнены исторіи Греціи и Рима, свидѣтельствуютъ о томъ искусствѣ, съ которымъ законодатели этихъ народовъ связали частные интересы съ интересами общественными. Въ Греціи и Римѣ, въ силу самой формы правленія, громкая слава всегда была наградой доблестныхъ поступковъ, и вотъ почему граждане постоянно стремились къ подвигамъ. Напротивъ, въ восточныхъ деспотіяхъ, по мнѣнію Гельвеціуса, таланты и добродѣтели находятся въ презрѣніи, всё поглощено своими частными интересами, общія дѣла забыты, никто не заботится ни объ общемъ благѣ, ни объ обязанностяхъ гражданина. Правда, иногда и въ восточныхъ деспотіяхъ мы встрѣчаемъ примѣры доблестей; но это бываетъ только въ тѣ времена, когда на тронѣ сидятъ добродѣтельные и мудрые правители: тутъ окаменѣвшая въ присутствіи тиранна доблесть снова оживляется — подъ скипетромъ благочестиваго владыки. Насчетъ деспотической формы правленія Гельвеціусъ относитъ даже склонность восточныхъ народовъ къ аллегоріи, иносказанію и образности: все это будто бы средства осторожно высказывать истину подъ вышнимъ символическимъ покровомъ. Итакъ, положеніе, къ которому приходитъ Гельвеціусъ, заключается въ томъ, что *форма правленія, политическія учрежденія создаютъ и опредѣляютъ характеръ общества*. Законодатель безъ особенныхъ затрудненій можетъ измѣнять общественныя понятія и обычаи. Такъ напр., перемѣнить религіозныя воззрѣнія народа, по мнѣнію Гельвеціуса, гораздо легче, чѣмъ думаютъ: если *только* разумъ будетъ терпимъ среди націи, онъ очень скоро на мѣсто всякаго вѣроученія поставитъ религію славы и общественнаго блага; дѣло законодателя — слѣдить за тѣмъ, чтобъ суевѣріе не пускало корней, чтобъ не прививались никакіе догматы и никакіе принципы, несогласныя съ общественною полезностью. Дидро скептически относится къ этимъ замѣчаніямъ Гельвеціуса и сильно сомнѣвается въ легкости подобнаго предпріятія. Но общій голосъ во вторую половину XVIII столѣтія былъ за Гельвеціуса, и его доктрина объ всемогуществѣ законодателей и учрежденій была только отзвукомъ господствовавшихъ понятій.

Третье положеніе, которое развивалъ Гельвеціусъ, не ново и уже



давно проводилось въ просвѣтительной литературѣ, — даже самимъ Вольтеромъ. Оно заключается въ томъ, что всё наши поступки опредѣляются нашимъ личнымъ влеченіемъ или интересомъ: во всей нашей дѣятельности мы стремимся къ удовольствію и стараемся избѣгнуть неудовольствія. Собственно въ ученіи Гельвеціуса, даже и въ то время, послѣ сочиненій англійскихъ вольнодумцевъ, не было ничего страшнаго. Но онъ такъ рѣзко его высказалъ и обставилъ его такими грубыми примѣрами, что теорія личнаго интереса — Гельвеціуса произвела страшный переполохъ въ консервативномъ лагерѣ. Именно за эту теорію напустились на книгу объ Умъ и Сорбонна, и Парламентъ, которые усматривали въ проповѣди личной выгоды и личнаго наслажденія гибель всей религіи и морали. Дѣло въ томъ, что Гельвеціусъ съ особеннымъ догматическимъ упрямствомъ выставилъ въ тѣсномъ смыслѣ «физическое» удовольствіе источникомъ всѣхъ нашихъ стремленій и придавалъ особенное непомѣрное значеніе тѣмъ грубымъ формамъ наслажденія (плотская любовь), которыя на самомъ дѣлѣ далеко не играютъ первую роль въ ряду нашихъ побудительныхъ мотивовъ («Любовь половая — къ женщинамъ», говоритъ Гельвеціусъ, «представляетъ у цивилизованныхъ націй почти исключительную пружину стремленій»). Дидро особенно возставалъ противъ этого значенія, которое Гельвеціусъ придавалъ чувственности. Дидро совершенно согласенъ съ тѣмъ, что наши поступки, наши стремленія обусловливаются нашимъ личнымъ удовольствіемъ, но онъ рѣшительно отрицаетъ, что это удовольствіе главнымъ образомъ состоитъ въ удовлетвореніи чувственности. «Я мыслю», замѣчаетъ Дидро, «я создаю Илиаду, и когда я прохожу, вы восклицаете: вотъ онъ, который написалъ Илиаду... и я *вполнѣ удовлетворенъ*». — Таковы три главные положенія Гельвеціуса.

Книги Гельвеціуса, оформивъ и осмысливъ общественныя понятія, въ свою очередь стали воздѣйствовать на литературу и общество того времени. Не трудно найти преобладающій мотивъ ученія Гельвеціуса, ту главную тему, которая проходитъ черезъ всё его сочиненія и которая такъ пришлась по плечу людямъ XVIII столѣтія. Это именно мысль о необыкновенной гибкости и измѣняемости чело-вѣческой природы. Человѣкъ при рожденіи своемъ — нуль, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; это — бѣлый листъ бумаги, тягучій, податливый матеріалъ, изъ котораго можно

все что угодно выкраивать: ученаго, поэта, музыканта, государственнаго человѣка, практическаго дѣателя, героя, злодѣя. Все — въ волѣ законодателя и воспитателя. *L'éducation peut tout* — такъ озаглавленъ одинъ изъ отдѣловъ у Гельвеціуса. Стоитъ только поставить человѣка или цѣлое общество въ такое положеніе, которое *заставило* бы его приобрести желаемыя способности и качества, стоитъ только подѣйствовать на его интересы, возбудить его стремленія къ удовольствію, къ чувственности, — и люди, и цѣлыя общества становятся мудрыми и добродѣтельными. Такая догматическая увѣренность во всеизмѣняемость человѣка и общества и во всемогущество законодательства находила сильное распространеніе въ поколѣніяхъ второй половины XVIII вѣка, и въ 90-хъ годахъ отразилась на характерѣ самаго общественнаго переворота. Въ связи съ этимъ понятіемъ о всемогуществѣ политическихъ формъ развилось возрѣніе, по которому — съ установленіемъ единой и нераздѣльной республики должно было наступить царство всеобщаго блаженства. Въ связи съ этимъ понятіемъ развивался тотъ культъ указовъ, ордонансовъ, постановленій и всякихъ учрежденій, образчики котораго мы въ такомъ множествѣ встрѣчаемъ въ 93 году. Вѣра въ учрежденія, въ декреты достигла такой степени, что, казалось, стоило только издать и обнародовать предписаніе, организовать комитетъ — и дѣло въ шляпѣ. Считалось возможнымъ посредствомъ декретовъ отмѣнять старыя религіозныя системы и вводить новыя, приказывать братство, заказывать дружбу между гражданами, предписывать патриотизмъ, цивизмъ, энтузіазмъ, искоренять общественный индифферентизмъ. Я вамъ напомню по этому случаю извѣстные проекты истаго человѣка 93 года — Сенъ-Жюста. Едва ли въ какомъ-нибудь другомъ памятникѣ можно найти подобную апоптозу государственныхъ учрежденій: «Задача учрежденій», пишетъ С.-Жюсть, — «поселить въ гражданахъ и даже въ самихъ дѣтяхъ духъ законнаго сопротивленія всѣмъ несправедливостямъ; принудить должностныхъ лицъ и юношество къ добродѣтели; подать людямъ мужество и умѣренность; сдѣлать ихъ справедливыми и чувствительными; водворить миръ въ семьяхъ, дружбу между согражданами; поставить общественный интересъ на мѣсто всѣхъ другихъ; подавить преступныя страсти; возбудить во всѣхъ сердцахъ стремленіе къ натурѣ и невинности и образовать отечество». Замѣьте, что политическія учрежденія въ XVIII столѣтіи

разсматривались, какъ нѣчто внѣшнее, независимое отъ исторической почвы, какъ продуктъ одной логики законодателя, который всегда можетъ облечь ими любое общество: точно какой-то волшебный хомутъ, который стоитъ только надѣть, чтобъ очутиться въ состояніи несказаннаго блаженства. Опытъ французской революціи и послѣдующія историческія катастрофы убѣдили очень многихъ, что смѣна политическихъ формъ, обнародованіе новыхъ учреждений, декреты, предписывающіе гражданскую доблесть, и распоряженія, поощряющія публичную мораль, не влекутъ за собой никакихъ существенныхъ измѣненій въ строеніи общества. Формы, дѣйствительно, мѣняются: начальство надѣваетъ новые мундиры, заготавливаются бланки съ новыми заголовками, употребляются новые термины. Но сама легкость смѣны указываетъ на ея несущественность. Когда же происходитъ дѣйствительный переворотъ въ общественномъ строеніи, то онъ является не продуктомъ извнѣ навязаннаго законодательства, а результатомъ видоизмѣнившихся понятій, потребностей и силъ самого общества: эти измѣненія дѣйствительно влекутъ къ прочнымъ и существеннымъ преобразованіямъ. Напротивъ тамъ, гдѣ понятія, потребности и силы общественного тѣла стоятъ въ разрѣзъ съ правительственными декретами, декреты эти всегда остаются празднымъ словомъ и никогда не переходятъ съ бумаги въ дѣйствительную жизнь. Такъ и въ эпоху французской революціи — подверглось дѣйствительнымъ, кореннымъ измѣненіямъ то, что было вынуждено понятіями, потребностями и силами господствующаго общественного слоя, именно: феодальное государство обратилось въ новоевропейское, экономическое. Но желанная свобода и равенство не водворились; единая и нераздѣльная республика потерпѣла фіаско; всеобщее благосостояніе, о которомъ мечтали теоретики, не установилось. Большинство выиграло мало, именно потому, что понятія его не созрѣли, потребности его не были осмыслены и приведены къ сознанию, а силы не были сочтены и сгруппированы. Проекты филантроповъ не имѣли опоры въ дѣйствительности и остались на бумагѣ.

Въ 1770 году въ парижскихъ салонахъ появилось сочиненіе, обратившее на себя всеобщее вниманіе и сильно подѣйствовавшее на умы современниковъ. Оно было напечатано въ Голландіи, носило заглавіе: *Система Природы* и вышло въ свѣтъ, какъ произведеніе нѣкоего Мирабо, бывшаго секретаремъ Академіи и умершаго

десять лѣтъ тому назадъ. Несмотря на то, что имя Мирабо значилось на первомъ листѣ книги, несмотря на то, что въ предисловіи была помѣщена небольшая біографическая замѣтка о Мирабо, — вся публика знала, что это была штука, простой отводъ, что покойный секретарь Академіи вовсе не былъ способенъ написать такую страшную книгу, и что она на самомъ дѣлѣ была написана кѣмъ-нибудь изъ кружка философовъ-матеріалистовъ. Указывали на Дидро, на Пажона и Лагранжа. Дѣйствительно, эти писатели принимали нѣкоторое участіе въ составленіи пресловутой книги, но истиннымъ авторомъ ея, какъ оказалось впоследствии былъ баронъ Гольбахъ, — вполне офранцузившійся нѣмецъ, зачатый просвѣтитель, въ салонѣ котораго собиралось множество литературныхъ и философскихъ известностей того времени; онъ былъ радушнымъ хозяиномъ и его звали *le maître d'hôtel de la philosophie*. Гольбахъ былъ человѣкъ очень хорошо образованный: онъ прилежно изучалъ химию, доставилъ по этой части нѣсколько статей для Великой Энциклопедіи и знакомъ былъ со всей просвѣтительной литературой того времени. Несомнѣнное вліяніе оказали на него матеріалистическія сочиненія англійскаго вольнодумца Толанда. — Гольбахова «Система Природы» раздѣляется на двѣ части: въ первой полагаются основанія новаго рѣзко-матеріалистическаго міросозерцанія, во второй авторъ занимается полемикой съ теологіей и деизмомъ. Матеріалистическое ученіе того времени получило въ этомъ трактатѣ самое полное и рѣзкое выраженіе. Все духовное, все сверхъестественное устраняется, какъ произвольный вымыселъ человѣка, какъ плодъ его фантазій и заблужденій. Въ мірѣ нѣтъ ничего иного, кромѣ силы и вещества. Вся вселенная представляетъ безконечную, неразрывную цѣпь причинъ и слѣдствій, въ этой цѣпи стоитъ и человѣкъ, — и такъ называемое моральное, духовное начало его бытія — только одна сторона его физической жизни и подчинено тѣмъ же законамъ, какъ и другія физическія отправления. Между такъ называемыми тремя царствами природы происходитъ постоянный обмѣнъ и круговоротъ вещества. Животное пріобрѣтаетъ новыя силы, питаясь другими животными или растеніями; окружающая природа поддерживаетъ его существованіе, и затѣмъ, подъ вліяніемъ той же природы, оно подвергается разложенію, и разложившіяся части вступаютъ въ новыя сочетанія, въ новыя организаціи. Желѣзная необходимость господствуетъ, какъ

въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ. Во время урагана частицы пыли кружатся съ тою же необходимостью, съ какой волнуются народы въ бурныя эпохи революціи. Все несчастіе человѣка заключается въ томъ, что онъ не знаетъ природы и вмѣсто изученія дѣйствительности преслѣдуетъ несбыточныя химеры и фантастическіе образы. Путь къ освобожденію человѣка, къ его земному счастью заключается въ истинѣ. Рабство, въ которомъ страдаетъ человечество, тяжкія оковы, наложенныя на него тираннами и жрецами, держатся заблужденіями. Истина постепенно приведетъ человечество къ земному блаженству... Я ограничиваюсь только немногими указаніями на характеръ этой пресловутой книги и предлагаю вамъ познакомиться ближе съ ея содержаніемъ изъ «Исторіи матеріализма» Ланге.

Собственно, мысли, которыя мы находимъ въ *Системѣ Природы*, не новы: мы ихъ встрѣчаемъ у другихъ писателей XVIII вѣка, у Толанда, у Ламеттри, у Дидро и подчасъ даже у Вольтера (разумѣется въ смягченной формѣ и по вопросамъ, не касающимся деизма). Но дѣло въ томъ, что въ книгѣ Гольбаха матеріалистическія начала впервые получили систематическую форму и сплавлены были въ цѣлую догму, въ законченный катехизисъ, положенія котораго поражали своимъ рѣзкимъ, категорическимъ тономъ: сомнѣнія и колебанія вольнодумцевъ замѣнены здѣсь рѣшительными отвѣтами, робкія догадки—неустрасливыми и подчасъ поспѣшными заключеніями. Книга произвела сильное смятеніе во всемъ лагерѣ вольныхъ мыслителей. За нее высказался Дидро и нѣкоторые послѣдовательные матеріалисты: «люблю я такія книги», говорилъ Дидро, «гдѣ дѣло ведется прямо, начистоту». Но деисты возроптали, и въ томъ числѣ Вольтеръ. Вольтеръ отдавалъ должное искусству, съ которымъ была построена *Система Природы*, и вслѣдствіе этого еще болѣе страшился ея вліянія. Во-первыхъ онъ не могъ простить автору неумолимую критику деизма и телеологіи, тѣхъ понятій, съ которыми срослось все міросозерцаніе Вольтера; онъ не могъ допустить образованія мысли, интеллигенціи изъ сочетаній одного вещества. Во-вторыхъ Вольтеръ находилъ, что такая книга можетъ сильно повредить дѣлу философской пропаганды, ибо *Система Природы* отличалась не только философскимъ, но и политическимъ радикализмомъ. Дѣйствительно, появленіе *Системы Природы* (1770 г.) представляетъ поворотный пунктъ въ развитіи просвѣтительныхъ

понятій. Приблизительно съ этого момента слабѣть союзъ философовъ и монарховъ, и вольнодумцы все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе становятся въ отрицательное положеніе къ существующему государственному порядку. Отъ *Системы Природы* вѣтъ рѣзкимъ революціоннымъ духомъ. Недаромъ, одинъ куртизанъ съ ужасомъ писалъ Вольтеру объ этой книгѣ, которая, по его мнѣнію, приготовляетъ страшную революцію. Недаромъ Фридрихъ Прусскій, старый вольнодумецъ и патронъ Ламеттри, переполошился при появленіи сочиненія Гольбаха и сталъ писать опроверженіе новаго пагубнаго ученія. Философы въ его глазахъ потеряли прежній кредитъ. Испуганный неумолимыми послѣдствіями новой философіи, онъ мягче сталъ относиться къ прежнимъ традиціямъ, сталъ даже покровительствовать іезуитамъ. Къ этому моменту относится известная фраза Фридриха: «если-бъ мнѣ нужно было наказать какую-либо провинцію, я отдалъ бы ее на управленіе философамъ». — «Господа философы», шутливо писалъ въ это время Вольтеръ, «совсѣмъ не отличаются ловкостью и тактомъ: они нападаютъ сразу на Бога и на чорта, на поповъ и на сильныхъ міра сего. Кто же будетъ за нихъ?» Однако, опасенія Вольтера не оправдались. Просвѣтительное направленіе все-таки захватывало все большее и большее вліяніе и находило мощную поддержку въ общественномъ сочувствіи. Вѣрно то, что, начиная съ 70-хъ годовъ, философскій радикализмъ идетъ рука объ руку съ политическимъ, и связь эта вѣрнѣе по мѣрѣ приближенія къ революціи. Философская партія въ это время настолько сплотилась и усилилась, настолько увѣрена въ общественной поддержкѣ, что она считаетъ возможнымъ перенести отрицаніе изъ области космологической въ практическую жизнь и уже не щадитъ своихъ прежнихъ союзниковъ, просвѣтителей-монарховъ. *Жрецъ* и *тираннъ* становятся одинаково ненавистными понятіями.

Отмѣтимъ еще фактъ, свидѣтельствующій о томъ же поворотѣ. Въ 1773 году доктора Парижскаго университета задали на премію тему со слѣдующимъ заглавіемъ: «такъ называемая современная философія одинаково враждебна божеству и королямъ». Тема надѣлала много шума въ философскомъ и литературномъ мірѣ того времени и вызвала множество злыхъ нападокъ со стороны Вольтера. — Таковъ новый оттѣнокъ въ развитіи философскаго движенія, который обозначается съ появленіемъ «Системы природы».

XX.

Физиократы.—Тюрго.—Теорія прогресса.

Въ мою задачу не входитъ подробное изложене и критическій анализъ экономической доктрины прошлаго вѣка. Вы познакомились съ этимъ ученіемъ уже изъ курса политической экономіи, и потому я только напомню вамъ главныя черты его и затѣмъ постараюсь освѣтить его исторически,—указать на тѣ нити, которыми оно было связано съ понятіями и интересами французскаго общества того времени и на ту роль, которую оно играло въ литературной исторіи XVIII столѣтія.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, въ парижскихъ философическихъ салонахъ стали говорить о нѣкоей *новой наукѣ*, разрабатываемой нѣсколькими писателями и приобретающей все болѣе и болѣе послѣдователей. Эта новая наука занималась условіями матеріальнаго благосостоянія общества и носила на себѣ всѣ признаки доктринъ XVIII столѣтія. Она была построена на немногихъ категорическихъ принципахъ, съ юношеской увѣренностью выставляла себя абсолютной истиной и пропитана была филантропическими стремленіями эпохи. Адепты ея отличались фанатическою преданностью своимъ принципамъ и необыкновеннымъ рвеніемъ къ пропагандѣ. Современники говорили о нихъ, какъ о сектѣ, и эта секта получила кличку экономистовъ,—вличку, которая вскорѣ стала чередоваться съ другимъ названіемъ — физиократовъ. Новая школа считала учителемъ своимъ придворнаго врача Кенэ, который въ 1758 году, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, издалъ въ свѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Tableau économiqne*. Къ этой «Экономической таблицѣ» ученики и послѣдователи Кенэ относились съ благоговѣніемъ. «Съ начала міра», писалъ маркизь Мирабо, называвшій себя *старшимъ сыномъ доктрины*,—«произошло три открытія, сообщившія политическимъ союзамъ наиболѣе прочныя основанія. Первое — изобрѣтеніе письменности, которая даетъ людямъ возможность передавать изъ рода въ родъ, безъ искаженій, законы, договоры, память о дѣяніяхъ, открытія. Второе — изобрѣтеніе монеты, общаго цемента, связующаго всѣ цивилизованныя націи. Третье — результатъ, вытекающій изъ первыхъ двухъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дополняющій ихъ и вѣнчающій все дѣло, это — «Экономическая таблица», великое открытіе, которое составляетъ славу нашего вѣка и плодами котораго восполь-

зается потомство». Другой сектантъ, аббат Бодо, издавая въ 1771 году свое «Введеніе къ экономической философіи», слѣдующимъ образомъ высказывается въ предисловіи: «Доктрина, введеніемъ къ которой служить моя книга, принадлежитъ наставникамъ моимъ— маркизу Мирабо, получившему громкую извѣстность подъ именемъ *друга людей*, и доктору Кенэ, прозванному мною *Конфуціемъ Европы*; названіе это вполне заслужено Кенэ: оно уже въ настоящее время признано многочисленной школой его учениковъ, исполненныхъ глубокаго рвенія къ благу человѣчества, и будетъ утверждено за нимъ какъ современниками, такъ и потомствомъ. Почтѣнный расположеніемъ моихъ наставниковъ, я проникнуть пламеннымъ стремленіемъ распространять какъ можно болѣе знакомство съ ихъ принципами. Принципы эти образуютъ настоящую науку, которая въ убѣдительности не уступаетъ самой геометріи и, разумѣется, превосходить всѣ прочія отрасли знанія важностью предмета, ибо она занимается возможно большимъ благосостояніемъ и счастьемъ рода человѣческаго на землѣ».—Такова была вѣра экономистовъ въ новое ученіе, таковы были ихъ свѣтлыя упованія. Я уже сказалъ вамъ, что доктрина запечатлѣна духомъ XVIII-го столѣтія. Экономисты представляютъ вѣтвь французской философической школы, и вожди ихъ находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ энциклопедистами и другими вольнодумцами: они сотрудничаютъ въ Энциклопедіи, вращаются въ философическихъ кружкахъ и занимаются просвѣтительными доктринами. 60-е и 70-е годы прошлаго столѣтія—время разгара какъ вольнодумства вообще, такъ и экономической теоріи въ частности.

Въ 1768 году Дюпонъ де-Немуръ собралъ труды Кенэ, издалъ ихъ въ шести томахъ и сообщилъ этому собранію заглавіе: *Физиократія* или «Естественная конституція государствъ, наиболѣе выгодная для рода человѣческаго». Съ этихъ поръ названіе физиократовъ пошло въ ходъ въ приложеніи къ послѣдователямъ экономического ученія. Новымъ терминомъ сектанты хотѣли указать на то, что ихъ доктрина научаетъ естественному, нормальному устройенію человѣческаго общества, вытекающему изъ самихъ законовъ природы и противоположному существующимъ искусственнымъ формамъ. Они выводили якобы абсолютные, природные законы общественного союза. Уже самыя заглавія физиократическихъ трактатовъ указы-



вають на это притязаніе—устанавливать непреложные законы социальной жизни: Мерсье де-Ларивьеръ издаёт книгу объ *Естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ*: Мирабо выпускаетъ сочиненіе съ титуломъ: *Сельская философія* или общая и политическая экономія земледѣлія, основанная на неизмѣнномъ порядкѣ законовъ физическихъ и нравственныхъ, обеспечивающихъ благосостояніе государствъ, и проч.

Сначала остановимся на одной сторонѣ новаго ученія, на его отношеніяхъ къ земледѣлію. — Изучая образованіе народнаго богатства, экономисты усматривали единственный его источникъ въ *земль*. Производителны только тѣ классы общества, которые занимаются земледѣліемъ, такъ какъ они производятъ больше, чѣмъ употребляютъ на собственное продовольствіе: земледѣлецъ не только прокармливаетъ себя во время работы, но и сверхъ того производить излишекъ, который увеличиваетъ массу богатствъ въ странѣ и доставляетъ прокормленіе другимъ. Этотъ излишекъ фізіократы называли *produit net*, и подобнаго-то излишка они не находили въ трудѣ промышленномъ. Занимающійся промышленностью, по ихъ мнѣнію, не производитъ новыхъ цѣнностей: трудъ его заключается только въ обработкѣ и приспособленіи продуктовъ земледѣлія, живетъ онъ на счетъ земледѣльца, и плата, вырученная имъ за работу, представляетъ эквивалентъ того, что затрачено было имъ на свое продовольствіе. Потому Кенэ и его послѣдователи называютъ промышленниковъ классомъ бесплоднымъ,—но не въ томъ смыслѣ, что этотъ классъ бесполезенъ для общества, а въ томъ, что онъ самъ по себѣ не увеличиваетъ массы цѣнностей и только содѣйствуетъ ихъ обращенію и распределенію. Итакъ, земледѣліе — единственный источникъ богатства: оно даетъ продовольствіе народонаселенію, доставляетъ матеріалъ для дѣятельности промышленной и торговой, и все, что способствуетъ его преуспѣванію, обогащаетъ государство. Въ развитіи и совершенствованіи земледѣлія фізіократы видѣли главное условіе общественнаго благосостоянія. Капиталы слѣдовало, по ихъ мнѣнію, привлекать по возможности въ деревни и обращать на обработку крупныхъ помѣстій. Земледѣльцы должны быть вполне свободны въ выборѣ воздѣлываемыхъ ими продуктовъ. Затѣмъ, такъ какъ чистая прибыль получается только съ земледѣлія, то налогъ долженъ падать исключительно на землю, которая одна приноситъ

чистый доход и поэтому одна способна платить подать. При процвѣтаніи земледѣлія и при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, такой налогъ не можетъ быть отяготителенъ для земледѣльческаго класса и будетъ вполне удовлетворять нуждамъ государства... Я не вхожу въ подробности и напоминаю вамъ только общія черты ученія экономистовъ: *одна земля* дѣйствительно производительна, и на земледѣліи должны быть сосредоточены главныя заботы общества. — Несостоятельность теоріи объ исключительной производительности земли и о земледѣліи, какъ единственномъ источникѣ цѣнностей, уже давно обнаружена политико-экономами. Нужно ли указывать на то, что сама производительность почвы и сами барыши, извлекаемые изъ земледѣлія, въ значительной степени обуславливаются приложеніемъ къ земледѣлію тѣхъ орудій и тѣхъ результатовъ знанія и техники, которые вырабатываются мнимо-безплодными классами промышленниковъ и ученыхъ. Тѣмъ не менѣе ученіе физиократовъ о первенствующей роли земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ съ большимъ успѣхомъ распространялось во французскомъ обществѣ и литературѣ XVIII вѣка. У него были и противники, — и нѣкоторые изъ нихъ очень талантливые, но все-таки теорія приобрѣтала множество послѣдователей и царяла во многихъ салонахъ. Не говоря уже о томъ, что сами экономисты неутомимо пропагандировали свои принципы какъ въ отдѣльныхъ трактатахъ, такъ и въ повременныхъ изданіяхъ, — и другіе писатели относились сочувственно къ ихъ ученію и способствовали его популяризаціи. Сенъ-Ламберъ написалъ дидактическую поэму о *Временахъ года* въ духѣ ученія физиократовъ о земледѣліи, Руше прославлялъ сельскую жизнь въ своей поэмѣ о *Мѣсяцахъ*. Кромѣ того, въ связи съ успѣхомъ новой школы и этимъ увлеченіемъ земледѣліемъ (*engouement rural*, какъ говоритъ Маблі), стоитъ основаніе *Общества земледѣлія*, утвержденнаго правительствомъ въ 1761 году. — Какія же условія благопріятствовали развитію и распространенію во Франціи этого страннаго ученія о землѣ?

Историки политической экономіи видятъ въ появленіи школы физиократовъ реакцію предшествовавшей имъ экономической теоріи меркантилистовъ. На смѣну прежняго ученія, которое полагало народное богатство въ количествѣ драгоценныхъ металловъ и главной задачей правительства считало стараніе привлечь въ страну какъ

можно болѣе денегъ и продавать какъ можно болѣе своего товара съ одной стороны, а съ другой — какъ можно менѣе отдавать денегъ и покупать чужого товара, — на смѣну этого ученія явилось новое заблужденіе, новая крайность: исключительный источникъ богатства стали усматривать въ землѣ и ея природныхъ силахъ. Все это вѣрно, но слишкомъ обще, слишкомъ схематично, и должно быть пояснено реальными данными... Во-первыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что значеніе поземельной собственности и земледѣлія возвысилось во Франціи послѣ неудачныхъ финансовыхъ операцій эпохи регентства, послѣ господства такъ называемой «системы» Джона Ло. Пресловутая система потрясла всѣ имущественныя отношенія и поколебала на время довѣріе не только къ денежнымъ оборотамъ, но и къ промышленнымъ предпріятіямъ вообще. Но развитіе и успѣхъ физиократіи опредѣляются, какъ мнѣ кажется, еще другимъ, гораздо болѣе важнымъ и никакъ не случайнымъ явленіемъ въ социальной исторіи Франціи, которое коренится во всемъ ея прошедшемъ и замѣтно на протяженіи всего XVIII столѣтія. Именно, во Франціи, въ теченіе XVIII вѣка въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія мы замѣчаемъ стремленіе, даже болѣе — страсть къ приобрѣтенію поземельной собственности. Родовая придворная аристократія окончательно теряла свое помѣстное значеніе и постепенно выпускала изъ своихъ рукъ землю, которая по клочкамъ переходила во владѣніе средняго и низшаго класса. Въ XVIII столѣтіи буржуа и крестьянинъ становятся поземельными собственниками; землевладѣніе для этого класса — дѣло новое, онъ предается ему со страстью, привязывается къ своей собственности, сосредоточиваетъ на ней всѣ свои заботы. Земля становится предметомъ его неусыпныхъ попеченій, какого-то особаго культа, она привлекаетъ почтеніе и вниманіе современниковъ, — и вотъ съ этимъ явленіемъ стоитъ въ связи та апотеоза землевладѣнія и земледѣлія, которую мы встрѣчаемъ на страницахъ физиократическихъ трактатовъ. Такъ, въ Англіи XVIII вѣка подобная теорія о преобладающемъ значеніи земли возникнуть не могла. Тамъ аристократія сохранила и приумножила свое помѣстное значеніе, и большинство было обезземелено; въ противоположность Франціи, тамъ оно отставало, отвыкало отъ земельной собственности и находило средства къ существованію въ наемномъ трудѣ, промышленной и торговой дѣятельности. Вотъ, по моему мнѣнію, та социальная обстановка, къ которой слѣ-

дуетъ приурочить появленіе фیزیократіи. Не будемъ забывать, что фیزیократія была не одной ученой замкнутой теоріей, но и находила оборотъ въ общественныхъ понатіяхъ.

Ученіе фیزیократовъ о первенствующей роли земли долго держаться не могло. Усиливавшееся значеніе промышленности подрывало его все болѣе и болѣе, и уже къ началу XIX вѣка оно совершенно исчезло во Франціи. Гораздо важнѣе и гораздо долговѣчнѣе другая сторона фیزیократической теоріи, именно ученіе о *свободѣ экономической дѣятельности*. При этомъ нужно замѣтить слѣдующее. Въ школѣ экономистовъ существовало два оттѣнка. Одна фракція съ врачомъ Кенэ во главѣ, и къ которой принадлежали Мирабо отецъ, Дюпонъ де-Немуръ, Летронъ и многіе другіе, разрабатывала преимущественно аграрные вопросы и ту теорію земледѣлія, о которой я сейчасъ говорилъ. Другая, въ принципахъ совершенно согласная съ первой, занималась вопросами торговли и мануфактуры; сюда, между прочимъ, принадлежали негодіантъ Гурнэ, Морелле, Мальзербъ и нѣкоторые другіе. Какъ первые, такъ и вторые дѣйствовали дружно, сообща; принципиальныхъ различій между ними не было, только первые занимались болѣе земледѣліемъ, вторые разсматривали и задачи промышленности. Затѣмъ, вся школа неутомимо ратовала за полную свободу въ экономическихъ отправленияхъ. Требованіе ея было выражено въ извѣстной формулѣ Гурнэ: *laissez faire, laissez passer*. Землевладѣлецъ долженъ былъ совершенно свободно распоряжаться какъ способами обработки, такъ и добытыми результатами. Государство должно было предоставить ему полную свободу возвышать цѣну на продукты, продавать свой хлѣбъ или держать его въ складѣ, сбывать внутри страны или вывозить за границу. Землевладѣлецъ долженъ быть вполне свободнымъ хозяиномъ своей собственности. Точно также фабрикантъ и купецъ: дѣятельность его не должна быть стѣсняема никакими монополіями и привилегіями, государство должно предоставить полный просторъ его предпріимчивости, дать ему возможность совершенно свободно, по собственному усмотрѣнію, производить, продавать, покупать, заключать сдѣлки. Такъ устанавлилась теорія абсолютной собственности. Въ этомъ отношеніи ученіе фیزیократовъ являлось программой средняго класса, стремившагося во что бы то ни стало сбросить всѣ феодальныя помѣхи и отдаться свободной, безконтрольной экономической дѣятельности. Средневѣковая регламен-

тація ложилась тяжкимъ гнетомъ какъ на земледѣліе, такъ и на промышленность. Нужно было освободиться отъ нея и открыть себѣ привольное поле для новой усиленной дѣятельности. Результаты желанныхъ реформъ являлись экономистамъ въ самомъ радужномъ свѣтѣ: они твердо были увѣрены, что съ паденіемъ феодальныхъ стѣсненій наступитъ эпоха матеріальнаго благосостоянія для всего населенія. Надъ темными сторонами экономической свободы они мало задумывались; притомъ, эти темныя стороны въ то время даже не могли броситься въ глаза, не могли рельефно выступить на общемъ фонѣ социальныхъ отношеній того времени. Напротивъ того, въ виду нелѣпыхъ традиціонныхъ стѣсненій, которыми обставлено было производство во Франціи XVIII вѣка, въ изслѣдователяхъ крѣпло убѣжденіе, что простая отмена этихъ нелѣпостей, простое истребленіе существовавшихъ помѣхъ разрѣшить всѣ экономическія затрудненія и вмѣстѣ съ абсолютной свободой въ экономической дѣятельности водворится общее національное благосостояніе: «Новое ученіе», пишетъ Тюрго въ своемъ похвальномъ словѣ умершему Гурна, «основывается на положеніи, что всякое лицо можетъ лучше судить о своемъ собственномъ интересѣ, чѣмъ другое лицо, которому этотъ интересъ безразличенъ. Общій интересъ есть интересъ всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, взятыхъ въ совокупности, и лучшее, что можно придумать, — это предоставить каждому поступать по собственному усмотрѣнію. При порядкѣ, въ которомъ торговой и промышленной дѣятельности будетъ дана полная свобода, общій интересъ будетъ непременно сливаться съ частнымъ». Но при этомъ экономисты совершенно устраняли изъ своего разсмотрѣнія *последствія* того обстоятельства, что члены общества, взятые порознь, выступаютъ на поприще экономической дѣятельности съ неравными силами и потому свободная конкуренція приведетъ не къ гармоніи интересовъ всѣхъ и каждого, а къ гнету сильнаго, имущественнаго класса надъ классомъ неимущимъ. Они не предвидѣли той страшной драмы, которая разыгрывается передъ нашими глазами на сценѣ всемірной исторіи, послѣ осуществленія теоріи свободной экономической дѣятельности...

Въ наше время, благодаря новымъ историческимъ испытаніямъ, ученіе «laissez faire» подверглось осужденію со стороны серьезныхъ научныхъ изслѣдователей, а соответствующая этому ученію практика все болѣе и болѣе подрывается грознымъ напоромъ низшихъ клас-

совь. Но во вторую половину XVIII вѣка оно встрѣтило лишь изолированныхъ противниковъ, поддерживалось всеобщей ненавистью къ феодальнымъ учрежденіямъ и восторжествовало въ умахъ почти всего образованнаго класса того времени.—Изъ книгъ, направленныхъ противъ фізіократіи, приобрѣли нѣкоторый успѣхъ сочиненія Галіани и Неккера, и небольшой, но бойкій и остроумный памфлетъ Вольтера: *L'homme aux quarante écus*, въ которомъ авторъ глумится надъ исключительнымъ поземельнымъ налогомъ, придуманнымъ фізіократами. Вольтеръ сопоставляетъ бѣднаго землевладѣльца, получающаго доходъ въ 40 эку и понуждаемаго къ уплатѣ цѣлой половины этого дохода государству, и капиталиста, пользующагося доходомъ въ 400 тысячъ ливровъ и совершенно освобожденнаго отъ подати. Землевладѣлецъ, выходя изъ тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ за неплатежъ своихъ повинностей, встрѣчается съ капиталистомъ и предполагаетъ, что этотъ господинъ тоже отдаетъ половину своего дохода, т. е. 200 тысячъ казнѣ. «Какое мнѣ дѣло до потребностей государства», говоритъ ему капиталистъ. «Вы шутите, любезный другъ! Я получилъ въ наслѣдство отъ дяди 8 милліоновъ, у меня нѣтъ ни клочка земли, все мое имущество состоитъ въ бумагахъ, векселяхъ,—я ничего не долженъ государству. Это вы, какъ поземельный владыка, должны уплачивать половину вашего дохода казнѣ. Платите, любезнѣйшій, вы мирно пользуетесь очевидной, чистой прибылью въ 40 эку; служите усердно отечеству и приходите кой-когда ко мнѣ обѣдать на застольную». Впрочемъ Вольтеръ, потѣшаясь надъ куріозной теоріей налога, выведенной экономистами, раздѣлялъ ихъ ученіе о свободной торговлѣ и съ восторгомъ привѣтствовалъ реформы Тюрго, котораго онъ считалъ однимъ изъ первыхъ людей своего времени. Вѣроятно подъ вліяніемъ мѣропріятій Тюрго, Вольтеръ впоследствии окончательно примирился съ фізіократами, хотѣлъ загладить свои прежнія насмѣшки и вступалъ съ ними даже въ литературныя сношенія. Въ *Диалогахъ о торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ* аббата Галіани можно найти отдѣльныя мѣткія и остроумныя соображенія, но они также не представляютъ систематическаго опроверженія теоріи объ экономической свободѣ. Серіознѣе къ дѣлу отнесся Неккеръ, впоследствии извѣстный министръ финансовъ: въ 1775 году онъ напечаталъ трактатъ *О торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ и о законодательствѣ по этому предмету*. Неккеръ пытался анализиро-

вать самое понятіе о правѣ собственности и, отрицая абсолютное значеніе права собственности, ограничивалъ его общественною полезностью. Но, какъ я уже сказалъ, большинство образованнаго класса стало за теорію свободной экономической дѣятельности и, послѣ революціонныхъ бурь, когда снесены были всѣ остатки феодальнаго строя, въ извѣстной степени обрѣло желанный просторъ для своей предприимчивости.

Теперь я долженъ указать еще на одинъ мотивъ въ ученіи фізіократовъ, который замѣтенъ почти во всѣхъ сочиненіяхъ школы, но который выступаетъ съ бѣльшей рѣзкостью въ книгахъ двухъ экономистовъ: Мерсье де-Ларивьера и аббата Бодо, — это именно склонность къ сильной политической власти, къ абсолютизму, и такую склонность имъ всегда ставятъ въ тяжкую вину либеральные политическіе писатели. Дѣло въ томъ, что чисто политическими вопросами, организаціей властей, фізіократы занимались мало; они сосредоточивали все свое вниманіе на задачахъ экономическаго быта, на матеріальномъ благосостояніи населенія. Для нихъ политическія учрежденія никогда не представляли интереса сами по себѣ; они иногда разсматривали ихъ какъ средство, но никогда не изучали ихъ какъ цѣль. Цѣли у фізіократовъ были реальныя: установить наибольшее прибыльный, благополучный порядокъ общественныхъ отношеній. Самымъ удобнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли имъ представлялась просвѣщенная абсолютная власть, самостоятельно дѣйствующая помимо всякихъ политическихъ партій, корпорацій, посредствующихъ учрежденій, — притомъ непремѣнно дѣйствующая согласно съ тѣми естественными, нормальными законами, которые были выставлены экономистами. Какъ видите, понятіе объ этой власти очень неопредѣленно и сбивчиво; фізіократы рассчитывали на какой-то разумный, легальный (какъ они выражались) деспотизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ признавали за всѣмъ народомъ право сопротивляться велѣніямъ деспота, если эти послѣдніе не соотвѣтствуютъ естественнымъ законамъ. Весь этотъ вопросъ былъ для нихъ побочный, политическая форма сама по себѣ не возбуждала ихъ интереса, — и большинство фізіократовъ готово было признать любую форму, если только она представляла благоприятныя условія для осуществленія ихъ экономическихъ предначертаній. — Вотъ за этотъ политическій индифферентизмъ, за это равнодушіе къ такъ называемой политиче-

ской свободѣ, за ихъ исключительныя заботы о матеріальномъ благосостояніи, фізіократы доселѣ претерпѣваютъ нападки со стороны либераловъ и политическихъ догматиковъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна глава, посвященная экономистамъ Токвиллемъ въ его знаменитой книгѣ о «Старомъ порядкѣ и революціи». Подвергнувъ суровому осужденію матеріальное направленіе фізіократовъ и равнодушіе ихъ къ политическимъ вольностямъ, Токвилль заключаетъ свою главу краснорѣчивой тирадой во славу политической свободы. Истинная любовь къ свободѣ опредѣляется, по его мнѣнію, никакъ не матеріальнымъ благосостояніемъ, ни даже желаніемъ освободиться отъ дурного правительства и завести болѣе удобный порядокъ вещей. «То, что во всѣ времена такъ сильно привязывало сердца нѣкоторыхъ людей къ свободѣ, это ея собственныя прелести, независимыя отъ связанныхъ съ нею благъ, это наслажденіе говорить, дѣйствовать, дышать—подъ однимъ владычествомъ Бога и законовъ. Кто ищетъ въ свободѣ чего-либо другого, помимо ея самой, тотъ сотворенъ на рабство... у того нѣтъ вкуса къ свободѣ. Не требуйте отъ меня анализа этого возвышеннаго вкуса (*se goût sublime*), нужно его испытать самому. Онъ присущъ тѣмъ доблестнымъ сердцамъ, которые приуготованы къ нему божествомъ: онъ наполняетъ и воспламеняетъ ихъ. И нечего объяснять его *посредственнымъ душамъ*, которыя никогда его не испытывали». Вотъ до какого пустословія можетъ договориться политическій идеалистъ. Дѣйствительно, фізіократы были лишены этого аристократическаго вкуса къ утонченнымъ прелестямъ политическихъ препирательствъ; выходитъ, что это были посредственныя души, которыя ставили главной задачей своей—реформу грубыхъ матеріальныхъ отправленій общественнаго организма. Въ темахъ, въ вопросахъ, возбуждавшихъ ихъ вниманіе, они сходились съ еще болѣе грубыми и страшными социалистами, которыхъ съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ въ Законодательномъ собраніи Токвилль въ 1851—1852 году, въ то самое время, какъ онъ писалъ свою книгу о революціи... Нужно замѣтить, что въ наше время число такихъ отъявленныхъ политическихъ идеалистовъ, какъ Токвилль, все убываетъ. Исторія все болѣе и болѣе выдвигаетъ эти «грубые, экономическіе» вопросы, признаетъ за ними все болѣе и болѣе важную и большую важность и находитъ все болѣе и болѣе интересъ въ экономическихъ явленіяхъ и



теоріяхъ прошедшаго, которыя помогаютъ намъ выяснитъ настоящее. Глубоко поучительной является соціальная исторія XVIII столѣтія, съ которой такъ тѣсно связаны ученія физиократовъ.

Отъ общихъ замѣчаній о школѣ физиократовъ я перейду къ самому оригинальному и привлекательному ея послѣдователю, къ одному изъ самыхъ видныхъ писателей и государственныхъ дѣятелей Франція XVIII вѣка, — къ Тюрго. Люди, имѣвшіе дѣло съ Тюрго, по своимъ отношеніямъ къ нему, дѣлились на двѣ категоріи: на враговъ и на близкихъ друзей и поклонниковъ. Онъ былъ человѣкомъ, къ которому трудно было относиться равнодушно: приходилось или стать съ нимъ заодно, или идти на него. Тюрго — личность очень рѣзкая и угловатая, которая не могла обшлфоваться въ обществѣ, не могла прилаживаться ко всякому встрѣчному и поперечному, дѣлать уступки направо и налево. Всѣ современники соглашались въ суровости, неподатливости и непокладливости Тюрго; и всѣ они, въ той или другой формѣ, свидѣтельствуютъ о непоколебимой стойкости и твердости его убѣжденій. Многіе указываютъ на то, какъ вредила ему суровость въ обращеніи, какъ отдаляла она отъ него людей, какъ часто, не согласившись на какой-нибудь ничтожный компромиссъ, не умѣя или не желая приладиться къ тому или другому лицу, онъ навлекалъ себѣ кучу затрудненій и непріятностей. «Всѣ чувства Тюрго», говоритъ его біографъ Кондорсе, «послѣдовательно вытекали изъ его убѣжденій... Ненависть его была открытая и непримиримая; онъ даже былъ того мнѣнія, что только одни порядочные люди никогда не примиряются въ своей ненависти, что мелкіе люди напротивъ умѣютъ мстить и пакостить, но не умѣютъ ненавидѣть. Его считали гордымъ, потому что онъ не скрывалъ ни сознанія собственной силы, ни глубокой увѣренности въ своихъ воззрѣніяхъ». «Часто», рассказываетъ намъ другой современникъ, «онъ отказывался отъ спора... молчаніе его выражало презрѣніе: окружающіе замѣчали, что онъ не хотѣлъ дѣлать возраженій потому, что считалъ собесѣдника не заслуживающимъ отвѣта и не доросшимъ до пониманія». На эту черту указываютъ и друзья Тюрго, Кондорсе и Дюпонъ де-Немуръ, и они даютъ ей совершенно вѣрное объясненіе. Свои идеи, свои соображенія, Тюрго любилъ развивать только въ присутствіи людей родственныхъ по убѣжденіямъ, единомышленниковъ; всѣ его понятія, по словамъ

Кондорсе, были такъ тѣсно связаны между собой, представляли такой стройный корпусъ, что онъ не могъ, да и не считалъ нужнымъ отстаивать отдѣльное изолированное положеніе въ бесѣдѣ съ чело-вѣкомъ противоположнаго образа мыслей: онъ очень хорошо видѣлъ, что игра не стоитъ свѣчъ, что онъ никогда не сговорится съ противникомъ, и отдѣлялся отъ него нѣсколькими рѣзкими лаконическими отвѣтами. *Свирѣпость* его отвѣтовъ (*le farouche de ses réponses*) была извѣстна. Къ противнику по воззрѣніямъ онъ относился, по выраженію современника, «съ обидною ѣдкостью», мнѣніе для него сливалось съ лицомъ и потому онъ нападалъ не только на аргументъ, но и на личность, — и на послѣднюю даже болѣе. Такъ составлялось общее мнѣніе о страшной гордости Тюрго: въ немъ находили, замѣчаетъ Мармонтель, гордыню Люцифера. Къ этому прибавляли, что Тюрго плохо знаетъ людей, что онъ — отчаянный систематикъ, лишенъ всякаго умѣнья лавировать и идетъ себѣ напроломъ... При всемъ этомъ, именно вслѣдствіе глубокой увѣренности въ истинѣ и правотѣ своихъ воззрѣній, Тюрго чувствовалъ сильный позывъ къ практикѣ: онъ ощущалъ потребность вносить въ жизнь, осуществлять свои теоріи, и дѣйствительно лучшіе годы его прошли въ лихорадочной дѣятельности. Проектъ слѣдовалъ за проектомъ, одна реформа за другой; что касается до приложенія своихъ предначертаній, Тюрго медлить не любилъ и не останавливался передъ крутыми мѣрами. «Вы слишкомъ торопитесь», говорилъ ему Мальзербъ, «зачѣмъ хотите вы дѣлать заразъ столько вещей. Вы себѣ воображаете, что у васъ любовь къ общественному благу; вовсе нѣтъ, у васъ къ нему какая-то бѣшенная страсть (*vous en avez la rage*), потому что, въ самомъ дѣлѣ, нужно быть бѣшенымъ, чтобъ гнуть всѣхъ въ дугу, какъ вы того хотите». На это Тюрго отвѣчалъ пріятелю: «вы упрекаете меня въ поспѣшности, но вѣдь вы знаете, что въ нашей фамиліи люди умираютъ 50 лѣтъ отъ роду. Мнѣ нужно спѣшить»... Когда Тюрго, общими стараніями придворной челяди, парламентскихъ вляузниковъ и финансистовъ стараго порядка, получилъ отставку отъ короля, — глубоко опечаленный Вольтеръ обратился къ нему съ прекрасной одой, носившей заглавіе: *Посланіе къ челоуьку*... Мощная, самобытная, законченная личность министра-философа съ поразительной яркостью выдѣлялась среди стертыхъ, ничтожныхъ, бездарныхъ вратуръ стараго режима.

Тюрго родился въ 1727 году и былъ назначенъ родителями къ духовному званію. Онъ получилъ образованіе въ одномъ изъ лучшихъ парижскихъ училищъ и оттуда перешелъ въ Сорбонну для подготовленія къ церковной карьерѣ. Многіе товарищи его вскорѣ заняли видныя мѣста аббатовъ и епископовъ, но, когда для Тюрго пришло время принимать постриженіе, онъ откаался принести обѣтъ и вовсе вышелъ изъ клерикальнаго міра. На доводы друзей, изображавшихъ ему выгоды духовной карьеры, Тюрго отвѣчалъ: «я совсѣмъ не могу понять, какъ это вы ладите сами съ собой; что касается до меня, то мнѣ рѣшительно невозможно обречь себя—носить маску въ теченіе всей жизни». Тюрго давно уже покончилъ съ положительнымъ вѣрученіемъ и стоялъ на точкѣ зрѣнія современныхъ ему дѣйствъ. Онъ много занимался самыми разнообразными научными отраслями и пріобрѣлъ энциклопедическія познанія: его интересовали вопросы философскіе, естественно-научные, историческіе и даже лингвистическіе. Повднѣ я скажу объ тѣхъ талантливыхъ эскизахъ по философіи исторіи, которые были имъ написаны еще въ Сорбоннѣ. Въ Великой Энциклопедіи онъ помѣстилъ статьи объ *этимологіи*, о *бытіи*, въ которой полемизируетъ съ Беркли, объ *ярмаркахъ и рынкахъ*, гдѣ является защитникомъ свободной торговли. Экономическія отправления общества привлекали особенное вниманіе Тюрго, и уже съ юношескихъ лѣтъ онъ слѣдилъ за теоріями народнаго богатства. Вскорѣ пріобрѣла въ немъ ревностнаго послѣдователя новая школа физиократовъ. Тюрго сблизился съ Кенэ и еще болѣе съ Гурнэ, который занималъ мѣсто интенданта торговли и которому Тюрго иногда сопутствовалъ во время его официальныхъ ревизій. Гурнэ, въ теченіе двадцати лѣтъ занимавшійся торговыми операціями, находившійся въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ англійскими и голландскими негоціантами и знавшій кое-что въ англійской экономической литературѣ, докончилъ экономическое образованіе Тюрго.

Въ полной свободѣ экономической дѣятельности, въ отгнѣвѣ всѣхъ феодальныхъ стѣсненій и регламентацій — Тюрго видѣлъ основныя, настоятельныя потребности разумнаго общественнаго быта. Рѣшительно, категорически, высказывается онъ въ пользу новой теоріи физиократовъ въ *Похвальномъ словѣ Гурнэ*, которое онъ написалъ въ 1759 году. Тюрго горячо отстаиваетъ принципы Гурнэ и безусловно принимаетъ ихъ со всѣми послѣдствіями. «Протпворѣчія,

сопротивленіе, которое встрѣчалъ Гурнэ», пишетъ Тюрго, «только возбуждали его ревность. Ему было извѣстно, что если-бъ онъ не столь рѣшительно высказывалъ свои принципы, если-бъ онъ не признавалъ всѣхъ отдаленныхъ послѣдствій, изъ нихъ вытекающихъ, если-бъ онъ согласился на нѣкоторыя незначительныя измѣненія,— онъ этимъ самымъ избѣгнулъ бы столь страшнаго прозвища *систематикъ* и предотвратилъ бы распространяемыя противъ него предубѣжденія. Но Гурнэ», продолжаетъ Тюрго, «находилъ полезнымъ, чтобъ принципы получили самое полное, самое широкое развитіе,— онъ желалъ, чтобъ нація ихъ себѣ усвоила, и только полное и ясное изложеніе истины могло раскрыть ей новую теорію. Гурнэ думалъ, что уступки и сдѣлки могутъ быть выгодны только лично для него, и потому не принималъ ихъ во вниманіе».

Занимаясь наукой и литературными работами, Тюрго въ то же время служилъ по администраціи и готовился къ должности интенданта. Благодаря обширнымъ связямъ и протекціи, которой пользовалась вся семья Тюрго (это было старое служилое племя), онъ довольно скоро, въ 1761 году, получилъ мѣсто интенданта въ Лиможѣ и со страстью принялся за дѣло. Это былъ самый бѣдный административный округъ, который особенно сильно страдалъ подъ гнетомъ застарѣлыхъ административныхъ обычаевъ. Черезъ годъ Тюрго получилъ уже новое соблазнительное предложеніе, его хотѣли назначить интендантомъ въ Ліонъ, а подобное мѣсто считалось очень важнымъ. Но, несмотря на всѣ выгоды, которыя представляла интендантура въ Ліонѣ, Тюрго не принялъ предложенія, мотивируя свой отказъ обширными работами по кадастру, предпринятыми имъ въ Лиможѣ. Тринадцать лѣтъ онъ исправлялъ здѣсь должность интенданта и трудился съ замѣчательнымъ рвеніемъ. Находясь, при осуществленіи своихъ административныхъ плановъ, въ постоянной зависимости отъ центральнаго управленія, Тюрго не могъ приступить къ кореннымъ преобразованіямъ, но всячески старался облегчить данное положеніе населенія и по возможности ослабить феодальныя порядки. Онъ установилъ болѣе равномерное распредѣленіе поголовной подати, замѣнилъ нѣкоторыя отяготительныя натуральныя повинности денежными, усердно побуждалъ къ земледѣльческой и промышленной дѣятельности и проч. Все это было только прелюдией къ новой дѣятельности Тюрго въ качествѣ министра, къ которой

онъ былъ призванъ въ 1774 году. Замѣтимъ, что въ эпоху своей интендантуры, при всѣхъ своихъ обширныхъ практическихъ работахъ, Тюрго не покидалъ литературныхъ занятій. Въ немъ всегда былъ виденъ администраторъ-философъ. Въ это время онъ писалъ *Письма* о торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ и составилъ нѣсколько мемуаровъ по экономическимъ вопросамъ. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ изданныя имъ въ 1766 году *Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ* — сжатый экономическій трактатъ, настоящій катехизисъ фізіократическаго ученія. Сочиненіе раздѣлено на сто параграфовъ: сначала выставляется общее положеніе, къ которому затѣмъ присоединяется комментарий.

На новомъ поприщѣ, въ должности министра, Тюрго нашель гораздо болѣе простора и независимости, чѣмъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ интенданта. Какъ министръ финансовъ, онъ *de facto* стоялъ во главѣ французскаго управленія, и не преминулъ воспользоваться своимъ положеніемъ для осуществленія своихъ завѣтныхъ плановъ и тѣхъ фізіократическихъ началъ, которыя представлялись для него аксіомами соціальной науки. Преобразовательные проекты слѣдовали одинъ за другимъ. Безпощадно, наперекоръ все болѣе и болѣе усиливавшемуся ропоту юридически господствовавшихъ классовъ, онъ ломалъ старые административные обычаи, свосилъ вѣковыя феодальные оплоты и расчищалъ почву для дѣятельности новыхъ классовъ, начинавшихъ напоминать о своемъ фактическомъ преобладаніи. Тюрго не принималъ въ расчетъ ни возраставшаго негодованія версальской дворни, ни усиливавшейся оппозиціи въ парламентской средѣ. Кругомъ него строились интриги и заводились кляузы, защитники стараго порядка безъ разбора заключали противъ него оборонительный и наступательный союзъ, число враговъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Онъ шелъ напроломъ. При этомъ обратите вниманіе на то, что если, съ одной стороны людямъ стараго режима должны были казаться страшно разрушительными самыя его мѣры, то, съ другой стороны ихъ едва ли еще не болѣе раззадоривала та форма, въ которой онъ ихъ объявлялъ, тѣ приемы, съ которыми онъ ихъ проводилъ. Не говоря уже о томъ, что его личное обращеніе съ противниками возбуждало въ нихъ все большую и большую вражду, эта вражда усиливалась еще болѣе именно этой формой декретовъ. Преобразовательные эдикты Тюрго не походили на обыкновенные админи-

стративные указы, а на настоящія литературныя произведенія. Онъ присоединялъ къ нимъ *préambules*, литературныя введенія, философскія увертюры, въ которыхъ данныя проекты пояснялись научными принципами физіократовъ и сводились къ общимъ началамъ. Это были цѣлыя трактаты и диссертации, цѣлыя исповѣданія вѣры; такія обобщенія напоминали публикѣ о предстоящихъ новыхъ мѣрахъ и новыхъ преобразованіяхъ, которыя необходимо должны были вытекать изъ разъ навсегда задуманной, связанной и широкой программы министра-философа. Многое значилось въ этой программѣ: смерть всего того, что сколько-нибудь напоминаетъ феодализмъ, и установленіе новаго экономическаго государства. Не мудрено, что версальскіе бары, ветхіе бюрократы, откупщики, попы, куртизанки, цеховые мастера, — въ каждомъ эдиктѣ усматривали рядъ новыхъ гровныхъ манифестовъ, и поэтому горько жаловались на наступившее экономическое «потопленіе», «наводненіе» (*débordement économique*).

Останавливаться на всѣхъ многочисленныхъ мѣропріятіяхъ Тюрго не входитъ въ мою задачу. Я укажу только на главные декреты, которымъ онъ придавалъ существенное значеніе.

Во-первыхъ — постановленіе о свободномъ обращеніи зернового хлѣба внутри государства, которое вмѣстѣ съ тѣмъ сулило въ будущемъ другой проектъ — о полной свободѣ вывоза хлѣба за границу. Мѣра эта была уже не нова во Франціи. Внутреннія таможи и стѣсненія уже давно тяготѣли надъ населеніемъ, и уже въ 1763 году была введена свобода обращенія зерна. Но затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, законъ былъ отмѣненъ, кажется — по проискамъ нѣсколькихъ финансистовъ и высокопоставленныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ восстановленіи прежней привилегіи. Такимъ образомъ указъ Тюрго, надѣлавшій столько шума и возбудившій такое негодованіе въ консервативныхъ кружкахъ, былъ не новъ въ главныхъ чертахъ своего содержанія. Но форма была совершенно новая: это былъ настоящій манифестъ школы свободной торговли... На бѣду Тюрго появленіе и осуществленіе указа совпало съ голоднымъ годомъ. Между тѣмъ казенные склады, обязательная продажа хлѣба была отмѣнена. Тюрго, съ своей порывистостью, съ своей страстью къ рѣшительнымъ, крутымъ поворотамъ, не принялъ своевременно мѣръ къ подвозу хлѣба, а когда онъ ихъ принялъ, то было уже поздно. Въ Дижонѣ, а потомъ въ Парижѣ, вспыхнуло народное возстаніе. Разумѣется, много-

численные враги Тюрго всячески помогали броженію: замѣчены даже были подстрекатели, подсланные въ народъ изъ высшихъ сферъ. Впрочемъ, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что *все* возстаніе было результатомъ однѣхъ интригъ, устроенныхъ врагами министра; хотя друзья Тюрго и приписывали бунтъ заговору, но доказательства въ пользу этого довольно слабы. Все-таки приходится признать, что мѣра сама по себѣ, такъ, какъ она проведена была Тюрго, въ голодный годъ, безъ охранительныхъ предосторожностей, могла привести къ общественной неурядицѣ. Бунтъ продолжался недолго и не представлялъ ничего грознаго. Народъ просто разграбилъ булочные лавки и вскорѣ успокоился. Но въ подавленіи безпорядка Тюрго показалъ себя неумолимымъ до жестокости. На ноги поднять былъ армейскій корпусъ («внутренняя армія»), Тюрго былъ назначенъ временнымъ военнымъ министромъ, произведено было множество арестовъ. Два мнимыхъ зачинщика были повѣшены: они были невинны и погибли жертвами такъ называемаго порядка. Съ другой стороны, принципъ свободы въ экономической дѣятельности былъ снова подтвержденъ, сохранена была отиѣна таксъ, пострадавшіе негодіанты и купцы получили вознагражденіе. Весь этотъ грустный эпизодъ былъ названъ «*guerre des farines*». На немъ обнаружались послѣдствія абсолютнаго направленія доктрины Тюрго, при всѣхъ благихъ стремленіяхъ министра... Какъ бы то ни было, со времени этого декрета, свободное обращеніе зернового хлѣба стало окончательно устанавливаться, и прежняя средневѣковая регламентация въ этой области все болѣе и болѣе теряла свое значеніе.

Во-вторыхъ — особенно замѣчательны такъ называемые *январскіе эдикты* (1776 г.) — цѣлый рядъ широкихъ преобразовательныхъ проектовъ, касавшихся самыхъ существенныхъ вопросовъ государственнаго хозяйства. Первымъ эдиктомъ отиѣнялась *corvée* — известная повинность, которой были обложены низшіе классы, — строить новыя дороги и чинить старыя. Введеніе, предпосланное закону, походило на цѣлую диссертацию и было написано рѣзкимъ тономъ увѣреннаго реформатора. Пріятель Тюрго, Трюдёнъ, чиновникъ-практикъ, уговаривалъ министра сократить, упростить, смягчить эту философическую прелюдію. Дѣйствительно, Тюрго подвергаетъ систему дорожныхъ повинностей многостороннему, философическому разсмотрѣнію. Онъ предлагаетъ замѣнить ихъ налогомъ на

всѣхъ собственниковъ, какъ непривилегированныхъ, такъ и привилегированныхъ, и снять такимъ образомъ съ низшихъ классовъ часть того тяжкаго бремени, которое ложилось на нихъ исключительно и лишало простыхъ поденщиковъ средствъ къ существованію: выгоняя на казенную работу, отнимали у нихъ время на свободный трудъ — единственный источникъ ихъ дохода. Такимъ образомъ, эдиктъ, распространяя повинность на всѣ классы населенія, порывалъ связь съ заповѣдными традиціями феодальнаго режима. Но Тюрго настойчиво требовалъ отъ короля его утверженія. Вотъ что онъ писалъ въ мемуарѣ, обращенномъ по поводу этого случая къ королю: «налогъ этотъ на всѣхъ собственниковъ можетъ встрѣтить затрудненія, но когда признано что-либо справедливымъ и необходимымъ, не слѣдуетъ останавливаться передъ затрудненіями, а побуждать ихъ. Первое препятствіе встрѣтится въ привилегированныхъ классахъ, которые не пожелаютъ принять на себя часть повинностей, лежавшихъ доселѣ на одной ротюрѣ. Всѣ члены парламента, т. е. тѣ, которымъ предстоитъ обсуждать занесеніе закона въ реестръ, принадлежатъ къ привилегированному слою, и нельзя надѣяться на то, что они станутъ выше своего личнаго интереса, который, однако, очень плохо рассчитанъ. Весьма вѣроятно, что именно этимъ мотивомъ будутъ тайно обусловливаться возраженія на эдиктъ. Конецъ подобнымъ затрудненіямъ — въ справедливомъ рѣшеніи вашего величества и въ твердой волѣ привести это рѣшеніе въ исполненіе». Вы видите, какъ высококомѣрно и презрительно относился Тюрго къ представлявшимся препятствіямъ. Требования справедливости — на первомъ планѣ; въ немъ чувствуется уже духъ дѣятелей эпохи революція и 93 года. Король сообщилъ мемуаръ министру хранителю печати Мироменилю — человѣку стараго порядка и поклоннику привилегій. Миромениль написалъ къ мемуару замѣчанія, проникнутыя духомъ консервативнаго благочестія и традиціонной неподвижности. «Во Франціи», пишетъ онъ между прочимъ, «должны быть уважаемы дворянскія вольности, и я полагаю, что въ интересъ самого короля ихъ поддерживать». Въ такомъ родѣ написаны и другія замѣчанія, — впрочемъ, довольно осторожно, безъ рѣзкостей и задора. На замѣтки Миромениля Тюрго представилъ свои возраженія, которыя отличаются совершенно инымъ тономъ и наполнены сарказмовъ. Такъ, по поводу дворянства, Тюрго пишетъ Мироменилю въ отвѣтъ слѣдующія знаменательныя слова:



« по мнѣнію г. хранителя печати дворянство должно быть освобождено отъ всякаго налога. Онъ находить, что это — всеобщій предразсудокъ, колебать который опасно. Если это дѣйствительно такой всеобщій предразсудокъ, то я, вѣроятно, въ теченіе всей своей жизни жестоко ошибался относительно понятій и образа мыслей всѣхъ образованныхъ людей, которыхъ я видѣлъ; потому что я не помню ни одного кружка, ни одного общества, гдѣ бы смотрѣли на такой принципъ иначе, какъ на отжившее, обветшалое притязаніе, которое оставлено всѣми просвѣщенными людьми даже въ средѣ самого дворянства... Такой принципъ покажется парадоксомъ для большинства всей націи, интересамъ которой онъ вредить. *Ротюра находится въ большинствѣ, а мы живемъ не въ такое время, чтобъ ея голоса не считались* ». Этими Тюрго попадалъ дѣйствительно въ наболѣвшее мѣсто эпохи. Законъ объ уравненіи повинностей, объ отменѣ привилегій находился въ соотвѣтствіи со всѣмъ духомъ времени, — съ интересами, силами, понятіями большинства. Въ данную минуту онъ могъ встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны юридически-господствовавшихъ классовъ, но онъ отвѣчалъ эпохѣ и не сегодня, такъ завтра, долженъ былъ быть внесеннымъ въ жизнь.

Другой важный законъ, изданный одновременно съ этими и также снабженный общимъ введеніемъ, касался уничтоженія ремесленныхъ цеховъ и корпорацій, — свободы промышленнаго труда. Вамъ, конечно, извѣстны тѣ стѣсненія, которыми окружено было само производство въ старомъ режимѣ, тѣ тяжкія условія, которымъ нужно было удовлетворить для того только, чтобъ имѣть право работать въ мастерской, сначала — ученикомъ, потомъ — подмастерьемъ и наконецъ — самостоятельнымъ хозяиномъ. Нужно было причислиться къ определенной корпораціи, строго соблюдать ея статуты и руководствоваться въ производствѣ всевозможными административными указаціями: каждый кусокъ сукна долженъ былъ имѣть непремѣнно опредѣленную закономъ длину и ширину и проч. Независимое производство, внѣ корпорацій, допускалось только въ исключительныхъ случаяхъ... Тюрго прямо требовалъ уничтоженія корпоративнаго режима и установленія полной свободы для труда промышленнаго. Этому эдикту онъ придавалъ особенную важность. По его мнѣнію, эта реформа на столько же важна для промышленности, сколько свободная торговля хлѣбомъ для земледѣлія. Настоя-

чиво требуетъ онъ отъ короля ея исполненія. Въ новомъ мемуарѣ, обращенномъ къ королю, онъ указываетъ, почему эдиктъ встрѣтитъ затрудненія и съ какой именно стороны. Дѣло въ томъ, что старые уставы корпорацій, а также постановленія правительства, касавшіяся какъ производства, такъ и взаимныхъ отношеній цеховъ, отличались необыкновенной сложностью и запутанностью. Сплошь да рядомъ завязывались споры между тѣмъ и другимъ цехомъ—о границахъ того или другаго производства: цехъ книгопродавцевъ тягался съ цехомъ букинистовъ по вопросу о томъ, чѣмъ отличается антикварная книга отъ новой книги; старьевщики вели процессы съ портными и приходилось разбирать, что такое новое платье и что разумѣть подъ старьемъ, и гдѣ границы. Потому-то Тюрго совершенно вѣрно замѣчаетъ, что противъ эдикта будетъ вся судебская кляка, приказные, сгряпчіе и адвокаты, для которыхъ тяжбы между корпораціями представляли одинъ изъ самыхъ доходныхъ источниковъ. Онъ настаиваетъ на отмѣнѣ всей этой средневѣковой путаницы.—Въ эдиктѣ замѣчательно еще слѣдующее обстоятельство. Одной статьей безусловно запрещаются впредь всякія ассоціаціи и собранія промышленниковъ — рабочихъ ли, мастеровъ ли,—*подъ какимъ бы то ни было предлогомъ*. Такимъ образомъ, освобождая трудъ, признавая свободу въ экономической дѣятельности съ одной стороны, съ другой — Тюрго запрещаетъ *свободные* промышленные союзы, свободныя ассоціаціи и стачки. Но подобное воспрещеніе ассоціацій и стачекъ никакъ не слѣдуетъ приписывать тому, что Тюрго имѣлъ въ виду главнымъ образомъ интересы хозяевъ, капиталистовъ, и хотѣлъ предотвратить оборонительныя коалиціи рабочихъ. Мѣра вытекала изъ другихъ побужденій. Въ то время сами отношенія свободныхъ рабочихъ къ нанимателямъ, труда къ капиталу, еще далеко не были выяснены и не имѣлись въ виду, — и Тюрго дѣйствовалъ подъ вліяніемъ иныхъ соображеній. Подобно другимъ философамъ XVIII вѣка онъ проникнутъ былъ такою ненавистью ко всему феодальному, корпоративному, сгруппированному, что и въ свободномъ *союзѣ* людей одного ремесла ему мерещилось средневѣковое начало цеха. Своимъ постановленіемъ онъ хотѣлъ окончательно предотвратить всякія попытки къ образованію новыхъ корпорацій. Эдиктъ объ уничтоженіи цеховъ, подобно первому—объ отмѣнѣ дорожной повинности, былъ утвержденъ королемъ, но затѣмъ, частью, отмѣненъ послѣ паденія

Тюрго. Окончательная отмѣна цеховъ послѣдовала во время революціи.

Я не имѣю времени останавливаться на другихъ январскихъ эдиктахъ. Замѣчу, что всѣ они исполнены глубокаго интереса. Всѣ они написаны рѣзкимъ, задорнымъ, непріязненнымъ тономъ человѣка, проникнутаго непримиримою ненавистью къ тому, что онъ считаетъ зломъ, и не умѣющаго, да и не желающаго скрывать своей ненависти. Въ то время этотъ тонъ много повредилъ Тюрго. Теперь, при чтеніи эдиктовъ Тюрго, получается впечатлѣніе самое благоприятное: чувствуешь, что пишетъ порядочный человѣкъ, увѣренный въ истинѣ и правотѣ своего дѣла и преисполненный честной нетерпимости къ врагамъ и супостатамъ. Много зла накопилось въ душѣ министра, и онъ не упускалъ случая, чтобъ раскрыть ту или другую кляузу, тотъ или другой маневръ противниковъ. Онъ умѣлъ хорошо распознавать связь между известнымъ общественнымъ недугомъ и заинтересованными въ его поддержкѣ элементами общества. Такъ, въ одномъ изъ шести январскихъ эдиктовъ Тюрго требовалъ отмѣны особаго полицейскаго контроля надъ продажей хлѣба въ городѣ Парижѣ. «Надзоръ этотъ», писалъ онъ королю, «— мечъ, которымъ магистратура можетъ всегда поразить, разорить, обезчестить по своему усмотрѣнію негоціанта, который ей не пришелся по нраву. Во время голода правила эти даютъ парламенту возможность торжественно выставить напоказъ свою отеческую заботливость о народѣ: чиновники начинаютъ шарить въ домахъ земледѣльцевъ и купцовъ,—и понятное дѣло, что подобный родъ власти имъ очень дорогъ».

Вражда къ Тюрго со стороны двора и парламента возрастала съ каждымъ днемъ. Духовенство съ своей стороны ненавидѣло Тюрго. Оно знало, что онъ уже давно косо смотритъ на имущественныя привилегіи церкви, что онъ еще въ Энциклопедіи безусловно осуждалъ вѣчныя завѣщанія земель въ пользу духовныхъ учреждений, что онъ водится съ философами и самъ—философъ. Людовикъ XVI былъ очень благочестивъ. Попы твердили ему, что его министръ финансовъ невѣрующій. Король замѣтилъ однажды Морепа, который пригласилъ Тюрго въ министерство: «вы мнѣ дали контролера, который не ходитъ къ обѣднѣ».—«Sire, отвѣчалъ ему остроумно Морепа, аббатъ Террэ (неудачный предшественникъ Тюрго),—тотъ хо-

диль въ церковь». — Иногда Тюрго, въ мелочахъ, до наивныхъ частныхъ, настаивалъ на принципахъ и, отказываясь отъ сдѣлки, навлекалъ важныя затрудненія. Людовикъ XVI хотѣлъ, по традиціонному обычаю, короноваться въ священномъ городѣ Франковъ— въ Реймсѣ. Тюрго настаивалъ на томъ, чтобъ короноваться въ Парижѣ,—какъ можно проще, безъ особеннаго торжества и слѣдовательно безъ большихъ издержекъ. Его не послушали. Тюрго смолчалъ, но зато категорически потребовалъ другаго. Былъ старый обычай, что французскіе короли, при коронованіи, приносили клятву преслѣдовать еретиковъ. Это сдѣлалось простой формальностью, но Тюрго переварить этого не могъ. Онъ сталъ требовать измѣненія клятвенной формулы; духовенство настаивало на ея сохраненіи. Добродушный Людовикъ XVI, далекій отъ всякихъ преслѣдованій, невнятно пробормоталъ клятву. Тогда Тюрго обратился къ нему съ длиннымъ мемуаромъ, въ которомъ доказывалъ, что несправедливая клятва необязательна. Понятно, какъ подобныя выходки раздражали его враговъ, а сами по себѣ не имѣли серіознаго значенія.

Послѣ январскихъ эдиктовъ вражда господствовавшей клики къ Тюрго достигла высшей степени. Онъ долѣе не могъ оставаться министромъ. Людовикъ XVI намекалъ ему черезъ другихъ объ отставкѣ. Но Тюрго рѣшилъ—сидѣть въ своей должности и дѣйствовать, пока ему не дадутъ формальной отставки, что и случилось въ маѣ 1776 года. Философскій міръ во Франціи былъ глубоко опечаленъ. Тюрго повелъ скромную жизнь частнаго человѣка и вскорѣ умеръ, какъ всѣ въ его фамиліи, на шестомъ десяткѣ лѣтъ (1781).—Это было *лицо*, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Кромѣ философическихъ эдиктовъ и декретовъ, кромѣ экономическихъ сочиненій, Тюрго оставилъ нѣсколько статей историческаго содержанія, заслуживающихъ вниманіе со стороны изслѣдователя эпохи просвѣщенія: это, во-первыхъ, двѣ рѣчи, произнесенныя имъ еще въ 1750 году въ Сорбоннѣ, изъ которыхъ одна разсматриваетъ культурное значеніе христіанства, а другая посвящена изображенію прогрессивнаго развитія человѣческаго духа; затѣмъ—программа политической географіи и, наконецъ, планъ къ двумъ разсужденіямъ о всемірной исторіи. Сорбоннскія рѣчи носятъ официальннй характеръ; онѣ были прочитаны по латыни, въ торжествен-

номъ собраніи чиновъ духовенства, — и въ нихъ Тюрго долженъ былъ поневолѣ подчиниться установленнымъ схемамъ и правиламъ духовнаго краснорѣчія того времени. Потому-то въ этихъ рѣчахъ его философско-историческія воззрѣнія проскакиваютъ довольно робко, оставлены оговорками и затемнены риторическими украшеніями. Другія статьи гораздо интереснѣе, особенно — планъ для *второго* разсужденія о всемірной исторіи.

Главная тема, около которой вращаются историческія размышленія Тюрго, это — идея историческаго совершенствованія и преуспѣянія человѣчества. Я вамъ уже указывалъ на зародыши этой идеи въ началѣ XVIII столѣтія — у Фонтенелля и аббата Сенъ-Пьера. Чѣмъ дальше подвигаемся мы въ исторіи XVIII вѣка, тѣмъ чаще находимъ мы ее у писателей, тѣмъ популярнѣе она становится въ самомъ обществѣ. Появленіе и развитіе теоріи прогресса въ XVIII вѣкѣ объясняется тѣми успѣхами въ наукахъ математическихъ и естественныхъ, которые были у всѣхъ наяву и результаты которыхъ поражали не однихъ ученыхъ спеціалистовъ. Послѣ великихъ открытій Ньютона въ образованныхъ людяхъ вырастаетъ мощная увѣренность въ силѣ человѣческаго разума. Эта увѣренность крѣпнетъ, благодаря блестящимъ трудамъ математиковъ и естествовѣдцовъ, благодаря новымъ разнообразнымъ опытамъ и наблюденіямъ, расширившимъ область положительныхъ знаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе всякихъ традицій слабѣетъ, вѣковыя общественныя начала подрываются, критицизмъ становится общественной силой. Озираясь на прошедшее, человѣкъ съ гордостью сознаетъ свое умственное превосходство надъ предками; устремляя свои взоры на будущее, онъ рассчитываетъ на новыя открытія и новые успѣхи. Мы сейчасъ увидимъ на другихъ вольнодумцахъ, до какаго энтузіазма доходила во вторую половину прошлаго столѣтія вѣра въ прогрессъ: ученіе о совершенствованіи обратилось въ какую-то новую религію. Что касается до Тюрго, то у него теорія прогресса развивается гораздо осмотрительнѣе, и ровнѣе, послѣдовательнѣе, чѣмъ у его продолжателей.

Понятіе о прогрессѣ формулируетъ онъ слѣдующимъ образомъ: «всѣ эпохи связаны между собою цѣпью причинъ и слѣдствій; въ языкѣ и въ письменности люди нашли средство хранить и передавать свои воззрѣнія; знанія отдѣльныхъ лицъ составили общее до-

стояніе, передаваемое однимъ поколѣніемъ другому и умножающееся въ каждый вѣкъ новыми открытіями. Такимъ образомъ, разсматривая родъ человѣческой съ самой его колыбели, философъ видитъ одно великое цѣлое, которое, подобно отдѣльному индивидууму, имѣетъ свое дѣтство и свой ростъ». Въ своихъ планахъ Тюрго проводитъ эту схему черезъ факты всемірной исторіи и поясняетъ ее подробностями. Отдѣльныя соображенія, которыя онъ высказываетъ по пути, поражаютъ своей оригинальностью и мѣткостью. Къ числу ихъ относится, между прочимъ, указаніе на тѣ три стадіи, черезъ которыя проходитъ умъ человѣческій при объясненіи окружающихъ явленій и на которыхъ въ ХІХ столѣтіи Огюсть Контъ построилъ свой знаменитый законъ о трехъ состояніяхъ. Вотъ подлинныя слова Тюрго: «Прежде, чѣмъ уразумѣть взаимную связь между явленіями природы, не было ничего натуральнѣе, какъ предположить, что они произведены существами разумными, невидимыми и намъ подобными; въ самомъ дѣлѣ, на кого же, какъ не на насъ, могли они походить»? То, что случалось помимо участія людей, было отнесено къ дѣятельности особаго божества, которому, вельдствіе страха или надежды, стали воздавать культъ, и самая форма этого культа складывалась по образцу того почитанія, съ какимъ обращались къ сильнымъ и властнымъ людямъ; потому что боги представлялись очень сильными людьми, а степень ихъ превосходства и совершенства опредѣлялась идеалами эпохи, ея понятіями о совершенствѣ самихъ людей. Когда философы усмотрѣли нецѣлостность этихъ басенъ, и однако еще не успѣли пріобрѣсти истинныхъ естественно-научныхъ познаній, они стали объяснять причины явленій отвлеченными выраженіями, какъ *сущность*, *сила*, — выраженіями, которыя на самомъ дѣлѣ ничего не объясняли и о которыхъ тѣмъ не менѣе рассуждали, какъ о какихъ-то дѣйствительныхъ существахъ, о новыхъ божествахъ, подставленныхъ на мѣсто старыхъ. За эти аналогіи ухватились и стали умножать число силъ, чтобъ отдать отчетъ о каждомъ явленіи. — Уже гораздо позднѣе стали наблюдать механическое дѣйствіе тѣлъ другъ на друга и приходитъ къ гипотезамъ, которыя могли быть выражены математически и провѣрены опытомъ». Въ этихъ немногихъ словахъ высказана вся суть Контова закона о трехъ состояніяхъ или трехъ періодахъ въ развитіи человечества: теологическомъ, метафизическомъ и положительномъ, и, за-

мѣтѣе, она высказана въ формѣ простого, скромнаго наблюденія, безъ притязанія —возвѣститъ законъ, исчерпывающій содержаніе историческаго процесса и не допускающій другихъ обобщеній. Такая форма едва ли даже не предпочтительнѣе категорическаго принципа Конта. Прибавлю, что къ своему наблюденію Тюрго возвращается не разъ: мы не разъ сталкиваемся съ той же мыслью, просматривая его историческія и философическія сочиненія.

Развивая ученіе о постепенной капитализаціи и распространеніи знаній, Тюрго касается и тѣхъ причинъ, которыя задерживаютъ успѣхи просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя отдѣльныя замѣтки Тюрго заслуживаютъ вниманія по своей вѣрности. Прогрессу истины, говоритъ Тюрго, мѣшаетъ не столько заблужденіе само по себѣ, сколько упрямство, рутина, умственное бездѣйствіе. Тамъ, гдѣ завязывается страстная борьба между противоположными началами, гдѣ заблужденія вступаютъ въ схватку съ истиной,—тамъ просвѣщеніе несомнѣнно выигрываетъ, тамъ умы поддерживаются въ постоянной оживленной дѣятельности. Существенное зло—въ апатіи, въ той лѣни шевелить мозгами, въ томъ безсмысленномъ признаніи ходячихъ мнѣній, которое столь часто встрѣчается въ общественныхъ единицахъ. Очень немногіе, замѣчаетъ Тюрго, умѣютъ отдать себѣ въ чемъ-либо отчетъ, въ чемъ-либо удостовѣриться. Чаше всего полагаются на чужія мнѣнія, принимаютъ на слово говоръ окружающихъ, склоняются передъ нимъ. Человѣкъ издалека видитъ дерево, онъ увѣренъ, что это—дерево. Но вотъ другое лицо замѣчаетъ ему, что это не дерево, а вѣтряная мельница. Сначала ему будетъ смѣшно, но когда двое, трое, станутъ утверждать, что это мельница, тонъ его сдѣлается менѣе увѣреннымъ, онъ начнетъ сомнѣваться; наконецъ, если противоположное мнѣніе найдетъ поддержку въ еще большемъ числѣ людей, онъ перестанетъ даже сомнѣваться, будетъ самъ видѣть то же, что видятъ другіе, и скажетъ: «да, я ошибся: дѣйствительно, я теперь хорошо вижу, что это—мельница».—Вы видите, что Тюрго не скрываетъ трудностей, съ которыми сопряжены успѣхи въ знаніяхъ. Съ другой стороны, онъ настаиваетъ на необходимости энергіи, настойчивости въ изслѣдованіи. «Пусть не говорятъ мнѣ», замѣчаетъ онъ, «что объ такомъ-то вопросѣ вѣчно спорили и вѣчно будутъ спорить. Полтораста лѣтъ тому назадъ спорили объ истинномъ устройствѣ планетной системы. Теперь никто не сомнѣвается въ системѣ

Коперника. Если не теперь (въ 1757 году), то въ очень скоромъ времени можно будетъ замѣтить то же самое относительно системы Ньютона. Будемъ же на все надѣяться и будемъ все подвергать испытанію. При слишкомъ большихъ надеждахъ, все-таки нельзя даже потерять того, чего напрасно ищешь; но когда человѣкъ отчаивается что-либо найти, онъ навѣрное никогда этого и не найдетъ». Потому-то Тюрго смотритъ на гипотезы и системы, какъ на полезное средство къ отысканію истины. Ложныя гипотезы рушатся сами собой, но онъ пролагаютъ путь къ истинѣ, вызываютъ на изслѣдованіе и проверку фактовъ. Мало-по-малу выясняются спорные вопросы и вырабатываются очевидныя, обязательныя положенія. Къ числу послѣднихъ Тюрго относилъ принципы новой экономической теоріи. Онъ въ этомъ ошибался: ученіе фязіократовъ далеко не было очевидной истиной и представляло только одинъ изъ этаповъ въ развитіи соціальной науки.

Идея совершенствованія распространялась все болѣе и болѣе. Она соотвѣтствовала всему кругу просвѣтительныхъ понятій. Она крѣпла подъ вліяніемъ философическихъ теорій объ обыкновенной гибкости и измѣняемости человѣческой натуры. Все чаще и чаще встрѣчаемъ мы ее въ сочиненіяхъ второй половины XVIII вѣка, все болѣшія и болѣшія надежды возлагаются на будущее. Упомяну, между прочимъ, о книгѣ маркиза Шастеллю «Объ общественномъ счастьѣ», которая вышла въ 1772 году и къ которой съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся Вольтеръ. Чѣмъ ближе къ революціи, тѣмъ вѣра въ близкое, блаженное и безоблачное будущее становилась все сильнѣе. Врядъ ли можно найти сочиненіе, въ которомъ эта вѣра нашла бы болѣе полное и болѣе страстное выраженіе, чѣмъ въ знаменитой книгѣ Кондорсе, изданной въ самую эпоху Конвента, въ 1794 году. Кондорсе былъ близкій другъ, горячій послѣдователь и биографъ Тюрго. Онъ явился вмѣстѣ съ тѣмъ его продолжателемъ въ развитіи ученія о совершенствованіи.

Кондорсе былъ превосходный математикъ и съ молодыхъ лѣтъ пріобрѣлъ извѣстность своими блестящими математическими работами. Но ограничиться своей специальностью онъ не могъ: не такова была его натура, да и не такова была эпоха. Человѣкъ онъ былъ необыкновенно экспансивный, живой, полный силъ. Въ письмѣ одной образованной дамы того времени, близкой пріятельницы Даламбера, М-ле де-Леспинассъ,



мы читаемъ: «Кондорсе живетъ у своей матери. Онъ работаетъ по десяти часовъ въ день. У него двадцать корреспонденцій и цѣлыхъ десять интимныхъ друзей: никогда, никогда я не видала столько силъ, столько средствъ къ жизни и столько счастья». Но и самое время, въ которое онъ жилъ, уже мѣшало Кондорсе замянуться въ своей специальности. Кругомъ философствуютъ, литературничаютъ, спорять обо всемъ на свѣтѣ, о Богѣ и человѣкѣ, объ общественныхъ договорахъ и экономической свободѣ. Обстановка заражаетъ, втягиваетъ, увлекаетъ человѣка. Кондорсе, не бросая математики, поступилъ въ воинствующій чинъ философовъ и литераторовъ. Паломничество въ Ферне, на поклоненіе патриарху вольнодумства, которое Кондорсе совершилъ въ сообществѣ съ Даламберомъ, окончательно обратило его къ литературнымъ занятіямъ. Связей въ философскомъ мірѣ у него было много. Особое почтеніе онъ чувствовалъ къ Тюрго и сталъ горячо отстаивать идеи экономистовъ. Кондорсе былъ гораздо рѣзче и нетерпимѣе самого Тюрго... Наступила революція. Подобно многимъ другимъ литераторамъ, Кондорсе сначала сталъ журналистомъ, издавалъ народную газету подъ заглавіемъ «Деревенскій листокъ», затѣмъ былъ выбранъ въ члены Законодательнаго Собранія и Конвента. Онъ принадлежалъ къ лагерю жирондистовъ и составилъ проектъ конституціи II года. *Гора* одолѣла Жиронду, и проектъ Кондорсе былъ отстраненъ; дали ходъ другому плану, изготовленному Геро де-Сешеллемъ. Кондорсе рѣзко осуждавъ новую конституцію, онъ даже дерзнулъ обратиться къ своимъ избирателямъ съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ не утверждать проекта монтаньяровъ. За это письмо рѣшено было его арестовать и предать суду. Кондорсе приютили къ другимъ обвиняемымъ жирондистамъ и, такъ какъ онъ успѣлъ укрыться, его поставили внѣ покровительства законовъ, имя его занесли въ списокъ эмигрантовъ, а имущество конфисковали. Кондорсе укрывался у знакомой вдовы, M<sup>ше</sup> Vernet. Въ этомъ положеніи, рискуя быть съ минуты на минуту арестованнымъ и казненнымъ, онъ написалъ однимъ духомъ, безъ книгъ, безъ пособій, свою *Историческую картину успѣховъ челоувѣческаго духа*,—настоящее евангеліе прогресса. Книга эта останется краснорѣчивымъ памятникомъ той всецѣльной вѣры въ челоувѣчество, въ его разумныя силы, въ его свѣтлую будущность, которой одушевлены были люди XVIII вѣка. Кондорсе забывалъ свое

собственное положеніе, своя личныя невзгоды и написалъ сочиненіе, исполненное лучезарныхъ упованій... Когда книга была окончена, ея автора снова стала преслѣдовать мысль о той опасности, которой подвергается изъ-за него М-me Vernet: какъ укрывательницу изгнанника, ее могли казнить смертію. Онъ сталъ думать о побѣгѣ, чтобы этимъ самымъ избавить свою хозяйку отъ возможной бѣды. М-me Vernet замѣтила это и начала за нимъ слѣдить. Кондорсе все-таки улучилъ минуту, убѣжалъ, былъ пойманъ въ окрестностяхъ Парижа и арестованъ. Зная, какая судьба его ожидаетъ, онъ отравился.—*Историческая картина успѣховъ чело-вѣчества* издана была вдовой Кондорсе въ 1794 году. Декретомъ Конвента было постановлено пріобрѣсти на счетъ республики 3,000 экземпляровъ этого сочиненія для раздачи гражданамъ.

Прошедшее чело-вѣчества Кондорсе раздѣляетъ на девять эпохъ: въ первую эпоху люди живутъ звѣроловами, во вторую занимаются скотоводствомъ, въ третью — земледѣліемъ. Параллельно съ хозяйственными занятіями общества, Кондорсе разсматриваетъ и другія стороны его быта и слѣдитъ за медленнымъ его совершенствованіемъ. Не останавливаясь на восточныхъ народахъ, онъ обзрѣваетъ подъ рубрикой четвертой и пятой эпохи исторію Греціи и Рима. Шестой періодъ обнимаетъ самое темное время среднихъ вѣковъ, — отъ паденія античнаго міра до слабыхъ зачатковъ новаго просвѣщенія въ эпоху крестовыхъ походовъ. Въ седьмомъ отдѣлѣ разсматривается прогрессъ чело-вѣчества во вторую половину среднихъ вѣковъ — до самаго открытія книгопечатанія. Осьмая эпоха обнимаетъ время «отъ изобрѣтенія книгопечатанія до той поры, когда наука и философія потрясли его авторитета». Наконецъ послѣдняя простирается отъ Декарта до образованія французской республики. — Въ наше время, книга Кондорсе не представляетъ особеннаго интереса въ научномъ отношеніи: это — быстрый сводъ не всегда провѣренныхъ фактовъ и далеко не всегда вѣрныхъ обобщеній. Поворотные пункты въ исторіи выбраны произвольно, не представляютъ равномерной важности и взяты изъ разныхъ порядковъ общественныхъ отношеній: въ одномъ случаѣ Кондорсе беретъ характеристической чертой эпохи явленіе изъ эконо-мическаго быта, въ другомъ — фактъ изъ жизни умственной или религіозной. Затѣмъ уже не разъ было указано историками на крайне несправедливое отношеніе его къ среднимъ

вѣкамъ. Но сочиненіе это имѣетъ иное значеніе: во-первыхъ, оно важно, какъ попытка общаго обзора всего человѣческаго прошедшаго, какъ опытъ философіи исторіи; во-вторыхъ, — и въ этомъ главный интересъ его для изучающаго исторію общества прошлаго вѣка — оно въ высшей степени любопытно, какъ характеристическій памятникъ настроенія эпохи, ея надеждъ и идеаловъ. Последняя глава книги Кондорсе озаглавлена: «*Десятая эпоха, о будущемъ прогрессѣ человѣческаго духа*».

Надежды свои на будущее человечества Кондорсе сводитъ къ тремъ пунктамъ. Онъ увѣренъ: 1) въ уничтоженіи неравенства между націями; 2) въ успѣхахъ равенства въ средѣ каждой націи; 3) въ безконечномъ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи человѣка. Что касается до перваго пункта, то Кондорсе видитъ, какъ во всей Европѣ принципы французской конституціи уже приняты всѣми образованными людьми. Эти принципы, по его мнѣнію, получатъ въ скоромъ времени такое всеобщее признаніе и такое полное распространеніе, что вскорѣ, несмотря на всѣ усилія тиранновъ и жрецовъ, они спустятся въ самые низы населенія и возбудятъ въ нихъ негодованіе. Въ нѣкоторыхъ націяхъ необходимыя преобразованія будутъ введены мудростью самихъ правительствъ, въ другихъ они будутъ вынуждены силою революціи. Антагонизмъ между народами прекратится. Точно также Кондорсе не сомнѣвается въ томъ, что европейскія націи перестанутъ властвовать надъ своими колоніями и, волей-неволей, предоставятъ имъ полную независимость. Это будетъ выстѣ съ тѣмъ къ общей выгодѣ. — Затѣмъ, не только будетъ уничтожено неравенство между націями, не только каждая нація будетъ пользоваться политической свободой, но и неравенство *фактическое* будетъ смягчено въ средѣ каждой націи. Кондорсе полагаетъ, что неравенство имущественное должно постепенно уменьшаться, если гражданскими законами не будетъ установлено искусственныхъ средствъ къ накопленію и прикрѣпленію богатствъ (онъ имѣетъ въ виду подъ этими «средствами» маіораты и заповѣдныя церковныя владѣнія); если свободная промышленность и торговля заступятъ мѣсто монополій; если, наконецъ, благодаря простотѣ нравовъ и мудрости учрежденій, богатство перестанетъ быть средствомъ къ удовлетворенію честолюбія. Тѣмъ не менѣе Кондорсе, признавая въ исторіи тенденцію къ уравниенію имуществъ, находитъ,

что полное имущественное равенство невозможно, что всегда будетъ часть населенія, экономически зависящая отъ другой; не забудьте, что онъ былъ физіократомъ и уже потому сторонникомъ личной собственности. Сверхъ того, фактическое неравенство будетъ также смягчено равнымъ благоразумнымъ образованіемъ, которое поставитъ каждого гражданина въ независимое положеніе, научитъ его самостоятельно управляться съ своими дѣлами, не попадаться въ обманъ и будетъ исправлять самые природные недостатки.

Переходя къ умственному и нравственному прогрессу человѣка, Кондорсе высказываетъ увѣренность въ быстрое совершенствованіе научныхъ методовъ, въ успѣшное приложеніе вычисленія къ политическимъ наукамъ и въ распространеніе здоровой морали, основанной на разумно разсчитанномъ интересѣ. Одно изъ главныхъ условій предстоящаго прогресса онъ находитъ въ уничтоженіи юридическаго неравенства между обоими полами (Кондорсе во время своей общественной дѣятельности требовалъ для женщинъ избирательныхъ правъ). Просвѣщенные народы перестанутъ воевать; они увидятъ, что для того, чтобъ сдѣлаться завоевателями, придется потерять собственную свободу, и потому будутъ жить въ мирныхъ федераціяхъ. Водворится всемірный языкъ. Съ успѣхами медицины будетъ продолжена средняя жизнь человѣка, будутъ предотвращены всякія болѣзни и «сама смерть будетъ послѣдствіемъ или необычныхъ случайностей или результатомъ медленнаго разрушенія силъ вслѣдствіе старости». Интеллектуальныя способности, совершенствуясь въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, вслѣдствіе разумнаго воспитанія и постоянного упражненія, — будутъ передаваться имъ въ этой усовершенствованной формѣ по наслѣдству, и такимъ образомъ сама умственная и нравственная организація наша подвергнется измѣненіямъ къ лучшему...

Такова радужная картина будущаго, представленная Кондорсе. Нѣкоторыя догадки его заслуживаютъ серьезнаго вниманія: такъ — мысль объ наслѣдственномъ совершенствованіи нашихъ способностей принята въ послѣднее время дарвинистами, напротивъ того — другія уже въ настоящее время опровергнуты исторіей. То, напр., что Кондорсе говоритъ объ уравнианіи имущественнаго неравенства вслѣдствіе свободнаго экономическаго режима, не оправдалось: экономическая свобода приводитъ въ наше время все къ большому и къ большому имущественному неравенству, — къ скопленію громадныхъ

капиталовъ въ немногихъ рукахъ, къ постепенному уменьшенію числа среднихъ собственниковъ и къ распаденію всего общества на два рѣзкихъ класса: капиталистовъ и пролетаріевъ. — Болѣе всего поражаетъ насъ та увѣренность въ легкости всевозможныхъ измѣненій, которая рисуется въ книгѣ Кондорсе. И всемірный языкъ, и равенство между націями, и мирныя федераціи народовъ — все это представляется простымъ естественнымъ слѣдствіемъ XVIII столѣтія и французской революціи. Вообще Кондорсе построитъ весь планъ объ ожидаемомъ благополучіи на слишкомъ высокомъ мнѣніи о разумности человѣчества. Правда то, что человѣчество руководствуется своими интересами, но никакъ не тѣми разумными, рассчитанными, дальновидными интересами, о которыхъ толковали философы XVIII вѣка. Большинство дѣйствуетъ по внушеніямъ минуты, отдается «злѣбѣ дня» и о далекомъ будущемъ не помышляетъ. *Разумное человечество*, о которомъ мечтаетъ Кондорсе, должно быть нашимъ идеаломъ, но нечего разсчитывать на скорое его осуществленіе.

И такую-то радужную книгу писалъ Кондорсе, будучи политическимъ изгнанникомъ, укрываясь отъ преслѣдованій, лишенный своего имущества. «Созерцаніе картины человѣческаго прогресса», такъ заключаетъ онъ свое сочиненіе, «представляетъ для философа убѣжище, куда не проникаетъ воспоминаніе объ его преслѣдователяхъ; тутъ носится передъ нимъ образъ полнаго человѣка, возстановленнаго въ правахъ и въ достоинствѣ своей природы, и онъ забываетъ того человѣка (дѣйствительнаго), котораго мучатъ жадность, страхъ или зависть; тутъ онъ на самомъ дѣлѣ живетъ съ себѣ подобными, въ элизіумѣ, который сумѣлъ создать себѣ его собственный разумъ и который наполнила любовь къ человѣчеству самыми чистыми наслажденіями»...

Отъ *Картины прогресса* Кондорсе мнѣ слѣдуетъ перейти къ другой книгѣ, изданной нѣсколько раньше, но имѣющей съ ней многія родственныя черты. Авторъ ея далеко не обладалъ талантомъ и живостью Кондорсе: онъ гораздо прозаичнѣе, его упрекаютъ въ черствости, въ излишней рассудочности. Но эпоха была такая, что она даже въ подобномъ человѣкѣ могла вызвать торжественное, восторженное состояніе духа, настроитъ его на лирической ладъ и вдохновитъ къ прославленію успѣховъ разума. *Вольтѣ* много терся въ кружкахъ энциклопедистовъ, бывалъ въ салонѣ Гольбаха и освоился со всѣми

обиходными понятіями просвѣтительной философіи. Онъ ѣздилъ на востокъ, странствовалъ по Египту, Сири, Палестинѣ, составилъ точное, основательное описаніе своихъ путешествій и приобрѣлъ нѣкоторую литературную извѣстность. Въ 89 году онъ былъ избранъ депутатомъ, а въ 1791 г. издалъ книгу подъ заглавіемъ: *Развалины* или Размысленія объ общественныхъ переворотахъ. Авторъ рассказываетъ, какъ во время своего путешествія на востокъ онъ былъ пораженъ зрѣлищемъ повсемѣстнаго запустѣнія и разоренія. Онъ вспоминалъ минувшую цивилизацію этихъ странъ и, сидя на развалинахъ Пальмиры, помышлялъ о будущности Европы, не предстоитъ ли подобной участи и ея блестящему просвѣщенію. Тутъ Вольтѣ облекаетъ свои мысли въ оригинальную форму видѣнія. Передъ нимъ предсталъ Геній развалинъ и началъ разъяснять ему его недоумѣнія. Смерть старыхъ цивилизацій, возвѣщаетъ онъ ему, вовсе не была роковою необходимостью: она произведена была не самой природой, не божествомъ; виновники этого запустѣнія, этой гибели культуры — алчные правители, дикіе и невѣжественные люди. Прошедшая культура погибла жертвой тиранніи, людского суевѣрія и невѣжества; одно изъ главныхъ золь, подрывающихъ человѣческое счастье, есть религіозный фанатизмъ. И Геній утѣшаетъ путешественника: скоро наступитъ царство разума и мудрости; на Западѣ поднимается сильная и свободная нація, которая открываетъ новую эру въ исторіи человѣчества. При этомъ аллегорически изображаются первыя событія французской революціи... Таковы были идеалы и упованія, таковъ былъ культъ прогресса и вѣра въ него.

Исходъ французской революціи потрясъ въ мыслителяхъ эту гордую увѣренность, — и наступило тягостное разочарованіе, недоувѣріе къ прежнимъ ученіямъ. Въ 1795 г. тотъ же Вольтѣ читалъ въ Парижской Нормальной школѣ лекціи исторіи. Курсъ свой заключилъ онъ слѣдующими словами, написанными по горячимъ слѣдамъ событій и совершенно несогласными съ его прежнимъ ученіемъ о совершенствованіи: «Итакъ, подъ разными именами, одинъ и тотъ же фанатизмъ свирѣпствуетъ среди націй: актеры мѣняются на сценѣ, но страсти все тѣ же, и исторія представляетъ однообразное круженіе тѣхъ же бѣдствій и заблужденій. Чѣмъ болѣе ее изучаешь, чѣмъ болѣе надъ ней размышляешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ истинѣ этого возврѣнія; я нахожу столько сходства въ поведеніи прави-

тельствъ и народовъ—при аналогическихъ обстоятельствахъ, столько сходства въ самомъ порядкѣ, съ которымъ эти обстоятельства развиваются, что все болѣе и болѣе прихожу къ убѣжденію въ томъ, что дѣла людскія управляются автоматическимъ и машинальнымъ движеніемъ, а самъ двигатель кроется въ физической организаціи нашей породы». Это вѣчное *sempre idem*, эти вѣчные *corsi e ricorsi* какъ нельзя болѣе далеки отъ того радостнаго прогрессивнаго шествія исполинскими шагами, которое проповѣдовалъ Кондорсе. Такъ глубоко отозвалась на научныхъ теоріяхъ историческая обстановка... Вольнѣ попробовалъ отправиться въ Америку. Онъ самъ рассказываетъ, какъ мало похоже было его настроеніе въ 95 году при отъѣздѣ въ Соединенные Штаты на то расположеніе, съ какимъ онъ ѣхалъ въ 83 году на востокъ. Тогда онъ былъ полонъ надеждъ и вѣрованій, теперь онъ чувствовалъ отвращеніе и индифферентизмъ. Онъ ѣхалъ къ *свободному* народу попытаться счастья или, какъ онъ говоритъ, посмотреть, не найдетъ ли въ этой *свободной* странѣ искренній другъ свободы мирнаго убѣжища, котораго онъ не надѣялся найти въ Европѣ. Вольнѣ ошибся... Въ Америкѣ его приняли за французскаго шпіона, президентъ Адамсъ косился на него, какъ на друга Джефферсона и Франклина, а благочестивый химикъ Пристлей обвинялъ Вольнѣ въ безбожии за его *Развалины*. Страна сектантовъ и конторщиковъ не дала роздыха усталому европейцу.

Такъ подготовлялась реакція всему XVIII вѣку. Проклятія просвѣщенію замѣнили культъ разума, философія обратилась — въ общественномъ мнѣніи — въ пагубную идеологію, началось воскрешеніе всякихъ Лазарей, давно отпѣтыхъ и погребенныхъ традицій, пошли мистики, метафизики, романтики. Но это противодѣйствіе просвѣщенію, которое обнаруживается на всѣхъ пунктахъ въ началѣ XIX вѣка, кроется еще въ нѣдрахъ самаго XVIII столѣтія и слабо, въ отдѣльныхъ представителяхъ, пробивается на поверхности самой философической эпохи, приѣшавшая къ раціонализму и возмущая его ясное теченіе. Къ этимъ пачаламъ реакціи мы теперь и обратимся. Отъ теоріи прогресса, отъ самыхъ пламенныхъ почитателей своего столѣтія, отъ самыхъ пламенныхъ ревнителей идеи совершенствованія—Тюрго и Кондорсе, мы перейдемъ къ ея противникамъ и начнемъ съ Руссо, въ которомъ страннымъ образомъ переплетаются философическія идеи, начала раціонализма съ мистическими тенденціями романтиковъ.

•

# ПРИЛОЖЕНИЕ.



Руссо. — Первые произведенія <sup>1)</sup>).

Я не буду подробно рассказывать біографіи Руссо, а ограничусь общей характеристикой его личности и остановлюсь только на нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ чертахъ его жизни. Самъ Руссо раскрылъ передъ нами интимную исторію своей души и оставилъ такой богатый матеріалъ для психологическаго анализа, какого мы не имѣемъ ни о которомъ изъ другихъ просвѣтителей. Въ своей знаменитой *Исповѣди* онъ знакомитъ читателя съ своими тайными помыслами, заповѣдными грезами, скрытыми побужденіями, повѣствуетъ о своихъ доблестяхъ и порокахъ, останавливается иногда на самыхъ мелочныхъ фактахъ своей психической жизни, слѣдитъ за самыми тонкими ея оттѣнками и изгибами. Фактъ этой *Исповѣди* знаменателенъ самъ по себѣ: на такого рода воспоминанія не были способны другіе писатели XVIII вѣка. Нуженъ былъ особенно сильный интересъ къ собственной индивидуальной жизни, особенно сильная страсть къ занятію самимъ собой и очень высокое мнѣніе о своей оригинальности, чтобъ оставить подобные мемуары. Прослышавъ о томъ, что Руссо работаетъ надъ своей автобіографіей, Вольтеръ насмѣшливо и остроумно замѣтилъ въ письмѣ къ Даламберу: «то, что лично касается этого философа, имѣетъ въ его глазахъ универсальное значеніе, и я бы посоветовалъ ему озаглавить свое прекрасное сочиненіе слѣдующимъ образомъ: *Всемирная Исторія или Мемуары Ж. Ж. Руссо*.

Укажемъ на выдающіяся черты этой личности, руководствуясь ея собственными признаніями. Въ одномъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ Руссо удивляется, какимъ образомъ могутъ уживаться и ладиться въ немъ двѣ особенности, по его мнѣнію, почти непримиримыя. Онъ находитъ въ себѣ съ одной стороны пылкій темпераментъ, сильныя

<sup>1)</sup> См. Предисловіе.

и неуправляемые страсти, и с другой—медленность и затруднительность в процессе мышления. Какъ будто, замѣчаетъ онъ, мое сердце и мой умъ не принадлежать одному и тому же лицу: чувство быстрѣе молніи проникаетъ въ мою душу, но вмѣсто того, чтобъ озарить и просвѣтить меня, оно жжетъ и ослѣпляетъ меня. Я все чувствую и ничего не вижу. — Только напрасно изумляется Руссо соприсутствію въ немъ этихъ двухъ особенностей, связь между обоими явленіями какъ нельзя болѣе нормальна: медленность правильного мышления и логической сообразительности какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ интензивностью чувства и склонностью къ экстазу. — Эту медленность въ мышленіи, соединенную съ живостью чувства, продолжаетъ Руссо, я ощущаю не только въ бесѣдѣ, но и тогда, когда я одинъ, когда я работаю. Идеи мои складываются въ головѣ съ невѣроятною трудностью: онѣ смутно носятся, безпокойно бродятъ, возбуждаютъ меня, воспаляютъ, потрясаютъ; среди этихъ волненій я ничего ясно не вижу, я не въ состояніи написать ни слова, я долженъ ждать. Понемногу стихаетъ броженіе, хаосъ проясняется, предметы становятся по мѣстамъ,—но все это совершается медленно и послѣ долгаго и безпорядочнаго передвиженія. Руссо сообщаетъ при этомъ, съ какой трудностью онъ пишетъ: его рукописи, перемаранныя, переправленные, испещренные со всѣхъ сторонъ помѣтками, свидѣтельствуютъ, чего стоитъ для него изложеніе. Туго, медленно складывается его мысль, побораемая наплывомъ чувства и безпорядочными грезами. — Къ этому преобладанію сентиментальности и мечтательности надъ логикой Руссо сплошь да рядомъ возвращается въ своей *Исповѣди* и другихъ автобіографическихъ статьяхъ. Онъ указываетъ на исконную любовь свою къ фантастическимъ предметамъ, на свою склонность отдаваться по цѣлымъ днямъ безотчетному теченію мечты, на способность создавать себѣ цѣлый идеальный міръ и переноситься въ него мысленно, забывая окружающую дѣйствительность. Онъ не могъ долго слѣдить за чужими мыслями, ему плохо давалась работа послѣдовательная, систематическая. Онъ предпочиталъ оставаться самъ съ собою, уходить въ свои грезы, по возможности отстраняя отъ себя всякія внѣшнія помѣхи. Подобно гѣтеву Вертеру, Руссо погружался въ самого себя, находилъ въ себѣ цѣлый міръ, возился съ своимъ сердцемъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ. «Я люблю заниматься бездѣлками, начинать сто дѣлъ и не оканчивать ни одного,

бродить какъ мнѣ вадумается, мѣнять ежеминутно проекты, слѣдить за мухой—во всѣхъ ея движеніяхъ, фантазировать о томъ, что можно найти, приподнявъ какую-нибудь скалу, предпринимать съ жаромъ какую-либо работу на десять лѣтъ и безъ сожалѣнія бросать ее по прошествіи десяти минутъ, болтаться цѣлый день безъ цѣли и направленія и во всемъ слѣдовать только настроенію минуты». Человѣкъ этотъ, писалъ Юмъ о Руссо, въ теченіе всей своей жизни *только чувствовалъ*.

Связь между сильно развитой фантазіей и непомернымъ тщеславіемъ встрѣчается довольно часто. Мы ее постоянно замѣчаемъ у романтиковъ. Одна особенность поддерживаетъ другую и ею питается. Всюду преслѣдуетъ Руссо мысль, что онъ исключительное существо, что онъ имѣетъ совершенно особый характеръ, что его нельзя судить по другимъ людямъ. Судьба его необычайна, у него особая миссія, на него устремлены глаза всѣхъ окружающихъ. «Я предпринимаю дѣло», такъ начинается онъ свою *Исповѣдь*, «которое не имѣетъ примѣра и никогда не будетъ имѣть подражателей. Я хочу показать ближнимъ моимъ человѣка во всей правдѣ его,—меня самого. Одного меня. Я знаю сердце свое, знаю людей. Я сотворенъ такъ, какъ никто изъ тѣхъ, кого я видѣлъ; я осмѣливаюсь думать, что я сотворенъ иначе, чѣмъ всѣ существующіе. Если я не лучше, то, по крайней мѣрѣ, я иной». По замѣчанію извѣстнаго вамъ Вольнѣ, едва ли найдется другая книга, гдѣ было бы собрано столько гордости въ такомъ маломъ количествѣ строкъ. Въ связи съ воображеніемъ, самолюбіе Руссо причиняло ему множество мученій. Полагая, что всѣ имъ заняты и заинтересованы, онъ постоянно былъ на чеку, осматривался направо и налево, слѣдилъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе онъ производитъ. И тутъ подслуживалась ему фантазія: чего и чего только ему не представлялось! Въ его *Исповѣди* мы находимъ на эту тему множество разсказовъ—и комическихъ, и трагическихъ. «Тысячу разъ», пишетъ Руссо, «въ мои молодые годы, когда я былъ въ ученѣ, и позднѣе, я отправлялся съ цѣлью купить какое-нибудь лакомство. Я подхожу къ булочной, вижу за прилавкомъ женщинъ; и вотъ мнѣ уже сдается, что онѣ улыбаются и хихикаютъ между собой надъ лакомкой. Я иду мимо фруктошника, искоса посматриваю на прекрасныя груши, ихъ запахъ соблазняетъ меня; но на меня смотрятъ двое или трое молодыхъ людей, стоящихъ около; а вонъ тамъ стоятъ знакомый лавоч-

никъ; вдали идетъ какая-то женщина, да не служанка ли это изъ нашего дома? Близорукость вводитъ меня въ тысячу заблужденій. Я принимаю всѣхъ проходящихъ за знакомыхъ; вездѣ я сконфуженъ, вездѣ меня удерживаетъ какое-либо обстоятельство; желаніе мое растетъ вмѣстѣ со стыдомъ и, наконецъ, я возвращаюсь дуракомъ, терзаемый неудовлетворенной прихотью, съ деньгами въ карманѣ, на которыя я не посмѣлъ ничего купить». Нужно признать, что это очень тонкая и вѣрная психологическая картина; аналогическія ощущенія бывають съ очень многими людьми, но дѣло въ томъ, что у Руссо подобная застѣнчивая подозрительность, подобныя мучительныя колебанія—представляютъ черту постоянную, повторяющуюся, которая не пропадаетъ, но развивается и усиливается съ годами. Однажды, уже будучи взрослымъ юношей, Руссо путешествуетъ съ одной дамой и пріятелемъ ея маркизомъ. Дама сильно ухаживаетъ за Руссо, который самъ чувствуетъ къ ней склонность.— маркизь остритъ надъ нимъ. И вотъ, рассказываетъ Руссо, по свойственной мнѣ одному странности я начинаю себѣ представлять, что они между собой сговорились—для того, чтобы надо мной посмѣяться и т. д.

Въ послѣдніе годы жизни подозрительность Руссо достигла крайнихъ предѣловъ, она усиливалась подъ вліяніемъ болѣзни. Положеніе его граничало съ сумасшествіемъ. Ему казалось, что противъ него въ заговорѣ весь міръ, что противъ него строятъ козни — Дидро, Гольбахіанцы, Вольтеръ. Самые безразличныя поступки окружающихъ онъ относилъ къ себѣ и истолковывалъ ихъ во враждебномъ смыслѣ. Извѣстно, какъ онъ постоянно ссорился съ друзьями, какъ онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, избѣгая мнимыхъ преслѣдованій. Юмъ, который сначала такъ сочувственно относился къ Руссо, былъ имъ также зачисленъ въ триумвиратъ заговорщиковъ: двумя другими значились Вольтеръ и Даламберъ. Понятно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло уже съ полнымъ психическимъ разстройствомъ, но развитіе оно постепенно — изъ природныхъ задатковъ Руссо, и направленіе самой болѣзни было въ значительной степени обусловлено чрезмѣрнымъ развитіемъ фантазіи въ связи съ сосредоточеннымъ самолюбіемъ.

Нѣсколько біографическихъ данныхъ помогутъ намъ отгѣвнить и обрисовать рельефнѣе нравственную фивіономію Руссо. Дѣтство и юность его проходятъ безпорядочно и причудливо. Онъ былъ предо-

ставленъ вполнѣ собственному распоряженію и, весьма вѣроятно, что отсутствіе всякаго внѣшняго руководства, всякихъ внѣшнихъ сдержекъ и препятствій способствовало развитію въ немъ той привычки слѣдовать личнымъ прихотямъ, отдаваться влеченію минуты, которая съ такою силой обнаружилась въ немъ впоследствии. Съ ребячества и до очень поздняго возраста онъ все мѣнялъ занятія, переходилъ отъ одной профессіи къ другой, принимался за дѣло и бросалъ его. Руссо перебивалъ—въ конторѣ адвоката, въ мастерской гравёра, въ ученѣхъ у католическихъ монаховъ, въ должности лакея, домашняго секретаря, въ роли полу-слуги и полу-любовника, въ званіи музыкальнаго учителя и чиновника при посольствѣ. Остановиться на чемъ-либо онъ не могъ и мѣнялъ роли, слѣдуя внушеніямъ своего капризнаго настроенія; болѣе всего приходилась ему по вкусу жизнь странствующаго авантюриста. Въ теченіе всей своей молодости Руссо не имѣлъ опредѣленной жизненной цѣли, какого-нибудь плана на будущее, какихъ-нибудь продуманныхъ намѣреній. Онъ велъ какую-то пассивную жизнь, — точно тростникъ, вѣтромъ колеблемый. На борьбу съ трудностями, на стойкій отпоръ представлявшимся препятствіямъ, Руссо не былъ способенъ: онъ старался *уйти* отъ борьбы, не беспокоиться, не тревожить себя даже хлопотливыми сдѣлками или соглашениями... Рассказывая, какъ однажды, вмѣсто того, чтобъ отправиться въ Нионъ, онъ пошелъ въ Лозанну—только для того, чтобъ насладиться прекраснымъ видомъ озера, который открывается именно изъ Лозанны, Руссо замѣчаетъ: «тайныя побужденія, руководившія моими поступками, въ большинствѣ случаевъ не были основательнѣе этого мотива. Дальновидные расчеты рѣдко настолько сильны, чтобъ заставить меня дѣйствовать. Будущее такъ невѣрно, что проекты, требующіе для исполненія долгаго времени, всегда казались мнѣ приманками для глупцовъ. Я готовъ надѣяться, какъ и всякій другой, лишь бы мнѣ ничего не стоило питать эту надежду; но если приходится долго возиться, я бросаю дѣло».—Ту же беспорядочность, то же отсутствіе послѣдовательной и настойчивой работы мы видимъ въ способѣ его научной подготовки. Обратившись къ занятію философскими вопросами, Руссо придумалъ методъ, который особенно пришелся ему по вкусу. «Читая каждаго автора», рассказываетъ онъ, «я принялъ за правило усвоить себѣ всѣ его мысли, не оспаривая ихъ, не примѣ-

шивая къ нимъ собственныхъ разсужденій, не сличая ихъ съ воззрѣніями другихъ писателей. Я сказалъ себѣ: начну съ того, что запасусь идеями, какъ истинными, такъ и ложными, и когда моя голова будетъ снабжена достаточнымъ количествомъ этихъ идей, тогда уже буду сличать и выбирать». Нѣсколько лѣтъ Руссо усвоилъ такимъ образомъ чужія мысли, «такъ сказать безъ размышленія и почти безъ разсужденія», и, по его свидѣтельству, въ концѣ концовъ онъ приобрѣлъ въ свое распоряженіе значительный запасъ понятій. «Тутъ», продолжаетъ Руссо, «путешествія и дѣла отняли у меня возможность справляться съ книгами, и я *забавлялся* припоминать и сличать то, что я читалъ, взвѣшивать все на вѣсахъ разума и подчасъ судить моихъ собственныхъ наставниковъ. Несмотря на то, что я поздно началъ упражнять свою способность сужденія, я не нашелъ, что она утратила свою бодрость». Эти характеристическіе приемы какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ наклонностями Руссо. Какъ вы видите, онъ сначала пассивно воспринимаетъ чужое, избѣгаетъ серьезнаго разбора, критики, провѣрки, сличенія, дѣятельнаго мышленія: все это утруждаетъ его. Затѣмъ, набравшись считанныхъ идей, онъ отдается непринужденному теченію собственной думы, которая не столько обсуждаетъ данныя понятія, сколько грезитъ, вышиваетъ по нимъ, какъ по готовой канвѣ, свои прихотливые узоры. Талантливый біографъ Руссо—Морлей справедливо указываетъ, какъ пагубны такіе приемы для юноши, которому прежде всего необходимо укрѣпить, изострить способность самостоятельнаго сужденія и критической провѣрки. Съ своимъ методомъ Руссо никогда и не узналъ, что значитъ серьезное систематическое мышленіе.

Такъ прошла молодость Руссо въ разнообразныхъ приключеніяхъ и странствіяхъ по Швейцаріи, Савойи и Южной Франціи. Въ 1741 году Руссо попалъ въ Парижъ. Ему было 29 лѣтъ отъ роду, онъ былъ человѣкомъ сложившимся. Прошедшее свое онъ прожилъ въ мелкихъ городахъ, въ деревняхъ и никогда не терся въ большомъ столичномъ обществѣ. Во французскомъ салонномъ мірѣ наступили тяжкія испытанія для его болѣзненнаго самолюбія. Разумѣется, отношенія его къ французскому свѣтскому обществу опредѣлились не сразу: долгое время они колебались, долгое время онъ не разрывалъ съ нимъ связей, удерживаемый то той, то другой при-

визанностью. Неудовольствіе на людей, на окружающую обстановку росло по-немногу и постепенно принимало форму страстного отрицанія существующих общественных условий. Указать на эти личные отношенія Руссо къ французскому свѣту необходимо, такъ какъ они имѣли несомнѣнное вліяніе на развитіе самой его доктрины.

Въ парижскій салонный и философическій міръ Руссо принесъ съ собою неловкость провинціала и угрюмость мечтателя. Другой на его мѣстѣ по-немногу втянулся бы въ обстановку или же, не придавая значенія мнѣніямъ окружающихъ, остался бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, не сталъ бы мучиться надъ своей ролью. Но Руссо, уязвимый своимъ самолюбіемъ, постоянно слѣдилъ и за собой, и за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ; онъ замѣчалъ свои промахи и неловкости, страдалъ отъ нихъ, терялся и робѣлъ. Наконецъ, онъ придумалъ слѣдующую полатику: «брошенный въ свѣтское общество помимо моей воли», рассказываетъ Руссо, «не владея господствующимъ тономъ, не умѣя усвоить его или ему покориться, я вздумалъ освободиться отъ него, создавши себѣ свою, оригинальную манеру поведенія. Моя глупая и неловкая робость, побѣдить которой я не могъ, вытекала изъ страха нарушить приличія: и вотъ я рѣшилъ, для того, чтобы пріобрѣсть смѣлость, топтать ногами эти приличія. Изъ стыда я сдѣлался циникомъ; я показывалъ видъ, что презираю ту вѣжливость, къ которой у меня просто не было навыка»... Это признаніе проливаетъ яркій свѣтъ на отношенія Руссо къ обществу. Вы видите, какъ отрицательныя отношенія его къ средѣ частью опредѣлились подъ вліяніемъ его болѣзненнаго самолюбія. Робость, мысль о постороннемъ мнѣніи, боязнь попасть въ просакъ—преслѣдовали и тревожили его на каждомъ шагу. Остричь, вести живую бесѣду, спорить цѣлыми часами, какъ другіе вольнодумцы, онъ не могъ. Сначала онъ усвоилъ себѣ оригинальную манеру поведенія въ самомъ обществѣ, затѣмъ—сталъ все болѣе и болѣе избѣгать людей и уединяться. Къ концу 50-хъ годовъ прошлаго вѣка разрывъ Руссо со свѣтомъ былъ завершенъ. Уединеніе онъ полюбилъ со страстью: оно избавляло его отъ тягостныхъ стѣсненій, никто его не беспокоилъ, никто не заставлялъ его принимать мучительныя позы, ухищряться въ остроуміи, напряженно слѣдить за своими словами и мыслями; въ уеди-

неніи онъ вволю могъ грезить и мечтать, предаваться «блаженной праздности одиночества».

Было еще другое обстоятельство, имѣвшее вліяніе на развитіе социальныхъ воззрѣній Руссо. Руссо помнилъ, что онъ—плебей; онъ не забылъ тѣхъ оскорбленій, которыя ему приходилось выносить со стороны лицъ, поставленныхъ выше его на социальной лѣстницѣ; онъ не забылъ и тѣхъ матеріальныхъ лишеній, которыя не разъ приходилось ему испытывать во время своей молодости. Видъ ликующаго, обезпеченнаго салоннаго міра наводилъ Руссо на думы объ его прежнихъ бѣдахъ: вся эта довольная, сытая толпа не помышляла о немъ въ ту пору; она утопала въ наслажденіяхъ, не думая о судьбахъ меньшей братіи. И вотъ въ груди его накопило негодованіе. Свое дѣло онъ сливалъ съ дѣломъ обездоленной массы,— и заговорилъ во имя ея интересовъ. Это — серіозная сторона дѣятельности Руссо, имѣвшая громадное значеніе во вторую половину XVIII вѣка и особенно въ эпоху революціи...

Такова личность. Обратимся къ ея литературной дѣятельности.

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Руссо было, какъ вамъ извѣстно, знаменитое разсужденіе на тему, заданную въ 1749 году Дижонской Академіей: *Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?* Руссо расширилъ историческую тему, предложенную Академіей. Цѣлью своего разсужденія онъ поставилъ не параллель между средневѣковымъ періодомъ и эпохою возрожденія, а вопросъ о томъ, насколько развитіе наукъ и искусствъ или другими словами—насколько цивилизація вообще способствуетъ нравственному улучшенію. Отвѣтъ былъ данъ отрицательный. До насъ дошли разнообразныя свидѣтельства объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возникновеніе этого знаменитаго дискурса. Многіе современники разсказываютъ, будто Руссо хотѣлъ дать сначала утвердительный отвѣтъ, и только по внушенію Дидро, для большей оригинальности, сообщилъ своему произведенію неожиданный оборотъ. Но эти разказы не заслуживаютъ вѣры: они сложились въ кружкахъ, враждебныхъ Руссо, и принадлежатъ людямъ, питавшимъ къ нему личное нерасположеніе, видѣвшимъ въ немъ простого софиста. Напротивъ того, разсказъ самого Руссо весьма правдоподобенъ. Руссо повѣствуетъ, что объявленіе о Дижонской темѣ онъ прочиталъ въ газетѣ, во время прогулки въ Венсеннъ, куда онъ шелъ навѣстить



Дидро, заключеннаго въ то время въ Венсенской тюрьмѣ за *Письма о слѣпыхъ*. Прочитавши публикацію, Руссо впалъ въ экстатическое состояніе: онъ увидѣлъ передъ собой новый міръ, цѣлая масса идей зародилась въ его головѣ, сердце забилося съ особенной силой, дыханіе сперлось, онъ не могъ держаться на ногахъ и опустился подъ дерево; когда онъ пришелъ въ себя, онъ увидѣлъ; что все платье его было омочено слезами. Когда Руссо пришелъ въ Венсеннъ и сообщилъ планъ своего отвѣта Дидро, послѣдній обнадежилъ и поддержалъ его. Такъ зародилось разсужденіе о наукахъ и искусствахъ. Руссо съ ревностью принялся писать, представилъ свое сочиненіе въ Академію, и оно было увѣнчано, благодаря своей оригинальной формѣ и пламенному изложенію. И само сочиненіе, да и вся эта прелюдія какъ нельзя болѣе вяжутся съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ Руссо. Экстатическій припадокъ его на дорогѣ въ Венсеннъ— нѣчто, очень родственное видѣнію апостола Павла на пути въ Дамаскъ. Возвращенія, которыя Руссо развивалъ въ своемъ разсужденіи, уже давно складывались и бродили въ его головѣ; они ждали только случая, повода высказаться, рѣшающій дѣло толчекъ былъ данъ прочитанной публикаціей.

Свести это разсужденіе къ ряду послѣдовательно развивающихся мыслей нѣтъ никакой возможности. Въ немъ нѣтъ стройности, логичности, равномѣрности. Это—потокъ пламенныхъ тирадъ, лирическихъ изліяній, страстныхъ возгласовъ. Потому я и не стану передавать разсужденія Руссо въ той послѣдовательности или, лучше сказать, въ той *непослѣдовательности*, которой держится авторъ, и укажу только на главные темы, на которыхъ фантазируетъ Руссо, на господствующіе аккорды.

Отвѣтъ Руссо на Дижонскую тему звучалъ отрицательно. Науки и искусства не только не способствуютъ улучшенію нравовъ, но и приводятъ ихъ къ порчѣ, къ разложенію. Во всѣхъ странахъ міра съ началомъ умственного развитія совпадаетъ первый моментъ въ упадкѣ нравственности; преуспѣяніе морали обратно пропорціонально росту просвѣщенія. Подъ *порчей нравовъ* Руссо разумѣетъ увеличеніе потребностей, а потому и развитіе страстей, распространеніе роскоши и праздности, утрату военныхъ доблестей, накопленіе въ людяхъ лукавства, фальши. Этому состоянію растлѣннаго, цивилизованнаго человѣка онъ противопоставляетъ эпоху блаженнаго перво-

бытнаго невѣдѣнія, съ которой человѣчество разсталось вслѣдствіе своей гордости и пытливости. Чѣмъ болѣе развиваются и распространяются науки и искусства, чѣмъ болѣе удаляется человѣкъ отъ естественнаго невѣжества, тѣмъ болѣе онъ становится порочнымъ, изнѣженнымъ, лицемернымъ. Руссо приводитъ въ пользу этого мнимыя историческія доказательства, посредствомъ которыхъ онъ приписываетъ наукамъ и искусствамъ послѣдствія, вытекающія изъ быта политическаго и экономическаго. Озираясь на прошедшее, онъ указываетъ на нѣсколько явленій, въ которыхъ видитъ причинную связь между развитіемъ цивилизаціи и ослабленіемъ нравственности. Такъ—Египетъ, съ распространеніемъ философіи и искусствъ, становится добычей завоевателей: Персовъ, Грековъ, Римлянъ, Арабовъ и Турокъ. Въ Греціи, за развитіемъ наукъ и искусствъ, слѣдуетъ періодъ македонскаго владычества. Въ Римѣ порча начинается въ эпоху поэтовъ Энія и Теренція, а послѣ писателей Августовскаго времени великій городъ окончательно падаетъ жертвой разврата. Византія—убѣжище наукъ и искусствъ въ средніе вѣка—представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ образецъ нравственной распущенности; ея исторія есть рядъ измѣнъ, отравъ, убійствъ. Выходитъ даже, что и Китайцы, вслѣдствіе своей учености, подпали подъ иго Татаръ. Напротивъ того народы, не зараженные знаніемъ, отличались простотой, невинностью и доблестями; таковы—Персы, Скиѣны, Германцы, Спартанцы, древніе Римляне... Науки воспитываютъ порочность и выросли изъ пороковъ: астрономія родилась изъ суевѣрія, геометрія произведена скупостью, физика—дщерь празднаго любопытства; всѣ знанія, даже сама наука морали обязана происхожденіемъ своимъ нашей гордости. Они поддерживаются роскошью, праздностью, неравенствомъ, и въ свою очередь развиваютъ ихъ. Благодаря цивилизаціи, мы ничего не выиграли, не приобрѣли для нашего счастья, а утратили многое: природную простоту и невинность. Въ нашемъ обществѣ почитаются таланты, уважаются знатоки, искусные спеціалисты, но у насъ нѣтъ болѣе гражданъ, людей, и добродѣтель презирается. «Если-бъ я былъ вождемъ какого-либо африканскаго племени», пишетъ Руссо въ одной пояснительной запискѣ къ своей рѣчи, «я велѣлъ бы воздвигнуть на границѣ висѣлицу и приказалъ бы безотлагательно повѣсить перваго европейца, который посмѣлъ бы войти въ мою территорію, и перваго гражданина, который покусился бы выйти изъ страны». Но

что же дѣлать намъ, цивилизованнымъ народамъ? Руссо соглашается съ тѣмъ, что къ первобытному порядку вещей вернуться невозможно: мы уже глубоко испорчены и растлѣнны. Нужно умѣрять, регулировать, сдерживать въ должныхъ границахъ дальнѣйшее развитіе наукъ и искусствъ. Пусть люди предаются имъ съ меньшей ревностью. Пусть ими занимаются немногіе избранныки, великіе гении. А большинство пусть научается исполнять свои обязанности: для этого не нужно особенныхъ хлопотъ и приготовленій, принципы поведенія напечатлѣны во всѣхъ сердцахъ. Будемъ слушать голосъ нашей совѣсти, это—истинная философія, и ею удовольствуемся.

Вы видите, что размышленія Руссо основаны на предположеніи и сравненіи двухъ состояній: блаженнаго первобытнаго невѣжества и развращеннаго цивилизованнаго порядка. Естественный бытъ обратился въ искусственный, благодаря успѣхамъ знанія. Дальнѣйшее развитіе этотъ мотивъ получилъ въ *Разсужденіи о причинахъ неравенства между людьми*, которое было задано опять-таки Дижонской Академіей, и, какъ кажется, на подобную задачу Академія была наведена первымъ сочиненіемъ Руссо. Эта вторая рѣчь Руссо, изданная въ 1753 году, не была увѣнчана, и тѣмъ не менѣе она гораздо важнѣе первой. Изложеніе несравненно стройнѣе и яснѣе: то, что смутно и неопредѣленно высказывается въ первомъ сочиненіи, выражено здѣсь гораздо точнѣе и обстоятельнѣе. Итакъ, дѣло идетъ о давно прошедшемъ *естественномъ* состояніи..

Въ наше время первобытныя эпохи въ исторіи человѣчества,— тѣ отдаленные періоды, когда зачинались и складывались общественные союзы, вошли въ особенную моду среди ученыхъ ислѣдователей. Праисторія народовъ привлекаетъ вниманіе изучающихъ культуру, занимающихся этнографіей, антропологіей, естественной исторіей. Собрана подавляющая масса фактическаго матеріала. Естествовѣды и географы путешествуютъ и наблюдаютъ дикарей, археологи раскапываютъ курганы и отрываютъ старинные памятники, историки разбираютъ древніе акты, лингвисты стараются по языку возстановить давно минувшія понятія и исчезнувшія бытовья формы. Археологическая страсть, которой воспламенены наши ученые къ изслѣдованію какъ доисторическихъ, такъ и понынѣ существующихъ варваровъ, привела къ многимъ куріозамъ, празднымъ и мелочнымъ соображеніямъ; но не подлежитъ сомнѣнію то, что новѣйшіе труды

выяснили также немало цѣнныхъ историческихъ данныхъ. Благодаря этимъ трудамъ, давно минувшія эпохи, предшествовавшія началамъ государственнаго быта, представились въ новомъ свѣтѣ. Теорія о какомъ-то единомъ, общемъ для всѣхъ народовъ естественномъ состояніи признана абстракціей. На самомъ дѣлѣ, были весьма различныя первобытныя состоянія у различныхъ народовъ. Между этими различными естественными состояніями найдены нѣкоторыя общія черты, и эти общія черты свидѣтельствуютъ далеко не въ пользу праисторическихъ нравовъ. Это было время ожесточенной борьбы, несдерживаемой сознаниемъ общей солидарности,—господства дикихъ, животныхъ страстей и необузданныхъ влеченій, требовавшихъ мгновеннаго удовлетворенія... Медленно и робко раскрываетъ наука эти отдаленныя періоды, осторожно ступая отъ факта къ факту.

Въ разгарѣ прошлаго столѣтія, первобытныя эпохи возбуждали также оживленный интересъ. Но изучали ихъ не по нашему. Когда заповѣдныя представленія о происхожденіи человѣчества, основанныя на священномъ писаніи, были потрясены,—ихъ замѣнили гипотезами, построенными на отвлеченныхъ метафизическихъ соображеніяхъ. Стали судить и рядить, каково должно было быть первобытное естественное состояніе и выводили пѣлую систему гипотетически, устраняя факты и руководствуясь догадками. Такой методъ былъ въ ходу у большинства политиковъ XVII и XVIII столѣтій, къ такому методу обратился и Руссо. Его *выводы* по содержанию расходились съ выводами другихъ просвѣтителей: онъ усматривалъ блаженство тамъ, гдѣ они видѣли печальную грубость. Но приемы въ изслѣдованіи были аналогическіе: какъ сторонники прогресса, такъ и сторонники вырожденія слѣдовали въ своихъ работахъ не старательнымъ фактическимъ наблюденіямъ, а отвлеченнымъ предположеніямъ. Рассказывали до мелочей, до подробностей, какъ должно было развиваться человѣчество, какъ отъ одного понятія оно должно было переходить къ другому, отъ старой бытовой формы къ новой. Казалось, это такъ просто, это само собой разумѣется, и незачѣмъ справляться съ фактами.

Вотъ какъ приступилъ Руссо къ работѣ надъ своимъ «Разсужденіемъ о неравенствѣ». «Для того, чтобъ на просторѣ обдумать этотъ важный предметъ», пишетъ онъ, «я отправился на недѣлю въ С. Жерменъ, съ Терезой, съ нашей хозяйкой—славной женщиной и съ

одной ея знакомой. Это была одна изъ самыхъ пріятныхъ прогулокъ во всей моей жизни.—Стояла прекрасная погода; эти добрыя женщины взяли на себя хлопоты и расходную часть; Тереза съ ними забавлялась, а я, ни о чемъ ни заботясь, приходилъ къ нимъ въ часть обѣда—непринужденно тараторить и отдыхать. Остальное время дня я проводилъ въ лѣсу, и тамъ я искалъ, я находилъ образъ первыхъ временъ, и гордо чертилъ ихъ исторію; я устранялъ мелкую людскую ложь; я дерзалъ обнажать природу человѣчества, слѣдовать за теченіемъ временъ и дѣяній, которыя ее изуродовали, и, сравнивая человѣка, изобрѣтеннаго людьми, съ естественнымъ человѣкомъ, раскрывалъ въ его мнимомъ совершенствованіи истинный источникъ его бѣдствій. Духъ мой, окрыленный этимъ возвышеннымъ соверщаніемъ, возносился къ божеству; и, смотря съ высоты на то, какъ слѣпо слѣдуютъ ближніе мои по пути своихъ предрасудковъ, заблужденій, несчастій и преступленій, я взывалъ къ нимъ слабымъ голосомъ, который до нихъ не доносился: безумцы, вы, которые безпрестанно жалуетесь на природу, знайте, что всѣ ваши бѣдствія исходятъ отъ васъ самихъ».—Такова была ученая подготовка къ трактату. Приступая къ своему «Разсужденію», Руссо дѣлаетъ также нѣсколько замѣчаній о методѣ. Онъ предполагаетъ начертать «гипотетическую исторію общественныхъ формъ». По его мнѣнію, нужно начать съ того, что устранить факты, ибо они къ дѣлу не относятся. Свои разысканія онъ не выдаетъ за истины *историческія*, но за условныя разсужденія, и однако эти-то условныя разсужденія и могутъ, по мнѣнію Руссо, освѣтить *природу вещей*. «Нелегкая задача», пишетъ Руссо, «отдѣлить въ современномъ ествѣ человѣка черты первобытныя отъ свойствъ искусственныхъ и ясно познать состояніе, которое болѣе не существуетъ, которое можетъ быть не существовало, которое, вѣроятно, никогда не будетъ существовать, и о которомъ, однако, *необходимо имѣть истинныя представленія* для того, чтобъ вѣрно судить о нашемъ настоящемъ положеніи».

Эти приемы поражаютъ человѣка, привыкшаго къ положительному знанію; они ставятъ въ тупикъ современнаго изслѣдователя, они для него непонятны, весь этотъ subtilный метафизическій процессъ намъ просто не дается, мы отъ него отстали. Но въ прошломъ столѣтіи метафизическій методъ въ соціальныхъ наукахъ былъ дѣломъ обыч-

нымъ. Физика, естествовѣдѣніе уже тогда освободились отъ него; въ исторіи онъ еще продолжалъ имѣть значеніе. «О, человекъ», такъ заключаетъ Руссо свое введеніе къ «Рѣчи», «изъ какихъ бы ты ни былъ странъ, какихъ бы ты ни былъ убѣжденій, вступи! Вотъ твоя исторія, такъ—какъ я прочиталъ ее не въ книгахъ твоихъ ближнихъ, которыя лживы, а въ природѣ, которая никогда не лжетъ. Все, что я взялъ отъ нея, есть истина; ложнымъ будетъ то, что я невольно приѣмалъ отъ самого себя. Времена, о которыхъ я буду говорить, отдаленны; какъ измѣнился ты съ тѣхъ поръ!»—И вотъ разоблачается передъ нами абстрактная исторія абстрактнаго человека...

Руссо дѣлитъ прошедшее человека на три періода: на состояніе естественное, дикое и искусственное. Въ первоначальномъ, *естественномъ* состояніи люди живутъ въ разбродъ и на подобіе животныхъ. Они уступаютъ животнымъ въ силѣ, но превосходятъ ихъ другими особенностями организаціи. Человекъ не имѣетъ развитого спеціальнаго инстинкта, но зато способенъ усвоить себѣ инстинкты разнообразныя; онъ безразлично питается всякой пищей, и потому легче достаетъ ее, чѣмъ прочія животныя. Первобытный человекъ силенъ и почти несокрушимъ: онъ привыкъ къ непогодѣ, къ физическому упражненію, не знаетъ орудій, а потому рассчитываетъ на одну тѣлѣсную ловкость и умѣетъ обороняться отъ животныхъ безъ топора, безъ пращи, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ. Къ тому же животныя нападаютъ на первобытнаго человека только въ исключительныхъ случаяхъ. Американскіе дикари живутъ беззаботно среди хищныхъ звѣрей и, по свидѣтельству путешественника, никогда ни одинъ Караибъ не былъ растерзанъ дикими животными. Болѣзни гораздо менѣе обычны въ естественномъ состояніи, чѣмъ въ нашемъ обществѣ: нѣтъ нашихъ эксцессовъ, нашего неравномѣрнаго образа жизни, нашей чувственности, заботъ и напряженій. Страданія наши—дѣло рукъ нашихъ, и мы могли бы почти вовсе избѣгнуть ихъ, если-бъ сохранили простой, однообразный и одинокій бытъ, предписанный самою природою. Она предназначила насъ къ здоровью и невѣжеству, и я осмѣливаюсь утверждать, говорить Руссо, что размышленіе есть состояніе противное природѣ и что *размышляющій человекъ есть развращенное животное*.—Человекъ, не обладающій искусственными средствами къ поддержанію своего существованія,

тѣмъ свободнѣе отъ потребностей, тѣмъ независимѣе и самостоятельнѣе. Первый, который завелся одеждой и жилищемъ, доставилъ себѣ этимъ самымъ лишь незначительную пользу, такъ какъ онъ обходился прежде безъ этого, а съ другой стороны онъ принесъ себѣ значительный вредъ, ибо расширилъ кругъ своихъ нуждъ и потребностей. У первобытнаго человѣка потребности удовлетворяются просто и легко; у него нѣтъ заботъ о будущемъ, нѣтъ ни предвѣдѣнія, ни пытливости. Такъ какъ потребностей мало и такъ какъ онѣ съ легкостью удовлетворяются, то нѣтъ и повода къ раздорамъ, къ враждебной конкуренціи, а если и завязываются распри, то онѣ смягчаются прирожденнымъ человѣку состраданіемъ. Первобытный человѣкъ не обсуждаетъ своихъ внезапныхъ порывовъ: за недостаткомъ мудрости и разсудительности онъ всегда отдается *природному* чувству гуманности. Изъ всего этого оказывается, что природное физическое неравенство въ этомъ первобытномъ состояніи далеко не имѣетъ того значенія, какъ впоследствии: если сравнить тѣ различія въ потребностяхъ, воспитаніи, развитіи, образѣ жизни людей, которыя мы находимъ въ цивилизованномъ обществѣ, съ простотой и однообразіемъ естественнаго быта, то мы увидимъ, что само физическое неравенство въ первобытную эпоху смягчается и умѣряется бытовыми условіями; вліяніе его почти ничтожно, оно даже не чувствуется... Изъ блаженнаго естественнаго состоянія человѣкъ выходитъ, благодаря своей пагубной способности къ *совершенствованію*, которая и есть источникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій. Онъ запасается знаніями, заблужденіями и становится собственнымъ тиранномъ.

Однако, вслѣдствіе странной непоследовательности, Руссо относитъ самую счастливую пору въ прошедшемъ человѣчествѣ не къ чисто естественному періоду, а къ слѣдующему за нимъ *дикому* состоянію. По его мнѣнію, это и есть самая прочная эпоха, это—образъ жизни, наиболѣе свойственный и приличный человѣку, изъ котораго ему никогда не слѣдовало бы выходить. Примѣръ дикарей, которыхъ всегда находили именно на этой бытовой ступени, подтверждаетъ, что именно здѣсь и слѣдуетъ видѣть самую счастливую, спокойную, устойчивую пору въ развитіи человѣчества, его юность, въ которой желательно было бы, чтобъ оно вѣчно оставалось. Въ періодѣ *дикомъ* люди уже покинули изолированный бытъ, сблизились, образовали семьи и племена. Здѣсь потребности человѣка уже

увеличились, онъ сталъ изобрѣтать орудія и заботиться о различныхъ удобствахъ, но все же господствовала простота нравовъ и мирныя занятія. Возникли представленія о взаимныхъ обязанностяхъ, встрѣчается понятіе о наказаніяхъ, существуетъ месть, соревнованіе, но благія естественныя побужденія останавливаютъ первые шаги къ неравенству, задерживаютъ искусственность и охраняютъ всеобщее благосостояніе.

Нечего распространяться о томъ, насколько произвольно это изображеніе первобытнаго парадиза. Трезвое отношеніе къ праисторіи человѣчества приводитъ насъ къ иному взгляду на характеръ первоначальныхъ бытовыхъ условій. Беззащитное и невѣжественное положеніе, въ которомъ человѣкъ находится среди всѣхъ опасностей, среди всѣхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ ужасовъ дѣвственной природы, можетъ навести насъ на заключеніе, діаметрально противоположное теоріи Руссо о первобытномъ благосостояніи человѣка. Влеченія человѣка, не сдерживаемыя разсудкомъ, представляютъ крайне сомнительное условіе для устраненія распрей и усобицъ: дѣло не только въ томъ, что человѣкъ можетъ легко удовлетворять свои потребности, но и въ томъ, какъ, какими путями онъ ихъ удовлетворяетъ; отъ первобытнаго человѣка, слѣдующаго своимъ безконтрольнымъ влеченіямъ, нельзя ожидать разборчивости въ выбираемыхъ имъ средствахъ, и нечего рассчитывать на мирныя соглашенія. И у современныхъ дикарей ожесточенныя драки поднимаются изъ-за минутныхъ прихотей. Затѣмъ — *природное* чувство состраданія, сколько извѣстно, гораздо болѣе развито у старыхъ, обтертыхъ исторіей народовъ: оно представляетъ сложный результатъ нервной воспримчивости и развитыхъ социальныхъ инстинктовъ, развитого сознанія солидарности. Тупость къ постороннимъ страданіямъ — обычная черта дикарей. Вообще, если допускать догадки объ естественномъ состояніи человѣчества, то гипотеза Гоббса, которая въ первоначальномъ бытѣ людей усматриваетъ *войну всѣхъ противъ всѣхъ*, гораздо ближе теоріи Руссо подходитъ къ даннымъ, пріобрѣтеннымъ современной наукой.

Во второй части своего «Разсужденія» авторъ переходитъ къ третьему періоду. Великая революція, которая вывела людей изъ блаженнаго патріархальнаго состоянія, сопровождалась изобрѣтеніемъ металлическихъ орудій и земледѣлія. Желѣзо и рожь принесли ца-



визацію и пагубу роду человѣческому. Послѣдовало раздѣленіе труда. Прежде каждый самъ промышлялъ для своего продовольствія, для удовлетворенія своихъ несложныхъ потребностей. Теперь — одни стали обрабатывать землю, другіе — готовить необходимыя орудія. Такъ какъ силы и ловкость были неодинаковы, то при равнонапряженной работѣ, одни добывали меньше, другіе больше; неравенство увеличивалось. Появляется различіе между богатыми и бѣдными, возникаетъ частная земельная собственность, завязывается гражданскій союзъ.

Происхожденіе политическаго быта Руссо опредѣляетъ очень любопытно. Богатые, страдая отъ постоянныхъ нападений, не имѣя возможности защититься отъ массъ и въ то же время не будучи въ состояніи, вслѣдствіе взаимной зависти, соединиться между собой, *придумали самый хитрый проектъ*, который когда-либо представился уму человѣческому: они придумали *учрежденія*, и обратились къ населенію со слѣдующими словами: «сплотимся вмѣстѣ — для защиты слабыхъ, для обузданія честолюбивыхъ и для того, чтобъ обезпечать каждому то, что ему принадлежитъ; установимъ правила справедливости и мира, которымъ всѣ принуждены были бы покоряться и которыя бы связали какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ взаимными обязательствами. Сосредоточимъ всѣ наши силы въ одной верховной власти, которая управляла бы нами по мудрымъ законамъ, охраняла бы всѣхъ членовъ союза, обороняла бы насъ отъ общихъ враговъ и поддерживала бы вѣчное согласіе». Таково, по мнѣнію Руссо, происхожденіе политическаго и гражданскаго союза, который наложилъ новыя оковы на слабыхъ и далъ новыя силы богатымъ, который безвозвратно уничтожилъ естественную свободу, упрочилъ навсегда законъ собственности и неравенства, который изъ ловкаго присвоенія сдѣлалъ неприкосновенное право и для пользы немногихъ честолюбцевъ навѣки обрекъ человѣчество труду, рабству и нищетѣ. — Вѣрнаго въ этой гипотезѣ только то, что имущественныя отношенія послужили въ значительной степени подкладкой и почвой, на которой развились формы политическія. Власть, дѣйствительно, искони была связана съ богатствомъ, съ имущественною мощью; она оберегаетъ собственность и ею держится. Но того *договора* при основаніи гражданскаго союза, о которомъ говоритъ Руссо, въ дѣйствительности мы не знаемъ. Такихъ хитрыхъ комбинацій въ

первобытныхъ людяхъ мы предполагать не можемъ. Теперь уже сдѣлалось избитой истиной, что государственный союзъ сложился постепенно, а не установился сразу, по взаимному соглашенію. И сложился онъ не на основаніи конвенцій и правильныхъ договоровъ, а вслѣдствіе постепенныхъ захватовъ, вѣкового насилія и безотчетнаго, безсознательнаго подчиненія.

Первоначальная форма управленія, по мнѣнію Руссо, колебалась и не была устойчива. Но вообще, замѣчаетъ онъ, первоначальныя власти были выборныя. Деспотизмъ не есть первобытная политическая форма. Во-первыхъ, неестественно, чтобъ свободные народы сразу отдали себя въ кабалу: это самое худшее, что они могли придумать. Во-вторыхъ, абсолютная власть не могла возникнуть изъ власти отеческой, ибо послѣдняя есть власть временная: по естественному закону, сынъ становится съ достиженіемъ взрослого возраста независимымъ отъ отца. Въ третьихъ, деспотизмъ, будучи по своей *природѣ* незаконенъ, не могъ служить основаніемъ политическому устройству... Это новый образчикъ того метафизическаго метода, который Руссо прилагаетъ къ рѣшенію историческихъ вопросовъ. Въмѣсто того, чтобъ справляться съ фактами, съ историческими данными и разбирать то, что на самомъ дѣлѣ было, онъ начинаетъ мудрствовать о законности или незаконности общественнаго устройства и находить невозможнымъ допустить въ прошедшемъ формы, несоотвѣтствующія юридическимъ категоріямъ позднѣйшихъ временъ. Изъ дѣйствительной исторіи общества мы знаемъ, что и религиозное почитаніе отеческой власти, и грубая сила, и завоеваніе, и захваты — всѣ эти факторы играли существенную роль при созиданіи политическихъ формъ. Но никто не думалъ ни о разумныхъ договорахъ, ни объ естественныхъ правахъ, ни о различіи между властью временной и постоянной. Постепенно, безсознательно слагался общественный союзъ, опираясь на распредѣленіе богатствъ, скрѣпляемый религиозными представленіями и обороняемый физической силой.

Послѣ выборнаго управленія, какъ вѣнецъ порчи и искусственныхъ нравовъ, какъ послѣднее освященіе неравенства, является у Руссо деспотизмъ. Въ первую эпоху, съ установленіемъ собственности, мы находимъ различіе богатыхъ и бѣдныхъ; во вторую, съ учрежденіемъ правительствъ, мы видимъ различіе сильныхъ и слабыхъ, управляющихъ и управляемыхъ; наконецъ; въ послѣднюю за-

конъ уступаетъ мѣсто произволу и мы застаемъ господъ и рабовъ. Послѣднія страницы трактата Руссо изображаютъ эту окончательную порчу. Естественный человѣкъ исчезъ, общество представляетъ для философа зрѣлище искусственныхъ людей и ложныхъ страстей. То, что дѣлаетъ счастье человѣка первобытнаго, то приводитъ въ отчаяніе человѣка цивилизованнаго. Первый стремится къ покою и свободѣ, второй, въ лихорадочной дѣятельности, постоянно мучится, отыскивая новыя занятія. Онъ льститъ знати, которую въ то же время ненавидитъ, — богачамъ, которыхъ презираетъ: онъ добивается чести служить имъ, гордо хвастается своей низостью и ихъ покровительствомъ. Всѣ наши естественныя способности искажены, извращены общественнымъ бытомъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ Руссо свой трактатъ, явствуетъ, что неравенство, которое почти незамѣтно въ естественномъ состояніи, беретъ свою силу и получаетъ свое развитіе изъ совершенствованія нашихъ способностей, нашего разума и наконецъ упрочивается, узаконяется установленіемъ собственности и гражданскаго порядка; если это социальное неравенство не пропорціонально неравенству физическому, то оно противно естественному закону. «Какъ бы ни опредѣляли законъ природы, но, очевидно, что съ этимъ закономъ несогласно то положеніе вещей, въ силу котораго ребенокъ повелѣваетъ старику, дуракъ командуетъ умнымъ человѣкомъ, и горсть людей до пресыщенія пользуется всѣми прихотями, между тѣмъ какъ голодная толпа лишена необходимаго».

Таковы общія очертанія теоріи Руссо объ естественномъ и искусственномъ состояніи. Мы обратимся теперь къ общественному значенію этой теоріи, къ разсмотрѣнію того, какія стороны въ этомъ ученіи о пагубѣ цивилизаціи имѣли серіозныя историческія послѣдствія и какъ отнеслись къ нему философы и образованные люди XVIII вѣка <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> На этомъ обрывается рукопись университетскаго курса о „просвѣтительномъ движеніи“ во Франціи XVIII вѣка, найденная въ бумагахъ А. А. Шахова.

Масонство и мистическія ученія во Франціи XVIII столѣтія <sup>1)</sup>).

При изслѣдованіи уродливыхъ, изолированныхъ явленій въ извѣстную эпоху,—преобладающій ея характеръ, ея основныя стремленія выступаютъ еще рѣзче, отдѣляются еще рельефнѣе именно въ виду этихъ уродливостей. Бросается въ глаза контрастъ между общимъ типическимъ покровомъ времени и необычной новой модой. Потому-то я и обращаюсь теперь къ бѣглому обзору двухъ темныхъ явленій—масонства и мистическихъ ученій во Франціи XVIII вѣка.

Нѣкоторые историки впадаютъ относительно масонства въ странное заблужденіе. Они видятъ въ немъ свѣтлый культурный фактъ, занимающій видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія. Они говорятъ о благихъ стремленіяхъ масонства, объ сочувствіи масоновъ человѣческому прогрессу, объ ихъ стараніяхъ къ нравственному совершенствованію. Въ ученіяхъ масоновъ мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ подобныя фразы и слова, подобныя идеи, облеченныя всегда туманнымъ покровомъ. Но опредѣленнаго содержанія и направленія въ дѣятельности масоновъ мы не находимъ. Благихъ слѣдовъ своей дѣятельности они также не оставили. Если внимательнѣе присмотрѣться къ занятіямъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ орденовъ, то мы замѣтимъ, что всѣ дѣла ихъ заключаются либо въ мистическихъ священнодѣйствіяхъ и такихъ же мистическихъ умствованіяхъ, либо въ игрѣ формальностями. Съ одной стороны мы видимъ, какъ заводятся ложи, учреждаются департаменты, изобрѣтаются степени, пишутся статуты, основываются секты; однимъ словомъ, много хлопотъ и безпокойства безъ всякой опредѣленной цѣли. Съ другой стороны занимаются фокусами въ тайныхъ собраніяхъ, забавляются таинственными обрядами, постриженіями и чиноположеніями; въ то же время масоны-теоретики пишутъ книги, въ которыхъ глубокомысленно обсуждаютъ вопросы о Соломоновомъ храмѣ, объ ордени темплеровъ, о мистическихъ силахъ: опять-таки яснаго, опредѣленнаго, годнаго либо въ научномъ, либо въ практическомъ отношеніи, мы въ этой обширной масонской литературѣ не находимъ ничего. Могутъ возразить, что все это только обстановка явленія, его внѣш-

<sup>1)</sup> О главахъ XXII и XXIII—см. Предисловіе.

ность, а не его содержание. Но въ томъ-то и бѣда, что на внѣшностяхъ и сосредоточены всѣ заботы масонства, что помимо этой обстановки мы опять-таки ничего не находимъ, кромѣ смутныхъ фразъ и бредней. Между тѣмъ *вредъ* явленія не подлежитъ сомнѣнію. Праздная возня съ мистицизмомъ, нелѣпыя церемоніи и ритуалы, ученія изслѣдованія о царѣ Хирамѣ и въ придачу къ этому фразерство о человѣческомъ благосостояніи — подобныя занятія могутъ быть признаны только пагубными для мысли. Масонскія ложи воспитывали мистиковъ, шарлатановъ и праздношатающихся, подъ рукою распространяли въ обществѣ вкусъ къ мистицизму, отбивали отъ дѣла и отъ мысли. Нужно при этомъ замѣтить, что занятіе положительными и современными вопросами—политическими и религиозными — было рѣшительно воспрещено для членовъ почти всѣми статутами. Не мудрено, что масонство ничего не дало въ результатѣ, кромѣ темныхъ бредней. Обратите вниманіе еще на тотъ фактъ, что люди серіозные, дѣятельные, образованные (въ Западной Европѣ) никогда не относились къ масонству какъ къ явленію, имѣющему общественную важность, и вовсе не принимали въ немъ живого участія. Такъ въ Германіи, гдѣ масонство, благодаря извѣстнымъ общественнымъ условіямъ, приобрѣло особенную популярность и пустило побѣги во всемъ обществѣ, самые извѣстные литераторы того времени, стоявшіе по своимъ связямъ ближе всего къ тѣмъ «среднимъ» кружкамъ, гдѣ набирались масоны,—не входили, однако, ни въ какія близкія сношенія съ масонами. Лессингъ былъ принятъ въ масоны частнымъ образомъ, но *никогда* не посѣщалъ ложъ. Дѣятельность Гёте и Шиллера совершенно находится въ сторонѣ отъ масонства. Клопштокъ и Кантъ вовсе не были масонами. Замѣйте, что я говорю о Германіи, т. е. о странѣ, въ которой масоны могли наиболѣе укрѣпиться.. Такимъ образомъ масонскія братства были специально приближаемъ слабоумныхъ, нервныхъ, впечатлительныхъ людей или аферистовъ и бездѣльниковъ. Но иногда они увлекали въ свою среду людей способныхъ и втягивали ихъ въ свою душную, мистическую обстановку. Вы видите, какое это темное и непривлекательное явленіе. Укажемъ теперь на нѣкоторыя черты масонства французскаго.

Во Франціи XVIII вѣка масонство не нашло условій, благопріятныхъ для своего развитія и распространенія. Сравнительно съ

Германіей, масонская литература во Франціи отличается крайней бѣдностью. Здѣсь мы не застаемъ ни лихорадочнаго сектанства, ни разнообразныхъ орденскихъ развѣтвленій, ни литературныхъ споровъ между адептами того или другаго толка. Весь характеръ французскаго просвѣщенія былъ враждебенъ масонскимъ началамъ и не позволялъ имъ укрѣпиться на французской почвѣ. Вольнодумцы, а за ними всѣ образованные, люди относились къ масонству съ пренебреженіемъ и смотрѣли на его послѣдователей какъ на фантазеровъ или шарлатановъ. Правда, въ Парижѣ было основано нѣсколько ложъ, но дѣятельность этихъ ложъ не встрѣчала особеннаго сочувственнаго отголоска въ просвѣщенныхъ слояхъ, а съ другой стороны даже не отличалась тѣмъ специальнымъ мистическимъ оттѣнкомъ, который мы замѣчаемъ въ ложахъ нѣмецкихъ. Вліяніе философовъ подрывало значеніе масонства. Въ Великой Энциклопедіи, этомъ кодексѣ французскаго просвѣщенія, мы находимъ рѣзкія выходки противъ мистицизма и теософическихъ умствованій. Вольтеръ въ своемъ «Философическомъ Словарѣ» мимоходомъ отозвался объ масонахъ съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ: «наши бѣдные франкъ-масоны», пишетъ онъ, «приносятъ влятвенные обѣты не разглашать свои мистеріи. Эти мистеріи очень пошлы, но обѣты почти всегда соблюдаются». Правда, что въ 1778 г., по приѣздѣ своемъ въ Парижъ, Вольтеръ былъ принятъ въ ложу *Девяти сестеръ*; въ этотъ моментъ весь Парижъ преклонялся передъ Вольтеромъ, и всевозможныя учрежденія готовы были поднести ему почетные дипломы; потому къ своему позднему посвященію въ масоны Вольтеръ отнесся какъ къ формальности, ни къ чему не обязывающей, и какъ къ одному изъ многочисленныхъ заявленій общаго сочувствія. Нѣсколько большею популярностью пользовались масоны въ провинціи, именно въ Бордо и въ Лионѣ, гдѣ, дѣйствительно, образовались небольшіе раасадники мистицизма, а затѣмъ и въ самомъ Парижѣ—среди праздноаристократіи. Здѣсь въ придворныхъ и аристократическихъ кружкахъ второй половины XVIII в. масоны находили адептовъ, которые были не прочь, отъ скуки, заняться мистическими церемоніями; при этомъ особенное влеченіе къ подобнымъ упражненіямъ, особенную ревность къ воспріятію мистическихъ доктринъ показали дамы. Именно въ этихъ аристократическихъ кружкахъ и дѣйствовали извѣстные чудотворцы прошлаго столѣтія: С.-Жерменъ, Месмеръ и Каліостро;

тутъ пророчествовали, вызывали духовъ, производили алхимическіе опыты. Месмеръ съ своей теоріей животнаго магнетизма, съ своимъ универсальнымъ средствомъ для лѣченія всѣхъ болѣзней приобрѣлъ въ Парижѣ нѣкоторую извѣстность и пользовался покровительствомъ королевы Маріи-Антуанеты. Но всѣ подобныя явленія не могли выдерживать столкновеній съ просвѣтительными тенденціями эпохи. Месмеризмъ былъ осужденъ Академіей Наукъ; философы отнеслись къ нему съ холоднымъ пренебреженіемъ. Мы читаемъ въ корреспонденціи Гримма слѣдующую ироническую замѣтку отъ 1780 г.: «г. Месмеръ имѣлъ рекомендательное письмо къ барону Гольбаху. Вскорѣ, по приѣздѣ своемъ въ Парижъ, онъ обѣдалъ у Гольбаха со всѣми нашими философами. Самъ ли онъ былъ плохо приготовленъ или аудиторія его не оказалась способною воспринять чудесныя результаты магнетизма,—только онъ не произвелъ впечатлѣнія ни на кого и со времени этого непріятнаго случая болѣе не показывался у барона Гольбаха». Странно было бы и ожидать иного отношенія къ пресловутому чудотворцу со стороны такихъ заклятыхъ раціоналистовъ, какъ Гольбахіанцы... Такимъ образомъ масонскія бредни и мистическое фантазерство, чуждое основнымъ началамъ просвѣтительнаго ученія, не могли найти во Франціи широкаго признанія и ютились въ аристократическихъ и придворныхъ кружкахъ.

Здѣсь будетъ уместно указать на одно важное историческое заблужденіе, въ которое были введены нѣкоторые изслѣдователи культуры XVIII вѣка и въ томъ числѣ Луи-Бланъ. Они предполагаютъ на основаніи источниковъ весьма сомнительнаго характера, что масонскіе союзы XVIII вѣка имѣли во Франціи широкое распространеніе и послужили въ значительной степени развитію великой революціи. Болѣе тщательная провѣрка историческихъ данныхъ показываетъ несостоятельность какъ перваго, такъ и втораго вывода: во-первыхъ масонство во Франціи играло весьма незначительную роль; во-вторыхъ оно было, по самой своей сущности, чуждо революціоннымъ стремленіямъ и совершенно неспособно на активное энергическое вмѣшательство въ общественныя дѣла; притомъ уже самыя начала французской революціи—вѣра въ разумъ, въ философію—рѣзко противорѣчили масонскимъ теоріямъ. Но заблужденіе Луи-Блана характерно и заслуживаетъ вниманія, потому что взглядъ, который онъ высказываетъ, совпадаетъ съ воззрѣніями,

которыхъ во время оно держались почти всѣ правительства и всѣ консерваторы въ Европѣ. Когда великая революція потрясла французское общество и перепугала всю официальную Европу, обскуранты всѣхъ оттѣнковъ, придворные дипломаты, власти свѣтскія и духовныя, среди всеобщаго переполоха, озадаченные невиданнымъ и неслыханнымъ явленіемъ,—отнесли его происхожденіе къ обширному *заговору* злоумышленниковъ, раскинувшихъ свои сѣти по всей Европѣ и избравшихъ Францію центромъ для своей преступной дѣятельности. Оцѣнить коренныя и дѣйствительныя причины грознаго явленія—имъ мѣшала косность мысли, непривычка задумываться надъ фактами общественной жизни: они не видѣли того, что старый режимъ давно уже внутренне подтачивался сложными болѣзнями, что старыя бытовья формы не удовлетворяли болѣе измѣнившимся потребностямъ и понятіямъ общества; имъ самимъ жилось хорошо при старомъ порядкѣ, они считали его *нормальнымъ* и потому усматривали въ революціи—не продуктъ всеобщаго социальнаго броженія, а результатъ козней, сознательно подготовленныхъ хитрыми злоумышленниками. Къ числу этихъ заговорщиковъ отнесены были во-первыхъ философы, которые будто бы ввели въ соблазнъ легковѣрное общество и составили планъ для ниспроверженія властей предрержащихся; къ философамъ присоединены были франкъ-масоны и иллюминаты. Скучивая такимъ образомъ философовъ и франкъ-масоновъ въ одну шайку, консервативная партія не задумывалась надъ разницей въ ученіи тѣхъ и другихъ. Довольно было того, что масоны имѣли тайныя собранія, ложи, статуты, чтобы зачислить ихъ въ разрядъ заклятыхъ революціонеровъ и заговорщиковъ, и вотъ почему въ воображеніи перепуганныхъ защитниковъ стараго порядка масонскіе союзы разрослись въ грозное всемірное общество злоумышленниковъ и сами масоны отождествлялись съ якобинцами. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія такого рода воззрѣнія находили широкое признаніе въ консервативныхъ сферахъ и получили выраженіе въ цѣлой группѣ произведеній, появившихся въ то время. Такъ аббатъ Боррюэль издалъ въ 1796 г. многотомное сочиненіе, озаглавленное: «Мемуары для исторіи якобинства», въ которомъ онъ доказываетъ существованіе всеобщаго заговора философовъ и масоновъ; англійскій профессоръ Робисонъ около того же времени написалъ книгу: «Доказательства существо-



ванія заговоръ противъ всѣхъ религій и правительствъ», и друг. На этихъ изслѣдованіяхъ, переполненныхъ самыми грубыми заблужденіями, и основывается, между прочимъ, Луи-Бланъ... Я остано-вился на этомъ вопросѣ съ нѣкоторою подробностью потому, что подобныя воззрѣнія, распространившіяся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, не мало способствовали развитію мнѣя о революціонности масонства и о тѣсной связи его съ просвѣтительными теоріями. Масонскіе союзы, какъ *тайныя* общества,—въ силу этого внѣшняго признака, были сочтены консерваторами за союзы революціонные; масоны подверглись одинаковой опалѣ съ философами; и тѣ, и другія были признаны злоумышленниками, сбиты въ одну кучу. Эта общая опала со стороны консерваторовъ вызвала сочувствіе къ масонамъ со стороны либераловъ: понятія спутались и образова-лась традиція, сообщавшая масонскому движенію просвѣтительный характеръ, котораго оно на самомъ дѣлѣ не имѣло. Припомните, какъ у насъ въ былое время, въ эпоху грибоѣдовскаго *Горя отъ ума*, слово «фармазонъ» было синонимомъ революціонера. Традиція эта держится и доселѣ, и отчасти благодаря ей, благодаря преслѣдова-ніямъ, совершенно напрасно воздвигнутымъ на масоновъ со стороны консерваторовъ, масонство въ глазахъ нѣкоторыхъ историковъ поль-зуется незаслуженнымъ значеніемъ и принимаетъ въ ихъ изслѣ-дованіяхъ какую-то либеральную окраску.

Итакъ — масонство и вообще мистицизмъ — во Франціи XVIII в. не имѣли широкаго распространенія. Мистицизмъ имѣлъ во фран-цузской литературѣ прошлаго столѣтія только одного сколько-нибудь значительнаго представителя, именно *Сенъ-Мартена*, который съ нѣкоторой справедливостью называлъ себя неизвѣстнымъ философомъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что *самъ* С.-Мартенъ лично не основывалъ сектъ и не заводилъ ложъ. Но такъ какъ его мисти-ческое ученіе соотвѣтствовало духу масонскихъ союзовъ и оказало вліяніе на многихъ масоновъ, особенно нѣмецкихъ, то иногда и называли масоновъ *мартинистами*.

С.-Мартенъ родился и получилъ воспитаніе въ провинціальной глуши. Смолоду онъ обнаруживалъ склонность къ мистикѣ, ко всему туманному, таинственному и загадочному. Въ мелкихъ случай-ностяхъ жизни, въ повседневныхъ эпизодахъ онъ находилъ матеріалъ для мистическихъ толкованій: ему на каждомъ шагѣ мерещились

символы, предназначения, эмблемы; онъ находилъ скрытый смыслъ, таинственныя указанія въ извѣстныхъ цифрахъ и созвучіяхъ. Къ жизненной практикѣ С.-Мартенъ оказывался почти вовсе неспособнымъ. Когда отецъ задумалъ опредѣлить его на должность— по судебному вѣдомству — С.-Мартенъ до такой степени былъ расстроенъ этимъ рѣшеніемъ отца, что едва не покусился на самоубійство. По собственному признанію, отъ самоубійства его удержала природная нерѣшительность, но еще больше, какъ онъ замѣчаетъ, этому воспрепятствовалъ перстъ Божій, предназначавшій для него другую дорогу. Онъ рассказываетъ, какъ въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, готовясь къ званію адвоката, онъ ходилъ въ судъ и ни разу не могъ понять, кто въ какомъ процессѣ выигрываетъ и кто проигрываетъ. Ко дню его официального приѣма въ сословіе стряпчихъ приготовили особенный процессъ, заранее сладили состязаніе сторонъ, и такимъ образомъ, благодаря протекціи, С.-Мартенъ могъ поступить въ адвокаты. Но на этомъ поприщѣ онъ оставался очень недолгое время и поступилъ въ полкъ. Въ Бордо С.-Мартенъ былъ принятъ въ масонскую ложу, находившуюся подъ руководствомъ нѣкоего еврея—мистика Мартинеза Пасквалиса. Первоначальныя мистическія задатки получили теперь въ С.-Мартенѣ широкое развитіе и укрѣпились подъ вліяніемъ Пасквалиса и чтеній нѣмецкаго теософа Якова Бѣма. Черезъ нѣсколько времени С.-Мартенъ вышелъ въ отставку и отдался исключительно умствованію и фантазерству. Онъ считалъ себя предопредѣленнымъ на особую миссію, на возвѣщеніе людямъ новой истины и на борьбу съ «ложнымъ просвѣщеніемъ». Въ 1775 г. вышла первая книга С.-Мартена: *О заблужденіяхъ и обз истинъ*. «Неизвѣстный философъ» выступалъ противъ анти-религіознаго и матеріалистическаго направленія столѣтія и противопоставлялъ господствовавшимъ воззрѣніямъ новую смутную теорію сношенія съ божествомъ. Здѣсь развиваются обычныя темы мистицизма: отрицаніе опытнаго мышленія, возвеличеніе непосредственнаго чувства и фантазіи, вѣра въ возможность сообщенія съ міромъ сверхъестественнымъ, символическія толкованія словъ и цифръ. Въ Парижѣ С.-Мартенъ сталъ пропагандировать свои воззрѣнія, но нельзя сказать, чтобы его пропаганда увѣнчалась успѣхомъ. Кой-какимъ вліяніемъ онъ пользовался только въ аристократическихъ кружкахъ и среди женщинъ. Но и

между барами онъ нерѣдко встрѣчалъ отпоръ. Такъ, С.-Мартенъ самъ рассказываетъ, какъ тщетны были его усилія обратить на путь истинный герцога Ришельё, который, впрочемъ, отнесся къ нему съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Ришельё въ письмѣ къ Вольтеру одобрительно отозвался о книгѣ С.-Мартена. Но вотъ какое впечатлѣніе произвелъ этотъ трактатъ на самого Вольтера: «Герцогъ Ришельё», пишетъ онъ къ Даламберу, «хвалилъ мнѣ книгу, озаглавленную: *О заблужденіяхъ и объ истинѣ*. Къ моему несчастью я ее выписалъ. Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо болѣе абсурдное, болѣе темное, сумашедшее и глупое, чѣмъ эта книга. Какъ могла она поправиться вашему герцогу!» С.-Мартенъ обращался, и къ ученымъ. Астрономическіе вопросы особенно сильно занимали его, и потому онъ завязалъ сношенія съ извѣстными астрономами того времени—Бальи и Лаландомъ. Звѣзды играли важную роль въ его мистическихъ комбинаціяхъ, и онъ предполагалъ возможнымъ завести серьезную бесѣду съ Лаландомъ, который, однако, не захотѣлъ и слушать его. Да и могло ли быть что-нибудь общее между ученымъ астрономомъ и фантазеромъ, который напр. въ своей книгѣ говорилъ о «торопливости астрономовъ» и старался исправить ихъ лживыя умствованія соображеніями вродѣ слѣдующаго (привожу по русскому переводу, изданному нашими масонами въ Москвѣ, въ 1785 г.): «Я говорю о истинномъ Востокѣ, котораго восхожденіе солнца есть токмо указательный знакъ, о томъ Востокѣ, который числомъ своимъ *четыре* можетъ одинъ обнять все пространство, понеже соединяясь съ числомъ *девять*, или числомъ протяженія, т. е., соединяя дѣйствующее съ страдательнымъ, составляетъ онъ число *тринадцать*, которое есть число *Натуры*». Забавно, какъ пораженъ былъ С.-Мартенъ открытіемъ планеты Урана, потому что новая планета разстраивала заветное число *семь*, съ которымъ было связано множество хитрыхъ умствованій. Вообще все положительное знаніе, вся опытная человѣческая наука, по мнѣнію С.-Мартена, не заслуживаетъ вниманія: «Слѣдить за матеріей», пишетъ онъ, «значить толочь воду. Я позналъ лживыя науки міра сего и позналъ, почему міръ не можетъ ничего постичь: на эти науки направлены только низшія способности человѣка. Для наукъ человѣческихъ нуженъ одинъ разумъ, онѣ не требуютъ души; между тѣмъ для наукъ божественныхъ разума не нужно, ибо душа ихъ всѣ порождаетъ». Такого рода теоріи не могли

быть популярны въ прошломъ вѣкѣ. Только съ одной философической доктриной XVIII столѣтія С.-Мартенъ имѣлъ дѣйствительно соприкосновеніе, а именно съ темными сторонами ученія Руссо. У С.-Мартена мы находимъ указанія на древнее первобытное блаженство человѣка, на его порчу вслѣдствіе пагубнаго употребленія свободной воли и затѣмъ на возможное перерожденіе къ лучшему посредствомъ нѣкоей мистической любви. Сама теорія внутренняго свѣта, непосредственнаго чувства, въ которомъ Руссо видѣлъ верховный критеріумъ истины, представляетъ сходство съ ученіемъ о чудесныхъ видѣніяхъ, о непосредственномъ сношеніи съ абсолютомъ. Это родство С.-Мартена съ Руссо подтверждается и его собственнымъ свидѣтельствомъ: «При чтеніи *Признаній* Руссо», пишетъ онъ, «я былъ пораженъ нашимъ сходствомъ во многихъ чертахъ: особенное вліяніе женщинъ на того и на другаго; склонность къ разумнью, соединенная съ какимъ-то наивнымъ ребячествомъ; наконецъ, то впечатлѣніе, которое и онъ, и я производили въ свѣтскомъ обществѣ: съ какой легкостью признавали насъ глупцами, когда намъ не доставало свободы развить наши дарованія». Нѣсколько разъ съ особеннымъ сочувствіемъ ссылается С.-Мартенъ на Руссо въ разсужденіи, которое онъ написалъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ прамѣра, поданнаго Руссо, на тему, заданную одной знаменитой въ то время Академіей. Берлинская Академія въ прошломъ столѣтіи была проникнута глубокимъ уваженіемъ къ французскому просвѣщенію. Направляемая самимъ Фридрихомъ Великимъ, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ французскими просвѣтителями, она шла по пятамъ философскаго движенія эпохи и внимательно прислушивалась къ вопросамъ, стоявшимъ на очереди въ мірѣ вольнодумцевъ. Въ 1779 г. по предложенію самого короля-философа, она задала разсужденіе на тему: *полезно ли обманывать народъ?* Вы знаете, что надъ этимъ вопросомъ сильно задумывались просвѣтители, надъ нимъ бились мыслители XVIII вѣка, начиная отъ Бэйля и до Руссо (собственно онъ могъ бы формулироваться нѣсколько иначе: нужна ли для массъ религія?). Академія раздѣлила награду между двумя конкуррентами, которые давали противоположныя рѣшенія: одинъ изъ нихъ рѣшительно настаивалъ на томъ, что иногда полезно оставлять народъ въ заблужденіи. Совершенно въ такомъ же родѣ той же Академіей была задана и другая тема, на которую написалъ сочиненіе С.-Мартенъ,—а именно: «Какой лучшей

способъ обратить къ разуму націи какъ дикія, такъ и благоустроенныя (policiées), которыя преданы всякаго рода заблужденіямъ и суевѣріямъ?» Всѣ эти темы характеристичны для столѣтія: предлагаются на рѣшенія самыя общія задачи и въ отвѣтъ требуются общія формулы, годныя для всѣхъ частныхъ случаевъ. С.-Мартенъ стоялъ въ разрѣзъ съ своимъ вѣкомъ. Онъ вовсе и не думалъ рѣшать заданную тему для того, чтобы быть увѣнчаннымъ Академіей. Онъ видѣлъ въ этомъ случаѣ средство провозгласить свою доктрину, на свое разсужденіе онъ смотрѣлъ какъ на манифестъ, направленный противъ того коренного заблужденія, которымъ, по его мнѣнію, страдало столѣтіе: С.-Мартенъ писалъ противъ разума человѣческаго во имя разума божественнаго. Нужно вернуть людей къ первымъ условіямъ жизни и къ первобытной основной наукѣ. Эта основная наука заключается въ познаніи той связи, которая соединяетъ человѣка съ божествомъ; она дается намъ собственнымъ внутреннимъ свѣтомъ, божественными лучами, озаряющими нашъ духъ, и проч. Притомъ, по мнѣнію С.-Мартена, каждый въ отдѣльности долженъ самъ работать надъ этимъ познаваніемъ, восходить къ источнику истины. Понятно, что Академія не могла одобрить подобнаго разсужденія и мотивировала свой приговоръ тѣмъ, «что авторъ, развивая свои принципы, не указываетъ на средства къ ихъ приложенію; нельзя приносить пользу человечеству, если каждаго предоставлять самому себѣ». Вы опять можете замѣтить нѣкоторое сходство С.-Мартена съ воззрѣніями Руссо, оба склоняются къ смутному сентиментализму, къ откровеніямъ чувства; оба становятся въ отрицательное отношеніе къ господствующей философіи. Что касается до дарованій, то С.-Мартенъ стоитъ неизмѣримо ниже Руссо; притомъ Руссо, какъ мы видѣли, былъ все-таки захваченъ въ значительной степени философскою атмосферой, самъ одно время принадлежалъ къ стану философовъ, занимался серіозно нѣкоторыми философскими вопросами. С.-Мартенъ уже стоитъ внѣ господствующаго направленія и не имѣетъ съ нимъ никакой связи.

Такъ понемногу прорывались новыя романтическія начала на поверхность просвѣтительнаго столѣтія. Вы видѣли, что романтизмъ зачинался едва замѣтно, переплетаясь съ теоріями просвѣтителъ и не находя благопріятныхъ условій для своего развитія. Къ нему вклинились сентиментальныя натуры, которыя не могли удовлетвориться

логическими выводами просвѣщенія, которыя искали пищи для чувства и фантазіи и не находили ея въ системахъ просвѣтительнаго рационализма. Между тѣмъ нѣкогда господствовавшія оффиціальныя вѣрованія были разрушены: къ нимъ подорвано было довѣріе, они потеряли кредитъ. Вся эпоха была уже такъ настроена, что католицизмъ представлялся не иначе, какъ грубымъ заблужденіемъ. Притомъ само духовенство того времени было тронута философіей, сами пастыри и учителя церкви говорили со своихъ кафедръ только о морали и избѣгали вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, «чувствительныя души» предоставлены были сами себѣ: философія ихъ не удовлетворяла, оффиціальная религія была отгѣснена, приходилось создавать новую вѣру. Выраженіемъ этой потребности и служить мистическія теоріи... Но какъ я уже не разъ говорилъ, эти мистическія теоріи въ XVIII вѣкѣ находили лишь слабый отголосокъ. Эпоха не давала простора грезамъ и мечтаніямъ. Во Франціи мистики стояли болѣе или менѣе изолированно. С.-Мартенъ очень хорошо сознавалъ свое одиночество. Озираясь на свое положеніе среди общаго просвѣтительнаго броженія эпохи, онъ называетъ себя «Робинзономъ спиритуальности», сравниваетъ себя съ героемъ Даніэля Дефо на необитаемомъ островѣ. «Нѣкто», пишетъ онъ, «замѣтилъ однажды Руссо, хотѣвшему говорить: они тебя не поймутъ. То же самое можно очень часто повторять про меня и кромѣ того прибавлять: они не захотятъ понять тебя; но еще прежде этого слѣдовало бы просто замѣтить: они тебѣ не повѣрятъ». Такъ признается самъ С.-Мартенъ въ неуспѣшности своей проповѣди. Позднѣйшія его сочиненія прошли, какъ и первыя, незамѣтно. Онъ вынырнулъ въ эпоху Директоріи, завелъ въ то время публичный споръ съ сенсуалистомъ Гара, нашелъ тогда уже болѣе внимательную аудиторію и затѣмъ вскорѣ умеръ—въ самомъ началѣ XIX вѣка. Послѣ французской революціи уже начинается новая эпоха со своимъ особымъ складомъ, гораздо болѣе благоприятнымъ сентиментальному и мистическому элементу.

---

XXIII.

Бомарше и аббатъ Сієсъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе передъ революціей на философской и литературной аренѣ нѣтъ болѣе мощныхъ талантовъ, не появляется глубоко-здуманныхъ широкихъ изслѣдованій и трактатовъ. Всѣ вожди просвѣтительнаго движенія сошли со сцены. Теперь общественная атмосфера не благопріятствуетъ серіозной теоретической работѣ. Чувствуется близость переворота,—и тревожный, лихорадочный характеръ эпохи отражается на литературной дѣятельности. Книга постепенно вытѣсняется памфлетомъ, брошюрой, вообще произведеніемъ, имѣющимъ болѣе прямое отношеніе къ минутѣ. Просвѣтительныя теорія, такъ сказать, разбиваются на мелкую монету, пускаются въ оборотъ и популяризируются въ массѣ летучихъ сочиненій, заготовленныхъ второстепенными литераторами. Оригинальность, творчество, инициатива — въ 80-хъ годахъ положительно ослабли; зато кругъ читателей просвѣтительныхъ началъ все болѣе и болѣе расширяется. При этомъ все сильнѣе и сильнѣе, все чаще и чаще высказывается потребность къ практическому приложенію господствующей доктрины. Появляются безчисленные проекты. Всѣми признается негодность существующаго государственнаго организма; старый режимъ потерялъ всякій кредитъ, опозоренъ, осмѣянъ. Противорѣчіе между понятіями и данными общественными отношеніями достигло высшей степени и настоятельно требовало разрѣшенія. Этотъ послѣдній моментъ въ исторіи стараго порядка ярко освѣщается біографіей и сочиненіями Бомарше.

Многомятежная жизнь Бомарше представляетъ для историка культуры большой интересъ. Разнообразныя приключенія этого любопытнаго человѣка раскрываютъ передъ нами цѣлый рядъ явленій изъ внутренней, интимной исторіи стараго режима. Дворъ, старые бары, финансисты и откупщики, администраторы и судьи, литераторы и актеры, армія и флотъ—ведутъ дѣла съ Бомарше, который съ ними то борется, то заигрываетъ, то судится, то подряжается и торгуется. Это—человѣкъ на всѣ руки, пролазь и авантюристъ, который для аферы не останавливается ни передъ какими затрудненіями и всюду—всякими правдами и неправдами—пролагаетъ себѣ дорогу. Его біографія—исторія мѣщанина, средняго человѣка, страстно

желающаго выйти въ люди, сдѣлать себѣ карьеру и не задумывающагося передъ средствами для достиженія своей цѣли. Въ немъ много типическаго. Все буржуазное поколѣнiе, къ которому принадлежалъ Бомарше, въ это время всплывало къ верху, стремилось побѣдить и разрушить исконныя традици и занять мѣсто господствовавшаго дотолѣ класса. Потому-то я останавлиюсь съ нѣкоторой подробностью на его биографіи, т. е. на тѣхъ ея сторонахъ, которыя имѣютъ общественно-историческое значеніе.

Бомарше былъ сынъ парижскаго часовщика. Еще будучи юношей, онъ показалъ свою изобрѣтательность и вмѣстѣ съ тѣмъ наклонность къ борьбѣ, къ отстаиванію своихъ правъ и выгодъ: именно Бомарше придумалъ какую-то новую подробность въ механизмѣ часовъ; открытіемъ его воспользовался другой часовщикъ—одинъ изъ первыхъ въ Парижѣ; Бомарше затѣялъ съ нимъ процессъ, обратился за рѣшеніемъ къ Академіи Наукъ, которая признала въ немъ настоящаго изобрѣтателя означеннаго механизма, выхлопоталъ себѣ патентъ на свое открытіе и получилъ титулъ придворнаго часовщика. Эта исторія была первой пробой силъ, первымъ опытомъ его въ конкуренціи. Предстояло устраивать карьеру. Онъ женился на вдовѣ, которая доставила ему должность столоваго контролера (*contrôleur de la bouche*),—одну изъ тѣхъ многочисленныхъ придворныхъ должностей, коими изобиловалъ старыи режимъ. Должность была нехлопотливая; обязанность Бомарше состояла въ томъ, что во время королевскаго обѣда онъ долженъ былъ принимать участіе въ церемоніальномъ служеніи за столомъ— «выступать передъ блюдомъ», какъ значилось въ регламентѣ. Должность не считалась важной, но ужъ это былъ значительный шагъ впередъ для часовщика. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бомарше завязывалъ связи со свѣтомъ. Къ своей фамиліи «*Cacon*» онъ сталъ прибавлять придатокъ «*de Beaumarchais*» и черезъ нѣсколько лѣтъ выхлопоталъ себѣ дворянскую грамоту. Впрочемъ, эта исторія стояла ему довольно дорого: онъ долженъ былъ купить должность королевскаго секретаря, дававшую дворянство. Зато, когда впоследствии его недоброжелатели недовѣрчиво относились къ дворянству Бомарше, онъ очень самоувѣренно говорилъ, что можетъ показать «квитанцію»... Въ высшія придворныя сферы Бомарше втерся, благодаря слѣдующему обстоятельству. Онъ хорошо игралъ на арфѣ, которая въ то



время входила въ моду и слухъ объ искусномъ арфистѣ, контролерѣ Бомарше, дошелъ до великихъ княженъ, дочерей Людовика XV. Онѣ страстно любили музыку, пригласили Бомарше, и въ скоромъ времени онъ сдѣлался у нихъ своимъ человѣкомъ: давалъ даромъ уроки на арфѣ, даромъ поставлялъ ноты и инструменты, и устраивалъ домашніе концерты, на которыхъ иногда присутствовалъ самъ король. Новая роль Бомарше вовлекала его въ столкновения съ аристократіей того времени: прохаживались на счетъ его происхожденія, третировали его свысока, но Бомарше, какъ типичный средній человѣкъ XVIII вѣка, не давалъ себя въ обиду, отплачивалъ дерзостями и дрался на дуэляхъ. Короткія отношенія его къ принцессамъ стоили ему сначала довольно дорого, но затѣмъ принесли весьма существенную выгоду. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ финансовыхъ тузовъ того времени, Пари Дюверне, строилъ въ то время Военную Школу и непремѣнно хотѣлъ, чтобы король посѣтилъ новое зданіе. Узнавъ о близости ко двору Бомарше, Дюверне обратился къ нему съ просьбой употребить свое вліяніе на принцессу. Учитель музыки успѣшно повелъ дѣло, самъ повезъ княженъ осматривать Военную Школу; за этимъ визитомъ послѣдовало и посѣщеніе самого короля. Такого рода скользкіе пути были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ въ старомъ режимѣ. За это Дюверне далъ Бомарше участіе въ своихъ финансовыхъ операціяхъ, и Бомарше сколотилъ себѣ настолько значительное состояніе, что въ скоромъ времени нашелъ возможность купить важную должность помощника управляющаго охотами въ Парижскомъ округѣ, которая стоила полмилліона франковъ. Должность эта состояла въ вѣдомствѣ, игравшемъ очень важную роль въ старомъ режимѣ. Вы знаете, что право охоты было привилегіей, которой пользовались господствовавшіе классы и король. Въ государствѣ были цѣлые округа, въ которыхъ право охоты было предоставлено исключительно королю; постоянно возникали по этому случаю процессы, столкновения, подлежавшія разбору особенныхъ специальныхъ судовъ, — «трибуналовъ, охранявшихъ королевскія удовольствія». Насколько были тягостны эти трибуналы для населенія и какую важную роль они играли при старомъ режимѣ, видно уже изъ того, что ни одинъ собственникъ, имѣвшій владѣнія въ привилегированномъ округѣ, не могъ возводить безъ спеціальнаго разрѣшенія новыхъ заборовъ, производить какія-

нибудь перемены на своей землѣ (для королевской охоты и дичи требовался полный просторъ). И вотъ Бомарше сталъ судить и рядить въ подобныхъ случаяхъ. Положеніе его было очень солидное, очень почтенное въ обществѣ того времени... Но успокоиться онъ не могъ. Духъ предприимчивости, затѣй, проектовъ не покидалъ его. По семейнымъ обстоятельствамъ онъ отправился въ Испанію и тамъ завелъ было новыя аферы, сталъ хлопотать о концессіяхъ въ испанскомъ министерствѣ, предлагалъ свои услуги по торговлѣ неграми, лишь бы ему была дана монополія поставлать невольниковъ во всѣ испанскія колоніи и проч., и проч. Испанскіе проекты не удались. Вернувшись во Францію, Бомарше принялся за новыя дѣла. Онъ занимался лѣснымъ промысломъ, написалъ двѣ драмы, подрался съ герцогомъ Шономъ и началъ свой процессъ съ Лаблашемъ, который послужилъ поводомъ къ знаменитымъ судебнымъ памфлетамъ Бомарше.

Дюверне, съ которымъ Бомарше имѣлъ постоянныя денежныя дѣла, умеръ. Онъ остался долженъ Бомарше 15 т. ливровъ, которые наслѣдникъ Дюверне, графъ Лаблашъ, отказался заплатить. Въ первой инстанціи Бомарше выигралъ дѣло. Затѣмъ оно было перенесено во вторую инстанцію, въ Парижскій парламентъ. Необходимо было прибѣгнуть къ взяткамъ. Бомарше уговорился съ женой докладчика — Гёзмана, далъ ей сто золотыхъ, сверхъ того часы и 15 золотыхъ будто бы для секретаря; если процессъ будетъ проигранъ, М-те Гёзманъ обѣщала Бомарше возвратить ему его подачку. Лаблашъ далъ больше, Бомарше дѣло проигралъ, а М-те Гёзманъ возвратила ему взятку, за исключеніемъ 15 «секретарскихъ» золотыхъ. Изъ-за этихъ 15-ти золотыхъ Бомарше поднялъ дѣло. Бомарше требовалъ ихъ возвращенія, шумѣлъ, приставалъ къ Гёзману, для котораго вся исторія стала принимать неблагоприятный оборотъ. Чтобы поправиться, Гёзманъ самъ обвинилъ Бомарше въ покушеніи на подкупъ и возбудилъ противъ него процессъ. Здѣсь Бомарше обратился къ публикѣ съ четырьмя мемуарами или, лучше сказать, памфлетами, которые получили громкую извѣстность.

Это былъ настоящій обвинительный актъ противъ парламента и противъ всей судебной процедуры того времени. Не говоря уже о литературномъ достоинствѣ этихъ мемуаровъ, которые написаны замѣчательно живо, остроумно, слѣдуетъ указать на одно важное

обстоятельство, способствовавшее ихъ успѣху. Въ 1770 г., канцлеръ Мопу разогналъ старый французскій парламентъ, который уже издавна оказывалъ двору нѣкоторую оппозицію, и составилъ на его мѣсто новый парламентъ изъ новыхъ членовъ. Такая мѣра была неслышанная даже въ старомъ режимѣ и, несмотря на то, что въ обществѣ судейское сословіе не пользовалось популярностью и прежній парламентъ не встрѣчалъ симпатій въ образованныхъ кружкахъ, этотъ произволъ правительства вызвалъ неудовольствіе въ очень многихъ общественныхъ слояхъ. Новорожденный парламентъ получилъ презрительную кличку: *парламентъ Мопу*. Вотъ въ этомъ парламентѣ Мопу, созданномъ правительственнымъ произволомъ и презираемомъ обществомъ, и велось дѣло Бомарше; взяточникъ Гезманъ былъ одной изъ креатуръ Мопу. Поэтому, когда Бомарше выступилъ со своими памфлетами, дѣло его привлекло всеобщее вниманіе: оно возбуждало политическій интересъ, ибо сатира Бомарше была направлена противъ ненавистнаго парламента Мопу. Въ 1773 и 1774 годахъ выходили одинъ за другимъ злые памфлеты Бомарше. Первая его брошюра разошлась въ два дня въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ. Процессъ его съ совѣтникомъ Гезманомъ сдѣлался, какъ тогда говорили, процессомъ всей французской націи. Вольтеръ былъ очарованъ блестящими памфлетами и живо интересовался ихъ авторомъ. Самъ король, Людовикъ XV, забавлялся мемуарами Бомарше. Парламенту Мопу были нанесены смертельные удары. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго короля, Людовика XVI,—было упраздненіе его и возвращеніе стараго парламента. Но этимъ не ограничивалось значеніе мемуаровъ Бомарше. Направленные специально противъ парламента Мопу, они въ то же время окончательно подрывали въ глазахъ публики всю старую судебную организацію вообще, они подкапывались и подъ прежній парламентъ. Форма и обстановка судопроизводства, противъ которыхъ ратовалъ Бомарше, составляли принадлежность и прежняго, стараго, парламента. Онъ говорилъ вообще противъ всего сложнаго запутаннаго судебного процесса того времени, который страдался въ тиши канцелярій, отъ котораго устранена была всякая публичность, который ставилъ стороны въ зависимость отъ личнаго расположенія докладчика, который, наконецъ, могъ быть всегда оконченъ категорическимъ рѣшеніемъ, немотивированнымъ, необоснованнымъ никакими

соображеніями, ибо достаточно было присоединить къ резолюціи ничего не значащую формулу: *на основаніи обстоятельствъ дѣла*. Болѣе точныхъ мотивовъ не требовалось. — Притомъ въ мемуарахъ замѣтны черты чисто революціоннаго стиля. «Нація», пишетъ Бомарше, «сама не возсѣдаетъ на скамьѣ тѣхъ, которые произнесутъ приговоръ; но своимъ величественнымъ окомъ она слѣдитъ за рѣшеніемъ собранія. Она никогда не бываетъ судьей частныхъ лицъ, но зато ей всегда принадлежитъ право суда надъ самими судьями». Воззваніе Бомарше къ общественному мнѣнію имѣло полный успѣхъ. Все образованное общество стояло за него. Но понятное дѣло—парламентъ оправдать его не могъ, ибо это значило — подписать свой собственный приговоръ. Процессъ кончился тѣмъ, что парламентъ исключилъ изъ своей среды совѣтника Гѣзмана, приговорилъ жену его къ *порицанію*, и къ тому же наказанію приговорилъ Бомарше. Сверхъ того было рѣшено—предать сожженію его памфлеты. *Порицаніе* это состояло въ томъ, что президентъ произносилъ надъ колѣнопреклоненнымъ подсудимымъ слова: «судъ порицаетъ тебя и объявляетъ тебя безславнымъ». Матеріальныя слѣдствія такой кары заключались въ томъ, что осужденный не могъ занять никакой публичной должности и лишался нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ парламентъ осудилъ Бомарше, но публика была за него. Вслѣдъ за этимъ осужденіемъ весь цвѣтъ Парижскаго общества перебивалъ у Бомарше. Ему задавали объѣды и праздники. Все это были ясные признаки приближавшейся катастрофы, симптомы смертельно пораженнаго государственнаго строя.

Какъ бы то ни было, Бомарше не могъ примириться съ подобнымъ рѣшеніемъ парламента. Это значило обречь себя на бездѣйствіе, покинуть всякіе помыслы объ общественныхъ должностяхъ, о крупныхъ предпріятіяхъ, ибо приговоръ лишалъ его правъ, преграждалъ ему дорогу. Бомарше порѣшилъ вернуть себѣ всѣ свои права, всю свою гражданскую правоспособность и добиться, во что бы то ни стало, отмѣны приговора. Онъ не остановился передъ средствами. Нужно было пріобрѣсти расположеніе короля и правительства. Онъ предлагаетъ свои услуги въ качествѣ тайнаго правительственнаго агента, предложеніе его принимаютъ, и Бомарше ѣдетъ въ Лондонъ съ конфиденціальнымъ порученіемъ. Въ Лондонѣ въ это время печаталась злая книжонка противъ любовницы короля — М-те Дюбарри. Эти

заграничныя произведенія внушали правительству большія опасенія именно потому, что грѣховъ у него было много и въ пасквиляхъ, вмѣстѣ съ ложью и съ клеветою, печаталось и кое-что вѣрное. Уполномоченный правительствомъ Бомарше устроилъ дѣло: опасный манускриптъ былъ купленъ имъ у автора, нѣкоего грязнаго журналиста Моранда, за 20 тысячъ франковъ одновременно, къ которымъ были присоединены 4 тысячи франковъ пожизненной ренты. Обстряпавши это дѣло, Бомарше рассчитываетъ получить желанное — оправданіе по закону, но на его бѣду умираетъ Людовикъ XV. Бомарше, не унывая, предлагаетъ снова свои услуги его преемнику. Онъ сообщаетъ правительству, что за границей печатается новый памфлетъ противъ королевы Маріи Антуанеты, и получаетъ необходимыя полномочія и деньги для того, чтобы снова замять неприятную для двора исторію. Здѣсь Бомарше пускается въ самыя сложныя приключенія. Изъ Англіи онъ ѣдетъ въ Голландію, изъ Голландіи въ Нюренбергъ, изъ Нюренберга въ Вѣну. Въ тѣмномъ лѣсу настаиваетъ онъ жида Ангелуччи, отбираетъ у него памфлетъ; но на него самого нападаютъ разбойники. Бомарше раненъ, только счастливая случайность спасаетъ его отъ смерти. Онъ ѣдетъ въ Вѣну, тамъ его запираютъ въ тюрьму, и наконецъ-то, послѣ долгихъ странствій, возвращается во Францію и повѣствуетъ свою бурную Одиссею. Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, значительная часть этихъ приключеній выдумана была самимъ Бомарше. Извѣстный австрійскій дипломатъ Кауницъ, который видѣлъ Бомарше въ Вѣнѣ, предполагалъ, что Бомарше самъ напечаталъ памфлетъ, самъ придумалъ жида Ангелуччи, самъ сочинилъ разбойниковъ, самъ себя ранилъ и проч. Усердіе Бомарше все-таки не привело его къ желанному результату. Тѣмъ не менѣе онъ дѣла не бросаетъ и съ упрямствомъ, съ настойчивостью пролаза пускается въ новую куріозную исторію: именно — ему поручаютъ секретное дѣло о перечисленіи кавалера Д'Эона въ женскій полъ. Исторія эта темная и запутанная, но подобныхъ куріозныхъ эпизодовъ было не мало въ закулисной жизни стараго режима. Вольтеръ писалъ, что онъ ничего не разумѣетъ въ этомъ дѣлѣ, что онъ отказывается что-либо въ немъ понять. Дѣйствительно разобрать мудрыя и тонкія предначертанія французскаго правительства нѣтъ возможности. Мы видимъ, что ему понадобилось, въ виду какихъ-то дипломатическихъ соображеній, при-

знать драгунскаго сорокалѣтняго офицера Д'Эона за женщину. Бомарше устроилъ эту аферу. Деньги, разумѣется, играли здѣсь главную роль. Онъ добился того, что кавалеръ Д'Эонъ объявилъ себя женщиной, надѣлъ женское платье и въ качествѣ дѣвицы Д'Эонъ явился къ версальскому двору...

Наконецъ, въ 1776 г., послѣ своихъ тяжкихъ трудовъ, Бомарше былъ торжественно оправданъ. Парламентъ отиѣнилъ прежній приговоръ, возвратилъ ему его права и званія. Въ то же время Бомарше ставилъ на сцену своего *Севильскаго Цирюльника*. Эта пьеса такъ тѣсно примыкаетъ по своему содержанию къ слѣдующей комедіи Бомарше—знаменитой *Свадьбѣ Фигаро*, что я коснусь ея впоследствии при анализѣ Фигаро... Между тѣмъ предпріятія Бомарше шли своимъ чередомъ. Онъ предавался самымъ разнообразнымъ аферамъ съ ревностью завятаго спекулянта. Однимъ изъ самыхъ важныхъ его предпріятій было участіе въ американскихъ дѣлахъ. Припомните, что это было время американской войны за независимость, которая привлекала къ себѣ сочувствіе всего образованнаго французскаго общества. Множество молодыхъ Французовъ отправлялось въ Америку служить дѣлу свободы. Правительство держалось сначала нейтралитета, но потомъ стало на сторону Американцевъ противъ Англичанъ. Въ сношеніяхъ французскаго правительства съ американскимъ принималъ дѣятельное участіе Бомарше. Онъ взялъ на себя подрядъ на поставку оружія Американцамъ, завелъ свои корабли и пускалъ ихъ воевать съ Англичанами. Правительство Соединенныхъ Штатовъ осталось передъ нимъ въ долгу и только въ 1835 г. оно выплатило около милліона франковъ его наследникамъ. Другое предпріятіе—изданіе полнаго собранія сочиненій Вольтера, за которое Бомарше принялся въ 1779 г. Дѣло это затѣялъ Бомарше на широкую ногу. Издавать во Франціи было невозможно, потому что громадное большинство сочиненій Вольтера было запрещено. И вотъ Бомарше завелъ типографію въ маркграфствѣ Баденскомъ, въ городѣ Келѣ, на самой французской границѣ. Но при этомъ онъ заручился въ министерствѣ обѣщаніемъ со стороны Морепа, что его предпріятію будутъ покровительствовать и что онъ не встрѣтитъ затрудненій въ распространеніи своего изданія во Франціи. Мало того, директоръ почтоваго вѣдомства обѣщалъ ему съ своей стороны содѣйствіе и дѣйствительно оказывалъ ему впоследствии

большія услуги. Все это—краснорѣчивыя указація на тотъ страшный разладъ между понятіями и учрежденіями, о которомъ я уже не разъ вамъ говорилъ. Бомарше сразу сталъ готовить два изданія Вольтера, всего—около 170 томовъ. Редакція была поручена Кондорсе. Это изданіе подъ названіемъ «Келевскаго» до сихъ поръ не утратило библиографическаго значенія: здѣсь впервые была собрана корреспонденція Вольтера и написаны комментаріи къ его сочиненіямъ. Замѣчательно, что Бомарше уважилъ просьбу императрицы Екатерины и выпустилъ ея переписку съ великимъ философомъ съ нѣкоторыми сокращеніями. Впрочемъ, на этомъ предпріятіи Бомарше потерпѣлъ неудачу: изданія его не могли окупиться, стояли слишкомъ дорого, томы выходили довольно медленно, а между тѣмъ стояли 80-е года и публика, увлеченная памфлетами, летучими произведеніями, не особенно ревностно раскупала многотомное собраніе. Тѣмъ болѣе, что наиболѣе пикантные трактаты и статьи Вольтера ходили по рукамъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ.—Мы подошли теперь къ тому моменту въ жизни Бомарше, когда слава его достигла высшей степени, — къ моменту представленія знаменитой *Свадьбы Фигаро*.

Исторія *Свадьбы Фигаро* глубоко поучительна. Въ исторіи разсматриваемой нами эпохи нѣтъ эпизода, въ которомъ социальная нескладница того времени выступала бы рельефнѣе и ярче. Обстоятельства, которыми сопровождалась постановка на сцену знаменитой пьесы, обнаруживаютъ передъ нами во всей наготѣ полнѣйшую несостоятельность стараго режима. Старый государственный строй былъ публично опозоренъ на сценѣ, при рукоплесканіяхъ всего французскаго общества и самихъ представителей отживавшихъ порядковъ. Подобные факты возможны только наканунѣ великихъ переворотовъ, когда существующая организація общества держится только формально, когда она осуждена всѣми умами и доживаетъ свои послѣднія минуты, готовая разсыпаться, разлетѣться въ дребезги при первой попыткѣ къ общественному пересозданію.

За два года передъ представленіемъ *Свадьбы Фигаро*, пьесу читали королю Людовику XVI. «Это никуда не годно», сказалъ король; «она никогда не будетъ представлена. Нужно разрушить сначала Бастилію,—иначе допустить представленіе будетъ опасною непослѣдовательностью. Человѣкъ этотъ глумится надъ всѣмъ, что слѣдуетъ уважать въ государствѣ. Вы можете быть увѣрены», сказалъ онъ,

обратившись къ королевѣ, которая гораздо мягче относилась къ комедіи Бомарше, «что пьеса сыграна не будетъ». И однако «опасная непослѣдовательность» была совершена черезъ два года,—одна изъ тѣхъ многочисленныхъ «непослѣдовательностей», которыми преисполнена эпоха... Бомарше сталъ хлопотать о своей пьесѣ. Замѣтите, что этотъ «опасный» авторъ, этотъ фрондеръ, написавшій революціонную пьесу, былъ въ нѣкоторомъ родѣ оффиціознымъ значительнымъ лицомъ и имѣлъ обширныя связи во всѣхъ сферахъ общества. Къ его совѣтамъ прибѣгаютъ министры. Въ немъ нуждаются, онъ— «дѣлецъ». Сегодня онъ толкуетъ съ министромъ объ откупахъ, завтра онъ хлопочетъ о подаркѣ, который король готовитъ королевѣ: онъ мастеръ на все, между прочимъ—и на революціонную комедію, о которой онъ теперь хлопочетъ. Сначала онъ читаетъ свою пьесу въ избранныхъ кружкахъ. Публика начинаетъ интересоваться. Эти чтенія становятся модными. Въ обществѣ то и дѣло говорятъ, рассказываютъ одинъ современникъ: я слушалъ или я буду слушать пьесу Бомарше. Затѣмъ, почитавши тамъ и сямъ, Бомарше запираетъ свою пьесу и отказывается отъ чтеній. Любопытство возбуждено еще болѣе. Къ нему ходятъ бары, высокопоставленныя лица: отказъ и отказъ. Приѣзжаетъ въ Парижъ русскій наследникъ, будущій императоръ Павелъ, и проситъ Бомарше прочитатъ пьесу, о которой гремитъ весь Парижъ. Бомарше соглашается и затѣмъ пользуется этимъ случаемъ, чтобъ обратиться къ начальству за разрѣшеніемъ представленія. Ему отказываютъ. Но публика требуетъ все настойчивѣе *Свадьбы Фигаро*. Получается какими-то путями разрѣшеніе, весь дворъ запасается билетами, сѣвжаются экипажи, но, вдругъ, передъ самымъ началомъ представленія, приносятъ спеціальнй приказъ короля, запрещающій представленіе. Публика въ негодованіи, громко говоритъ о тиранніи и о насиліи. Бомарше, рассказывая современникъ, въ самой залѣ спектакля говоритъ публикѣ: «Господа, онъ (король) не хочетъ, чтобъ комедія моя была здѣсь представлена; а я надѣюсь, что поставлю ее на сцену въ самомъ соборѣ Нотр-Дамъ». Дѣйствительно черезъ нѣсколько времени знать, которая едва ли не болѣе всѣхъ хлопотала о представленіи, добивается позволенія разыгратъ пьесу на частномъ спектаклѣ, у графа Водрѣля. «*Путь спасенія внѣ Свадьбы Фигаро*», наивно писалъ въ это время графъ Водрѣль. Тутъ Бомарше съ ловкостью интригана упрямятся.



Онъ проситъ новаго цензора для своей пьесы, онъ не хочетъ шутить, ему нужно формальное разрѣшеніе. Дѣло сдѣлано, пьеса сыграна на частномъ театрѣ въ присутствіи всего двора и графа Артуасскаго. Тогда Бомарше требуетъ публичнаго представленія. Назначаютъ новыхъ цензоровъ, которые одобряютъ комедію, и вотъ «опасная непоследовательность» совершается. Въ 1784 г. *Свадьба Фигаро* представлена на французскомъ театрѣ. Въ день перваго представленія весь Парижъ съ утра толпился у входа въ театръ, трехъ человекъ раздавили, двери были выломаны, полицію разогнали. Весь бомондъ присутствовалъ на представленіи. Бомарше сидѣлъ въ боковой ложѣ съ двумя аббатами, съ которыми онъ весело пообѣдалъ и которыхъ захватилъ съ собою въ театръ, для того, чтобъ, какъ говорилъ онъ, въ случаѣ очень сильнаго потрясенія или даже внезапной смерти, имѣть подъ рукою духовную помощь...

Меня не касаются художественныя достоинства и недостатки *Свадьбы Фигаро*, и я ограничусь указаніями на общественно-историческій смыслъ пьесы. Это — комедія социальная; авторъ задался цѣлью изобразить лица, связанныя съ извѣстною эпохой и опредѣленной общественной обстановкой, — людей стараго режима. Затрудненія, которыя пьеса Бомарше встрѣчала при постановкѣ, интересъ, съ которымъ публика слѣдила за ея судьбами, громаднѣйшій успѣхъ ея на парижской сценѣ обусловливались ея социальнымъ характеромъ: Бомарше рисовалъ не какія-нибудь общія фигуры — честолюбца, лицемерна, скупого, интригана, — отрѣшенные отъ опредѣленнаго мѣста и времени, — а выводилъ образы, ярко окрашенные колоритомъ своего вѣка, приуроченные къ условіямъ общественной жизни XVIII столѣтія. Современная Франція ему была хорошо извѣстна: онъ терся въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, присмотрѣлся къ цѣлямъ и интересамъ, стоявшимъ на очереди, самъ лично испыталъ нужды и тревоги своего поколѣнія. Литературнымъ результатомъ воспринятаго и пережитаго явились его обѣ комедіи: *Севильскій Цирюльникъ* и *Свадьба Фигаро*. Главныя дѣйствующія лица въ обѣихъ комедіяхъ — одни и тѣ же, тенденціи обоехъ произведеній схожи, но то, что въ *Севильскомъ Цирюльникѣ* намѣчено слегка и въ общихъ чертахъ, — получаетъ въ *Свадьбѣ Фигаро* болѣе полное и рельефное выраженіе. Дѣло идетъ о борьбѣ двухъ общественныхъ классовъ: феодальнаго и мѣщанскаго. Борьба разыгрывается между представителями

означенныхъ классовъ и сопоставленіе этихъ двухъ представителей, сравнительная характеристика графа Альмавивы и цирюльника Фигаро лежатъ въ основѣ знаменитой комедіи. Альмавива не въ силахъ провести своего плана, не въ силахъ одолѣть цирюльника, — и остается въ дуракахъ. Фигаро одерживаетъ побѣду: нельзя ее назвать славной, блестящей, торжественной, но она прибыльна, онъ сходитъ со сцены съ крупнымъ барышемъ. Такова основная социальная тема комедіи... Между героемъ пьесы и ея авторомъ замѣтно самое близкое родство. Бомарше рисовалъ приключенія Фигаро, вспоминая свои собственные похождения; своему цирюльнику онъ сообщилъ свои личныя замашки и поползновенія. Фигаро такой же аферистъ, такой же ловкій, находчивый, способный дѣлецъ, какъ и Бомарше. Это — темный, средній человекъ своего времени, страстно желающій выбиться въ люди, пускающійся на всевозможныя затѣи и интриги, принужденный бороться съ тѣми многочисленными препятствіями, которыя старый порядокъ противопоставлялъ дѣятельности непривилегированнаго человека. На сторонѣ Фигаро личная энергія и талантъ, а между тѣмъ способностямъ его нельзя свободно распускаться, на своемъ пути онъ постоянно сталкивается съ преградами, воздвигнутыми старымъ общественнымъ строемъ въ защиту родовыхъ преимуществъ. Люди, какъ гр. Альмавива, пользуются высокимъ общественнымъ положеніемъ и всѣми выгодами, соединенными съ нимъ, въ силу одного своего происхожденія: за ними нѣтъ личнаго достоинства, обстановка не требуетъ отъ нихъ личныхъ усилій, они поставлены внѣ конкуренціи съ самага дня ихъ рожденія и унаслѣдованныя преимущества ихъ охраняются самими учрежденіями. И вотъ, сравнивая свое социальное положеніе съ положеніемъ Альмавивы, Фигаро усматриваетъ вопіющую несправедливость въ томъ общественномъ порядкѣ, который надѣляетъ преимуществами небольшую группу лицъ и запираетъ ходъ для большинства, обреченнаго на безправіе, произволъ и эксплуатацію. Фигаро не хочетъ болѣе смиренно переносить свою долю: онъ сознаетъ свое умственное превосходство и поднимаетъ злобный протестъ, который находитъ отголосокъ во всемъ современномъ ему поколѣніи среднихъ людей. Въ теченіе всей пьесы люди и бытовыя формы стараго режима служатъ предметомъ для его остроумныхъ и злыхъ выходокъ. Въ пятomъ актѣ протестъ Фигаро выливается въ формѣ грознаго монолога, за развитіемъ котораго публика прошлаго столѣтія

слѣдила съ особенно жгучимъ интересомъ. Этотъ знаменитый монологъ вторилъ въ то время стремленіямъ цѣлаго класса, высказывалъ негодующую злость всего мѣщанскаго люда, поднимавшаго голову и готовившагося завладѣть исторіей.

«Что сдѣлали вы, чтобы пользоваться всѣми этими благами? Вы дали себѣ трудъ родиться, и ничего болѣе. Самъ по себѣ этотъ графъ—человѣкъ дюжинный. Напротивъ мнѣ, темному человѣку, затерянному въ толпѣ,—мнѣ пришлось для того только, чтобы поддержать свое существованіе, пустить въ ходъ болѣе знанія и болѣе ловкости, чѣмъ было употреблено за цѣлыя сто лѣтъ на управленіе всѣми Гішпаніями... Что можетъ быть причудливѣе моей судьбы! Сынъ неизвѣстно кого,—украденный бандитами, воспитанный въ ихъ нравахъ,—почувствовавъ отвращеніе къ этой средѣ, я задумалъ выбрать честную дорогу; и повсюду меня отталкиваютъ. Я учусь химіи, фармаціи, хирургіи и, покровительствуемый знатной особой, съ трудомъ могу попасть только въ ветеринары. Присвучило мучать больныхъ скотовъ, и я берусь за совершенно противоположное ремесло, бросаюсь съ головой въ драматургію, стряпаю комедію изъ быта сералай. Находясь въ Испаніи, я предполагаю возможнымъ безцеремонно фрондировать Магомета; но тотчасъ посланникъ какого-то царства жалуется, что я оскорбляю своими стихами Высокую Порту, Персію, часть Остъ-Индскаго полуострова, королевства Барка, Триполи, Туниса, Алжира и Марокко; и вотъ моя комедія прихлопнута въ удовольствіе какимъ-то магометанскимъ принцамъ... Поднимается вопросъ о природѣ богатства, и такъ какъ вовсе не требуется обладать богатствами, чтобы о нихъ рассуждать,—безъ гроша денегъ въ карманѣ, я пишу о цѣнности денегъ и о прибыляхъ: меня хватаютъ, вѣдутъ сажать въ замокъ,—пропала надежда и свобода!—Прокармливать темнаго арестанта—надоѣло, и въ одинъ прекрасный день меня выпускаютъ; хотя я очутился свободнымъ, но обѣдать все-таки нужно: я снова чиню перо и спрашиваю у встрѣчныхъ, о чемъ теперь идетъ рѣчь. Мнѣ говорятъ, что во время моего заключенія въ Мадритѣ установилась полная свобода на продажу продуктовъ, которая распространяется даже на продукты печати; и что если я въ своихъ сочиненіяхъ не буду говорить ни объ властяхъ, ни объ исповѣданіяхъ, ни о политикѣ, ни о морали, ни о должностныхъ лицахъ, ни объ уважаемыхъ корпораціяхъ, ни объ оперѣ, ни о другихъ спектакляхъ, ни о комъ, кто имѣлъ бы до кого-нибудь какое-

либо дѣло,—я могу свободно печатать все, подъ наблюденіемъ двухъ или трехъ цензоровъ. Чтобы воспользоваться этой сладкой свободой, я объявляю объ изданіи повременнаго органа, которому даю заглавіе: *Безполезный журналъ*, рассчитывая такимъ образомъ никому не помѣшать. Не тутъ-то было. Противъ меня возстаетъ цѣлая орава сволочи: журналъ прихлопываютъ, и я снова безъ занятій.—Мною овладѣваетъ отчаяніе; открывается мѣсто, меня имѣютъ въ виду, но, въ моему несчастью, я именно оказываюсь способнымъ его занять: нуженъ былъ хорошій счетчикъ, и потому мѣсто дали танцмейстеру. И т. д., и т. д.»

Эпизоды изъ своего прошлаго Фигаро рассказываетъ и въ *Севильскомъ цирюльничкѣ*. Та же лихорадочная дѣятельность и скачка съ препятствіями, что у самого Бомарше. Притомъ та же страсть къ деньгамъ и къ наживѣ, которую мы видѣли въ самомъ Бомарше и которой доселѣ осталась вѣрной буржуазія. Въ Фигаро, какъ и въ Бомарше, много темныхъ, непривлекательныхъ сторонъ. Это люди спекуляціи и интриги, страстные и неразборчивые въ конкуренціи. Но въ этотъ періодъ темные элементы мѣщанства не выступаютъ во всей рельефности. Мѣщанство до 1789 года протестуетъ, борется, воюетъ съ традиціей, съ преимуществами и привилегіями верхняго класса; оно идетъ заодно со всей массой, со всѣмъ большинствомъ противъ отживающаго феодализма...

Кромѣ этого новаго революціоннаго типа Фигаро, привлекавшаго симпатіи новыхъ общественныхъ классовъ, вся комедія была пересыпана остротами, колкостями, шутками, направленными противъ того или другаго явленія разлагавшагося государственнаго порядка. Публика съ восторгомъ привѣтствовала эту драматическую сатиру. Успѣхъ *Свадьбы Фигаро* на сценѣ былъ полный: ею наслаждался весь Парижъ. Правительство снова показало свою безтактность и снова совершило рядъ непоследовательностей. Успѣхъ разрѣшенной имъ комедіи не мало смущалъ высшія сферы. Выѣстъ съ тѣмъ враги Бомарше обличали злокачественную тенденцію его пьесы, толковали его намеки, нападали на него съ клеветами. Одно изъ тѣхъ невѣроятныхъ обвиненій, которымъ въ то время подвергся Бомарше, въ конецъ разсердило короля Людовика XVI. За варточнымъ столомъ онъ написалъ карандашомъ на пиковой семеркѣ приказъ арестовать Бомарше и заключить его въ тюрьму С. Лазарь, предназначенную

для исправленія несовершеннолѣтнихъ развратниковъ. Нельзя было придумать ничего абсурднѣе этой мѣры: къ произвольному распоряженію присоединилось намѣреніе оскорбить, обезчестить Бомарше. Его, — человѣка съ солиднымъ общественнымъ положеніемъ, бывшаго правительственнаго агента, стоявшаго во главѣ громаднхъ предпріятій — произвольно схватили и заперли съ провинившимися мальчижами: такой промахъ рѣзко бросался въ глаза, вызывалъ недоумѣніе въ публикѣ. Послѣдовали новыя ошибки, новыя куріозы. На пятый день приказано было освободить Бомарше. Его освободили почти насильно, ибо онъ требовалъ суда и хотѣлъ оставаться въ тюрьмѣ до полного разъясненія дѣла. Правительство старалось всячески загладить свою оплошность. Вслѣдъ за освобожденіемъ Бомарше дано было блестящее представленіе его комедіи, на которомъ присутствовали всѣ министры. Мало того, на частномъ королевскомъ театрѣ въ Трианонѣ, въ интимномъ кружкѣ королевы разыгранъ былъ *Севильскій Цирюльникъ* и авторъ былъ приглашенъ присутствовать при представленіи. Розину играла сама королева, графъ Артуасскій взялъ роль Фигаро, графъ Водрель игралъ Альмавиву... Въ то же время автору *Свадьбы Фигаро* было выплачено правительствомъ около милліона франковъ, въ счетъ его прежнихъ издержекъ по казеннымъ операціямъ. Такъ пугалось и терялось въ непослѣдовательностяхъ правительство отживавшаго режима.

Бомарше продолжалъ свою тревожную жизнь афериста и литератора. Онъ опять судился, опять имѣлъ процессъ, опять затѣялъ предпріятіе. Въ 1787 г. онъ поставилъ на сцену новую куріозную пьесу, написанную также во вкусъ эпохи. Это была политическая и философическая опера подъ заглавіемъ *Тараръ*. Философическія ученія XVIII вѣка, его политическія воззрѣнія, физика, космологія, теорія тяготѣнія—все это вошло въ причудливое либретто Бомарше, къ которому извѣстный въ то время композиторъ Сальери написалъ музыку. Въ прологѣ геній Натуры и геній Огня совмѣстно создавали живыя существа, — дѣйствующія лица, которымъ предстояло фигурировать въ оперѣ. Они творятъ азіатскаго деспота Атара и добродѣтельнаго воина Тарара. Пьеса проходитъ въ борьбѣ между деспотомъ и Тараромъ, представляющимъ новое воплощеніе типа Фигаро. Въ концѣ концовъ Тараръ-Фигаро побѣждаетъ, Атаръ самъ закалывается, а народъ выбираетъ себѣ въ короли доблестнаго

и умнаго Тарара. На сценѣ снова появляются оба генія, которые заключаютъ пьесу торжественнымъ пѣніемъ дидактическаго четверостишія:

Mortel, qui que tu sois, prince, brahme ou soldat,  
Homme, ta grandeur sur la terre  
N'appartient point à ton état,  
Elle est toute à ton caractère.

Смысль басни сей тотъ же, что и въ прежнихъ произведеніяхъ Бомарше: дѣло не въ происхожденіи, не въ званіи и состояніи чело-вѣка, а въ его личномъ достоинствѣ. Публика внимала съ благоговѣніемъ пьесѣ, которая носила на себѣ ясныя признаки произведе-нія революціонной эпохи. Тараръ стоитъ у самаго преддверія фран-цузской революціи.

Съ наступленіемъ самой революціи Бомарше постепенно стирается и теряетъ свой задоръ. Онъ разжился, разбогатѣлъ, переворотъ лично для него уже не представляетъ благопріятныхъ условій. Притомъ революціонные дѣятели относились къ нему со справедливымъ недо-вѣріемъ. На его прошедшемъ лежало множество темныхъ пятенъ, всѣмъ извѣстны были его тѣсныя связи съ тѣмъ самымъ режимомъ, который былъ опозоренъ въ его комедіяхъ. «Непорочные» револю-ціонеры отъ него сторонились, консерваторы не жаловали его, толпа относилась съ недовѣріемъ къ богатому аферисту. Положеніе его было двусмысленное и непрочное; у него производились обыски. Бомарше взялъ снова подряды, неудачно велъ дѣла и умеръ въ концѣ сто-лѣтія за границую.

---

Пзъ другихъ сочиненій, непосредственно предшествовавшихъ революціи, едва ли не самыми замѣчательными и громкими были памфлеты аббата Сіеса, любопытной и характерной личности, о кото-рой я теперь и скажу нѣсколько словъ. Сіесь—литераторъ и виѣстѣ съ тѣмъ извѣстный дѣятель революціи. Его памфлеты приводятъ насъ къ самому моменту революціоннаго взрыва.

Сіесь былъ однимъ изъ многочисленныхъ аббатовъ-вольнодумцевъ, вскормленныхъ старымъ режимомъ. Это были люди, съ дѣтства пред-назначенные къ духовной карьерѣ, не чувствовавшіе никакого призванія къ пастырскому поприщу и съ молодыхъ лѣтъ охваченные просвѣти-тельнымъ вѣяніемъ эпохи. Всюду врывается философическій духъ: отъ

него не могли оградить юношу стѣны духовнаго училища и богословской семинаріи. Эти «невольные» клирики еще въ юности разставались съ традиціонными вѣрованіями; по человѣческой слабости они сохраняли свое званіе ради связанныхъ съ нимъ бенефіцій, по затѣмъ ни мало не походили на настоящихъ мужей церкви. Молодой Сіесъ готовился въ артиллеристы или въ инженеры, но по волѣ родителей поступилъ въ знаменитую семинарію св. Сульпиція. Онъ склонился передъ судьбой, рассказываетъ его автобіографія, такъ—какъ покоряются закону необходимости. Духовное начальство давало о молодомъ теологѣ слѣдующую аттестацію: «Сіесъ имѣетъ большія способности къ наукамъ, но слѣдуетъ опасаться, какъ бы занятія не воспитали въ немъ вкуса къ новымъ философскимъ принципамъ. Собственно къ церковному служенію онъ вовсе не годится». Дѣйствительно, Сіесъ съ увлеченіемъ вчитывался въ новыя философскія системы, учился по Локку, Кондильяку и Вольтеру. Окончивъ свой курсъ и получивъ нехлопотливое назначеніе, онъ углубляется въ просвѣтительныя теоріи и занимается самыми разнообразными теоретическими вопросами. Его страстью было абстрактное вѣдѣніе. Фактовъ, конкретныхъ данныхъ онъ не любилъ. Это былъ упорный систематикъ, который съ пренебреженіемъ относился къ цестрому разнообразію фактическихъ данныхъ, не укладывавшихся подъ его отвлеченныя рубрики. Ему нужна была прежде всего логическая стройность, симметрія, архитектуроника, и если какія-либо млтежныя явленія не ладились къ зарпѣ придуманной имъ рамкѣ, онъ предпочиталъ устранить явленія и сохранить свою завѣтную рамку. Я уже не разъ указывалъ вамъ на эту слабую сторону «просвѣтителей», на ихъ страсть къ отвлеченіямъ, къ неполнымъ обобщеніямъ, на ихъ высокоумѣнное отношеніе къ факту. Этотъ искусственный архитектуронизмъ особенно замѣтенъ на второстепенныхъ дѣятеляхъ XVIII столѣтія, которые стремились свести ученія своихъ наставниковъ, свѣтилъ эпохи, въ законченныя, систематическія, абсолютныя теоріи. Мы видѣли его между прочимъ у Гельвеціуса. Съ особенною ревностью Сіесъ занимался вопросами политическими. Исторія не приходилась ему по плечу; по мнѣнію Сіеса политическая наука вѣдаетъ то, что *должно быть*, а не то, что *есть*, а потому, ошибочно заключаетъ онъ, нечего изучать прошедшее, нечего комбинировать *рабскія* идея, порожденныя стариной. Долой исторію,

и да здравствует чистый разум! Въ философическихъ салонахъ того времени Сіесь извѣстенъ былъ за глубокаго политическаго мыслителя; отъ него ожидали великихъ открытій; надѣялись, что онъ создастъ совершенно новую соціальную науку, столь же точную, какъ науки физико-математическія. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, американецъ Моррисъ въ 1791 г. «...въ три часа иду обѣдать къ M-me de Staël; тамъ нахожу аббата Сіеса; онъ разсуждаетъ съ большою увѣренностью о наукѣ управления и высказываетъ презрѣніе ко всему, что было объ этомъ до него написано. M-me de Staël говоритъ, что сочиненія аббата создадутъ новую эру въ политикѣ, подобно тому, какъ творенія Ньютона создали новую эпоху въ физикѣ». Полная политическая система аббата Сіеса такъ и осталась ненаписанной; приложенія этой системы онъ пытался нѣсколько разъ провести въ эпоху Директоріи и Консульства: они оказались, какъ и можно было ожидать, — неудачными. Но имя его для насъ связано съ знаменитыми памфлетами, которые были изданы имъ наканунѣ революціи. Здѣсь дѣло шло объ окончательномъ разрушеніи привилегированнаго феодальнаго государства. Сіесь выступилъ съ отрицательной программой и выразилъ ею стремленія новаго буржуазнаго класса. Программа уже ясно сказывалась въ брошюрѣ Сіеса: *О привилегіяхъ*, и затѣмъ получила законченное выраженіе въ другой брошюрѣ: *Что такое третье сословіе?*— Это былъ манифестъ французской ротюры, предпосланный открытой политической борьбѣ ея со старымъ порядкомъ... Въ эти послѣдніе годы стараго режима, въ 1788 и началѣ 1789 г., когда уже шло дѣло о собраніи Генеральныхъ Штатовъ, памфлеты сыпались одинъ за другимъ; одинъ за другимъ обсуждались вопросы, подлежащіе практическому разрѣшенію, завязывались горячія иренія. Сіесь подвелъ итоги господствующему желанію. Точно, кратко, неумолимо изложилъ онъ требованія новыхъ людей. Что такое третье сословіе? На самомъ дѣлѣ, фактически, это — все, это полная и цѣлая нація, говоритъ Сіесь. Между тѣмъ, что такое третье сословіе юридически, какими правами оно пользуется, какова его политическая роль? Съ этой точки зрѣнія, говоритъ Сіесь, оно ничто. И вотъ онъ заключаетъ, что это третье сословіе, заключающее въ себѣ всю націю и однако лишнее политическаго значенія, хочетъ стать чѣмъ-нибудь, хочетъ завоевать себѣ извѣстныя права, извѣстное участіе въ политической



жизни. Обращаясь къ обоимъ привилегированнымъ классамъ, онъ въ краткихъ словахъ указываетъ, какія реформы слѣдуетъ провести въ организаціи духовенства. Исключительныя церковныя привилегіи должны быть уничтожены; духовенство, категорически замѣчаетъ Сіесъ, не должно быть сословіемъ, это — *профессія*; его исключительное юридическое положеніе должно кончиться. Гораздо рѣже относится онъ къ другому привилегированному классу—къ родовой аристократіи. Сіесъ высчитываетъ приблизительно число дворянъ во Франціи и находитъ, что число это немногимъ превышаетъ 100 тысячъ душъ. Оба верхніе класса—дворянство и духовенство—составляютъ приблизительно 200 тыс. и эти-то 200 тыс. пользуются преимуществами насчетъ 25 милліоновъ населенія. Сіесъ совершенно вѣрно замѣчаетъ относительно современной ему аристократіи, что она составляетъ только бремя націи, что она на самомъ дѣлѣ представляетъ какое-то постороннее тѣло, питающееся на счетъ большинства и не участвующее въ общественной службѣ. Въ прежнее время въ средніе вѣка, феодалы дѣйствительно несли кое-какую службу: на нихъ лежали дѣйствительно обязанности—оборона страны, судъ, администрація. Въ XVIII столѣтіи вся реальная служба перешла въ руки третьяго сословія, а за аристократіей — остались однѣ привилегіи, праздность и тщеславіе. Сіесъ касается и той исторической теоріи, которой аристократія пыталась оправдать свои привилегіи. Она возводила свои преимущества къ эпохѣ завоеванія Франками Галліи; аристократы считали себя потомками франкскаго племени, а третій классъ рассматривали, какъ потомковъ галло-римскаго населенія, покореннаго Франками. (Теорія эта впоследствии получила блестящее развитіе у Ог. Тьері.) На такіе доводы Сіесъ отвѣчаетъ весьма остроумно: аристократія основываетъ свои привилегіи на правѣ завоеваній, а мы отнесемъ наши къ году, предшествовавшему завоеванію. Я думаю, что происхожденіе отъ Галловъ и отъ Римлянъ стоитъ происхожденія отъ Сикамбровъ и другихъ дикарей, вышедшихъ изъ германскихъ дебрей. На это можетъ быть возразить, продолжаетъ Сіесъ, что фактъ завоеванія измѣнилъ всѣ существовавшія отношенія и что благородство по праву перешло послѣ завоеванія къ Франкамъ. Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же дѣло? Переведемъ это благородство опять на нашу сторону, и третій классъ снова сдѣлается благороднымъ, ставши въ свою очередь завоевателемъ. Такъ

указывалъ Сіесъ на дѣйствительно совершавшійся фактъ, на дѣйствительную метаморфозу, происходившую въ этотъ моментъ въ самомъ обществѣ: третій классъ становился завоевателемъ. Правда, въ результатѣ дѣйствительнымъ завоевателемъ оказался не весь третій классъ, а его верхній пластъ—мѣщанство..

Съ памфлетами Сіеса мы дошли до 1789 г. — до момента собранія Генеральныхъ Штатовъ.



## ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловіе . . . . .	III
I. Просвѣтительная литература XVIII столѣтія . . . . .	1
II. Пьеръ Бейль . . . . .	11
III. Другіе предшественники вольнодумцевъ . . . . .	25
IV. Вольтеръ.—Общая характеристика . . . . .	37
V. Вліяніе англійскихъ мыслителей на Вольтера . . . . .	47
VI. Деизмъ Вольтера . . . . .	58
VII. Ученіе о свободной волѣ въ сочиненіяхъ Вольтера . . . . .	73
VIII. Теорія морали.—Естественно-научные труды Вольтера . . . . .	83
IX. Вольтеръ, какъ историкъ . . . . .	94
X. Драматическія и эпическія произведенія Вольтера въ 30-хъ и 40-хъ годахъ . . . . .	106
XI. Монтескьё.—«Персидскія письма».—«Духъ Законовъ» . . . . .	118
XII. Французское общество въ половинѣ XVIII вѣка . . . . .	151
Третье сословіе.—Общественная жизнь.—Литература и книги.—Всеобщее броженіе.	
XIII. Великая Энциклопедія . . . . .	174
XIV. Вольтеръ послѣ 1750 г.—Его пребываніе при дворѣ Фридриха Великаго . . . . .	184
XV. Борьба Вольтера съ католицизмомъ.—Дѣло Каласа.—Завѣщаніе священника Жана Мелье . . . . .	193
XVI. Полемическіе труды Вольтера по еврейскимъ и христіанскимъ древностямъ . . . . .	208
XVII. Вліяніе Вольтера на современниковъ . . . . .	219

	стр.
XVIII. Политическіе и социальныя вопросы у Вольтера.— Умственный его складъ . . . . .	231
XIX. Матеріалисты во вторую половину XVIII вѣка (Дидро, Гельвеціусъ, Гольбахъ). . . . .	247
XX. Физиократы.—Тюрго.—Теорія прогресса . . . . .	266

### Приложеніе.

XXI. Руссо. — Первые произведенія . . . . .	301
XXII. Масонство и мистическія ученія во Франціи XVIII столѣтія . . . . .	320
XXIII. Бомарше и аббатъ Сіесть . . . . .	331

